

ИНДЕКС 73376 (Распечатать)
51845 (МАП)

СЕВЕР

11
+
12

20
15

СЕВЕР

11+12
2015
ISSN 1021-022X

В номере:

Город нашего детства
Маэстро цыганского джаза
Остров, похожий на бумеранг
Пленник «Святой Анны»

ПАМЯТНИКИ И СКУЛЬПТУРЫ ПЕТРОЗАВОДСКА

Основатель
Петрозаводска
Петр Великий

Первый губернатор
Олонецкой губернии
Степан Романович
Дальматин

Скульптура
на набережной
Онежского озера
«Мать»

Скульптура
на набережной
Онежского озера
«Место встречи»

Читайте
журнал «Север»!

Дорогие читатели!
Подписку на журнал «Север»
на 2016 год

можно оформить в любом отделении
почтовой связи
по каталогу «Роспечать»
Почтовый индекс — 73375
Периодичность выходов —
раз в два месяца (6 номеров в год)
Подписная цена на полугодие — 540 р.
Также можно подписаться на журнал
через редакцию:

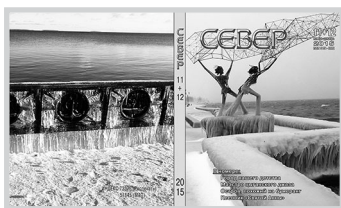

Цена редакционной подписки
за полгода без почтовых расходов — всего 300 р.

Подписка с доставкой
по «Почте России» - 450 р.
Справки по e-mail: sever@karelia.ru
или по телефону 8(8142) 78-47-36

П О Э З И Я

- Олег ВОРОПАЕВ** «ВЕРА (12+) В ПОПУТНЫЕ ВЕТРЫ...» **3**
- Егор ПЕРЦЕВ** «Я ГОРСТЬ ВОДЫ (12+) У МИРА НА ЛАДОНЯХ...» **51**

П Р О З А

- Андрей ТОЛСТЫХ** ТРИ СТУПЕНЬКИ К УНИТАЗУ; ВОЛКИ; БРИГАДА; ГОЛОС ИЗ КОМПЬЮТЕРА; ЖЕЛЕЗНЫЙ ГЕРЦЕН, *рассказы* (12+) **5**
- Андрей ЦУНСКИЙ** РЫЦАРИ, *повесть* (12+) **120**
- Светлана ЗАХАРЧЕНКО** БОГ ДОРОГИ; РОЖДЕСТВО. ДОРОГА ДОМОЙ; (12+) СВЕТЛЫЙ АНГЕЛ, *рассказы* **154**
- Геннадий РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН** ЗЕМЛЯ ЖИВЫХ, *роман* (журнальный вариант) окончание (16+) **168**
- Александр РУЛЁВ-ХАЧАТРЯН** КОЛОСКИ, КОЛОСОЧКИ; ОДНАЖДЫ СВЕТЛЫМ УТРОМ, *рассказы* (12+) **224**

Л И Ч Н Ы Й А Р Х И В

- Валерий ВЕРХОГЛЯДОВ** КОГДА ЗЕМЛЯ (12+) БЫЛА ПЛОСКОЙ **18**

Литературный конкурс журнала «Север» СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА

- Роман КАЗИМИРСКИЙ** (12+) ЗЕЛЕНЫЙ ШЕПОТ, *повесть* **52**
- Анна СОСНОВА** «НА ОЗЕРНОМ БЕРЕГУ (12+) СЯДУ ТИХАЯ...», *стихи* **152**

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

- Александр КОСТЮНИН** АБХАЗИЯ: ВОЙНА И МИР (*дневники поездки*) окончание (12+) **64**
- Александр ЕРШОВ** ОСТРОВ, ПОХОЖИЙ (12+) НА БУМЕРАНГ **96**

М О Н П А Н С Ь Е

- Андрей СУНГУРОВ** «МНЕ ОЧЕНЬ НУЖНО, МНЕ ОЧЕНЬ НАДО...», *стихи для детей* (6+) **118**

СЕВЕР

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ

Алексей ПЛЕННИК «СВЯТОЙ АННЫ» (12+)
КУДРЯШОВ (очерк-расследование) **160**

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Михаил ГОЛУБКОВ ВРЕМЯ НАСТАЛО: (12+)
Дарья Кротова Сергей Куняев о Николае Клюеве и его эпохе **229**

Дмитрий ГОРОХ ПИР НАРОДОВ (12+)
НА ЗЕМЛЕ ВИРА **233**

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2015 ГОД **236**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ **240**

При оформлении обложки
использованы фото
Евгения Бородовского,
Валерия Верхоглядова

Журнал «СЕВЕР»

идет по подписке во все регионы России.

Журнал поступает в администрации
областей и республик Северо-Запада.

Содержание журнала не обязательно
отражает точку зрения редакции
на затронутые темы.

За точность фактов и цифр
ответственность несут авторы.

Редакция пока не имеет возможности
платить авторский гонорар.
Авторам высылаются журналы
с их публикациями.

Редакция оставляет за собой право
не вступать в переписку с авторами,
произведения которых не будут
опубликованы.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

При использовании материалов,
опубликованных в журнале, просим
непрерывно ссылаться на «СЕВЕР».

Главный редактор Е.Е. Пиетилиянен

 (8142)

гл. редактор **78 47 36**

отв. секретарь. **78 47 36**

отделы: **78 48 05**

прозы,
поэзии,
публицистики

E-mail:

sever@karelia.ru

Для рукописей:

sever-journal@mail.ru

Наша страница в Интернете:

<http://sever-journal.ru>

Адрес редакции: **185035, г. Петрозаводск,**

Пушкинская, 13, журнал «Север»

Адрес издательства: **185035, г. Петрозаводск,**

Пушкинская, 13, «Север»

АУ редакция журнала «СЕВЕР»

Формат 84x100 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 23,4. Уч.-изд. л. 29,66 Заказ 1415. Тираж 1000 экз.
Типография ООО «4+4». 185007, г. Петрозаводск, пр. Лесной, 51. Верстка выполнена в компьютерном центре журнала «Север».

Подписано в печать 27.10.2015: по графику 12.00, факт. 12.00. Дата выхода в свет: 10.11.2015

г. Петрозаводск, «СЕВЕР», 2015 г.

Олег ВОРОПАЕВ

г. Новопавловск,
Ставропольский край

Олег Владимирович ВОРОПАЕВ

родился в 1963 году в г. Заполярном Мурманской обл.
Окончил сельскохозяйственный факультет ПетрГУ.

Работал зоотехником в хозяйствах
Мурманской области и Карелии,
преподавал биологию в школе.

С 1994 года офицер милиции.

Ветеран боевых действий в Чеченской республике.

В настоящее время проживает на Ставрополье.

Публиковался в центральных
и региональных периодических изданиях.

Автор нескольких книг стихов и прозы.

Член Союза писателей России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

«Вера в попутные ветры...»

КАРЕЛИЯ

Без холода смеха,
без холода грусти,
в дощатом «Париже», не стоящем мессы,
свободные вирши слагать безыскусно
тяжёлому небу и чёрному лесу,
где каждый извечен,
и каждый случаен,
и в соснах закрученных нордовый норов,
и одинокие высверки чаек
острыми клювами жалят озёра.

ДЕТСКИЙ ПОРТРЕТ

Жизнь — это больше, чем перечень лет,
Больше, чем проводы в старость...
Весело смотрит мой детский портрет
На седину и усталость.

Что ему годы грядущих забот,
Скучных дорог километры?
В детской улыбке наивно живет
Вера в попутные ветры.

Мальчик доверчивый, мальчик смешной,
Сердцу не сладить с годами...
Лишь иногда я бываю тобой —
В дни возвращения к маме.

* * *

Давным-давно, когда меня в походе
Сразила печенежская стрела,
И умер я, и жадно птицы зла
Мне выклевали очи на восходе,

Не ты ли долгий век меня ждала?
Не ты ли, сквозь медлительные годы
И осени дождливые исходы,
Из волн небытия меня звала?..

Не верю я, что это повторится.
Другие времена, другие лица.
Истлела печенежская стрела.

И ты со мной... Но чудится порою:
Полынный ветер стонет надо мною,
И ты одна... и в небе птицы зла.

Когда моя внучка вырастет и прочтает рассказы деда, то, вероятно, потребует объяснения, что такое коммунальная квартира, почему люди, не связанные родством, дружбой, жили под одной крышей, пользовались одной кухней, ванной, уборной и на всех был один номер телефона...

Объяснить трудно. Я это понял, когда однажды, уже взрослым, сидел в гостях у приятельницы. Жила она в коммуналке, занимала комнату. Мы пили кофе, когда раздался звонок и появились гости из Франции. Они привезли посылку. Естественно, их пригласили за стол. Беседа шла на французском языке, многого я не понимал, но было ясно, что гости сначала считали, что вся эта квартира принадлежит нашей хозяйке, потом спросили, есть ли у нее еще что-либо, кроме этого помещения, вероятно используемого как офис. Когда же им объяснили, что в этой комнате Анастасия не только принимает гостей, работает (она была переводчиком), но и ест, спит, хранит все свои вещи, что никакого другого жилья у нее нет и что в других комнатах этой квартиры живут чужие люди, иностранцы явно не поверили...

Квартира, где прошло мое детство, была в центре Москвы. Когда-то вся она принадлежала писателю, а в мое время там жили, кроме нас, еще семья сына бывшего владельца, чиновник одного из министерств с дочерью и сыном, профессор-ветеринар В. Потемкина с мужем и дочерью и почти обяза-

Андрей ТОЛСТЫХ

г. Москва

ТРИ СТУПЕНЬКИ К УНИТАЗУ

рассказ

тельный персонаж любой большой коммуналки — одинокая старуха Никаноровна.

Для меня она, шестидесятилетняя, казалась древностью. Но двадцать лет назад, еще до войны, она была в расцвете жизненных сил, был у нее и муж. Он служил в милиции, приходил с дежурств поздно, поднимался по «черной» лестнице и коротко звонил в дверь. Если моя мама не спала, читала или стучала на пишущей машинке, то шла открывать. Выходила из комнаты, по длинному коридору попадала на общую кухню, пересекала ее и шелкала замком.

Милиционер очень вежливо благодарил:

— Спасибо, Анна Александровна. Извините за беспокойство.

В следующую секунду ноги у него подкашивались, и он валился вперед... Прямо на руки выскочившей из-за маминой спины Никаноровны. Она, видимо, уже легла спать, отсюда и опоздание, и ночная рубашка до шиколоток.

Никаноровна привычно обхватывала своего благоверного и как верная боевая подруга несла его через кухню, потом по коридору, упиравшемуся прямо в дверь их семейного гнезда. Муж Никаноровны был пьян в стельку, но, как говорится, себя не забывал...

Он ушел на фронт в первые месяцы войны и погиб.

Никаноровна страдала от одиночества. Ее постоянным собеседником было радио. «Здравствуйте, дорогие советские радиослушатели! Говорит Пекин!» — раздавалось из черной настенной тарелки. И сразу слышался радостный голос Никаноровны:

— А-а-а! Дорогие мои китайцы!

Еще она любила оперы.

«Куда, к-у-у-да, куда вы удали-и-лись...» — сладкоголосо выпевал Сергей Лемешев. И тут же его перекрывал голос соседки:

— И не говори, милый!

Слышали мы Никаноровну хорошо, потому что дверь в свою комнату она не закрывала. Ей необходимо было слышать, что говорят соседи по телефону, который висел в коридоре, видеть, кто к кому пришел.

Наибольшие сложности у нее возникали с нашей комнатой. Дверь в нее была изнутри заперта толстенной портьерой, сильно глу-

шавшей звук. Кроме того, к нам вела отдельная «парадная» лестница. Было нелегко узнать, есть ли у нас гости, кто именно, о чем говорят. У Никаноровны было несколько методов решения этой проблемы.

Самый респектабельный: взять из пенсии пять или еще лучше десять рублей, ворваться без стука в комнату, застыть посередине и быстро крутить головой, выпучив от напряжения глаза.

— Никаноровна, тебе чего? — спрашивала мать.

— У вас разменять не будет?

Хуже, если разменять «было»: купюра исчезла и больше ее не используешь. А если она последняя?!

Тогда безотказно действовало:

— А нет ли у вас луковицы (соли, спичек, лаврового листа)?

Впрочем, соль Никаноровна не занимала много лет. Однажды перед Новым годом пронесся по Москве слух, что после праздника резко подорожают продукты. Все начали запасаться. Потемкины и мы — сахаром, Левины — мукой, а Никаноровна — солью, она и тогда была дешевой. Потом старуха долго всех уговаривала брать соль только у нее...

Но иногда эти способы попасть к нам в комнату были исчерпаны: и крупных купюр нет, и неудобно в который раз занимать спички. Тогда, истомившись без информации, но слыша за стенкой чужие голоса и звуки застолья, Никаноровна в сомнамбулическом состоянии медленно входила в нашу комнату и застывала.

— Никаноровна, тебе чего?

— Нет, нет, ничего, — отвечала старуха, — забыла я, зачем пришла...

И, удовлетворенная, исчезала.

К ней относились хорошо. Однажды соседка Надежда Николаевна вышла на кухню, увидела Никаноровну, стоящую с тарелкой над плитой.

— Никаноровна, хочешь супу?

— Нет, Надежда, ты вчера варила, а Потемкины сегодня утром. Я у ней возьму.

Когда Никаноровна сломала ногу и угодила в больницу на вытяжку, ее ходили навещать жильцы нашей квартиры...

У нас не было скандалов по поводу оплаты электроэнергии за места общего пользования.

Вероятно, делили по количеству людей. Сейчас не помню, да и спросить не у кого, всех разметала жизнь.

А были коммуналки, где этот вопрос стоял во главе угла. В некоторых квартирах каждый жилец имел свои лампочки в ванной, прихожей, кухне, коридоре... Они были подключены к его счетчику. Тут уж споров быть не могло — сколько нажиг, столько и плати. И вот, рассказывал мой приятель, вечером собирались жильцы одной такой коммуналки на кухне, готовили ужин, ставили чай. Каждый зажигал свою лампочку. Жильцов было много, кухня не просто оказывалась хорошо освещенной, в ней можно было делать хирургическую операцию, света хватало бы. Тут выходила одинокая старушка, аналог нашей Никаноровны. Она была бедная, поставить собственный счетчик, да еще смонтировать провода, лампы, денег не было. Но и чужого ей не надо. Поэтому она выходила на залитую светом кухню с зажженной свечой и гордо ставила ее на свой кухонный столик!

Особый тип — старухи из так называемых «бывших». Особенно много их жило в районе Арбата.

По Трубечкому и Дурновскому переулкам, по Молчановке и на Собачьей площадке одна такая старуха выгуливала своего бульдога Мики. Мы, ребята, звали ее Вуль-вулькой. Она разбрасывала крошки воробьям и громко подзывала их: «Вуль-вуль, вуль-вуль...» Ее бульдог был доброй собакой. Вуль-вулька разрешала гладить его, и Мики заглядывал нам в глаза слезливо и сочувственно.

В магазине «Диетический» «бывшая» (обязательно в шляпке, в нитяных перчаточках или митенках, в немыслимой траченной молью пелерине, иногда в пенсне) просила продавца нарезать потоньше 50 граммов «Голландского» сыра...

У моего приятеля были две тетушки из этой уже тогда исчезающей популяции. Жили они в малюсенькой комнатке в огромной коммуналке. Между собой говорили только по-французски.

Племянник регулярно навещал сестер своей матери. Однажды дверь ему открыла одна из

тетушек. Заламывая руки (точно так 50 лет назад это делала на сцене великая Ермолова), она простонала:

— Саша, ты слышал?! Опять война с Австро-Венгрией!

По радио только что объявили: наши войска вошли в Чехословакию. Стояло лето 1968 года...

Но вернемся в коммуналку моего детства. Соседи взяли шефство надо мной, когда на нашу семью обрушилась беда. А потом, когда жизнь наладилась, Надежда Николаевна не оставляла меня своими заботами и не делала большого различия между своим Сашкой и мной.

Ее муж, Самуил Львович Левин, был выдающимся изобретателем. На его шинах советские автомобили совершили пробег по пустыне Каракумы в начале 1930-х годов. Он был его участником, а очки, защищавшие глаза от пыли и солнца, по странному стечению обстоятельств достались мне. Они и сейчас хранятся в ящике моего письменного стола.

В 1955 году инженер Левин был отправлен в длительную поездку во Францию и Голландию. Для нашей коммуналки были полным откровением его рассказы о быте Европы, подарки, привезенные оттуда. Самуил Львович хорошо фотографировал, и нас изумляли смеющиеся лица на улицах. Как же можно веселиться в атмосфере капиталистического Запада?!

Самуил Львович привез Сашке матерчатый козырек на резинке, пакетик жвачки (о ней мы тогда даже не слышали) и водяной пистолет. Такой же набор был подарен и мне!

Прошло полвека, а я и сейчас удивляюсь не только доброте этого человека, но и его знанию ребенка. Он, сделав одинаковые подарки сыну и его другу, соседу по квартире, устранил всякую зависть между мальчишками. Он дал им только радость!

Когда прорубали через паутину арбатских переулков жуткий проспект Калинина, снося особняки пушкинского времени, очаровательные домики в стиле модерн, сбивая кариатиды с фасадов доходных домов, нас переселили на Фили. Мы оказались возле столь известного сейчас Дворца культуры имени Горбунова. Тогда это был пригород Москвы. У нас и адрес начинался словами: поселок Первомайский... Ря-

дом был поселок Орджоникидзе. Ближайшее метро — Киевская. От нее полчаса езды на трамвае и потом 15 минут пешком.

По улицам расхаживали куры, утром пели петуши. Однажды мама сильно задержалась. Ей перегородила дорогу свинья, обойти ее было нельзя, да и мама боялась этих животных.

Новая квартира была меньше и в то же время комфортнее. В самой большой комнате жили мама и я, в другой — маленькая старушка еврейка Перля-Бая Янкелевна, в третьей — ее невестка с сыном. А сын самой Поли Яковлевны (так ее звали все окружающие) сидел в тюрьме.

Поля Яковлевна была в молодости очень хорошенькой, большеглазой, с пышными черными волосами. Она приехала в Москву подростком, но так и не научилась чисто говорить по-русски. Она очень любила родительный падеж («Этих голубей мне опять спать не дали»), вместо «у» часто говорила «и». Жаловалась на внука Валеру, мальчика восьми лет:

— Этот Валерка от меня кисочки рвет!

Мама опасалась возвращения сына Поли Яковлевны. Но он оказался очень воспитанным, тихим, к тому же красивым. Был похож на Грегори Пека.

Как и Никаноровна, Поля Яковлевна скучала по общению. Особенно она оживлялась, когда ко мне, уже горному инженеру, приходили друзья. Услышав звонок, выглядывала в прихожую и, если внешний вид гостя внушал надежду, устремлялась на кухню. Там она могла ждать меня без конца. И когда я выходил, доверительно снизу заглядывала в глаза, задавая один и тот же вопрос:

— Андрюша, он аид?

Я практически всегда ее разочаровывал. Даже руководитель моего дипломного проекта, киевлянин Виталий Козленко, своим большим грустным носом вселивший в нее полную уверенность, оказался украинцем.

Кто ей подарил нежданную радость, так это светло-русый, голубоглазый Николай из Белоруссии. Он первоначально не привлек ее внимания, она вышла на кухню не узнать о его национальности, ясно, что он совсем не «аид», а просто согреть воду для чая.

Мы с Николаем стояли у плиты и ждали, ког-

да, наконец, и у нас закипит вода. Когда ждешь, быстро не получается.

Поля Яковлевна поздоровалась, для проформы спросила, откуда гость. Услышав ответ, сказала, что в Белоруссии до войны было много евреев. Николай согласно кивнул и вдруг перешел на идиш. Тот идиш, на котором писал Шолом-Алейхем. Радости Поли Яковлевны не было предела!

Потом Николай рассказал, что в маленьком белорусском поселке, откуда он родом, после войны в единственной школе был только немецкий язык. Во всех классах его вела одна учительница. Он был хорошим учеником и окончил школу с золотой медалью. В Гомельский политех поступил без экзаменов. Но вскоре выяснилось, что Николай довольно свободно говорит действительно на иностранном языке, но не на немецком, а на его диалекте, еврейском идише. Именно его знала и преподавала та учительница. И делала свое дело хорошо, Поля Яковлевна это подтвердила.

Получив отдельную жилплощадь, семья Поли Яковлевны покинула филевскую коммуналку. Мамы уже не было, а я начал подолгу уезжать «в поле». Жена в это время жила у своих родителей. В квартире мы бывали наездами. В комнате Поли Яковлевны поселилась пенсионерка Зинаида Михайловна, а в другой — служащая почтамта Галя. Наиболее интересной фигурой была, конечно, Зинаида Михайловна.

У нее не было своей семьи. Но из бесконечного числа племянников и племянниц кто-то постоянно гостил у нее. Они поступали в институты, учились и оканчивали их, выходили замуж или женились, мы были в курсе их дел...

Зинаида Михайловна могла говорить по телефону часами. В то время не существовало мобильных, и дозвониться до нас было невозможно. Правда, когда ты проходил мимо прилипшей к трубке соседки, она спрашивала:

— Вам звонить не надо?

И вновь упоенно погружалась в телефонный диалог. Однажды я не выдержал и на ее вежливый вопрос ответил довольно резко:

— Мне нет. Но вдруг кому-то надо позвонить мне.

Была у Зинаиды Михайловны еще одна осо-

бенность. Соседка Галя, собираясь на работу, занимала ванную в половине восьмого, без четверти восемь освобождала, и туда тоже на пятнадцать минут устремлялся я. Почему именно в эти полчаса должна была принять душ и пенсионерка Зинаида Михайловна, мне до сих пор не ясно. Ведь потом она до полудня никуда не уходила, читала, подметала в комнате, поливала цветы... Но часто в секундный зазор между Галей и мной в ванную заскакивала Зинаида Михайловна. В эти дни я сначала завтракал, а потом уже мылся.

К другим странностям Зинаиды Михайловны относится ее стихийный коммунизм. Дело в том, что я появлялся в квартире нерегулярно. Приезжал из командировок, естественно, не предупреждая соседок заранее. И когда выходил на кухню, особенно во время приема гостей Зинаидой Михайловной, к своему удивлению видел сваленную в раковине и на моем столе мою же только что использованную посуду, ложки, вилки, ножи... Зинаида Михайловна выскакивала на кухню вслед за мной:

— У меня гости, я воспользовалась вашим отсутствием. Через десять минут все будет убрано.

К ее чести, надо сказать, что ничего из моих вещей не пропадало. А посуда через считанные минуты была вымыта и расставлена по местам.

Привычка пользоваться чужим была в натуре Зинаиды Михайловны. Когда она готовила, то ей было мало собственного кухонного стола. Она занимала и мой, и Галин, пользовалась и нашей кухонной утварью. Но, в отличие от меня, Галя против этого яростно протестовала. Она в одной ей ведомой системе раскладывала утром на своем кухонном столе тарелочку, вилку, нож и уходила на работу. И горе Зинаиде, если вечером Галя обнаруживала, что нож или вилка лежат не так!

Однажды утром я вышел на кухню. Над Галиным столом склонилась Зинаида Михайловна. В одной руке — карандаш, в другой — линейка. Рядом лежит листок бумаги. Зинаида тщательно измеряет и записывает, что и как оставлено Галей. Вечером, после большой готовки, Зинаида Михайловна надеялась в точности воссоздать Галину композицию...

Поскольку практически все в этом мире

имеет и отрицательную, и положительную стороны, «коммунизм» моей соседки временами был удобен.

— Зинаида Михайловна, вы случайно не знаете, где лежит моя старая хозяйственная сумка с инструментами? — спрашивал я.

— Да-да, пожалуйста, — и соседка привычно нырнула в мой стеновой шкаф в коридоре и извлекла из его недр искомое...

Прошло много лет. Сравнительно недавно я попал, вероятно, в последнюю классическую коммуналку. Это было в районе Покровских ворот. По красивой удобной лестнице я поднялся на второй этаж и вскоре оказался в огромной комнате с тремя окнами. К ней примыкала маленькая кухонька. Хозяйка на мою просьбу помыть руки сказала:

— Это по коридору.

И я отправился. Подслеповатая лампа почти ничего не освещала. Коридор был извилист и коварен. Сверху свисали велосипеды и корыта, снизу норовили ударить по коленям сундуки и ящики. Телефон висел тут же за тазом.

Я заблудился и попал на кухню. По диагонали через нее были натянуты веревки, на них сушилось белье. Две газовые плиты, по четыре конфорки каждая, работали на полную мощность и были уставлены булькающими, шипящими, потрескивающими кастрюльками, чайниками и сковородками.

Ванная комната тоже обходилась почти без света, а сама чугунная ванна была на «львиных» ножках, в черных пятнах отбитой эмали...

Когда я спустя час оказался на улице, то почувствовал радость и дал себе обещание больше никогда не посещать эту преисподнюю.

И тут меня осенило! Я был в квартире моего детства: комната в три окна с отдельной кухонькой, длинный коридор, темная ванная, обширная уборная с унитазом посередине, к которому надо было восходить по трем ступенькам! А общая кухня, на которой одновременно царствуют три хозяйки! А эти запахи!

Я понял, что поездка в детство на машине времени меня не увлекает...

ВОЛКИ

рассказ

Памяти Михаила Рыкалова

Нет, было не просто холодно, а невыносимо. Ноги в элегантных туфлях сразу стали чужими. Парижское пальто, фетровая шляпа и тонкие кожаные перчатки, которые Иван обычно носил зажатými в левой руке и никогда не надевал, теперь казались издевкой и над ним, и над идеей приехать в Россию, и над необходимостью шагнуть до Коровьева. Именно так называется деревня, где он должен найти Настю Пронину. Эта библиотекарша завтра поедет с ним в Поповку, где Иван будет работать в каком-то передвижном театре.

Быстро наступала ночь. Но полной темноты не было. Белый покров земли отгонял черноту. Да и серебряный фонарь луны висел довольно низко.

Вдалеке показались желтые точки, Иван радостно принял их за огни Коровьева.

Стало еще холоднее.

Во Франции -10 градусов — национальная катастрофа: дети не ходят в школу, по радио утренние новости начинают сводкой, сколько человек замерзло минувшей ночью. А тут, думал Иван, уж не меньше 20, а может, и все 25. (Потом он узнал, что тогда ночами в России стояли тридцатиградусные морозы.) Нести чемодан не было сил, он бросил его и начал пинать ногами перед собой. Руки засунул в карманы и еще больше утопил уши в поднятый воротник пальто.

Эшелон из Парижа пришел рано утром. Началось распределение. Большинство приехавших хотели попасть в города своего детства, где им знаком каждый дом, каждая площадь. Или в какой-нибудь столичный город.

Полковник, который выписывал проездные документы, посоветовал начать жизнь в новой России, обосновавшись в провинции. Тем более что, как сказал полковник, «ваши города очень изменились, по многим из них прошла война, и все там новое, построенное на руинах».

Иван попал в Саратов. Начальник отдела культуры посмотрел аттестат Ивана о присвоении ему специальности «театральный художник» и дал предписание: поступить в распоряжение директора передвижного театра, что базируется в селе Поповка.

Секретарша начальника посоветовала на автобусе доехать до остановки «Дебаркадер номер 2», сойти на волжский лед, пойти по нему влево и через 3 километра оказаться в деревне Коровьево. Там найти библиотекаря Настю Пронину. Чуть ли не каждый день она ездит на подводе в Поповку за книгами. Она и отвезет Ивана к месту его службы.

Желтые огоньки приблизились. Но радости это не доставило: Иван разглядел силуэты четырех небольших животных, очень похожих на немецких овчарок. Но откуда здесь возьмется выводок овчарок? Иван понял, что это волки. А желтые огоньки — их глаза.

«Что-то много русской экзотики», — подумал Иван по-французски. Привычка думать по-французски со временем пройдет. Тем более что дома говорили только по-русски.

Иван вспомнил, как мать готовила бочки под засолку огурцов. В бочку наливали на локоть воды и бросали в нее раскаленные камни. Вода тут же закипала. Бочку накрывали крышкой.

Эмигранты держались за Россию и мамыными солеными огурцами, и черным хлебом, который пекла графиня Толстая, вареной картошкой с селедкой, под которые так хорошо пропустить рюмку смирновки, а не какой-нибудь грушевой водки.

Отец всегда резко отделял Россию от правящей верхушки. Последняя может быть разной, а Россия одна, неизменная со своей историей, языком, культурой, потрясающей литературой...

По инициативе отца при русском клубе был создан театральный коллектив, который поставил «Свои люди — сочтемся» Островского. Отец занимался с «актерами», вырабатывая у них

правильную русскую речь с московским «аканьем» (потом Иван многих удивлял прекрасным русским языком).

Некоторые приезжали в клуб издалека — только бы послушать русскую речь, самому поговорить на языке своих родителей, не опасаясь, что тебя не поймут и надо будет все повторять по-французски... А главное, в русском клубе дети должны говорить только по-русски. И Валя Закусихин, сын купца первой гильдии, ухаживая за хорошенькой княжной Витгенштейн, конструировал галантные фразы, нещадно коверкая русский язык. Княжна смеялась, показывая идеальные жемчуга зубов, и поправляла Валю.

Война, оккупация фашистами Парижа многое в жизни эмигрантов изменила.

Когда стало ясно, что пора, Иван и его родной брат Николай пришли к отцу за благословением. Они уходили в маки. Отец, бывший офицер царской армии, конечно, благословил. Добавил, что ушел бы с ними, да возраст и больное сердце не пускают. Мать не проронила ни слова. Лишь, обнимая сыновей, всхлипнула в носовой платок и перекрестила на прощание новых бойцов французского Сопротивления.

Союзники входили в Париж с одной стороны, а на другой фашисты расстреливали Николая, тогда руководителя молодежного крыла движения Сопротивления.

Отец умер еще до Победы, мать пережила его лишь на полгода. Вскоре из Франции в СССР пошли эшелоны бывших эмигрантов и их детей. В одной из теплушек ехал Иван...

Волки подошли совсем близко. Иван любил животных, но сейчас при виде этих серых существ с горящими глазами его охватила паника.

Коровьево возникло на высоком берегу как-то сразу. Пришлось взять чемодан в руки и, увязая в снегу, вскарабкаться на кручу. Тут же стояла изба, в которой уютно светились три окна по фасаду.

Иван прошел незапертой калиткой к расчищенному крыльцу и постучал. Совсем рядом раздался волчий вой. «Понятно, — подумал Иван, — пропал обед. Тут завоешь».

Старческий голос из-за двери неприветливо спросил:

— Чего надо?

— Это Коровьево? — спросил на всякий случай Иван.

— Ну, — ответил голос. Иван понял, что это по-местному «да».

— Мне Настя Пронина нужна.

Дверь открыли. На пороге стояла высокая старуха со строгим лицом.

— Заходите, только быстро, холоду не напустите, — сказала она и продолжила: — Пронины — это мы. А Настя сейчас придет. К подруге побежала. Проходите.

В избе пахло печкой и едой. У темного окна сидел старик. Его лицо со впалыми щеками украшал большой нос, похожий на утиный.

— Откуда будешь, дорогой? — спросил старик.

— Из Парижа, — брякнул Иван и почему-то удивился нелепости своего ответа.

Но старик воспринял этот ответ без изумления. Он выпрямил спину и закричал старухе:

— Вот, мать, я тебе всегда говорил, что мир еще узнает Прониных! Из Парижа к нашей Насте человек приехал! Ну, накрывай на стол, что там у тебя в печи-то.

Иван опрокинул в рот рюмку крепчайшего самогона, начал есть горячую разваренную картошку. И почувствовал себя дома.

«Конечно, Раиса, эта птичка божья, может идти по перрону с малюсеньким чемоданчиком без забот и волнений. В ее головке не укладывается, что людей грабят и убивают, что бродяги устраивают ночлежки не только в закрытых на зиму дачах, но и в купе железнодорожных вагонов! Хороши б мы бы-

ли, если бы я заранее не побеспокоилась!» — историчка Людмила Ивановна затопала тяжелыми ногами и надвинулась на миниатюрную англичанку. Та остановилась и стала еще прямее. Хотя росточку ей это почти не прибавило.

Сквозь нагромождения восклицаний и обещаний не дать в обиду Раиса вычленила главную мысль: что-то случилось с их местами. Высоким голосом, перекрывающим любой шум в классе, она произнесла свое «фирменное»:

— Так, спокойно!

Людмила частично справилась с охватившим ее волнением, но не до конца, и продолжала клокотать.

Учительницы шли вдоль поезда. Его подали задолго до объявления посадки, и он стоял в сумерках у пустынного перрона с невключенными огнями, с закрытыми дверьми. Он напоминал дремлющего человека, смакующего последние минуты перед пробуждением.

— Вот наш вагон, — Людмила Ивановна от избытка чувств даже задохнулась. — Но, ради бога, не входите! Подождем остальных и будем разбираться.

Англичанка кивнула, соглашаясь, и замерла. Дул холодный ветер. Она втянула голову в меховой воротник пальто и стала похожа на нахохлившегося воробья. Через минуту она заявила:

— Нет, меня это не устраивает, — и решительно толкнула вагонную дверь.

Та легко открылась. Раиса Давыдовна шагнула в тамбур и через секунду оказалась в тесном коридоре. Тусклый свет почти не освещал его. Здесь было тепло, пахло углем и чем-то «машинным». Так пахнут инструменты, спецовки механиков, сами машины. Раиса споткнулась о какие-то железки. Они громко звякнули. Этот звук придал энергии идущей сзади Людмиле.

— Давайте здесь постоим, дальше не пойдем, — взмолилась она.

— Нет, я хочу попасть в свое купе, — ответила англичанка. Она встряхнула коротко стриженной головой, с силой дернула за ручку. Дверь отъехала в сторону и застыла со звуком пистолетного выстрела.

Перед глазами учительницы предстала ночлежка. Висели грязные телогрейки, меховые шапки, растянутые свитера. Но, главное, на полках и даже на полу лежали мужчины. Они были в майках, в спортивных штанах, шерстяных носках. Царил «машинный» запах. Лишь один из лежащих отреагировал на открывшуюся дверь. Он приподнял голову и уставился на гостью.

— Так, спокойно! Что здесь происходит?

Для спящих звук ее голоса был подобен удару хлыста. Ближайший из мужчин вскочил, раскинул руки, и в следующую секунду тонкий с горбинкой нос англичанки уперся в его живот, прикрытый лишь белой майкой.

— Раиса Давыдовна! Раиса Давыдовна!

— Здравствуй, здравствуй, Галимзян. Я тоже рада тебя видеть! — англичанка вынырнула из объятий гиганта.

— Помните меня, Раиса Давыдовна?

— Конечно, помню, ты за последние четверть века не изменился.

— И вы тоже, и вы тоже! Ребята, что не здороваетесь? Не проснулись еще?

Остальные стеснялись своего вида, но деваться было некуда, и, преодолевая смущение, они втягивались в беседу.

— Вы будете с нами чай пить, Раиса Давыдовна?

— Обязательно. А кто его сделает?

— Уже поставили. У нас везде свои люди. Сейчас Сашкина Ленка принесет.

— Она проводником в этом вагоне работает. За сахаром побежала.

В двери показалась женщина с веселым курносым лицом.

— Вот, Раиса Давыдовна, моя Ленка.

— Здрасьте, я про вас каждый день слышу. Сашка как начнет нашего Вовку ругать, обязательно говорит: «Тебя к Раисе Давыдовне на выучку отдать, ты бы по-английски заговорил!»

— Ну, сам-то он не очень по моему предмету успевал.

— Раиса Давыдовна, я, конечно, больше трояка у вас не получал, но до сих пор многое помню.

— Мне приятно это слышать. Чай очень

вкусный. А теперь объясните, почему вы в нашем купе живете?

В ответ раздался хохот. Коля Егоров отсмеялся первым:

— Бригада мы. Аварийная. Как после седьмого класса вышли из школы, так и начали в мастерских учениками работать, а потом на авариях. Пионерами в одном звене были и теперь вместе. Сейчас на аварию едем. На 30-м километре стрелка отъехала и маневровый сошел. Вот будем разбираться, может, к рассвету управимся. Вы, Раиса Давыдовна, колбасу будете? А в это купе нас Ленка пустила отдохнуть, подкрепиться. Мы и вздремнули. Этот поезд единственный на 30-м километре остановку делает.

Лена опять возникла в дверном проеме:

— Я вас, Раиса Давыдовна, в другое купе посажу, а здесь, как ребята уйдут, все помою, проветрю.

— Не беспокойтесь, все хорошо.

— Раиса Давыдовна, ведь как получилось: мы школу окончили, и вы от нас ушли, начали в центре города работать.

— Я купила кооперативную квартиру и переехала в другой район.

— Вы сначала со своей мамой в коммуналке жили. Я навещал вас, когда болели.

Раиса почувствовала, что поезд уже набрал скорость. Давно исчез вокзал, пробежали светящиеся дома городских окраин. Где-то внизу, во тьме, стучали колеса.

— Вам, мальчики, собираться пора. Я в коридоре подожду.

Она вышла. Ее коллеги, также удостоенные поездки по старым русским городам, обосновались в соседнем купе. Раиса заглянула, поздоровалась. На немой вопрос Людмилы Ивановны ответила:

— В Железнодорожном районе сразу после института работала... Была у них классным руководителем...

Поезд начал тормозить. Раиса пошла на выход, и за ней потянулись ремонтники. Каждый из них в тяжелой одежде, сапогах, ушанке, с ящиком инструментов, был огромен и с трудом умещался в коридоре.

Но им казалось, что время вернулось назад,

что они еще мальчишки, а Раиса — молодая женщина, только-только приехавшая в провинцию после окончания столичного педвуза. Уроки закончились, сейчас ребята разбегутся по домам, а она, проводив их, пойдет в учительскую...

В тамбуре было тесно.

— До свиданья, Раиса Давыдовна!

— До свиданья, Коля. До свиданья, Володя. До свиданья, Галимзян. До свидания, Толя. Всего доброго, Расим.

— Good bye, Raisa Davidovna!

— До свиданья, Саша. Будь умницей!

Тема очередной его книги, как выяснилось, была интересна многим, узник французских тюрем, известный в истории под страшным именем «Железная маска». Подумать только! Книга о страдальце, сидевшем в другой стране, в другом веке, вызывает такой отклик! И это в России, переживающей чуть ли не революцию, вернее, наоборот, реставрацию!

Ивану Александровичу этот интерес, конечно, был приятен. Поэтому, когда в издательстве секретарша Ирочка вручила ему пачку распечаток электронных писем, пришедших на его имя, Иван Александрович зарделся от удовольствия.

Дома, поужинав и напившись чаю, он сел за свой любимый еще дедовский письменный стол и начал просматривать распечатки. В основном читатели благодарили автора в самых избитых выражениях. Вероятно, книга не смогла вдохновить их на что-то более оригинальное.

И тут Иван Александрович встрепенулся: в очередной распечатке все было необычно, начиная с обращения.

«Дорогой Ваня! — читал Иван Александрович. — Ты уже стал старым и важным академиком, профессором, членом разных научных обществ, но для меня ты все тот же Ваня, которому чуть больше двадцати, с кем после получения стипендии мы ходим в кафешку при Транспортном агентстве, что в начале Ленинского проспекта. Пишет тебе Давид Факельман. Помнишь такого? Может, и забыл уже, ведь, страшно сказать, не общались мы больше 30 лет!

Но по старой памяти я тебя буду величать все же Ваней, ведь отчества твоего я не знаю и знать не хочу. Как не знаю и твоих адресов, ни почтового, ни электронного. Поэтому пишу на издательство, на Е-мейл, указанный в выходных данных твоей замечательной книги.

Написать тебе заставило несколько причин. Но сначала два слова о себе. Ты, вероятно, помнишь, что после, без преувеличения, блестящей защиты дипломной работы я уехал в Израиль с первыми получившими заграничные паспорта советскими гражданами. Как и у большинства «отъезжантов», так сложилось, что я оказался в США, а не на родине предков, кстати, очень-очень дальних. Ближайший из них Авраам из Ветхого Завета. Итак, с моим жутким английским, с не менее жутким дипломом (напомню, его тема была: «Российское законодательство после отмены крепостного права») я оказался в Новом Свете. Сказать, «нас в Америке не ждали», значит, не сказать ничего. Короче, я получил еще одно высшее образование и стал весьма преуспевающим специалистом по базам данных. Работаю в крупной фирме и на жизнь не жалею. Недавно начал думать по-английски и наконец окончательно избавился от русского акцента. У меня одна жена (постоянная), одна дочь, одна внучка. Зятья, правда, регулярно меняются. Обо мне более ни слова! Теперь о том, почему я накропал это послание.

Во-первых, тебе передает привет сэр Чарльз Джеральд Спенсер, родственник принцессы Дианы. Ты с ним переписывался, когда работал над книгой о Ричарде Львиное Сердце.

Кстати, очень хорошая работа, в которой ты, рассказав все, что действительно известно об этом весьма неоднозначном рыцаре, сумел объяснить, почему его обаяние пробило века и пришло в наше время в стихи, романы, кинофильмы. Так вот сэр Чарльз тебя помнит, благодарит за присланную ему книгу и готов продолжить сотрудничество. Я с ним общался на одном университетском собрании, когда недавно был в Королевстве. Спенсер еще бодрый старикан.

Во-вторых, извещаю, что твоя «Железная маска» сделана не хуже «Львиного Сердца».

Я, хотя уже давно не историк, да и стать им толком не успел, все же интересовался этой Маской. Как и ты, я отбросил все навороты и оставил только подтвержденное фактами. У меня тоже получилось: этот несчастный человек был родственник по крови тогдашнему королю Франции Людовику V. Ты молодец, что довел свое исследование до конца, до имени узника. Bravo! Но ни ты, ни другие исследователи не обратили должного внимания на одну деталь (я дарю тебе эти рассуждения, можешь включить их в следующее издание твоегоopusа без ссылки на меня).

Так вот, никто не обратил серьезного внимания на такой факт: узнику почти не разрешали разговаривать! Якобы король боялся, что в разговоре он назовется или даст намек собеседнику на свое имя и происхождение. Но я думаю, не только это заставило тюремщиков заткнуть рот Маске. Люди, похожие внешне, как, вероятно, узник и король, часто имеют и похожие тембры голосов. Иногда это распространяется вообще на близких родственников (возьми отца и сыновей Михалковых, все говорят голосами одного тембра).

Внешность человека можно скрыть маской, а тембр голоса — молчаньем! У Людовика был очень характерный голос, довольно высокий и надтреснутый. Когда он кричал, переходил в поросячий визг. Ты спросишь, откуда я это знаю?

Ванюша, я тоже стар и просто так слов на ветер не бросаю. Поэтому отвечаю по пунктам и развернуто.

Японцы установили: тембр голоса зависит от строения черепа, вернее, нижней его части.

Нужно взять координаты характерных точек с черепа исследуемого или с его изображений, ввести в соответствующую программу и услышать голос данного человека. Японцы заставили говорить Мону Лизу, да Винчи, Нефертити, Наполеона, а я Короля Солнце. И получилось у меня, что у него был весьма противный голосишка. Я заставил его читать в оригинале шекспировское «Быть или не быть». Такой голос узнаешь из тысячи!

Вероятно, у Маски был королевский голос! Отсюда и запрет на разговоры с кем-либо, кроме коменданта очередной тюрьмы.

Теперь третье, и последнее. После французской Маски хорошо бы тебе, Вань, обратиться к русским «маскам». В документах они значились изящно: «известная персона». Я знаю трех наших «масок»: царицу Евдокию Лопухину, первую жену Петра, царевича Алексея, его сына, и несчастного Иоанна Антоновича. Этих безвинных людей содержали в застенках без решения суда, без упоминания имен, все они были царской крови или находились в ближайшем родстве с августейшей фамилией. Тут сходство с французской Маской налицо. Если порыться в архивах, уверен, можно продолжить список русских безымянных узников.

Засим остаюсь любящий тебя

Додка Факельман».

Студенческие годы давно миновали. Иван Александрович поморщился и еще раз перечитал это письмо. Потом положил его на стол, аккуратно перегнул лист, потом еще и еще раз. В результате получился остроносый «истребитель». Профессор взял его в правую руку и точным движением отправил в корзину для ненужных бумаг.

Эдуард Рэмирович Кулик взял из рук уличного распространителя толстую газету и пошел к огромному зданию, в котором нынче приютился вход на станцию метро Арбатская. Он не любил его. То ли дело старый вестибюль, с белыми колоннами, с тяжелыми дверями, украшенными надраенными медными накладками! Рядом с тем входом стоял фонтан с фигуркой голого мальчика, к которому ластится дельфин. Мальчик и дельфин были отлиты из благородной бронзы.

Когда в фонтане начинала шуметь вода, для Кулика наступало лето. Заканчивалось оно не по календарю, не с холодными ветрами и хмурым небом, а с концом веселого бега воды по блестящим телам смеющегося человечка и морского жителя. Зима являлась Кулику в образе того же голого мальчика со снежной шапкой на голове и с пышным белым воротником на плечах. Мальчику было холодно, но он продолжал улыбаться. Кулик думал, что он улыбается, чтобы никому даже в морозы не было грустно.

Кулик любил эту скульптуру Андреева с той поры, как совсем маленьким, держась за руку матери или отца, мог дойти от Собачьей площадки, где они тогда жили, до Арбатской. А сейчас он даже плюнул с досады, увидя плешь на месте давно исчезнувшего фонтана.

Эдуард Рэмирович был тощим невысоким джентльменом с седым чубчиком, из тех, кто утрам бегает трусцой и может без конца рассуждать о здоровом образе жизни.

Он устал. Адресов было немного, но все же пришлось объездить чуть ли не половину Москвы. Эдуард Рэмирович, став пенсионером, подрабатывал курьером. Президент фирмы взял его на эту должность в память долголетней дружбы, что была у Кулика с президентским отцом. Ведь

в курьеры после шестидесяти не попасть. Кулик трудился по вызовам. Когда фирма испытывала нужду в его услугах, ему звонили, и он ездил по Москве, пока не развезет все конверты по адресам. Оплата была сделанной, без ведомостей и расписок. На досуге Эдуард Рэмирович предавался своему давнему, еще со времен работы в КБ, увлечению — писал повести и рассказы. Он получал от этого процесса несравнимое удовольствие. Так что жизнь вошла в определенное русло, и грех было жаловаться...

Он сел на свободное место и открыл газету. Она была толстая и неудобная. Вспомнилось, как (он был тогда школьником) впервые появилась толстая «Неделя». А сейчас тоненьких, в один листок, газет и вообще нет.

Кулика заинтересовал материал о суевериях, связанных с московскими монументами. Ну, например, студенту, чтобы успешно сдать экзамен, полезно гладить морду собаки-пограничника на станции метро Площадь Революции, а для зачета — подержать ее за лапу. Поглаживанием петуха на той же станции устраняют семейные проблемы. А приласкав револьвер матроса, сидящего неподалеку от пса-пограничника, можно разрешить практически любую житейскую неприятность. Но не только скульптуры метрополитена почитаются россиянами, выяснял далее Кулик, есть и другие произведения монументального искусства, приносящие счастье. Шпага Сервантеса очень помогает в интимных мужских затруднениях... Тут Эдуард Рэмирович приехал на свою станцию и сложил газету.

Вернулся он к ее чтению только поздно ночью. Не спалось. Недавний телефонный разговор с редактором финского русскоязычного журнала поверг куликовскую душу в уныние. Редакторша сообщила, что портфель ее журнала забит под завязку, да к тому же в нем публикуются только произведения, связанные с Финляндией. А таковых у Кулика не было.

Редакторша была, по его мнению, редкая стерва. Это проявлялось даже в том, что она упорно называла его Романовичем. Хотя гордое отцовское имя Рэмир (Революция-Электрификация-Мир) было не такое уж редкое. Обидно было и то, что эта профурсетка не сказала ни слова о качестве произведений Кулика.

Не так грустно, когда находят изъяны и явные нестыковки в твоих писаниях, куда хуже, если их даже не читают. Опусы, вышедшие из-под пера Эдуарда Рэмировича, чаще всего одобряли, но публиковали крайне редко. Его повесть была принята к печати одним питерским издательством, но лежала там без движения уже третий год, а из пятидесяти с лишним рассказов увидели свет меньше десятка. Две встречи с читателями (впрочем, в зале не было ни одного человека, прочитавшего хоть одну куликовскую строчку) прошли «на ура». Но дальше похвал и сравнений с Моэмом и нашим Абрамовым дело не пошло. А Эдуарду Рэмировичу хотелось стать членом Союза писателей, давать интервью журналистам, продавать права на экранизацию своих произведений.

Но всего этого не было, и надежд, что будет, тоже не было. Дело в том, что возраст Эдуарда Рэмировича катастрофически быстро приближался к семидесяти, и времени вкушать сладкие плоды своего вдохновения оставалось у него все меньше и меньше.

Для успокоения нервной системы он развернул газету и продолжил знакомство с московскими суевериями.

«Памятник Герцену, — читал Кулик, — стоит во дворе Литературного института. Он помогает сделать успешную карьеру на литературном поприще. Проверено, что для этого необходимо поцеловать его в зад».

Кулик представил очередь из девушек и юношей, студентов Литинститута, которая под одобрительные крики окружающих медленно течет мимо памятника великому демократу. И Герцен, чувствуя ягодичными мышцами искренние и жаркие поцелуи молодых свежих губ, благодарно наделяет своих литературных потомков мастерством, дарит им удачу на тернистом пути к Успеху и Славе. Идиотизм этой сцены развеселил Эдуарда Рэмировича, и он отправился спать.

Не прошло и трех дней, как он оказался у решетки Литинститута. Эдуард Рэмирович направлялся по Тверскому бульвару в сторону Пушкинской площади, но, увидя за красивой решеткой памятник Герцену, замедлил шаг и решил, что конверт с документами можно передать в «Макдоналдс» с небольшим опозданием.

Памятник Александру Ивановичу Герцену стоял в центре аккуратного палисадника. Опавшая листва была убрана и не мешала любоваться скромными осенними цветами у подножья монумента. Небольшая фигура Герцена разместилась на довольно солидном постаменте. Кулик подумал, что даже очень высокий студент с земли не выполнит задуманное, нужна стремянка.

Во дворе никого не было, и за те несколько минут, что Кулик провел у ограды, так никто и не появился. В общем, решение проблемы затруднялось.

На следующий день Кулик, пользуясь специально для этого приобретенными трафаретом и краской, вывел на спине старой штормовки надпись «МОСМОНУМЕНТ». Дождавшись хорошей погоды, он взял стремянку, бутылку с мыльным раствором и, облачившись в куртку со странной надписью, поехал к Литинституту.

Он прошел через ажурную калитку и приблизился к памятнику.

— Какие проблемы? — раздалось за спиной.

Кулик был к этому готов. Он протянул охраннику заполненный бланк накладной с печатью неведомого учреждения:

— Наряд на чистку, сегодня работаем по вашему району.

Охранник кивнул, развернулся и потопал к портику главного здания.

Кулик приставил стремянку к постаменту,

смочил губку мыльным раствором и полез к автору книги «Бывое и думы».

Стремянка оказалась слишком короткой, а постамент и фигура, при ближайшем знакомстве, неожиданно большими. Кулик не дотягивался до нужного ему фрагмента скульптуры.

Местные голуби по каким-то причинам отдавали предпочтение памятнику Тимирязева, охотно отмечая его знаками своего расположения. Герцен же был чист и готов к поцелуям.

Кулик исхитрился встать на постамент, прижался к статуе и только тут вспомнил, зачем пришел. Он попытался пристроиться к заду Герцена, согнулся и вдруг начал терять равновесие. Чтобы удержаться, он обхватил бронзовую фигуру, щека онемела от прикосновения к холодному металлу. К своему ужасу, Кулик почувствовал, что Герцен покачнулся.

Эдуард Рэмирович сильно ударился о землю спиной, а в следующий момент его накрыла тяжеленная статуя демократа.

Герцен не обманул. Городские власти объявили поступок Кулика актом беспримерной и бескорыстной заботы о сохранении национальной культуры. Вскоре был издан двухтомник его рассказов. Более того, Кулика приняли в Союз писателей. Почти сразу после выписки из больницы Склифосовского.

□

Андрей ТОЛСТЫХ

родился в 1945 г. в Москве в семье преподавателя вуза.

Кандидат наук.

С 1994 г. — журналист, автор более сотни статей,

член Союза журналистов.

В 2005 г. в журнале «Введенская сторона»

впервые был напечатан его рассказ, позднее публиковался

также в журналах «Север», «Новый Дом».

В течение многих лет был связан с Карелией,

работал внештатным сотрудником в музее на острове Кижы.

Валерий ВЕРХОГЛЯДОВ

г. Петрозаводск

Обозримые горизонты

Даже в детстве я знал: Земля плоская.

У нее, конечно, есть холмы и овраги, живописные озы и болотистые впадины, скалистые горы и чаши озер, а еще дороги, которые то поднимаются наверх, то опускаются вниз, и, когда едешь на велосипеде, они без усталости по-матерински качают тебя и никак не могут укачать.

Но все это как бы в одном слое.

Он от глубочайшей океанской впадины, типа описанной Артуром Конан Дойлем Маракотовой бездны, до пика Джомолунгмы, иначе Эвереста или Сагарматха, расположенного в Гималаях, в той части, которая называется Кхумбу-Гимал.

Разве не так?

Ведь когда забираешься на крышу какого-нибудь высокого здания хоть на улице Ленинградской, хоть на Кукковке или летишь на самолете, к примеру, в Пудож, то видишь, что увеличивается, словно раздвигается, линия горизонта, а земля как была плоской, так плоской и остается.

Вы, может быть, думаете, что я в школе не учился?

Учился и даже имел по астрономии твердую четверку.

Помню и схематичное изображение Солнечной системы, помещенное в самом начале учебника.

Более того, старший брат однажды показал мне на ночном небе яркую звездочку и сказал, что это планета Марс, где живет красавица Аэлита, а Венеру – звезду пастухов и поэтов, я позже нашел сам. Вот с мистическим Сатурном, который тоже был изображен на школьной картинке, было сложнее, в его существование я поверил, когда прочитал детектив Василия Ардаматского «Сатурн» почти не виден». Что же касается Юпитера, то все знают, что это дорожный мотоцикл среднего класса, который полностью, а значит правильно, называется «ИЖ-Юпитер», потому что выпускается в городе Ижевске.

Нет, все эти досужие разговоры о шарообразной форме Земли меня как-то не убеждают.

Но я не спорю. Зачем?

Нравится вам жить на круглой Земле – и пожалуйста. А я живу на плоской и хожу по ней, никуда не соскальзывая.

Я вообще никогда не спорю.

В одной книжке прочитал, что спорить глупо: дурак не знает и тем не менее спорит, а умный знает, но из амбициозности пытается доказать свою правоту и уже поэтому ведет себя тоже по-дурацки. В общем, спор – это никчемный разговор двух глупцов.

Тем более, что никто и никогда не бывает абсолютно прав, чаще всего с каждой стороны умирает по истине.

Как однажды заметил Будда, который до своего просветления носил имя Сиддхартха Гаутама: «Истин столько же, сколько листьев на этом платане», – и показал на высокое дерево.

... Сегодня 6 ноября две тысячи какого-то года.

Пару дней назад, как сказали по телевизору, вся страна дружно отметила День народного единства. Это явное преувеличение. Какое может быть единство, да еще народное, при капитализме.

Завтра уже не вся страна, а ее коммунистическая прослойка, полагаю, дружно отметит очередную годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Это тоже преувеличение. Великой она стала называться далеко не сразу. В тысяча девятьсот семнадцатом и еще несколько лет большевики скромно говорили и писали о государственном перевороте.

Не хотелось заикливаться на всей этой пропагандистской казуистике, и я решил для упрощения бытия напечь блинов.

В большую миску налил литр молока, вбил туда пару яиц, перемешал все миксером, слегка посолил, подсластил двумя столовыми ложками сахарного песка, опять перемешал, добавил столовую ложку растительного масла и снова перемешал. Потом небольшими порциями и постоянно помешивая начал добавлять муку, пока тесто не стало похоже на густую и потому приятную для глаз сметану. Уже в конце этого ответственного процесса добавил в качестве разрыхлителя чайную ложку соды, еще раз все тщательно перемешал и отставил миску в сторону.

Давно заметил, что если дать тесту отстояться, то блины получаются вкуснее. Впрочем, возможно, это мое заблуждение.

Пока тесто доходило до готовности, я стал готовить начинку. Со вчерашнего дня в холодильнике ожидала своей востребованности упаковка куриной печени. Я обжарил ее с луком и перемолол на мясорубке.

Курт Воннегут в одном из своих произведений написал, что все кулинарные рецепты, приводимые им в книжке, придуманы исключительно для красоты стиля, поэтому готовить по ним не рекомендуется.

По моим рецептам готовить можно.

А Курт Воннегута я не люблю, о чем он, вероятно, даже не подозревает. Искренне признаю недюжинный талант этого мастера постмодернизма, который в начале нынешнего тысячелетия был удостоен чести называться «Писателем штата Нью-Йорк», но ни одну из его книжек не смог дочитать до конца.

Я зачерпнул половником и вылил обратно в миску настоявшееся тесто.

Оно было текуче и в то же время монолитно, как ртуть.

Подумал: «Что ж, ключ на старт. Как там любил говорить Дени Дидро? «Предварительное знание того, что хочешь сделать, дает смелость и лёгкость».

Достал из кухонного шкафа и поставил на огонь любимую мамину сковородку, которая теперь стала и моей любимой.

У нас в доме, сколько себя помню, было три раритета, вывезенных в сорок пятом году из эвакуации: уральский пузатый стаканчик, большая стеклянная банка со стеклянным же изображением белого медведя – в ней держалась соль, и чугунная сковорода, настолько отполированная за годы использования, что на ней уже ничто и никогда не подгорало.

Стаканчик как-то таинственно исчез. С вещами такое случается. Замечали? Вот только вчера положил на тумбочку около входной двери две перчатки, а сегодня там только одна, а где вторая, никто не знает, не видел, не встречал – вот ведь глупость, как будто перчатку можно случайно встретить, как знакомого на улице. Потом, спустя несколько месяцев, перчатка, конечно, найдется, причем в самом неожиданном и непредсказуемом месте, например за холодильником. О носках я вообще не говорю – они живут своей, нам неведомой, жизнью. А вот зимняя перчатка, обнаруженная июльским вечером за холодильником, заставляет задуматься о разгуле энтропии и своей психической полноценности.

Как-то я рассказал об этих домашних мистификациях своей давней знакомой, Гале Ледник. «Так это домовушины забавы, – сказала Галя. – Скучно ему, вот и шалит. Необходимо сказать: «Поиграл-поиграл и отдай», для убедительности, мол, знаю, чьи это проделки, можно даже пригрозить: «А то бороду к табуретке привяжу». Вскоре вещь обязательно найдется».

Я теперь так и делаю. Конечно, все это ерунда на постном масле, но бытовых неурядиц стало значительно меньше.

Правда, уральский стаканчик уже не вернуть, в то время, когда он пропал, я еще не знал, как нужно общаться с нечистой силой.

Стеклянную банку с изображением белого медве-

дя мама нечаянно уронила на пол, и от неожиданности она взорвалась как граната, остались от банки сотни мелких острых осколков и широкое горлышко, похожее на большую удивленную букву «О».

Так что из семейных реликвий у меня сейчас только сковорода.

Я нагрел ее на огне, чуть смазал маслом матовую черноту испода и широким жестом, словно яблоко нарисовал, вылил половник теста. С выражением продекламировал первый пришедший на память сонет Шекспира в переводе Маршака («Мой глаз гравером стал, и образ твой...»), под трагичную концовку «Твое увидеть сердце не дано» деревянной лопаточкой перевернул блин. Шекспир по обыкновению не подвел, да и Самуил Яковлевич оказался на высоте. Уже первый блин был не комом.

Дальше дело пошло без классики – по наитию, на глазок, весело и споро.

Тесто в миске постепенно уменьшалось, горка блинов росла, а я думал.

Земля плоская как блин. Если вы наивно верите всему, что говорят по телевизору, значит, вы живете на другой Земле. Лично я доверяю лишь маминой сковородке.

И прожитые годы тоже, как блины, ложатся друг на друга.

Но когда тесто закончится, а квартира пропитается сдобным ароматом жилья, когда сковорода отправится в мойку, вот тогда нужно стопку блинов перевернуть и в те, что уже остыли, завернуть начинку, а вместе с ней свои воспоминания о детстве, об улицах, которые сейчас совсем другие, о домах – некоторые из них еще живы, а некоторые состарились и уже умерли, вспомнить игры, в которые сегодня никто не играет, может, песни, которые пели, и фильмы, которые смотрели, словом, вспомнить жизнь.

«Давно это было, никто не помнит», – говорили древние.

Почему же?

Помнится.

Только каждому свое.

И сквозь годы слышится мне голос молодого, но уже популярного ленинградского певца Эдуарда Хилия:

*На вечернем сеансе, в небольшом городке
Пела песню актриса на чужом языке.
«Сказку Венского леса» я услышал в кино –
Это было недавно, это было давно...*

Наша улица и ее окрестности

Улица моего детства носила имя наркома просвещения большевистской России товарища Анатолия Васильевича Луначарского.

Она и сейчас так называется.

В петровское время это была дорога, по которой солдаты – именно солдаты, а не мастеровые – таскали от завода на берег озера пушки, которым команда канониров устраивала «огневой» экзамен.

Когда вдоль этой дороги стали появляться домишки и она стала постепенно превращаться в улицу, ее так и называли – Пробная, то есть ведущей на пробную батарею.

Иными словами, это одна из старых улиц нашего города.

В начале двадцатого века у олонецкого губернатора Николая Васильевича Протасьева случился юбилей, и местные чиновники, охваченные светлым и чистым чувством почитания своего начальника, обратились в городскую думу с просьбой назвать его именем одну из улиц Петрозаводска. Дума это чувство разделила, и Пробная стала Протасьевской, а чтобы прежнее название не забылось и зря не пропало, Пробной стала называться дорога, которая отходила от Протасьевской в сторону бастиона пробной батареи.

Это был второй случай, когда фамилия местного начальника увековечивалась на карте города. Начало же этой эстафете подхалимажа было положено, когда новый городской бульвар в честь тогдашнего губернатора стал именоваться Левашовским. Мало кто знает, что нужного и полезного сделал для города и края сей доблестный муж, но горожане называли бульвар Левашовским и в то время, когда он официально значился не иначе как бульвар им. Карла Либкнехта и Розы Люксембург. В девяностые годы прошлого столетия этому живописному уголку города вернули первоначальное, а потому историческое, имя, что подтверждается установленной там чугунной доской, хотя, объективности ради и справедливости для, необходимо отметить, что и сейчас мало кто скажет вам, чем же прославился властный и склонный к самоуправству Владимир Александрович Левашов, управлявший Олонечкой губернией с 1899 по 1902 год.

В тысяча девятьсот восемнадцатом году, в канун первой годовщины октябрьского переворота, специально созданная комиссия из трех человек устроила городским улицам большие «красные крестины».

Бывшая Протасьевская стала улицей Луначарского.

Революционеры, ставшие впоследствии государственными деятелями большевистской России, нередко пользовались вымышленными фамилиями, под которыми и вошли в историю: Ленин (Ульянов), Сталин (Джугашвили), Молотов (Скрябин), Каменев (Розенфельд), Троцкий (Бронштейн) и т.д. Анатолий Васильевич Луначарский – не исключение, но у него все-таки случай особый. По рождению он Антонов, а свое отчество и фамилию получил от усыновившего его отчима Василия Фёдоровича Луначарского, который был внебрачным сыном крепостной крестьянки и дворянина, а Луначарским стал в результате перестановки слогов в фамилии «Чарналуцкий».

Родился Анатолий Васильевич в Полтаве, в семье действительного статского советника (гражданский чин 4-го класса, который давал право на потомственное дворянство и соответствовал званиям генерал-майора в армии и контр-адмирала во флоте), умер он в возрасте пятидесяти восьми лет во Франции, в городе Ментона, прах захоронен в Кремлевской стене.

Мама рассказывала, что моя бабуля из Заонежья, которая из всех начальников знала только Сталина и председателя колхоза, о Луначарском слышать не слыхивала и поэтому письма отправляла по адресу: «Петрозаводск, улица Луна начальная».

Как ни странно, они доходили.

Начинается улица Луначарского от Пименовского моста через Лососинку. После тысяча девятьсот восемнадцатого он стал просто Зарецким.

Первым по четной стороне стоит бывший дом купца 1-й гильдии, коммерции советника и благотворителя, первого почётного гражданина Петрозаводска Марка Пименова, известного в нашей отечественной истории предпринимателя, который взялся по приказу Николая I возвести «в одно лето» Аничков мост в Петербурге. С этим подрядом Марк Пименович успешно справился. Построил он несколько общественных зданий и в родном Петрозаводске.

В канун революции в этом огромном купеческом доме располагалось женское епархиальное училище, а в годы моего детства Совпартшкола, где ковали кадры для советской и партийной работы.

В пименовском доме мне довелось побывать только раз, в гостях у такого же, как я, ученика 1 «а» класса 25-й средней школы Вити Демидова. Его мать работала в Совпартшколе уборщицей, здесь же, в каморке наверху, они и жили. Всю дорогу мой одноклассник хвастался, плел что-то несуразное и вообще всячески фасонил. Когда зашли в комнату, мать его о чем-то спросила, а он, еще не остыв от своего безудержного вранья,

небрежно и даже дерзко ей ответил. Мать молча сгребла сына в охапку, зажала его голову между коленей и без особой злости, но жестоко выпорола, отодрала как сидорову козу. После этого Витька меня всегда сторонился, хотя я никому и никогда не рассказывал о его позоре.

Если идти по той же правой стороне улицы, то неподалеку от пересечения ее с проспектом Александра Невского (в те годы – Урицкого) начинался ряд однотипных двухэтажных строений. Такие же дома были построены и на улице Коммунистов. Все они восьмиквартирные, возведенные из бруса, были оштукатурены по дранке и окрашены в бледно-желтый цвет – крепкие, надежные, похожие друг на друга, как детские кубики.

Дома даже имели некие архитектурные излишества в виде простеньких, в одну доску, карнизов над окнами. Эти декоративные детали, которые в архитектуре называют сандриками, не раз помогали попасть домой на второй этаж, когда я терял или забывал ключи, по ним можно было подниматься наверх как по лестнице.

По рассказам старожил, наш (Урицкого – Луначарского – Фабричная – Коммунистов) и соседний (Фабричная – Луначарского – Пробная – Коммунистов) кварталы возвели сразу после войны с привлечением пленных немцев. Я в это охотно верю, потому что многие из тех старых домов стоят до сих пор, а образцы ударного труда советских строителей – длинные многоквартирные бараки, которые все называли «гадюжниками», и шикарные, тоже двухэтажные, дома, но с большими балконами-гульбищами, которые стояли на противоположной стороне улицы детства, не простояли и двух десятилетий.

Заканчивалась Луначарского комплексом высоких зданий иной – монументальной – архитектуры. Их окна, как маяки, светили нам издалека. Это были всем известные «каменные дома».

Точно так же в восемнадцатом-девятнадцатом столетиях район за губернаторским домом (где сейчас находится Национальный музей) на Круглой (ныне Ленина) площади горожане называли Закаменским – он располагался за каменным зданием, и нынешняя улица Герцена раньше тоже была Закаменской. Все это свидетельствует еще и о том, что основным материалом для жилищного строительства у нас являлось дерево, а каменные здания были редким и потому памятным исключением.

Ниже Луначарского располагалась улица Болотная, сейчас она Ригачина. Там в протоках по обочине дороги я с одноклассником и тогдашним другом Вовой Щеголевым ловил тритонов.

Выше Луначарского была всегда грязная и

неухоженная улица Коммунистов, которая, тем не менее, считалась одной из основных городских магистралей, и до появления троллейбусов именно по Коммунистов, а не по Луначарского проходил автобусный маршрут, который связывал Зареку с железнодорожным вокзалом.

В 1948 году «все прогрессивное человечество» отметило знаменательную дату – 100-летие выхода в свет «Манифеста коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

Он начинается словами: «Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма», а заканчивается знаменитым лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

«Песнь песней марксизма» назвала этот эпохальный труд наша партийная газета «Ленинское знамя» (позднее «Ленинская правда»).

Здесь одно из двух: или наши марксисты искренне считали «Манифест» вкладом в любовную лирику, или же они его не читали.

Помните эти волшебные строки из Песни песней: «... как лента алая губы твои, и уста твои любезны; как половинки гранатового яблока – ланиты твои под кудрями твоими; шея твоя – как столп Давидов, сооруженный для оружий, тысяча щитов висит на нем – все щиты сильных; два сосца твои – как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями...» Ну как тут не соединиться пролетариям?

В этом же 1948-м было сдано в эксплуатацию самое значительное сооружение на улице Коммунистов – общественная баня № 2. По этой же улице первоначально указывался и ее адрес, но вскоре бдительные товарищи усмотрели в таком положении явный недосмотр, граничащий с идеологической диверсией, и адрес бани стали указывать по улице Промышленной.

Наш земляк, известный российский критик Владимир Бондаренко утверждает, что баню построили пленные немцы. Мне в архивных документах встречалось сообщение, что это была «комсомольская ударная стройка районного масштаба». Впрочем, в нашей стране такое положение весьма обыкновенно и никакого противоречия здесь не усматривается.

Недавно я получил по Интернету записку от своей давней знакомой Татьяны Дружининой.

Она писала: «Здравствуйте! Шли с подружкой по ул. Коммунистов. Говорили вот о чем. У них есть сотрудник, финн, который в детстве жил в этом районе, он помнит пивную, где собирались финны, которые просили «сто рам, рушку пива, ряник, пашка рябой». Что значило: сто грамм, кружку пива, пряник и пачку «Прибоя». Мне известен шалман на углу Коммунистов и улицы

Пробной. Но тут речь о некоем рынке в районе улицы «Правды» – Волховской. Именно там, по словам подружки, находилась пивная».

Я в упомянутое время был еще слишком мал, чтобы ходить по пивным, но думаю, что Танина подружка ошибается.

На углу «Правды» – Волховской стояла средняя школа № 8, напротив нее был не рынок, а большой промтоварный магазин, через дорогу от магазина сразу же начиналась ограда Зарецкого кладбища, а напротив кладбища (если перейти Волховскую) был жилой район, застроенный все теми же, обычными для города двухэтажными домами.

Пивная же находилась там, где Волховская упирается в улицу Коммунистов. Завсегда так называли ее «Чипок у дяди Васи».

«Дядя Вася» – это понятно, а что такое «чипок»?

Для меня это долгое время было загадкой. Только недавно удалось выяснить, что «чипок» – не что иное, как аббревиатура, которая была официально введена в 1927 году и обозначала «Часть Индивидуального Продуктового Обеспечения Красноармейцев». В общем, дополнительный паек. Сами пайки впоследствии отменили, а слово «чипок» осталось, только расшифровывать его стали иначе – «Чрезвычайная Индивидуальная Помощь Оголодавшему Курсанту».

В общем же значении – это солдатская столовая, чайная или даже забегаловка.

Вероятней всего, именно в этой пивной «У дяди Васи» и собирались финны, о которых говорит сослуживец Таниной подружки.

Дело в том, что наверху Волховской, там, где она подходит к улице Льва Толстого, располагалось воинское учреждение закрытого типа, куда мечтали попасть многие шпионы. Короче, там был штаб, а какой части, говорить не буду, чтобы не разглашать военную тайну.

После утомительного рабочего дня штабные работники дружно отправлялись в ближайшую пивную. Подчеркиваю – ближайшую! В общем, шли пропустить по кружечке пива и поговорить, на службе-то с досужими разговорами было строго.

А ближайшая пивная как раз и была дяди Васиной, который встречал гостей одной и той же запоминающейся фразой: «Рад солдатам услужить».

Насчет «ряников»-пряников, прямо скажу – не уверен, папиросы же в шалмане всегда были: и «Прибой», и «Бокс», и «Красная звездочка», и «Север», и, конечно же, «Беломорканал».

Еще одна пивная точка находилась на Пробной, как раз напротив бани. Из-за близости к Зарецкому кладбищу она называлась «Кресты». Там в основном собирались боповцы. БОП – это Бело-

морско-Онежское пароходство, в уличном обиходе «большое общество пьяниц».

Можно было выпить пива и в самой бане, в буфете, который находился рядом с лестницей, ведущей в мужское отделение.

Я в баню с семи лет ходил самостоятельно и не раз наблюдал такую картину: весна, солнышко стало припекать, вот-вот почки на деревьях распустятся, словом, благодать. Мужики наберут пива и рассядутся в банном дворе на дровах. Беседуют. «Кружки! Несите кружки!» – надывается буфетчица. Дура-баба, ну кто же ее будет слушать.

Границы нашего детского мира были очерчены наподобие государственных: Луначарского – Фабричная – Коммунистов – Урицкого.

Конечно, ходили мы и на «парашютку», купаться на Лососинке, и на берег Онего – тоже купаться, и на Каменный Бор, чтобы с замиранием сердца лазать там по скалам, и в «Город», а «городом» было все, что находилось за Пименовским мостом, но главным местом для игр, а значит и жизни, все-таки был двор.

Двор эпохи XX съезда

Я из послевоенного поколения.

И для взрослых, и для детей это было время простых и ясных понятий: наш народ победил фашизм, но эта победа далась стране дорогой ценой, поэтому жизнь сейчас трудная, надо потерпеть – все уже налаживается.

Мы верили, что так оно и будет.

Неприхотливость была отличительной чертой этого времени.

Ни в еде, ни в одежде разнообразия не наблюдалось.

Летом мальчишки одевались так: сатиновые легкие шаровары, сшитые матерью за вечер, клетчатая рубашка-ковбойка, на голове тубетейка, чтобы солнце темечко не напекло, на ногах – сандалии.

Зимой шаровары были толстые, покупные, с начесом, к ним полагалась такая же кофта с воротом на молнии, это так называемый лыжный костюм отечественного производства, поверх костюма надевалось кучее пальтишко, я подпоясывал его офицерским ремнем, то ли английским, то ли американским, поступившим еще по ленд-лизу, на голове была шапка с ушами, завязанными на затылке: и тепло, и вид почти летчицкий, на ногах – подшитые валенки.

Вся разница между уличной и школьной формой одежды заключалась только в том, что на занятия я ходил не в лыжной кофте, а в вельветовой курточке с кокеткой; голубые были почему-то в

мелкий рубчик, а коричневые – в крупный.

Обедал я в рабочей столовой по пути из школы. Поэтому дома оставалось только бросить портфель около двери и сменить куртку на кофту. Все. Можно было идти гулять.

Наш большой двор ограничивали пять домов. Местный сумасшедший, всегда пьяный дядя Коля-Копейка, называл его «пентагоном». Значения этого слова я тогда не знал.

Собственно, был еще один дом – шестой, но он стоял наособицу и участия в организации дворового пространства не принимал.

Дома были похожи друг на друга как близнецы-братья. Наш, № 16, и соседский – № 18, выходили фасадами на проезжую часть улицы. Между ними имелась ограда на кирпичных столбах с воротами, выкованными, по мнению мальчишек, из пик древних ратников.

Вокруг строений, организующих дворовую территорию, жильцы разбили небольшие палисадники. Деревья еще не были большими. Большими они стали сейчас, а тогда они были маленькими, мы сами по весне сажали их вместе со взрослыми.

Еще один садик, заросший густыми кустами, находился у дорожки, ведущей к общественной помойке. Летом в нем собирались ребята постарше, втихаря пили дешевый портвейн и азартно резались в «кинга». Играли не на деньги, а «на нос». Проигравший выгаскивал из колоды карту, допустим, даму, и ему тремя картами с оттяжкой отсчитывали по носу количество минусовых очков. Мог вытащить и десятку, а то и туза (а это одиннадцать карт), тогда экзекуция для несчастливца приобретала достаточно болезненный характер. Тем, кто боялся удара и зажмуривал глаза, могли запросто засунуть между карт пластмассовую расческу. «А что?» – «А ты не боись». Так закалялась сталь. Из садика парни выходили с красными носами, но довольные, оживленно обсуждая перипетии прошедшей игры, отправлялись на «парашютку» – купаться и «девок щекотать».

Посередине нашего двора стоял давно пересохший пожарный колодец с намертво приколоченной широченной крышкой. На ней мы любили выжигать лупами свои имена и фигурки женщин с ярко выраженными половыми признаками.

У колодца, где каждый день собиралось дворовое общество от пяти до пятнадцати лет, болтали, делились новостями и, конечно, рассказывали анекдоты. На мой сегодняшний взгляд, все они наивные, если не сказать дурацкие, и совершенно не смешные.

Жемчужинами в навозной куче скабрзностей были разве что выдуманные солдатские истории – наследие недавно отшумевшей войны.

Вот, например, как эта.

Встретились после победы три генерала – английский, американский, русский, и почему-то решили узнать, чей ординарец самый расторопный, словно делать им было больше нечего.

(Почти некрасовское «Сошлись – и заспорили: кому живется весело, вольготно на Руси?» Но здесь выяснялось первенство, можно сказать, в мировом масштабе.)

«Конечно, наш», – говорит англичанин, вызывает своего Джона, дает ему деньги. Через пятнадцать минут на столе бутылка виски, оливки, банка сардин и еще что-то по мелочи.

Генералы выпили, и американец говорит, мол, все это замечательно, но я предлагаю вам, товарищи по оружию, вспомнить встречу на Эльбе и отметить это событие еще одной бутылочкой, вот тогда и увидим ху из ху. Вызывает своего Франклина, дает ему пачку долларов: через десять минут на столе и спиртное, и закуска, и даже мороженое.

Генералы выпивают, и наш говорит: «Неплохо, совсем неплохо вы устроились, господа», – снимает с ноги сапог и шварк им в дверь.

Оттуда, из прихожей, показывается голова ординарца.

«Выпить и закусить», – коротко командует наш генерал.

Через пять минут на столе бутылка водки, красная рыба и картошечка, причем картошка еще горячая.

Генералы дружно выпивают за победу над Германией, и тут американец говорит нашему: «Господин генерал, вы своему ординарцу, кажется, денег не давали?»

«Ну и что? – говорит наш генерал, шварк вторым сапогом в дверь: – Алеша, повторить!»

Через пять минут на столе еще бутылка и тоненько нарезанное сало.

«О-о-о!» – говорят англичанин и американец. Им уже похорошело.

А ординарец Алеша наклоняется к уху своего начальника и шепчет: «Товарищ генерал, если эти еще захотят, так вы не соглашайтесь – там в прихожей только ваша шинель осталась».

Такие анекдоты лучше передовиц «Пионерской правды» укрепляли наш патриотизм.

Еще у колодца мы обменивались марками.

Это было повальное увлечение, и в каждом киоске за смешную, почти символическую плату можно было приобрести так называемые наборы для юных филателистов. В каждом целлофановом пакете всегда было десять разных марок. Среди них можно было встретить второй стандартный выпуск 1927–1928 годов: беззубцовые знаки поч-

товой оплаты разного цвета и, соответственно, различного номинала. На одной – портрет Ленина (знаменитая фотография Петра Оцупа), на двух других – крестьянин и рабочий (прототипами для гравюр послужили известные скульптуры Ивана Шадра). Были в наборах марки и других серий, например, «Десятилетие Красной Армии и Военно-Морского Флота СССР» (1928 г.), «Третий стандартный выпуск» (1929 г.), «Дирижаблестроение в СССР» (1931 г.), «15-летие со дня героической гибели 26 бакинских комиссаров» (1933 г.), «Спасение челюскинцев» (1935 г.) или посвященные героям Великой Отечественной – летчику-истребителю В. Талалихину, командиру эскадрильи капитану Н. Гастелло, генерал-майору Л. Доватору, комсомольцу-партизану А. Чекалину, комсомолке-партизанке З. Космодемьянской. Все марки были новенькие, словно волшебные, и, возможно, недавно отпечатанные.

Тех, кто бы интересовался всем подряд, среди ребят почти не было. Обычно собирали по темам. Одних интересовали флора и фауна, других – города, третьих – спорт... Специальных кляссеров в то время еще не имелось, во всяком случае у моих сверстников, и коллекции хранились в плоских коробках из-под шоколадных конфет, состояние марок при этом, что уж там говорить, конечно, было ужасное.

С годами это массовое увлечение филателией сошло на нет и стало уделом фанатов-одиночек.

Как-то лет семь-восемь назад я заглянул к своему товарищу по воинским сборам Олегу Здобникову, и он показал свою потрясающую коллекцию марок.

– Ничего себе! – удивился я.

– Фантики, – сказал Олег. – Пытаюсь продать – никто не берет.

От старого пожарного колодца, от этой пуповины двора, лучами расходились линии сараев, образуя сложный геометрический узор. Около них неприсутственными бастионами высились поленицы дров.

Это был мир наших игр.

В описаниях мечтательного монаха Томмазо Кампанеллы вы не встретите сараев, у него – храмы, мастерские, светлые опочивальни, колонны да мраморные лестницы, но Петрозаводск не Город Солнца, и жили мы не в утопическом, а реальном социализме российского разлива.

Допускаю, что первоначально сараи возводились одновременно с домами и составляли с ними как бы единый гармоничный комплекс, но достраивались они впоследствии сугубо индивидуально, в полном соответствии с достатком и связями, ведь материал для этой операции необходимо было «достать» – специфическое словечко той поры,

которое употреблялось гораздо чаще, чем «коммунизм». Поэтому сарай Ивановых был высокий, светлый, даже с голубятней, а у бабки Семеновны – со щелями, кое-как забитыми горбылем.

В нашем сарае имелся теплый хлев с яслями для сена и узким окошечком для выбрасывания навоза – в столицу республики мать приехала не только с двумя сыновьями, но и коровой Зорькой, я о ней слышал от взрослых, но сам не помню.

*С мелодией простой, не новой
Пастух по улицам пройдёт,
Да помычит в ответ корова
У губернаторских ворот.*

Так описывал поэт Анатолий Иванов дореволюционный Петрозаводск.

В советском послевоенном городе условий для содержания домашнего скота попросту не было, и корову пришлось сдать на мясо.

А хлев остался, в нем держали кадушки с брусничкой и мелко порубленными солеными грибами. Наверху же, где висели березовые веники, был мой «штаб». Там мы с Сергеем Зюховым и Саней Кормилиным мастерили рогатки и обсуждали стратегические планы предстоящих кампаний.

Как-то Саня принес из дома трубку, мы ее набили березовым листом и с кайфом «покурили», потом стали чистить трубку и нечаянно раскололи чубук. Это была трагедия. Когда Саню позвали домой, мы провожали его как на казнь. «Штаб» наш после этого прикрыли. Впоследствии все важнейшие воинские совещания проходили в сарае Жени Федуллина – подростка, который постоянно возился с малышней. Помнится, каждому из нас он сделал по деревянной винтовке со штыком из разогнутой плотницкой скобы. В восьмидесятые годы, уже после объявленной партией перестройки, я встретил Женю у магазина на Мерецкова, он просил милостыню и меня не признал.

Взрослые двор использовали исключительно для хозяйственной надобности: пилили-кололи дрова, да время от времени женщины развешивали на веревках, протянутых от столба к столбу, выстиранное и нестерпимо подсиненное белье, тогда нас, пацанов, беспощадно гоняли.

Не меньше ребят проводил время во дворе разве что Иван Красильников. Отчества его я не помню, не было такой моды – называть соседей по имени-отчеству. У Ивана был свой пункт – он строил большие катера, из тех, о которых говорят, что у них «длина бежит». Узкие, остроносые, они напоминали стремительных щук.

Стапель у Ивана был заложен неподалеку от сарая, где хранились просушенные до звонкости доски и разный нужный инструмент. Целыми вечерами он что-то вымерял, пилил, приколачивал...

Когда наше поколение подросло и уже училось в старших классах, к Ивану в гости приехал его прадедушка, невысокого роста старичок, которому было больше ста лет. Он родился еще при крепостном праве и всю жизнь прожил в селе Римское нынешнего Медвежьегорского района. По роду занятий был портной, может быть, один на всю округу. Шил одежду сельчанам и жителям других сел и деревенок: Тубы, Песчаного, Авдеево. «Аж до Пудож хаживал», – хвастался он. Иван тоже был невысокий, ладно скроенный, даром что из рода портных, и лицом походил на прадеда. Словом, впереди его ожидала долгая жизнь. К тому времени в космосе уже побывал Гагарин, и мой приятель Серега Зюхов не раз говорил: «Люди Марс обживут, а Иван все еще будет строить свои катера».

Но вообще-то, взрослые в наш мир без нужды не лезли и, в общем-то, развлекаться нам не мешали. У них были свои дела и заботы. Например, развенчание культа личности Сталина. Об этом много говорили. Я тогда в силу возраста и политической безграмотности даже имя вождя всех народов не всегда мог вычленивать из текста. Звучит непонятно; сейчас поясню. В любимом марше нахимовцев есть такая строчка: «Потому что мы Сталина имя в сердце своем несем». Я же пел: «Потому что мы встали на имя», – и недоумевал, на какое такое имя встали милые романтичному сердцу юные моряки.

Правда, отголоски партийных разборок слегка коснулись и ребячьей среды. После смерти Сталина и последовавших за нею событий во дворе приобрела популярность частушка: «Берия, Берия вышел из доверия, а товарищ Маленков надавал ему пинков». Но вряд ли на этом основании можно утверждать, что мы в свое время осуждали партийные склоки и, как могли, боролись с тоталитарным режимом.

Потом «надавали пинков» и Маленкову, наступило время «нашего дорогого Никиты Сергеевича». Когда началось освоение космоса и первые полеты «Востоков», мы уже превратились в подростков и начали проявлять интерес к своим сверстницам. Нам стало тесно в родном дворе. Наступила пора коллективных походов на «Барашку», Чертов Стул, лососинские плесы. И мы как-то незаметно для самих себя ушли в большой мир.

Сейчас площадки наших детских игр уже нет. На месте двух домов и снесенных сараев постро-

или большое кирпичное здание. Разъехались и все сверстники. Давненько я никого из них не встречал...

Игрушки

Эта главка, вероятно, будет самой короткой.

Из игрушек у меня в раннем детстве были несколько винтовочных гильз калибра 7,62, снаряженный патрон для нагана с утопленной вовнутрь тупорылой пулей, пара окислившихся гильз то ли от авиационной пушки, то ли от противотанкового ружья. Появление арсенала до сих пор окутано тайной. Неизвестно, откуда все это взялось, и непонятно, куда потом исчезло.

Еще был сильно поцарапанный плоский фонарик со сменными стеклами – красным и зеленым, без батареек и лампочки. Его за полной ненужностью в хозяйстве отдала мамина подруга, тетя Тая, жившая в доме напротив. Она же мне, лопухому первокласснику, подарила коробку цветных карандашей, которые лежали в следующей последовательности: красный, зеленый, желтый, синий, черный, коричневый. Этот порядок я знал как «Отче наш», а карандаши рискнул очинить только тогда, когда перешел во второй класс.

Самой же ценной вещью был, конечно, небольшой деревянный грузовичок, типа студебеккера, но сработанный не в американском городе Саут-Бенд, штат Индиана, где находятся главный офис и завод автопроизводителя, а в местной промартели инвалидов.

О появлении этого раритета мне уже доводилось рассказывать.

Как-то в нашей квартире появился корреспондент ТАСС, фотограф дядя Костя Перфильев из квартиры № 5. Он о чем-то пошептался с мамой и через некоторое время принес из промтоварного магазина оранжевый абажур, штуку материи, сапоги и маленький деревянный грузовичок. Со двора позвали старшего брата, его поставили фоном рядом с блестящими сапогами. Меня посадили на стол и дали этот самый грузовичок, от неожиданности я оцепенел. Мама, как продавщица, растянула в руках материю.

Организовав кадр, дядя Костя со значением взвел затвор фотоаппарата и нажал на спуск, раздался негромкий щелчок, словно веточку переломили. Сделав пару снимков, дядя Костя стал собирать реквизит. Когда дело дошло до грузовичка, я вцепился в игрушку бульдожьей хваткой и пнул фотографа в живот – благо, высоко сидел, а после этого завыл. Мама говорила: «Словно сирена противовоздушной обороны».

Как ни уговаривали меня, как ни увещевали, грузовичок отобрать не удалось, и дядя Костя отнес в магазин только материю, резиновые сапоги и оранжевый абажур.

Через день или два в газете «Молодой большевик», которая позднее стала называться «Комсомолец», появился снимок нашей семьи. В подписи говорилось, что все вещи, свидетельствующие о явном недостатке, молодая пенсионерка, мать двоих детей, приобрела после очередного снижения цен на промышленные товары. Все это позже, когда я уже повзрослел, рассказала мама, я же в детстве был уверен, что грузовичок дядя Костя мне подарил.

Газета сохранилась, я на снимке смешной, круглолицый, в вязаной кофточке. А мама названа пенсионеркой, потому что после гибели отца получала пенсию на меня с братом, ей тогда было тридцать два года.

Кроме того, в дошкольном возрасте мне случилось, хоть и недолго, поиграть с куклой, которая умела плакать, да что там плакать, она рыдала, как прохудившийся пожарный шланг.

Дело в том, что на первом этаже нашего дома жил художественный руководитель театра кукол дядя Леша Коган. Дома он бывал мало – то репетиции, то спектакли, то гастроли. Как-то он дал мне, правда не насовсем, а на время, голову Бабы Яги на длинной палке. Рядом с палкой висела резиновая трубочка. Набрав в рот воды, можно было в нее дунуть, и тогда из глаз Бабы Яги тонкими струйками далеко били «слезы».

В семь лет я уже умел мастерить игрушки сам.

Берешь, например, катушку из-под ниток, острым ножом делаешь ее круглые щечки зубчатыми. Тем же ножом выстругиваешь две палочки – короткую и длинную, из куска хозяйственного мыла и картонки вырезаешь шайбочки с небольшими отверстиями посередине. После этого собираешь всю конструкцию: пропускаешь через катушку вдвое сложенную резинку, в петлю вставляешь короткую палочку, на два хвостика надеваешь вначале шайбочку из мыла, а потом картонную, завязываешь резинку и в получившуюся петлю вставляешь длинную палочку – готово, получается маленький вездеход, который мы называли трактором. Чтобы привести его в действие, нужно для смазки плюнуть между катушкой и мылом, после чего закрутить длинную палочку. Поставишь трактор на стол, и он деловито – только что не урчит – покатится, забираясь по пути на книжки, блюдца, даже подставленную ладонь. С двумя тракторами – один твой, другой приятеля – уже можно устраивать гонки. Главное что? Главное – не перекрутить резинку при заводе, иначе шайба из мыла лопнет.

Иногда я думаю, почему же нам, послевоенным мальчишкам, покупали так мало игрушек? Денег не хватало? Или в нас таким способом воспитывали чувство товарищества?

Тетя Сима, мать моего соседа и сверстника Витьки Крылова, была профсоюзным деятелем на «слюдянке». Жили они, как и все, на картошке и кашах, но у Витьки имелись фильмоскоп и коробка пленок с разными историями и сказками, которые были пересмотрены по нескольку раз.

Как-то мы, два второклассника, придумали новую забаву: пошли на станцию Голиковка, забрались на площадку одного из товарных вагонов и прокатились до Онежского разъезда, откуда обратным поездом доехали до старого вокзала, который сегодня называется «Петрозаводск–Товарный». Особенно интересно и даже жутковато было ехать на открытой, насквозь продуваемой площадке по мосту через Лососинку. О своем путешествии похвастались во дворе, где-то протекло, и вскоре взрослые узнали о нашем приключении. Витьку наказали – стали после школы закрывать дома.

Стучит мне, бывало, в стену:
– Иди кино смотреть!

Бабка Семенова, соседка Крыловых, пустит в квартиру, а Витька уже стоит у стеклянной двери с фильмоскопом, так, через стекло, и показывал диафильмы.

...Конечно, был у меня в юные годы и покупной пистолет, в который вставлялась обойма пистонов на узкой бумажной ленте, и «морской» алюминевый кортик с якорем на черно-желтой ручке и гардой, лихо закрученной, как фатоватые усы д'Артаньяна, но надежное оружие для дворовых битв обычно делалось своими руками.

А может, и хорошо, что не баловали нас игрушками?

Может, это был такой хитроумный план, чтобы с младых ногтей приохотились к чтению? Что тут сказать? Это сработало.

Кто не спрятался, я не виноват

*Пособие по дворовым играм
середины прошлого столетия*

Война – фигня, главное – маневры.

Описание одного из дворов, забытого в официальной хронике города, ничего не даст ни уму, ни сердцу, если не рассказать о том, как и во что играли в этом абсолютно реальном и все-таки чуточку метафизическом пространстве вселенной мои сверстники – мальчишки и девчонки пятидесятих годов прошлого века (как странно писать

эти два слова – «прошлого века», до сих пор не могу привыкнуть).

Я допускаю, что в других дворах в те же самые игры играли немного по-другому, но другие дворы – другие миры.

А в нашем было так.

Прежде чем начать игру, нам нужно определить водящего.

Самая простая и самая короткая считалка: «Шишел, мышел, вышел». Кто остался, кому уже не с кем считаться – тот и водит.

Чуточку сложнее считалка в четыре слова: «Стакан, лимон, выйди вон». Но тоже, прямо скажем, не интегральное исчисление.

Популярной у нас, а возможно и во всей стране (мне доводилось ее слышать в разных городах), была считалка о демократичной компании, сидящей на сказочном крыльце: «На золотом крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной. Кто ты будешь такой? Говори поскорей, не задерживай добрых и честных людей». (Каждое слово и даже каждый предлог – это тот же палец, которым тебя или кого другого из стоящих в общем круге ткнули в грудь.)

Очень интересная считалка, с помощью которой можно было выяснить симпатии и антипатии собравшихся поиграть: «Вышел немец из тумана, вынул ножик из кармана и сказал: «Буду резать, буду бить. С кем останешься дружить?» Тот, на ком заканчивалась считалка, выбирал еще кого-то, счастливчик – следующего и так, пока не выявлялся всеобщий отверженный, он-то и становился водящим.

Иногда собравшиеся становились в общий круг и протягивали вперед два кулака, потом начиналась жеребьевка: «Шла кукушка мимо сада, поклевала всю рассаду и кричала «Ку-ку-мак» – убирай один кулак». Понятно, что последний, оставшийся с протянутой рукой, считался проигравшим.

У девчонок, обожающих все непонятное и таинственное, любимой была считалка на «иностранном» языке: «Экота, пэкота, чика, тома, абуль, фабуль, дай мана, экс, пекс, пулер, пак, наур». (Ужас, ни одного слова не понял, кроме того, что кто-то просит дать ему «мана». А что такое «мана»? Может, имеется в виду манага? Так называется напиток из молока, в котором выварили достаточное количество зрелой конопля. Или это усеченная до полной неузнаваемости обычная манная каша? Темна вода во облацех воздушных.)

В другой «иностранный» считалке, которая вспоминается, было, по крайней мере, одно понятное слово: «Эне, бене, раба, квинтер, финтер, жаба. Эне, бене, рес, квинтер, финтер, жес». Как

и в предыдущей считалке, тот, на ком заканчивалось последнее слово, выходил из круга.

Интересно, что, несмотря на кажущуюся бессмысленность этой тарабарщины, в ней, тем не менее, чувствуется нечто европейское, в отличие, например, от «иностранной» считалки, записанной Владимиром Ивановичем Далем, в которой явно угадывается восточный колорит: «Одиан, другиан, тройчан, черичан, падан, ладан, сукман, дукман, левурда, дыкса».

Мальчишки, если их собиралось немного, могли определить водящего с помощью «дыма». Кто-то подбрасывал палку и ловил ее в произвольном месте. Следующий обхватывал эту палку уже поверх кулака заводилы и так до самого верха, затем ставилась «крыша» – раскрытая ладонь и «труба» – кулак. Кому выпадало несчастье оказаться «дымом», тот становился водящим.

Итак, водящий определен, можно начинать игру.

Самой популярной у нас были
«ПРЯТКИ»

Категорически запрещалось прятаться в других дворах и тем более в сараях. Но и без этого мест, чтобы затаиться, было больше чем достаточно.

Водящий становился в заранее определенном месте, оно называлось «домом» (это мог быть пожарный колодец или торец ближайшего к нему сарая), закрывал глаза и начинал громко считать: до десяти, двадцати, двадцати пяти, пятидесяти – как договаривались. Счет неизменно заканчивался магической фразой, почти заклинанием: «Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать, кто не спрятался, я не виноват».

Пока водящий стоял один как перст на сквозняках неизвестности, остальные прятались.

Но вот водящий отправляется в поиск, кружит по двору, словно коршун в небе.

– Колька, выходи, ты за дровами! – и бежит быстрее к «дому», чтобы «забакать» найденного приятеля. Теперь тому скучать у колодца, ждать, когда найдут остальных.

Интрига игры заключалась в том, что каждый из спрятавшихся, успевший добежать до «дома» раньше водящего, постучать по стене и прокричать заветное «бак-балибак», тем самым спасал всех найденных товарищей.

Тогда игра начиналась сначала.

Если же водящий находил всех, то его место занимал первый из найденных, тот самый Колька, которому в этот раз не повезло.

Вариантом этой игры были
ДВЕНАДЦАТЬ ПАЛОЧЕК

С помощью чурбачка и небольшой доски делалось нечто похожее на детские качели. На одном краю доски – двенадцать палочек, по другому топлют ногой. Палочки, разумеется, разлетаются во все стороны, и пока водящий их собирает, остальным нужно спрятаться. Времени на это отпущено совсем немного.

Более того, во-первых, водящий мог после удара поймать какую-нибудь палочку и тогда он имел право выбрать любого на свое место. Во-вторых, даже собирая рассыпанные палочки, водящий всегда видел, кто в какую сторону побежал.

Поэтому тактика была простой: как бы прячешься в одном месте, но не засиживаешься в нем, а незаметно перебираешься в другое, так снайпер после выстрела спешит поменять позицию.

Но вот палочки собраны, уложены кучкой, и водящий начинает поиск.

Обнаружив кого-нибудь, тотчас называет его по имени и отправляет палочки в новый полет. Передавая таким образом эстафету, он сам спешит спрятаться. Но если водящий в своих поисках отойдет далеко от «дома», то всегда найдется кто-нибудь хитрый и быстрый, который выскочит из самого неожиданного места и, огласив двор кличем индейцев, победно топнет по доске – вот тебе, недотепа!

Хорошая игра, развивает не только ловкость, быстроту реакции и сообразительность, но и тактическое мышление.

ВОЙНУШКИ

Вариант для бойцов дошкольного возраста

Оголтело носиться по двору, размахивая покупными или самодельными пистолетами и автоматами, и кричать: «Ба-бах! Ты убит!» – «Сам ты убит!» – «Жила!» – «Сам ты жила!»

Иногда при этом разбивались на две команды, причем ни одна из них не хотела быть «немцами» и, как во время гражданской войны, «наши» сражались против «наших». Махновщина, да и только: «Бей белых, пока не побелеют, а красных, пока не покраснеют!»

Дерзкие рейды среди поленниц дров и сараев, как и отчаянные атаки, заканчивались победой обеих враждующих сторон.

Моральное удовлетворение получали разве что взрослые, потому что, пока дети воевали, можно было спокойно прибраться в доме, попить чайку и поговорить о том, что денег ни на что не хватает, а жить как-то надо.

Победы и поражения юных бойцов забывались уже после вечернего чая, и спали они спокойно.

Старшее поколение, примерно так с первого по четвертый класс, как былинные богатыри «огневою» бою предпочитало схватку на мечач.

Фехтование имело непреложные дворовые законы. Вначале требовалось не менее трех раз скрестить оружие: крек – крек – крек, и только потом разрешалось колоть противника.

Мечи, а также сабли, шашки и палаши мы выстреливали в свободное от боевых действий время. Что же касается щитов, то самыми шикарными считались те, что делались из фанерного бочонка, распиленного вдоль на две половинки. Их владельцы мнили себя чуть ли не римскими легионерами. Я свою защиту – круглую крышку от бельёвого бака на веревочной перевязи – обычно забрасывал на спину, потому что обожал ближний бой, когда можно было пустить в ход верный кинжал.

В одной из таких рубок мне выбили два передних зуба, правда молочных, на месте которых потом выросли обычные. Тем не менее думаю, что имею полное право носить на правой стороне груди прямоугольную нашивку из шелкового галуна тёмно-красного цвета, как при легком ранении.

Летом, когда на бузине вызревали твердые зелёные ягоды, все мужское население, пригодное по возрасту для войнушек, обзаводилось дудками, которые можно отнести к духовому типу оружия.

«Стреляли» из них, а точнее – плевали главным образом в цель – на меткость, а если друг в друга, то исключительно из озорства и полноты бытия.

Из чего делалась дудка, ведь растения с таким названием нет?

В ботанике я не силен, поэтому стал листать справочники и пришел к выводу, что это было зонтичное растение под названием «вех».

На картинке он выглядел точно так же, как и тот, что рос в палисаднике за нашим сараем.

Но, может, это был все-таки не вех?

Ведь вех, он же цикута, кошацьа петрушка, омежник, водяная бешеница, водяной болиголов, мутник, собачий дягиль, гориголова, а также свинья вошь – одно из самых ядовитых растений. Причем оно ядовито все – с головы до пят. «Цикута, – прочитал я, – коварна своим приятным морковным запахом и корневищем, по вкусу напоминающим брюкву или редьку». Что правда, то правда: обдерешь твердую кожу, попробуешь на вкус мякоть – морковка.

«100-200 г корневища достаточно, чтобы убить корову, а 50-100 г убивают овцу, – говорилось в справочнике. – Из семян и корневища извлекают

цикутное масло, или цикутол. Цикутол считается ядовитым, в смоле корня содержится цикутоксин. Наиболее ядовито начало растения, уже через несколько минут после приёма внутрь вызывающее тошноту, рвоту и колики, за которыми могут последовать головокружение, шаткая походка, пена изо рта. Зрачки расширены, эпилептиформные припадки и судороги могут закончиться параличом и смертью. Помощь при отравлении – скорейшее промывание желудка взвесью активированного угля и танином».

Сократ, которого афинское общество обвинило в том, что он не чит богов и тем самым развращает юношество, был приговорен к смертной казни. Как свободный гражданин, он отказался от услуг палача и сам принял чашу цикуты.

А мы жевали эти дудки – и ничего.

Или это был какой-то другой вех – не ядовитый?

Или вообще не вех?

Покопался в справочниках, и прямо камень с души упал. Или гора с плеч? Как правильнее? В общем, легче стало. Не из веха мы вырезали свои дудки, а из растения, которое называется борщевик. Даже самое имя этого представителя семейства зонтичных говорит о его миролюбивом характере и съедобных свойствах. Растет – повсеместно, известен – издавна, по-латыни он *Heracleum*, назван так за свой высокий рост в честь героя древнегреческой мифологии Геракла.

«Молодая зелень некоторых растений этого рода использовалась для приготовления блюд, которые по этой причине также назывались «борщ». В такие блюда, кроме борщевика, входили и овощи, но сам борщевик со временем почти перестал употребляться в пищу. С XVIII века «борщ» значит уже суп со свеклой», – пишут специалисты.

Алевтина Дмитриевна Рогожина, которой я рассказал о своих ботанических изысканиях, с улыбкой сказала:

– Не думаю, что дудки вырезались из борщевика, который вызывает на коже ожоги, скорее всего это был дудник. Тоже растение из семейства зонтичных. В народной медицине оно считается лекарственным, а некоторые виды используются в кондитерской и ликёро-водочной промышленности.

Думаю, Алевтина Дмитриевна права. А то я удивлялся, почему это мы в детстве были такие ядоустойчивые, да и на ожоги никто не жаловался.

За бузиной, которая была основным снаряжением для «стрельбы» из трубок, мы бегали на Зарецкое кладбище.

Там я впервые наблюдал перипетии конкурентной борьбы.

На старых могилах в тишине и покое частенько выпивали мужики. Тут же неподалеку обычно паслась и старушка с черной дерматиновой сумкой, которая собирала на кладбище бутылки.

Потом у нее появилась соперница.

Мирно поделить территорию добычицы не смогли.

Вместо этого первая старушка стала носить в сумке несколько граненых стаканов. Мужики только достанут поллитровку, она тут же с улыбкой: «Вот вам, мальчики, посуда. Я её до скрипа мою, кипятком обдаю. Только вы уж бутылочку-то не выбрасывайте».

Вторая старуха пошла еще дальше: она стала предлагать страждущим кроме стаканов еще и закуску – мелко порубленный соленый огурец.

Боюсь представить, до каких горних высот сервиса могла бы дойти эта схватка, но внезапно одна из старух перестала появляться на кладбище, то ли сменила место промысла, то ли умерла. Ее конкурентка тотчас перестала мыть стаканы, и вскоре мужики брезгливо перестали пользоваться ее посудой.

Особым видом личного оружия были рогатки.

Мальчишка без рогатки – это уже не мальчишка, а девчонка.

Чтобы сделать эту ручную катапульти, необходимы были рогулька, резинка, крепкие нитки и небольшой кусочек кожи для так называемого «седла».

Рогулька вырезалась из подходящего сучка березы, резинка – из старой велосипедной камеры, что же касается седла, то с материалом для него ни у меня, ни, в свое время, у старшего брата проблем не было – после сдачи коровы на заготовку маме выдали две литые резиновые подметки 45-го размера и рулон выделанной кожи, из которой можно было сшить сапоги.

Из личного опыта, а это, как умение ездить на велосипеде, не забывается, знаю, что расстояние между рогами рукоятки должно быть семь-десять сантиметров, длина резинки – сантиметров двадцать при ширине сантиметр-полтора, ширина кожи для седла три-четыре сантиметра при длине пять-шесть сантиметров. Для того чтобы надежно закрепить резинку на рукоятки, в рогах иногда делают пропилы, вставляют в них резинку петлей, завязывают ее, а затем отдельной ниткой плотно обматывают и концы самих рогов, у рогатки это самое уязвимое место, поэтому его после обвязки неплохо пропитать клеем или каким-нибудь лаком.

Стреляют из этого грозного и эффективного

оружия мелкими камешками. Идеальным же снарядом у всех поколений считались шарики от разбитого шарикоподшипника.

Из нитяной резины мастерились миниатюрные рогатки с ручками, выгнутыми из алюминиевой проволоки. На их изготовление требовались обычные пассатижи, сам же производственный процесс занимал не более пятнадцати-двадцати минут. Из этих рогаток стреляли пульками-скобками, которые сотнями делались из той же проволоки.

Необходимо отметить, что в дворовых войнушках рогатки, даже в облегченном варианте, никогда не применялись. Так что это скорее было оружием сдерживания (наподобие атомной бомбы), применение которого чревато непредсказуемыми последствиями.

Когда случались оттепели, во дворе лепили снеговиков и строили снежные крепости. Это было время любимой войны снежками.

На знаменитую картину Василия Сурикова «Взятие снежного городка» наше озорство мало походило, конница в нем не участвовала, только пешие порядки, но веселья, право же, было не меньше. Что характерно – попадание снежка в руку или ногу считалось «ранением», но поскольку в боевых действиях не возбранялось принимать участие даже «убитым», то продолжались они до полного изнеможения воюющих сторон, а заканчивались братанием и всеобщим безудержным бахвальством.

Когда появились ворсистые теннисные мячи, у нас их называли «арабскими», одной из любимых игр стала лапта, она была «круговая» и «беговая».

КРУГОВАЯ ЛАПТА

Все играющие рисовали себе на земле круги-«домики», все имели индивидуальное средство защиты – лапталку, обычно небольшую досочку с выструганной для удобства держания ручкой.

Водящий должен был запятнать кого-нибудь мячом, остальные игроки, естественно, защищались.

«Дом» можно было покидать – выскакивать из него на одной ноге.

Если хоть кто-нибудь выходил на двух, то водящий имел право набегать. Обычно в начале игры мяч выбивался достаточно далеко, и, чтобы обострить игру, сделать ее более драматичной, самые рискованные специально покидали свои «дома» на двух ногах, чтобы водящий оказался чуть ли не в центре «поселения».

Если же при этом он успевал занять чей-то сво-

бодный «дом», то раззява автоматически становился водящим.

Когда в игре участвуют человек десять-пятнадцать, то она становится интересной, динамичной и веселой.

БЕГОВАЯ ЛАПТА

Это тот же бейсбол, в который играют по всему миру, но с некоторыми специфическими особенностями.

Если коротко, то на земле обозначается «город», а на некотором расстоянии от него «пригород». Играть две команды. Одна занимает место в «городе», вторая – в поле. По мячу бьют специальной битой. Каждый играющий в «городе» имеет право на один удар. Пока мяч находится в ауте, ударивший должен добежать до «пригорода» и, желательнее, вернуться обратно. «Осаливать» игроков можно только во время этой пробежки. Как только в кого-нибудь из них попадут мячом, команды меняются местами. То же самое происходит, если один из полевых игроков ловит «свечу».

Это общая схема, и, как в каждой схеме, в ней отсутствуют детали и подробности, которые делают игру азартной и увлекательной.

Петр I обожал беговую лапту, и по его приказу эту игру использовали как средство физической подготовки солдат вначале Семёновского, Преображенского и Шевардинского полков, а затем и других воинских подразделений. В советское время в нее активно играли в войсках Красной армии. В середине прошлого века даже проводились официальные первенства по русской лапте.

В нашем дворе в беговую лапту, к сожалению, играли мало и только потому, что не было достаточно пространства для поля, мяч постоянно улетал то в палисадники, то в поленницы дров.

Кроме того, в нашем дворе довольно часто играли в **РЮХИ**, это те же городки, причем, как и в большом спорте, выставлялись все пятнадцать канонических фигур: пушка, вилка, звезда, стрела, колодец, коленчатый вал, артиллерия, ракета, бабка в окошке, рак, часовые, серп, тир, самолет, письмо.

Из игр, которые почему-то почти не прижились, помнятся **ЧИЖИК**, **КИСЛЫЙ КРУГ**, **ЩУКА** (одного поймал – двое водят), **СТРЕЛКИ** (когда одна команда убегает, пометая свой путь меловыми стрелками, а вторая её ищет), **ЗЕМЛЯ** (иначе **НОЖИЧКИ**). Одно время наши девчонки увлекались **КЛАССИКАМИ**.

Что удивительно, у нас почти не играли в футбол, и, повзрослев, я так и не стал болельщиком.

Что в имени твоём?

Улица все переименовывает на свой демократичный и более удобный для обихода лад.

Ну кто же назовет своего соседа Александром Александровичем? Конечно, он станет Сан Санычем.

А высокий худощавый мужчина, живущий через дорогу наискосок, имени и фамилии которого никто не знает, может, даже у него их вовсе нет, будет Жирдяем. Но это до появления телевизоров, потом-то он превратится в Тарапуньку, потому что окажется похожим на Юрия Тимошенко, артиста, известного по сценическому дуэту с Ефимом Березиным (Тарапуньки и Штепселя) – такой же высокий, лысоватый, с усами.

Это общее правило. Под него попадают все без исключения.

Николай, будь он хоть круглый отличник и член совета пионерской дружины, во дворе все равно будет Колькой, Константин – Коськой, Евгений – Женькой или Джоном, а Сергей – Серым.

Случались исключения.

Митю Притулина никогда не называли Митькой, но только Митей. Уважали. Однажды во время игры в беговую лапту Митя нечаянно подсунулся под удар и получил битой по бедру. Как только кость выдержала? Митя до конца игры потирал ушибленную ногу, но из команды не ушел.

Владимиров у нас было два, один просто Вовка, второй – Шпиндель. Почему Шпиндель, неизвестно, ведь в переводе с немецкого это – веретено, а в станках так называется вал, имеющий как правые, так и левые обороты вращения. Но звучит красиво, хотя и не очень изысканно. Может, это взрослые придумали, у которых Вовка постоянно крутился и путался под ногами?

Кстати, обращали внимание – в детстве уличные имена редко бывают обидными. Мой школьный приятель Володя Щеголев был, естественно, Щегол, а Болеслав Пионтек (он поляк), с которым я дружил много лет, – Болик.

Случались и необычные прозвища.

Так в наш двор часто приходил взрослый папень, в нашем понимании – мужик, которого называли Гуляй-Нога.

Свое прозвище он получил в начале шестидесятых. Как раз прошла денежная реформа и цены на все товары (и зарплата тоже) уменьшились в десять раз. Спички, которые всегда были 8 копеек, стали стоить копейку, сливочное масло было тридцать шесть рублей за килограмм, стало три-шестьдесят. Водка местного розлива, так называемый «спотыкач» или «коленвал», стала два-двадцать.

Однажды на эту тему у меня произошел спор со

сверстником. Не было, говорит, такой водки, три-восемьдесят семь за нее платили. Не путай, говорю, я хоть в то время ничего крепче кваса не пил, но цены помню, вначале водка была два-двадцать, потом два-восемьдесят семь, а потом три-шестьдесят две.

А пакетик соленой кильки, которая во все времена и при любых правительствах считалась лучшей закуской, стоил четыре копейки.

Впрочем, стопроцентной уверенности у меня в этом нет, память могла и подвести, людям вообще свойственно ошибаться и тем более заблуждаться, о чем красноречиво свидетельствуют наши революции, перестройки, первую из которых объявил еще Александр II, и многочисленные реформы. У нас постоянно что-то реформируют, и это более всего походит на бесконечное латание дороги, проложенной по зыбунам.

Но как бы то ни было, именно за той водкой и той килькой отправилась компания, которая собралась в садике у Сереги Шарина.

Пошел он в магазин, который стоит напротив пионерского дома. Водку и хлеб купил, а с килькой вышла заминка. Подождите, говорит продавщица, товар принимается. Мужик обошел здание и видит – не врет тетка, действительно, в магазин только-только привезли машину соленой рыбы. Но пока бочки перекантуют, пока после этого перекурят, пока накладные подпишут – долго, а там люди ждут.

Он подождал, пока грузчики скрылись в подсобке, повалил одну из бочек набок и выкатил ее со двора. Грузчики закончили разгрузку, – все, говорят, ровно семь, как в аптеке. Глаза-то разуйте, отвечают им работники магазина, откуда же семь, когда шесть? Пересчитали – точно, одной не хватает. Выскочили на улицу – так вот же она. Мужик уже успел бочку через проспект Урицкого перекатить. Догнали. Ты что ж, говорят, делаешь? А что? – отвечает наш герой. – Я иду себе спокойно, а эта зараза прилепилась как банный лист, катится рядом и катится. Грузчики так развеселились, что даже забыли накостылять злоумышленнику по шее. Вернулся он в компанию без кильки и рассказал в свое оправдание, как и что произошло. Друзья тоже в смех, а мужика с тех пор стали звать не иначе как Гуляй-Нога.

Отличающимися от официальных, но всем понятными, были и названия районов, улиц, магазинов, столовых.

Наша Луначарского была Луной, так что моя бабушка не очень ошибалась, когда писала этот адрес на конверте.

Улица Чернышевского именовалась Черныгой, Пробная – Пробкой, Машезерская – Машкой.

Все, что располагалось за мостом, было «городом», а наш район, соответственно, «зарекой».

Приезжих особенно удивляла Северная точка, которая вообще-то находилась отнюдь не на северной окраине.

А почему она «северная» – это большая военная тайна, почти как у Аркадия Гайдара, и открыть ее можно только землякам и лишь под большим секретом. Дело в том, что после войны, когда в Петрозаводске был заложен судостроительный завод «Авангард», аналогичное производство было организовано и на юге страны. У военных ум стратегический, поэтому они назвали петрозаводское предприятие «северной точкой», а то, расположенное в более благодатном климате, «южной». Так что название это историческое, оно сродни плакату «Не болтай! Враг подслушивает» и призывает нас к неусыпной бдительности. В середине прошлого века наш судостроительный завод был также известен как «почтовый ящик». Бедные шпионы никак не могли догадаться, что же производится за высоким забором, а наши люди знали, но молчали.

Петушки, Рыбка, Пятый поселок – это названия из того же времени.

Петушки – потому что в этом месте на берегу Онега всегда селилось много куличков, Пятый поселок свое имя получил от находившегося там в годы войны концлагеря № 5, что же касается Рыбки, то этимология этого наименования туманна и до сих пор до конца не выяснена.

Район за Левашовским бульваром, как и до революции семнадцатого года, назывался Слободкой, пр. Карла Маркса – Мариинкой, а столовая № 20 на углу Карла Маркса и Дзержинского была просто «двадцаткой».

Наши известные на всю страну диссиденты еще старательно выводили в своих тетрадях ученическими ручками с перышком № 86 «миру – мир» и «мама мыла раму», а юные петрозаводские вольнодумцы уже говорили «плюнуть с бороды на лысину», что означало пройти по проспекту Карла Маркса в сторону площади Ленина. Неистребим на Севере дух свободы и тираноборчества.

Топоним, читаю в онлайн-энциклопедии – это имя собственное, относящееся к любому объекту на земле, природному или созданному человеком. В зависимости от характера именуемых объектов выделяются: названия водных объектов – гидронимы (Черное море, река Сухона); названия объектов сухопутной поверхности земли – оронимы (гора Эльбрус, Воробьевы горы); названия подземных объектов – спелеонимы (Красная пещера); названия мелких объектов – микропонимы (скала Па-

рус, Марьяна пожня, Сенькин покос); названия населенных мест – ойконимы (город Псков, деревня Опалиха); названия внутригородских объектов – урбанонимы (проспект Вернадского, улица Волхонка, магазин «Три толстяка», кафе «Столешники», оно же «У дяди Гиляя»).

В другом источнике сказано, что в современной топонимике выделяются астионимы городов (Астана, Париж, Старый Оскол), ойконимы поселений и населенных пунктов (станция Кумылженская, деревня Финев Луг, село Шпаковское), урбанонимы различных внутригородских объектов: театров, музеев, садов и скверов, парков и набережных и др. (горсад в Твери, стадион «Лужники», жилой комплекс «Раздолье»), годонимы улиц (Волхонка, улица Страж Революции), агоронимы площадей (Дворцовая и Троицкая в Санкт-Петербурге, Манежная в Москве), геонимы проспектов и проездов (проспект Героев, проезд Первой Конной), дромонимы транспортных магистралей и дорог разного типа, как правило, проходящих за пределами поселений (Северная железная дорога, БАМ), хоронимы любых территорий, областей, районов (Молдаванка, Стригино), пелагонимы морей (Белое, Мертвое, Балтийское), лимнонимы озер (Байкал, Онежское, Тростенское), потамонимы рек (Волга, Нил, Ганг), гелонимы болот (Васюганское, Синявинское), оронимы возвышенностей, хребтов, холмов (Пиренеи, Альпы, Боровицкий холм, Студеная гора), антропотопонимы, произошедшие от фамилии или личного имени (Магелланов пролив, город Ярославль, множество сел и деревень с названием Ивановка)...

Словом, наука не дремлет и старается объяснить нам, дилетантам и обывателям, все и в подробностях.

Я уже давно интересуюсь историей Петрозаводска и с некоторых пор стал собирать местные названия районов, местечек, улиц, памятников, магазинов, кафе и ресторанов, отдельных зданий и проч.

Не разбрасывая эти примеры по отдельным разделам серьезной и строгой научной дисциплины, назвал все скопом, просто и понятно – уличная топонимика.

Не думаю, что когда-нибудь напишу на эту тему что-то основательное, почти научное, хотя бы потому, что материал собран далеко не весь, да и научным слогом не владею.

Но и то, что удалось выявить и зафиксировать, по крайней мере, любопытно.

Вот и решил воспользоваться этим повествованием как попутной лошадкой, чтобы привести здесь часть своей коллекции.

Но должен сразу предупредить, что эти уличные названия не укладываются, как основной текст, в хронологические рамки 50–60-х годов, некоторые топонимы появились раньше, а некоторые (причем довольно значительная часть) позже указанного времени.

Сняв с себя, таким образом, все возможные и предполагаемые претензии, перехожу к неофициальной части городской географии.

Голиковка, Зарека, Перевалка (где производилась перевалка леса) – это понятно и не требует пояснений, как говаривал наш лингвист и вообще хороший человек Георгий Мартынович Керт, это все «родные сердцу имена».

С **Ключевой**, или **Ключагой**, тоже вопросов не возникает, еще в «Олонецких губернских ведомостях» эта местность фигурирует под названием «**Двенадцать ключей**».

А вот с **Кукковкой** ясности нет.

Чаще всего говорят, что название родилось от карельского слова «кукко» – петух. Там даже в 1988 году, когда микрорайон еще строился, появился «Кукковский петух», сработанный из нержавеющей стали. Эту концептуальную вещь как символ перестройки и свободы создал скульптор Вальтер Сойни, кстати сказать, «Петух» – его первая монументальная скульптура.

Но из архивных документов можно узнать, что когда Кукковки как места жительства еще не существовало, тамошняя гора уже называлась Куковой и стояла там деревянная часовня во имя Воздвиженья Честного и Животворящего креста Господня. Так при чем здесь петух? Есть Куковая гора и в Ленинградской области. А в деревне Заречье (Тульская обл.), где даже сыщики не найдут карельских топонимов, есть Куковая улица. Так, может, не от «петуха», а от «кукушки» идет это название? Или от куколя? Монашеского головного убора в виде остроконечного капюшона с краями, опускавшимися на плечи и спину (лат. *cucullus* – капюшон). Я ни на чем не настаиваю, лишь сею сомнения и полагаю, что нашим лингвистам есть еще над чем подумать и сказать свое решительное слово.

Та же Куковая гора в документах девятнадцатого века иногда именуется **Цыганской** горкой, потому что там, за чертой города, обычно останавливались кочующие цыгане.

Сенаторка – местность за тюрьмой, включающая и склон горы.

Старожилы помнят, что некогда там находился городской трамплин.

В 1937 году газета «Красная Карелия» писала: «Закончено строительство лыжного трамплина в Петро-

*Проект Ленина.
Справа 119-квартирный дом.
Вдали вокзал*

Проект Ленина. Вид на Онегу

*Проект
К.Маркса*

*Строительство двух зданий
на пересечении улиц
Ленина и Куйбышева*

*Ул. Дзержинского.
Главпочтамт.
«Детский мир»*

*Площадь 25 Октября
(ныне площадь Ленина)*

Начало Первомайского проспекта

*Улица Мурманская.
Вид с Первомайского проспекта*

заводске на правом берегу реки Неглинки у местечка Сенаторка. Строительство проводилось отделом физкультурных сооружений Ленинградского комитета по делам физкультуры и спорта под руководством инженера по физкультурным сооружениям, мастера спорта т. Мейера. Высота построенной эстакады достигает 18 метров над обрывом. Общая высота эстакады и горы – 46 метров, – выше петрозаводской парашютной вышки. Высота свободного полета лыжника – 25 метров. Сегодня, 6 марта, состоится приемка трамплина. С 4 часов 30 мин. дня будут произведены первые прыжки».

А до революции горожане обыкновенно ходили

на Сенаторку послушать первых соловьев, и близость тюрьмы их при этом не смущала.

Этимология этого названия мне неизвестна, сам же топоним в разговорной речи сегодня употребляется крайне редко.

Еще одно из почти забытых названий – **Американский городок**.

Это жилой квартал, построенный американскими финнами в районе нынешних улиц Анохина – Ленина – Антикайнена – М. Горького. В настоящее время все старые дома уничтожены пожарами или попали под снос.

Сулага – производное от Сулажгоры.

*Здание городского совета
депутатов трудящихся*

*Лодочная стоянка
на Онежской набережной.*

*Парк пионеров.
(Ныне Губернаторский сад)*

*Здание Музыкально-
драматического театра*

*Исторические здания
на проспекте Ленина*

Пионерский отряд имени семилетки

Дом культуры ОТЗ

Кинотеатр «Сампо»

*Аттракционы
Парка культуры и отдыха
в Петрозаводске*

*Первомайская
демонстрация*

Пески и сейчас Пески. Это песчаный берег Онего по дороге в Соломенное. Во второй половине девятнадцатого века туда любили выезжать на пикники. На конных экипажах, с легкими креслами и пледом, с корзинами снети и самоварами, которые там же грели сосновыми шишками. У местных рыбаков можно было за умеренную плату заказать тоню. Невод заводился и вытаскивался на берег под бдительным взглядом самого заказчика. В улове попадались окуни, плотва, щука, а порой и лосось.

Мариинка. Это нынешний проспект Карла Маркса. Первоначально улица называлась На-

горной линией, затем Петербургской, впоследствии стала Английской (на ней жили многие иностранные специалисты, приехавшие на Александровский завод с Чарльзом Гаскойном).

В конце девятнадцатого века после двух посещений Петрозаводска великим князем Владимиром Александровичем Романовым (генералом от инфантерии, генерал-адъютанта, члена Государственного совета, сенатора, третьего сына государя Александра II) его имя по решению городской думы было присвоено нынешней Онежской набережной, а в честь супруги его высочества великой княжны Марии Павловны бывшую

Английскую переименовали в Мариинскую. Проспектом Карла Маркса она стала в 1918 году.

Пименовский мост. Так иногда по старинке называли нынешний Зарецкий мост, соединяющий улицу Луначарского с центром города. Действительно, первый мост, появившийся на этом месте, был построен «тщанием», то есть на средства купца первой гильдии Марка Пименова и поэтому по праву носил его имя. Теперь мосту вернули название.

Абрамовский мост. Он соединяет улицу «Правды» с площадью Кирова. С этим сооружением не все так просто, как может показаться на первый взгляд. Первоначально мост в этой части города назывался Большим, после перестройки купцом Трофимовым он, естественно, стал Трофимовским, а когда его ремонтом и благоустройством занялся купец Абрамов, превратился в Абрамовский. В 1918 году, в пору «красных крестин», мост получил новое имя – Советский. В середине прошлого века этот мост разобрали и выше по течению Лососинки построили новый, существующий поныне, который унаследовал оба названия – как официальное, так и неофициальное.

Парашютка – местность, расположенная на левом берегу Лососинки между старым Советским (Абрамовским) и Зарецким (Пименовским) мостами. До войны там была построена для Осоавиахимовцев парашютная вышка. Возможно, с нее прыгали и после войны, но таких данных у меня нет, я помню вышку уже дряхлой, неимоверно скрипучей, доживающей свой спортивный век.

Каменный Бор. Сейчас туда ходят купаться и даже пытаются ловить рыбу, а раньше добывали камень для строек. Когда вышла в свет «Туманность Андромеды» Ивана Ефремова, школьный друг моего старшего брата Семен Цыпук взял зубило, молоток и выбил на высоком каменном карнизе строки из заключительной главы романа: «Ты, который позднее явишь здесь свое лицо! Если твой ум разумеет, ты спросишь: кто мы? Кто мы? Спроси зарю, спроси лес, спроси волну, спроси бурю, спроси любовь. Спроси землю, землю страдания и землю любимую. Кто мы? Мы – земля!» Так родилась еще одна городская тайна.

Еврейская горка. Улица Высотная и местность, к ней прилегающая, где находятся студия телевидения и республиканская больница.

Старый вокзал. Сегодня это железнодорожная станция «Петрозаводск – Товарный». А старой она стала в 1955 году, когда у города появился новый вокзал, до сих пор принимающий пассажирские поезда.

Совхозное поле. Начало Октябрьского проспек-

та, где до войны были совхозные поля и даже предполагалось строительство аэродрома.

Закаменка, или Закаменский район. Квартал, расположенный «за каменным зданием», в котором сейчас в бывшем губернаторском доме находится Национальный музей РК. Очень старый топоним, о котором напоминает ныне существующий Закаменский переулок, а раньше была еще и Закаменская улица, которую впоследствии в честь пятидесятилетия председателя Совета Народных Комиссаров Карельской Автономной Советской Социалистической Республики (АКССР) переименовали в улицу Гюллинга. Когда Гюллинга репрессировали, она стала улицей Герцена.

Черёмушки – район от железнодорожной больницы в сторону танка. Он включал в себя и Дом бокса.

Ямка. Овраг в центре города, образовавшийся после разлива Лососинки, так называемого наводнения 1800 года. Некогда здесь по согласованию с городской думой даже брали песок для нужд Александровского завода, затем долгое время находился зимний рынок, площадь, которую он занимал, в городских хрониках указывается как Подгорная. В тридцатые годы силами горожан здесь был разбит парк, который первоначально назывался Онегзаводским.

Сегодня по аналогии с историческим, можно сказать хрестоматийным, названием «Ямкой» стала и пойма реки Неглинки, примыкающая к двум «горбатым» мостикам.

Лобан. Плотина на реке Лососинке выше стадиона «Спартак». По некоторым (непроверенным) данным, здесь некогда стоял дом крестьянина Лобанова. Интересно, что Лобаном лет сорок назад называли на Перевалке искусственную запруду на реке Неглинке (в конце Олонецкой улицы, неподалеку от школы № 20). Об этом мне рассказал петрозаводчанин Владимир Потехин.

Детская горка. Склон горы в Ямке, где в пятидесятые – начале шестидесятых годов зимой заливалась ледяная горка. После строительства мемориального комплекса с Вечным огнем на этом месте появилась широкая лестница, и теперь малышня катается неподалеку от нее, поскольку крутые склоны оврага какими были, такими и остались, но старый топоним из живой речи практически исчез.

Тринага – уголок города в Октябрьском районе, там, где находится бывший Дом культуры строителей и магазин № 13.

Ёлочка. Первый микрорайон в начале Октябрьского проспекта, где дома действительно поставлены «в елочку».

Шарманка – кинозал в доме № 5 по проспекту Ленина, был такой.

Плешка – площадка вокруг пушки, установленной в честь 200-летия Александровского (Онежского тракторного) завода на берегу Лососинки.

Немецкая слобода – улица Нойбранденбургская и ее окрестности.

Мурманка, то есть улица Мурманская, названа не в честь города Мурманска, как думают некоторые, а в честь Мурманской, ныне Октябрьской железной дороги. У меня это утверждение вызывает некоторое сомнение, но поскольку ни поддержать, ни опровергнуть его не могу, даю как есть.

Бродвей – не только самая длинная улица Нью-Йорка, у каждого российского города, мало-мальски себя уважающего, есть свой «Бродвей», в Петрозаводске это проспект Ленина.

Фуфырь. Так лет двадцать назад молодежь называла берег Онежского озера неподалеку от беседки-ротонды, где частенько «отдыхали» алкоголики. «Фуфырь» – это флакон из-под одеколона.

Ёжики – светильники около кинотеатра «Калевала». Установлены по инициативе тогдашнего мэра Павла Васильевича Сепсякова. Где-то во время одной из своих поездок он увидел такие и, вернувшись домой, рассказал об оригинальных уличных светильниках руководству «Тяжбуммаша». Предприятие изготовило их бесплатно. Павел Васильевич на своем посту вообще не занимался политикой, он занимался городом. При нем построены два микрорайона по Октябрьскому проспекту, новая Ключевая, новая Кукковка, началось строительство Древлянки. Сегодня тоже ведется жилищное строительство, но во времена Сепсякова квартиры горожанам выдавались в порядке очередности и бесплатно, а сейчас продаются по достаточно высокой цене – есть разница.

Парк пионеров – одно из прежних названий нынешнего Губернаторского сада.

Название сквера **Васильевский спуск**, что напротив университета, появилось, когда ректором этого учебного заведения был профессор, доктор технических наук Виктор Николаевич Васильев.

Еще одно «московское» название – **Красная площадь** сегодня известно лишь немногим краеведам. Когда памятник основателю города Петру Великому еще стоял неподалеку от храма Ал. Невского (тогда краеведческого музея), у входа в пассажирский порт долгое время успешно функционировал пивной ларек (в просторечье – шалман), земля вокруг которого была усыпана красными панцирями съеденных раков. Как же было местным острословам не увековечить это гастрономическое роскошество в городской географии?

Предприятия у меня представлены всего двумя названиями.

БОП (Беломорско-Онежское пароходство), оно же **Большое общество пьяниц** (о чем уже упоминал).

Стаканостроительный завод – Станкостроительный завод.

Этот топоним мне подарила для коллекции лингвист, доктор филологических наук, профессор Петрозаводского госуниверситета, директор Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН Ирма Муллонен. Как истинный ученый Ирма Ивановна назвала источник, от которого получены сведения: «Коренной петрозаводчанин Олег Иванович Исаков, бывший рабочий Онежского тракторного завода, трудился там в литейном цехе на участке цветного литья. Это он вместе с Валерианом Федоровичем Лысенко отливал звезду для Вечного огня. О себе говорит: «При Петре Первом цветное литье начали, а при мне закончили».

Список «именных» домов не очень велик, и я уверен, что зафиксировал далеко не все.

Вначале следует упомянуть **«Дом специалистов»**. Таковых у нас два. Один напротив «Северной» гостиницы, в нем располагался разорившийся книжный магазин «Экслибрис». Этот дом строился для специалистов Онегзавода. Второй дом специалистов, если можно так выразиться, общегородской. Он стоит на углу Ленина – Кирова и по проспекту Ленина значится под № 8. На этом доме установлены мемориальные доски Якову Алексеевичу Балагурову – профессору истории, почетному гражданину Петрозаводска; народному художнику СССР Суло Хейккиевичу Юнтунену; писателю, заслуженному работнику культуры Карельской АССР Николаю Матвеевичу Яккола.

119-квартирный – такое название имеет дом с порядковым номером 26, занимающий целый квартал по проспекту Ленина. Возведение столь грандиозного кирпичного здания было большим событием в жизни послевоенного Петрозаводска. Ход строительства регулярно освещался на страницах партийной печати. Где-то довелось читать, что это, дескать, наследие прошлого, сталинский ампир. А мне нравится, у дома есть свой узнаваемый облик, и он, этот облик, гармонирует со стоящим напротив кинотеатром «Победа».

На доме установлена мемориальная доска профессору, заслуженному артисту России, народному артисту Карелии Виктору Сергеевичу Каликину. Он всю свою жизнь посвятил музыке, исполняя классический оперный репертуар, русские народные песни и романсы, песни советских композиторов, а гог-

да в начале перестройки интеллигенции вообще перестали платить заработную плату, устроился подметать проспект около своего дома. Так что это еще и единственная в мире памятная доска дворнику.

Китайская стена. Большой жилой дом по улице Луначарского. Свое название здание получило еще в ходе строительства.

Желтый дом. Здание бывшего обкома (затем рескома) КПСС, в настоящее время там находится Законодательное собрание Республики Карелия. Свое народное название получило не только из-за окраски. В старой России желтыми домами называли лечебницы для душевнобольных. Помните, у Достоевского в «Истории села Степанчиково»? «Ведь ты просто с ума сойдешь, в желтом доме жизнь кончишь». Судя по всему, это выражение появилось из-за окраски Обуховской больницы; позже в Петербурге стали говорить «отправлен на тринадцатую версту» (по Петергофской дороге), куда был переведен дом для сумасшедших, а прежний фразеологический оборот так и остался в русском языке и закреплен в классической литературе.

Дом на костях, он же **КарЦИКовский** – здание довоенной постройки на углу Красной и Дзержинского (ниже бани), оно действительно стоит на месте старого кладбища.

Небоскреб на боку – здание, в котором располагается администрация Петрозаводского городского округа (пр. Ленина, 2).

Дворянское гнездо – жилой дом на улице Герцена (порядковый номер у него 18), в котором получили квартиры некоторые именитые горожане и руководители республиканского масштаба. На здании установлены мемориальные доски председателю Совета Министров Карельской АССР (1967–1984 гг.), почётному гражданину Петрозаводска и республики Андрею Алексеевичу Кочетову и чекисту, писателю, почётному гражданину Петрозаводска Ивану Михайловичу Петрову (Тойво Вяля).

Генеральские дома – комплекс зданий по улицам Анохина и Гоголя, которые строились для офицерского состава Северного военного округа.

Публичка – Национальная библиотека РК (улица Пушкинская).

Машинка – Дворец культуры «Машиностроитель» (набережная Варкауса).

Кирпич – кирпичное здание Петрозаводского педагогического колледжа (Студенческий пер. Это одно из старых зданий города, до революции в нем располагалась учительская семинария).

Железка – баня на улице Шотмана.

Дом приличного питания – ранее Дом политического просвещения (ДПП), где некогда была

хорошая столовая, ныне театр «Творческая мастерская» и филармония.

Семнар – бывшая средняя школа, а ныне гимназия № 17, ее воспитанники, соответственно, назывались «семнаристами».

Скульптуры и памятники

Никогда не понимал, зачем существуют памятники умершим людям. Устанавливают их живые, и вроде бы благодарные потомки должны перед этими памятниками восторженно благоговеть, а они обязательно обзовут, да еще и обидно. А если не обзовали, не приклеили насмешливый ярлык, значит, попросту не замечают, как монумент Григорьеву на улице Калинина. Свидания около него не назначают, цветы к подножью не возлагают, многие даже не знают, кто такой этот Григорьев и чем он осчастливил человечество. Затеялся монумент среди берез одиноким путником, и разве что вороны поклюют свою добычу на его голове...

Рунопевцы – памятник К. Марксу и Ф. Энгельсу.

Кепка – памятник П. Анохину.

Письбой – памятник Кирову, название бытовало только в молодежной среде, хотя весь город знает о необычном (и неприличном) ракурсе со стороны Музыкального театра.

Рыбнадзор – памятник верному ленинцу О. Куусинену. Мой друг Вячеслав Мовчан утверждает, что на самом деле это памятник Ельцину, потому что «кууси» в переводе с финского означает «ель».

Кузнечик – памятник Г. Державину.

Рыбаки (скелеты, дистрофики, птицеловы, дистрофики, ловящие мух), Отвертки (собачья радость), Челюсти, Четырехгрудая, Ржавые леди (банный день), Стена расстрелов, Зажигалка – народные названия скульптур на Онежской набережной.

Фонтаны

Струя Сепсякова – был такой фонтан на Лососинке.

Писсуар – фонтан на пр. Ленина, который находится чуть выше гостиницы «Северная».

Струи Петросовета – фонтан напротив филармонии.

Магазины и значные места

Елисеевский – магазин на углу Гоголя и Герцена, звучит торжественно, поэтому название сейчас практически не встречается.

Тринага – магазин № 13, я о нем уже говорил.

Девятка – магазин на углу Гоголя и Красноармейской.

Сотка – магазин на Нойбранденбургской.

У танка – магазин стройматериалов неподалеку от памятника-танка, продавщицы, соответственно, называются «танкистками».

У Ильича – магазин на улице Ильича (Старая Куковка).

Помойка – их у нас две, одна – это магазин по Вытегорскому шоссе за Гвардейской улицей, вторая – неподалеку от Петрозаводскбуммаша.

Детский мир – ныне Гостиный двор.

Наталья Фролова, с которой мы знакомы много лет, сказала, что магазин «Ткани», что в 119-квартирном доме, у женщин называется «**Елочка**». Я такого названия раньше не слышал. Алевтина Дмитриевна Рогожина напомнила, что так магазин назывался, когда его только открыли.

Буратино – еще изредка встречающееся в разговорах старое название магазина, расположенного напротив Центрального рынка на улице Антикайнена.

Под шпилем – узаконенное разговорное название ресторана в здании пассажирского железнодорожного вокзала.

В правом крыле здания на площади Ленина, главный вход которого охраняют чугунные львы, некогда находился городской суд. Поэтому столовая, находившаяся там, где сегодня располагается ресторан «Петровский», в народе называлась **Под судом**.

Одуван (или **Рубаха**) – ресторан на улице Антикайнена, располагавшийся рядом с Центральным рынком.

В Прибрежном парке неподалеку от Национальной библиотеки некогда были две укромные полянки, ныне изрядно заросшие. Там после трудового дня любили отдохнуть (назовем это так) сотрудники Карельского научного центра. Способствующий отдыху природный комплекс именовался **Парламентом**. Та полянка, что находилась ближе к озеру, называлась **Нижней палатой**, а другая, выше по склону, соответственно, была **Верхней палатой**. Эти три топонима подарил мне заведующий кафедрой архивоведения и специальных исторических дисциплин Петрозаводского государственного университета Александр Алексеевич Кожанов.

Шайба – бывшая пивная точка в Прибрежном парке, то же – и танцплощадка на Варкауса, то же и пивбар на Ключевой, то же и старая мастерская кузнеца Николая Белякова. У нас все, что круглое, – шайба.

Бывший декан историко-филологического факультета Петрозаводского госуниверситета Сергей Павлович Сюнев как-то напомнил мне, что не существующая ныне пивная на площади Кирова в городе называлась **Зверинец**. Она была обшита штакетником в косую клетку.

Сайгон (или же неприязнительное **Сопля**) – это мини-кафе на проспекте Ленина в доме № 7.

Кресты и **Чипок у дяди Васи** я уже упоминал. Мой давний товарищ Валентин Рыльков напомнил название еще одного «именного» шалмана – **У дяди Вани**. Эта пивная точка находилась неподалеку от кинотеатра «Сампо».

Свинопойка – ныне не существующая пивная на улице Гоголя, где подавалось свежее пиво петрозаводского розлива. Сейчас на этом месте находится финское консульство.

Книги и важнейшее из искусств

В одном из дворов между улицами Луначарского и Болотной (сейчас Ригачина) стоял одноэтажный барак, выкрашенный голубой краской. Этот очаг культуры назывался клубом водников. Порядки в нем были довольно свободные. Во время киносеансов взрослые курили, громко обменивались мнениями и лузгали семечки. При демонстрации фильмов лента иногда рвалась, и пока киномеханик ее склеивал, в зале включали свет, чтобы люди могли пообщаться друг с другом.

Никита Сергеевич Хрущев еще не сказал свою знаменитую фразу о том, что «нынешнее поколение будет жить при коммунизме», а мы, зарецкие пацаны, уже представляли, что это такое – на киносеансы нас пропускали бесплатно, правда, без билетов, а значит, и без указания законного места, поэтому мы не сидели в креслах, а лежали на полу перед первым рядом.

Именно в клубе водников я увидел фильм «Бродяга», поставленный Раджем Капуром. Он же снялся и в главной роли.

Апрелевский завод грампластинок после выхода этого – без преувеличения – мирового шедевра киноискусства мгновенно отреагировал на запросы советских граждан, и вскоре из всех квартир, из всех окон раздавалось триумфально-босаяцкое:

*Не связал ни с кем я судьбы своей,
Я чужой среди людей,
Я чужой среди людей,
Бродяга я. А-а-а-а...*

После «Бродяги» через некоторое время довелось посмотреть и «Господина 420» – еще один блокбастер Капура.

Индийские фильмы мне не нравились – много говорят, много вращают глазами, много поют. С той поры я на них не хожу и даже популярного «Танцора диско» не видел.

То ли дело наш «Чапаев»!
Вот это кино!

Из отечественных шедевров детской поры еще помнится, хотя и смутно, фильм «Семеро смелых». Вроде их поначалу на зимовку прибыло шестеро, а когда стали распаковывать груз, обнаружился седьмой – «арктический заяц». Но все приключения мужественных комсомольцев наконец вымыло из памяти.

Та же история и с лентой «Путь на Грумант».

В памяти остались только название и короткий эпизод, в котором герои на высокой скале, на птичьем базаре, собирают яйца, а вокруг них столбом выются чайки. Хотя, возможно, и не чайки, а какие-то другие пернатые.

После клуба водников мы стали постепенно осваивать и другие площадки, где люди могли познакомиться с важнейшим из искусств – летний и потому всегда холодный кинотеатр в Парке пионеров и не менее холодный в Парке культуры и отдыха.

В Парке пионеров довелось увидеть замечательный фильм «Подвиг разведчика» с Павлом Кадочниковым в главной роли.

Есть там один сильный момент, это когда советский разведчик под именем Генриха Эккерта (на самом-то деле он наш человек Алексей Федотов) пьянствует с немцами. «За нашу победу!» – со значением говорит он, поднимая бокал. И дураки-фрицы, не подозревая о подвохе, с энтузиазмом пьют за свое поражение. Если бы в кино, как в театре, были сцены на бис, то этот эпизод пришлось бы показать раз десять. А разве можно забыть встречу Алексея Федотова с осторожным подпольщиком? «У вас продается славянский шкаф?» – «Шкаф уже продан, могу предложить никелированную кровать с тумбочкой». Это же надо было придумать такой идиотский пароль и не менее идиотский отзыв!

Кстати, лауреат трёх Сталинских премий, народный артист СССР и Герой Социалистического Труда Павел Петрович Кадочников приезжал в Петрозаводск и общался с городской интеллигенцией, но детей на эту встречу не позвали.

Из картин, увиденных в Парке культуры и отдыха, помнится только одна. Она про охотника, и не просто охотника, а суперпрофессионала. «После меня, – говорит он в начале фильма, – оставались горы трупов». Показывают, как в Африке наш герой с магнумом в руках навскидку, как уток, бьет слонов и носорогов... Лев выскочил, он и льва завалил. Одним выстрелом. Название фильма не помню и что в конце концов случилось с охотником – тоже, но сцена безжалостного истребления зверья произвела сильное впечатление – ведь мы же все воспитывались на «Айболите».

Лет с восьми я стал регулярно бывать в кинотеатре «Сампо». Ходили туда обычно по воскресеньям большой компанией. Фильмов просмотрено много, но в памяти остались единицы: «Веселые ребята», «Волга-Волга», комедии Чарли Чаплина. Нет, не зря эти ленты называют шедеврами кинематографии.

Перед началом просмотра всегда показывали киножурнал «Новости дня». Услышу это словосочетание, и в памяти начинает звучать бодрая музыка, и снова вижу несущийся – прямо в зал – на всех парах паровоз.

Мой товарищ Валентин Рыльков рассказывал:

– Наша семья жила тогда в типовом двухэтажном бараке. Длинный узкий коридор от торца до торца, частая нарезка квартир-пеналов, которые именовались «хозяйствами». Помню нашу комнату четыре на четыре метра, в центре печь, то, что от печки к окну – жилье, то, что за печкой – кухня, в которой даже днем горела электрическая лампочка. На этих сиротских метрах без зависти и жалоб мы и ютились: мать, отец, тетя Шура (мамина сестра), я, а когда родился младший брат, то появилась еще и нянька. Удивлен? Думаешь, нянька – это что-то из прошлого, из дворянского быта? Нет, брат, няньки в советское время были не редкость. А как же иначе? Ведь взрослые весь день на работе, надо же кому-то присматривать за детьми. Наша милейшая Анна Ивановна была из староверов, от автомобилей крестным знаменем оборонялась. Я как-то решил сводить ее в кино, в кинотеатр «Сампо». Билеты, само собой, купил в первый ряд, чтобы никто экран не заслонял. Погас свет, и прямо на нас помчался паровоз. Что тут началось! «Чур меня! Чур!» – вскричала Анна Ивановна и, путаясь в юбке, на четвереньках с причитаниями «Сейчас задавит!» бросилась к выходу. Сеанс прервали – ведь не иначе убивают кого-то. Как же смеялись зрители, когда выяснилось, в чем, собственно, дело. Но Анна Ивановна с той поры сатанинский кинотеатр обходила стороной.

Вот она, сила искусства!

С этим не поспоришь, однако военные фильмы той поры были ужасно фальшивы: «Кубанские казаки», только со стрельбой. В такую войну не верили даже дети.

Зарубежные фильмы были еще в новинку. Первый вестерн я увидел лишь в подростковом возрасте. Это была «Великолепная семёрка» Джона Стерджеса – американский вариант философской драмы Акиры Куросавы «Семь самураев».

Года два назад скачал из Интернета и снова посмотрел ленту о благородных ковбоях. Так себе кинцо, наши «Красные дьяволята» круче.

Сегодня по всем телеканалам крутят фильмы, чего только не показывают, а полвека назад это

было нечастым удовольствием – в лучшем случае раз в неделю.

Каждый же день были только книги.

Я постиг азбуку довольно рано, в пять лет, и поначалу читал все подряд, включая надписи на заборах. Впрочем, они были довольно однообразны. Так что уже тогда пришлось столкнуться с проблемой выбора.

Дома был целый шкаф литературы, по большей части подписных изданий, но ни Белинский, ни Горький на меня впечатления не произвели.

В том же «Климе Самгине» не смог одолеть даже первой страницы. Не понимаю, почему наш профессор, доктор филологических наук Леонид Яковлевич Резников так восхищался этим произведением.

В общем, книги дома вроде как были и вроде как их не было.

В первом классе я самостоятельно приобрел несколько бестселлеров для личной библиотеки. Произошло это в магазине канцтоваров на углу Коммунистов и Урицкого. Совпадение с коммунистической идеологией, честное слово, чисто случайное.

Здесь необходимо немного отвлечься и рассказать, как в юном возрасте мы зарабатывали деньги.

Одним из проверенных способов была сдача пустых бутылок.

В России только при самодержавии пили мало. (Начиная с восьмидесятых годов позапрошлого столетия подушевое потребление спиртных напитков было ниже 4,7 литра, то есть почти самым низким в Европе и Америке. В 1914 году, кстати будет сказать, вступил в силу и долго действовал сухой закон.)

До Великой Отечественной повального пьянства у нас в стране не было.

А вот после войны уже пили много и с удовольствием. Как отмечают социологи, при полной разрухе народного хозяйства «пьяные» деньги играли все более и более возрастающую роль в экономике страны. Хрущев, правда, запретил продажу водки на всех предприятиях общественного питания, кроме ресторанов, но это привело лишь к тому, что начали пить на улице.

Так что площадь поиска «пушины» ограничивалась лишь энтузиазмом самих сборщиков.

В магазине за пустую и чисто вымытую бутылку платили 12 копеек, но от малолеток стеклянную тару не принимали, и мы несли ее в аптеку (угол Урицкого и Луначарского), где за ту же бутылку давали вдвое меньше.

Такая явная несправедливость возмущает и в юном возрасте, поэтому мы вскоре всем двором переключились на металл.

Пункт его приема располагался на улице Фаб-

ричной (сейчас Архиппы Перттунена). Вечно поддатый приемщик килограмм черного лома оценивал в четыре копейки, да еще и жульничал, всегда занижая вес. Кто ж будет работать за такие смешные деньги? Мы со стороны грузового порта проникали на территорию ремонтно-эксплуатационной базы флота и свинчивали там со старых буксиров медь и бронзу. Дело было рискованное, но того стоило: килограмм цветного металла стоил уже полтора рубля с копейками. Так что у пацанов нашего двора всегда имелись карманные деньги, и в чиху мы играли не на пивные пробки.

Первым приобретением в личную библиотеку стала тоненькая книжка «О смелых и умелых». Там один наш солдат ловко охотился на фашистских снайперов. Сшил чучело, набил его соломой, в шинельку обрядил, даже винтовку на спину повесил. Поставил компаньона на лыжи – и на дело. Сам тихонечко ползет, а соломенного друга перед собой толкает. Фашист смотрит – русский солдат бредет, связист, наверное, прицелился и – бац! Тот только дернулся и стал озираться. Промазал, думает фашист, и снова – бац! А после третьего выстрела сам пулю схлопотал.

А то прибилась как-то к воинской части собака. «Охотничья», – понял наш солдат. Позвал – подошла, родную русскую речь услышала. «Пойдем на кухню, – говорит солдат, – я тебя покормлю». – «Это ты кого привел?» – спрашивает повар. – «Лайку». – «Лайку-пустолайку». – «Нет, – говорит солдат. – Мы с ней на фрицев охотиться будем». Накормил и повел в лес. «Ищи», – говорит. А кого искать, если кругом война – птицы разлетелись, звери разбежались. Собака бегала-бегала и учуяла человека на дереве, твякнула на него, а тот на собаку сердито шикнул. И пока они выясняли отношения, наш солдат подкрался ближе и одним метким выстрелом снял с дерева фашистского снайпера. «Молодец, – похвалил он собаку. – Враг фашиста – друг человека. Я же говорил: лайка – не пустолайка», – и дал ей ласковое имя Дружок.

Через много лет, уже после окончания университета, когда я стал перевозить вещи на другую квартиру, то в развале бумаг обнаружил эту изрядно потрепанную книжку.

Присел и одним духом ее прочитал.

Выяснилось, что вообще-то охотников на снайперов было два. Одного звали Афанасий Жнивин, а второго – Степан Сибиряков. Оба ловкие, смелые воины, оба сыпят шутками-прибаутками, вот и соединились они в моей юной головушке в образ одного бойца.

Еще оказалось, что часть описанных боев и стычек с неприятелем происходит у нас в Карелии, прямо об этом нигде не сказано, но у одного из вражеских снайперов на ногах не сапоги, а финские пьексы – зимняя обувь с загнутыми носами, в которой удобно ходить на лыжах.

Самое же главное – я узнал имя автора книги, в детстве на это как-то не обращаешь внимание. Это был друг Аркадия Гайдара, прозаик, сценарист, режиссёр Николай Владимирович Богданов, орденноносец и участник двух войн: советско-финляндской и Великой Отечественной.

С годами первая книжка моей библиотеки немного позабылась, тем не менее я до сих пор с удовольствием смотрю фильмы о войне.

А если бы вместо рассказов Богданова мне попала история Дафниса и Хлои, пересказанная каким-нибудь адептом социалистического реализма?

Последствия страшно представить.

Сидел бы каждый вечер перед телевизором и тихо млел от бесконечных сериалов «про любовь».

Полка между тем потихоньку пополнялась.

В оценке книжек было всего два критерия: нравится – не нравится, и никаких метаний в поисках смысла жизни.

Китайские народные сказки. Однозначно не понравились – занудливые и никто не стреляет.

Стихи для детей Маяковского. Не понравились – прямолинейны, как правила дворового футбола: «три корнера – пендель».

«Гаврош». История хорошая, но показалась слишком короткой, быстро книжка закончилась. Откуда же я мог знать, что это лишь одна из сюжетных линий большого романа Виктора Гюго?

«Голубая чашка», которую подсунула продавщица, удивила, а почему – непонятно. Особенно же понравился маленький мужичок Федька, который то кусты с малиной объедает, то пряники прячет. Он не жадный, догадался я. А какой? Только сейчас понимаю – обстоятельный. На таких мужичках мир держится, поэтому они так раздражают тех, кто хотел бы ими управлять.

А «Приключения Буратино» с шести лет были настольной книгой. Даже сейчас иногда вспоминаю и, не заглядывая в оригинал, смакую те места, где на представлении «одна кухарка даже прослезилась, один пожарный плакал навзрыд», а Буратино в разговоре с Пьеро засовывает в рот колпачок и спрашивает «шерстяным голосом».

Всего этого было недостаточно.

Мне все больше и больше хотелось читать интересные, как это представлялось, толстые книжки, но не те, которые стояли в шкафу, а те, которые

старший брат Виктор обсуждал со своими друзьями Сёмой Цыпуком и Вадиком Кузнецовым.

Но, увы мне! Брат только смеялся и пренебрежительно отмахивался. Весело ему было.

Кто весел – тот смеется,
Кто хочет – тот добьется,
Кто ищет – тот всегда найдет!

В конце концов я обнаружил Витину ухоронку, куда он прятал книги. Она оказалась за косо висящим на стене зеркалом.

На следующий день я захватил в школу толстенный фолиант.

Называлось это чудо «Королева Марго».

Искушение было столь велико, что читать начал прямо на уроке, положив книгу на колени. И, конечно, был за этим занятием пойман.

– Та-а-ак, – сказала милейшая Татьяна Матвеевна. – Вот, значит, чем мы занимаемся. Придешь после уроков с родителями, – и унесла книгу в учительскую.

А какие родители? Отца нет, мать на работе, есть только брат – в той же школе, только на другом этаже, куда мы, мелюзга, даже не заходим.

Очень не хотелось, но пришлось идти с повинной к брату – книгу-то вырывать нужно.

Домой мы возвращались вместе.

– Зачем взял? – спросил брат.

Я промолчал. Что тут скажешь – виноват.

– Ну, и что ты понял?

Я торопливо стал рассказывать о том, что успел прочитать.

– В общем, ничего ты не понял, – сказал брат, но книжки прятать перестал.

Какой клад открылся, какое богатство!

Именно тогда были прочитаны «Три мушкетера» Александра Дюма, «Кладбище погибших кораблей», «Голова профессора Доуэля», «Человек-амфибия», «Продавец воздуха» и еще что-то Александра Беляева, «Война миров» и «Человек-невидимка» Герберта Уэллса, «Тайна двух океанов» Григория Адамова (о самом походе подводной лодки сейчас не помню, а вот ее название – «Пионер» – врезалось навсегда, наверное потому, что не знал словарного значения этого слова), романы Жюль Верна, рассказы Джека Лондона и даже «Испанский дневник» Михаила Кольцова...

Ничто в моей памяти не задержалось, разве что «Капитан Сорвиголова» Луи Буссенара, и все, кроме Григория Адамова, потом довелось перечитать и как бы вспомнить.

Пройдет несколько лет, и библиотекарь Лариса Титова покажет мне, девятикласснику, хранилище нашей Публичной библиотеки – большой зал, зас-

тавленными высокими стеллажами, на которых тесно, плечом к плечу, стояли книги, тысячи книг.

«Неужели это все можно прочитать? – подумал я. – Ведь жизни не хватит».

Это было удивление, граничащее с восторгом.

Книги ничему не учат.

Они лишь открывают иные миры, и в вашей воле принять их или отринуть.

Но эти миры как были, так и останутся.

Поэтому литература бессмертна.

Праздники

Самым веселым и желанным праздником был, конечно, Новый год.

Он делил зиму на прошлое и будущее.

Рождество?

О чем вы говорите?

Чтобы Рождество снова стали широко отмечать, стране нужно было вернуться на путь капитализма. Такое в пятидесятые-шестидесятые годы прошлого века не могло привидеться даже в самых смелых фантазиях.

Новому году предшествовал ритуал приобретения елки.

Их привозили машинами и продавали по всему городу около больших гастрономов.

Когда пушистая зеленая красавица приносилась домой, мама как бы между прочим спрашивала: «А есть ли у нас мужчины?» «Есть», – солидно отвечал старший брат и доставал инструмент. Через полчаса елка с широким крестом на ноге уже стояла на своем законном месте – в большой комнате, в простенке между окнами.

В тот же вечер ее начинали обрывать.

Самым главным украшением, конечно, являлась хрупкая пятиконечная звезда. Не рубиновая – из стекла, но все равно ценная. Обложенная серой ватой, она хранилась в отдельной коробке.

Вслед за звездой, оседлавшей вершинку, наступала очередь шаров, шишек, витых сосулек, снежинок, теремков и самолетиков из стекла. Развешивались конфеты, в основном карамелевые типа «Раковой шейки», и грецкие орехи, обернутые в серебристую фольгу.

Брат выдувал содержимое яиц, а я, послушав химический карандаш, рисовал на скорлупе смешные рожицы, приклеивал к ним то казацкие усы, то большие уши-лопухи, то широкополые шляпы наподобие мексиканских сомбреро. На ужин в такой вечер у нас всегда был омлет.

Из полосок цветной бумаги клеились верстовые цепи гирлянд.

Праздничный наряд елки завершал золотой и серебряный дождь, который «проливался» от вершины до нижних веток.

Моя кровать, покрытая суровым солдатским одеялом, стояла в полутора метрах от этого новогоднего чуда, и, ложась спать, я всегда любовался мерцающими в полумраке длинными блестящими нитями.

Сама же встреча Нового года происходила не в полночь, а на четыре-пять часов раньше – во время праздничного ужина. Шампанское не пенилось, мама не понимала вкус вина и поэтому его не покупала, за грядущее мы поднимали стаканы с брусничным морсом.

Одно из ранних детских воспоминаний – черный блин картонного громкоговорителя на стене. Его сменил ящик из крашеной фанеры, в котором находилось более современное радио, а в большой комнате на тумбочке появилась радиолка «Чайка», всегда накрытая вязанной крючком салфеткой.

Однако впервые бой Кремлевских курантов я услышал, лишь когда учился в пятом классе и жил в Суоярви у тети Тани. Поздновато, конечно, но вряд ли по этому поводу стоит сильно переживать, просто так сложилась жизнь.

Международный женский день 8 Марта в те времена был праздником для взрослых. Его отмечали торжественными собраниями, на которых передовикам производства вручали почетные грамоты и небольшие премии. Выходным этот день стал лишь с 1966 года, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года.

Покупными подарками мы своих любимых мам радовали редко, чаще это были аппликации, сделанные на уроках труда, – яркие цветы, наклеенные на бумагу. Наивное художество дополняла здравница, выполненная большими прописными буквами.

Какого-то особого ажиотажа среди мужской части населения в «женский» день не наблюдалось. Я и сам в это верю с некоторым трудом. Ведь сегодня 8 Марта объявлено нерабочим, а значит, полноценным праздничным днем, не только в России, но и в некоторых бывших республиках СССР, а также в Анголе, Буркина-Фасо, Гвинее-Бисау, Камбодже, Китае, Конго, Лаосе, Македонии, Монголии, Непале, Северной Корее и даже в Уганде.

Международный день солидарности трудящихся 1 Мая дома всегда отмечался праздничным обедом.

А вот участие в демонстрациях вспоминается только начиная с восьмого класса. Может, малышню

к этой обязательке не привлекали? Во всяком случае, из моей памяти это коллективное действие, если таковое и происходило, напрочь вымылось.

Когда я поделился сомнениями со своим старым товарищем Владимиром Потехиным, он сказал: «В детстве родители время от времени брали нас на демонстрацию, то есть мы ходили под знаменами трудовых коллективов. Школьные же колонны формировались из юношей и девушек комсомольского возраста. Во всяком случае, так помнится».

Думаю, что он прав.

Учрежденный в 1945-м День Победы являлся нерабочим до 1948 года, затем его лишили этого статуса, который вернули лишь спустя два десятилетия при Брежневле. В том же юбилейном 1965 году День Победы снова стал нерабочим.

С этого же времени вспоминаются и военные парады, проходившие на площади Кирова. Возможно, они проходили и ранее, но в памяти не отложились.

День рождения пионерии – 19 мая – из года в год проходил однообразно: общешкольная линейка, а потом отрядные сборы, на которых читались стихи о Родине и пелась песня юных поджигателей – «Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы – пионеры, дети рабочих!». Пионеры – они такие. Они всегда готовы.

Подобно 1 Мая вспоминается и осенний праздник 7 ноября.

Иными словами, он выпадает из поры детства и приходится на подростковый возраст – начало комсомольской юности.

В детстве же я, как и многие сверстники, проявлял политическую близорукость и после встречи очередной годовщины Великого Октября начал с нетерпением ждать Нового года.

Невелик перечень праздников.

Так что же, наше общество тогда жило только трудом и социалистическим соревнованием?

Конечно, нет.

Мы были не только самой читающей в мире страной, но и страной, люди которой часто и с удовольствием ходили друг к другу в гости. Поводы, случалось, были формальные, а веселье настоящее. С шумным застольем, тостами, дружескими подначками и песней про тонкую рябину, которой страсть как хочется к дубу перебраться.

Здесь обязательно нужно вспомнить о праздничных столах.

Во-первых, водка, наливки и настойки.

Во-вторых, никакого оливье.

Вообще, появление этого блюда таинственно, как зарождение жизни на земле. То его не было, не было и вдруг появилось сразу и повсеместно, однако никто не помнит точно – когда.

В период же, который я вспоминаю, стол украшали винегрет (его всегда было много), капуста домашнего квашения, сельдь, не селедка, а именно сельдь – атлантическая, достойного размера, с кольцами лука и политая подсолнечным маслом, мясные салаты, рыбные салаты из солевой трески, которую предварительно долго вымачивали в тазике, соленые и маринованные грибочки (у каждой хозяйки свой фирменный рецепт), из рыбных консервов предпочтение отдавалось шпротам. Всех гостей дважды, а то и трижды обносили блюдом с отварной картошкой. В Новый год обязателен был холодец.

Ну и, конечно же, всегда и во всех домах были пироги – самые разные, но это уже к чаю.

«Еще селедка под «шубой», – подсказывают мне.

«Нет, уважаемые, – возражаю я. – Селедка под «шубой» – достижение развитого социализма, а мы тогда жили при обычном, который никто не завивал».

О своеобразии воспоминаний

Мемуары – жанр лукавый.

Их любят писать политики. В свое оправдание, что ли? Рассказывают они не о событиях, которые происходили, а о том, как они эти события понимают. Таковы, например, воспоминания экс-президента Франции Валери Жискар д'Эстена «Власть и жизнь», книга бывшего генерального секретаря ООН Курта Вальдхайма «Единственная в мире должность» и многие другие.

Мемуары военачальников вообще пишутся коллективно с привлечением архивистов, историков и литераторов, имена которых принято не указывать.

Наособицу стоят литературные воспоминания.

Собственно, это даже не мемуары, а литературные произведения, основанные на реальных событиях. Таковы «Люди, годы, жизнь» Ильи Эренбурга; шесть автобиографических книг, составивших «Повесть о жизни», Константина Паустовского; лирико-философские мемуарные повести Валентина Катаева (особенно широкий резонанс в свое время вызвал «Алмазный мой венец», в котором рассказывается о литературной жизни в двадцатые годы прошлого столетия, где все реальные персонажи закрыты достаточно прозрачными псевдонимами).

Документально точные и последовательно изложенные тексты о незабываемой поре детства, возможно, и существуют, но обычно это литературные произведения, основанные на детских воспоминаниях («Детство Никиты» Алексея Толстого, «Детские годы Багрова-внука» Сергея Аксакова, «Лето господне» Ивана Шмелева и др.).

Читая подобные хроники, мы невольно сопоставляем описываемое время с днем сегодняшним, и то, прежнее, видится более светлым, порядочным, искренним. Возможно, так оно и есть, но пусть об этом спорят историки и социологи.

Я не собирался писать эту книжку.

Вначале были два письма Вадиму Кузнецову.

Вадик – давний сотоварищ моего старшего брата. Когда я был старшеклассником, а он студентом ленинградского вуза, мы подружились. А подружившись, стали каждый год вместе путешествовать. Поколесили по Карелии и Уралу, побывали в Крыму и Средней Азии.

Вадик живет в Питере. Раз или два раза в год мы встречаемся и вот уже несколько десятилетий переписываемся.

В одном из двух писем, о которых я упомянул, говорилось о моих, пришедших из детства, гастрономических пристрастиях (они не совсем обычные, чего стоят хотя бы картофельные котлеты со сметаной, посыпанной сахарным песком), во втором рассказывалось о времени, когда я жил у любимой крестной (иначе кокочки) тети Тани...

Вадик подивился моей памятью и посоветовал расширить тему.

Я написал о нашей улице, дворе, детских играх.

Потом подумал, что эти воспоминания, возможно, будут интересны не только моему другу, то есть впервые подумал об очередном издании, и добавил главку о дворовых играх, ведь с той далекой поры минуло полвека и сейчас дети так уже не играют.

Чтобы увеличить краеведческую познаваемость материала, рассказал о примерах «уличной» топонимики – всех тех метких, а порой и забавных названиях, которые собираю много лет.

Как бы сама собой стала получаться скромная по объему книжка.

Один знакомый поэт как-то в угаре вдохновения сочинил поэму.

Дело происходит в сельской местности, для жителей которой есенинская любовная лирика чуть ли не обыденность.

Некий молодой человек заманил деревенскую

красавицу в стога, нашептал ей, наплел о несбыточном, добился того, чего хотел, а потом девушку бросил.

Таков был сюжет произведения.

Перечитав написанное, поэт подумал, что как-то просто все у него получилось, можно сказать, заурядно, и решил усилить эту бытовуху освежающей струей гражданского пафоса.

Заканчивалась поэма мощным пророческим аккордом:

Стоят стога.

Стоят по всей России...

(Вот такой эпический замах.)

Все знают.

Понимают.

И молчат!

Недаром говорят, что поэзия сродни если не волшебству, то по крайней мере метафизике.

Мне до таких высот обобщения никогда не подныться.

Поэтому свое сугубо частное воспоминание о поре детства я решил вплести в канву общегородской жизни.

Для начала разыскал несколько десятков фотографий Петрозаводска, каким он был в пятидесятые – начале шестидесятых годов.

Город на этих изображениях (особенно на старых открытках) словно вымерший – на улицах одна-три автомашины, редкие прохожие.

Живыми людьми я дополнил повествование за счет снимков из семейных альбомов.

Часть их сопровождали короткие рассказы.

Например, как посетил Петрозаводск легендарный маршал Семен Михайлович Буденный и как после этого визита улица Буденного была переименована в улицу Фурманова. Или какой была парашютная вышка, сооруженная в пойме реки Лососинки, и каким образом с нее совершались прыжки. Или где до строительства Дома бокса тренировались воспитанники Николая Левина и как из хулиганистых голиковских пацанов этот замечательный тренер подготовил немало известных спортсменов. Или как встретил Петрозаводск первого секретаря ЦК КПСС Никиту Сергеевича Хрущева, который сравнил столицу Карелии, по одним изустным рассказам, с Рио-де-Жанейро, а по другим – с Буэнос-Айресом...

Книжка получалась многоплановая и солидная. Я попросил Владимира Ларионова подсчитать предстоящие расходы для выпуска ее в свет.

Когда произошел переход из социализма в капитализм, литература перестала быть делом государственным. Та финансовая поддержка, которая иногда выделяется, бессистемна и настолько незначительна, особенно в провинции, что ее можно даже не принимать в расчет.

У этого положения, в котором оказалось одно из традиционных направлений искусства, есть свои плюсы, но есть и немалые минусы, как в реформах Петра Великого, и лишь время в конечном итоге расставит все по своим местам. А заклинивания в виде планов мероприятий, приуроченных к объявленному Году литературы, навряд ли могут как-то существенно повлиять на этот болезненный процесс хотя бы потому, что книжки – всякие и разные – пишут не чиновники, придумывающие околелитературные мероприятия, а писатели.

Мне не хочется – по крайней мере здесь – обсуждать или осуждать то положение, в котором сейчас оказалась литература, хочу лишь выделить два немаловажных момента, а именно: первый – мы уже не являемся самой читающей страной мира, второй – выпуск новых книг, равно как и реализация таковых, теперь стало делом не государства, а самого литератора.

Итак, я попросил Ларионова определиться цену издания.

В этот момент доллар в котировке валют занимал очень высокое положение.

При чем здесь доллар? А при том, что у нас богатая страна, очень богатая – кто же спорит? – но качественные материалы типографии в большинстве своем закупают зарубежные.

Через некоторое время Владимир Ларионов назвал предпологаемую себестоимость одного экземпляра книги.

По таким ценам краеведческую литературу у нас не приобретают.

Можно говорить какие угодно слова, звать к патриотизму, клясться в любви к малой родине, но книжка, тем не менее, расхотится не будет.

– Можно, как вариант, издать ее по подписке, – сказал Ларионов. – Или дождаться падения курса доллара.

– А можно вообще не издавать, – сказал я.

После этого разговора прошло несколько месяцев.

Курс доллара действительно значительно снизился, но на типографские ценники это не повлияло. Впрочем, в этом тоже нет ничего удивительного. В мировой практике цена барреля нефти может колебаться, она то взлетает, то падает, но, несмотря на эту пульсацию, на внутреннем рынке нашей страны цена бензина только растет. Инте-

ресно, что думают по этому поводу адепты рыночной экономики?

В общем, книжка не состоялась. Переживал ли я по этому поводу? Если честно, то не очень, хотя было немного жаль затраченного труда.

Пришла весна, сошел снег, отключили батареи парового отопления, отгремели первые, воспеты еще Тютчевым, грозы, расцвели одуванчики, мы с женой поехали в Чуйнаволок сажать картошку. И там, на картофельном поле, я, как новоявленный Роберт Фрост, подумал: «Но ведь можно же просто убрать весь громоздкий видеоряд, оставить несколько снимков, возможно, даже не перед каждой главой, получится скромное недорогое издание в продолжение той краеведческой серии, которая была мною издана и довольно быстро разошлась».

Но для кого эта книжка, на какого читателя рассчитана – этого я, когда начал ее писать, не знал.

Впрочем, и сейчас не знаю.

Может, она вообще никому не нужна.

В интервью телеканалу «Дождь» Татьяна Толстая сказала: «...на читателя мне с высокой колокольни наплевать, что я напишу, то он прочтет, как и до сих пор делал, или не прочтет – и пускай он идет лесом. Я пишу для того, чтобы написать то, что во мне есть. Все, что я пишу, это все так или иначе я себя проецирую на бумагу».

Это не высокомерие, не снобизм, это сказано честно.

Есть литераторы, которые часто говорят о том, как они любят своего читателя, как почитают, как считаются с его непререкаемым мнением, но на самом деле, когда пальцы сжимают перо или лежат на клавиатуре, мысль о читателе, если она и есть, то где-то там, слабой тенью за мозжечком. В работу головы она не вмешивается. А если литератор начинает потрафлять чужим желаниям, то ему уже остается сделать полшага до ситуации, описанной в «Портрете» Гоголя.

Процесс творчества – штука тонкая и до конца человечеством не разгаданная. Здесь, как в Книге бытия, все запутано.

Вначале Бог сотворил небо и землю, и земля та была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. Потом Всевышний создал твердь и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. (И стало так.) Твердь Бог назвал небом. (И был вечер, и было утро: день второй.) И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. (И стало так.) И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо.

Если о Земле изначально говорится как об астро-

номическом теле, то из чего же это тело состояло? Разве не говорится, что и земля, и небо были созданы позже? И над какой водой носился Дух Божий?

Может, кто-нибудь давно разобрался в божественных деяниях и удивляется моей непонятливостью; так пусть объяснит. Буду только благодарен.

Что же касается процесса творчества, то я много лет пытаюсь не разгадать – что, в принципе, невозможно, а хотя бы приблизиться в разгадке этой тайны. Об этом первая художественная книжка «Соло для одного», об этом же и множество рассказов.

Пока все мои попытки осязательного результата не дали.

Алексей Николаевич Толстой писал в одной из статей:

«Что же, – человек рождается художником, потенциал задан в нем от рождения? Не знаю. Мне кажется, что если в наследство я получаю прадедовский нос и прабабушкину родинку, то почему не получить мне и всего накопленного внутренне-го содержания прадедушки и прабабушки? Должно быть это так. Но это не все. Я рождаюсь со всем богатством прошедших тысячелетий. Я расту, ничего не отдавая, но вбирая в себя окружающее. Я, маленькое существо, всеми инстинктами стремлюсь жить в безбольном, безгрешном, счастливом «раю». И вот тут-то, очевидно, и происходит крайне сложное, – из райской детской жизни и из тончайшей материи наследственности, – создание моего потенциала. Этот рост, как мне кажется, длится до первого «грехопадения», то есть до пробуждения половой энергии. Здесь уже – начало отдачи, творчества.

Затем рост, развитие ума и воли. Человек становится крепко на землю. Он носит в себе этот маленький мир младенчества, светлый, как свет неба, радостный, как поляна, покрытая росой, и сложный, дремлющий немо, потому что в нем голоса тысячелетий. Это потенциал художника. Отсюда – вечная жажда возвращения в «рай». Сладкая тоска и неожиданная радость, когда нечаянно свет солнца брызнет на поляну – так же...

Неправильно понимать мои слова, будто творчество есть только воспоминание... Воспоминание «рая» есть художественная хватка. Эликсир жизни. Художник будет описывать жизнь на Марсе, жизнь на Земле через десять тысяч лет, откинется назад в дивные туманы истории, – но только тогда плоть его письма станет живой плотью, когда все мгновения того, что он описывает, пойдут через его потенциал, будут – так же...»

Предположение, безусловно, интересное, но, во-первых, недоказуемое, а во-вторых, как же быть со средой? со всем тем окружением, кото-

рое оказывает свое влияние на формирование и развитие личности?

«Эко вас, братцы, занесло, – снисходительно улыбаются всезнающие прагматики. – От лукавого ваши теории. Просто работайте. И не от случая к случаю, а постоянно, каждый день. Будет тогда и вдохновение, будет и результат».

Таким был Эрнест Хемингуэй. А как только перестал писать, так и потянулась рука к ружью.

Такой же и наш Валерий Брюсов.

*... Иль – согнут над белой страницей, –
Что сердце диктует, пиши;
Пусть небо зажжется денницей, –
Всю ночь выводи вереницей –
Заветные мысли души!*

*Великая радость – работа,
В полях, за станком, за столом!
Работай до жаркого пота,
Работай без лишнего счета,
Все счастье земли – за трудом!*

Все ли работают до «жаркого пота»?

Нет, говорят, есть счастливы, которые даже не задумываются, что и как писать. Им кто-то сверху надиктовывает: стихи так стихи, прозу так прозу. Почему? Они сами не знают. Вот уж действительно ангелами поцелованные.

Несколько слов о графоманстве.

Это творчество или нет?

Безусловно, творчество. Лишь бы графоманы не требовали всенародного признания, когда конечный продукт их труда еще явно низкого качества и не дает ничего ни уму, ни сердцу читателя.

Константин Паустовский в юности исписывал от корки до корки толстые, так называемые «общие» тетради и в конце концов наточил перо.

Я даже думаю, что каждый литератор должен быть немного графоманом – ему должен нравиться сам процесс написания, когда вроде как из ничего рождается что-то.

Хотя случаются исключения. Наш современник Алексей Самойлов не раз говорил на встречах с читателями, что писать он страх как не любит. Тем не менее недавно выпустил в свет замечательную книгу «Единственная игра, в которую стоит играть». Писать не любит, а всю жизнь пишет, и новая книга, в которой более шестисот страниц, наверно, не последняя...

Творчество, как я полагаю, подобно толстому канату, который связывает жизнь с мечтой.

В нем много прядей.

Здесь и первая встреча с действительностью, когда, по словам Габриэля Гарсиа Маркеса, многие вещи еще не имеют названия и на них приходится показывать пальцем, здесь и более поздние впечатления, время радости и время печали, здесь и звуки, и цвет, и запахи жизни, и советы наставников, и поддержка друзей, и самодисциплина, и осознание того, что ты делаешь и зачем.

Но во всех этих и других неназванных составляющих есть одна константа, без которой невозможно представить творчество. Это состояние внутренней свободы. Творчество в литературе – всегда создание нового мира, хоть немного, но отличного от того, в котором находится сам создатель. Это другая реальность. А ее без внутренней свободы не построить.

Что же касается детства, то оно у меня делится на две части. Более ранний период пришелся на Петрозаводск. Это любимый город, где сейчас живу и о котором постоянно пишу. Так что это повествование – суть еще одно дополнение ко всем моим историческим изысканиям.

Вторая половина детства прошла в Суоярви. Маленький городок, пыльный летом и занесенный снегом зимой, сельская школа-семилетка, учителя, которые, как и все, сажали картошку, ходили по грибы-ягоды, новые друзья, другие игры, потому что уже от крыльца начинался лес.

Если писать о Суоярви, то писать нужно отдельно – совсем другая жизнь.

А когда я вернулся оттуда, то детство кончилось, началось отрочество.

Но именно в Суоярви – знать, пришла пора – я обрел чувство внутренней свободы. Это было удивительное и радостное ощущение.

Я никогда не был в степи, но видел себя словно всадником в зеленом просторе, открытом на все стороны света.

Именно об этом было второе письмо Вадиму, которым хоч закончить книжку.

Скачи, казак

Не увеличивай без особой на то необходимости количество сущностей.

Основной принцип «Бритвы Оккама»

В молодые годы я был ужасный враль.

В причудливые и, на мой взгляд, почти правдивые истории, которые рассказывал сверстникам, мало кто верил.

Меня это не обижало.

Можно ли, нужно ли верить или не верить в причудливую вязь арабского орнамента?

Мне нравился сам процесс сопряжения чего-то понятного, зримого с придуманным финалом или же наоборот, когда необычное и даже курьезное действие перерастало в некую бытовую ситуацию.

Так, к примеру, показываю приятелям кованый ключ, он большой – сантиметров двадцать, не меньше, и тут же придумываю, как мой дед в тысяча девятьсот восемнадцатом вернулся из Питера в родную деревню Шуньга с мешком муки. Этот мешок он отнес в амбар, дверцу которого закрыл на замок величиной с лошадиную голову. Хитрые воры не стали ломать дверь, они сделали подкоп под стену, а поскольку в заонежских амбарах полы никогда не прибывались, то тесаные плахи просто-напросто подняли, сдвинули в сторону и мешок с мукой унесли.

Утром дед обнаружил пропажу и сказал: «Ну, раз я стал бедняком, то пора делать революцию и установить в деревне справедливую власть».

Приятели вертят в руках уникальное изделие сельских кузнецов и не знают – верить мне или не верить. Особенно их смущает, что замок, по моим словам, был с лошадиную голову – таких ведь не бывает.

Конечно, не бывает.

Может, и есть где-то, но мне не встречались.

А ключ – вот он, сохранился до сих пор, лежит на стеллаже рядом с книгами Сергея Васильевича Максимова.

Привез я его из деревни, куда был взят мамой на похороны нелепо погибшего дяди Володи. А нашел этот уникум в старом плотницком ящике среди кривых и ржавых гвоздей. Похожий ключ, но, пожалуй, все-таки чуточку меньше, довелось видеть, когда в студенческие годы подрабатывал экскурсоводом в Кижях. Им закрывалась часовня трех Святителей, перевезенная в музей из поселения Кавгора, что в Кондопожском районе. И замок, кстати, был не висячий, а внутренний, плотно врезанный в массивную дверь.

О своем деде я рассказывал и другие истории.

Все они придуманные.

До сих пор не знаю, чем он занимался по жизни.

Вероятно, работал в колхозе, как и все, кто жил в деревне.

У деда, звали его Михаил Иванович, и бабушки Ольги Мартыновны было семеро детей. Двое умерли в младенчестве. Старший сын Александр убит на финской войне. Остальных я знаю: это крестная, иначе кока или кокочка тетя Таня, дядя Володя, дядя Ваня и самая младшая в семье моя мама – Ольга.

Сколько себя помню, мать всегда была на работе.

Брат жил как бы в параллельном мире – он на шесть лет старше, а в детстве это много, очень много, это уже другое поколение.

Меня же с пятилетнего возраста постоянно забирала к себе бездетная тетя Таня, вначале на лето, которое, случалось, растягивалось на целый год, а после четвертого класса я вообще переехал к ней в Суоярви, что, в общем-то, определило дальнейшую судьбу, как бы фатально это ни звучало, потому что мать собиралась отдать меня то ли в суворовское, то ли в нахимовское училище.

Даже известный музыкант нашего времени Эстас Тонне не родился с гитарой в руках. Как и все, пускал в младенчестве слюни и пачкал пеленки, потом учился ходить, говорить, потом гонял мяч со сверстниками, играл в «войнушку», подглядывал за девчонками – как же без этого? Все до той поры, пока ему в руки не попала гитара и не открылись иные миры.

Я пытаюсь найти то заветное петушиное слово, в котором бы отразились годы детства, и я его нахожу – вольница.

В свое время мать настояла, и я, как старший брат, пошел учиться в одну из петрозаводских школ.

Четыре года это «столичное образование» начиналось весьма однообразно: утром меня будили, завтрак состоял из чашки жидкого чая и булки с вареньем, затем мать давала деньги на обед и говорила: «Веди себя хорошо». На этом процесс воспитания заканчивался. После школы мы с приятелем Вовкой Щеголевым шли в рабочую столовую. Брли всегда одно и то же: котлету с пюре, блинчики со сметаной, их в порции было ровно три, и стакан сладкого до приторности кофе. Иногда мы с Вовкой жарили у него дома картошку, на сэкономленные таким образом деньги можно было купить две порции пломбира или сходить в кино на дневной сеанс.

Мать довольно часто работала во вторую смену и приходила домой поздно, когда я уже спал. Так что я с ней виделся мало.

В пятый класс я пошел уже в Суоярви.

У тети завтрак был серьезной и обстоятельной процедурой: обязательно полагалось съесть та-

релку манной каши, были на столе и яйца, сваренные тут же в самоваре, масло и сметана заменили покупные варенья и джемы.

И хотя дорогая кокочка всегда интересовалась, сделал ли я уроки, куда пошел, когда вернусь и засиживаться допоздна не разрешалось, поэтому читать нередко приходилось с фонариком под одеялом, при всей этой внешней регламентации внутренней свободы было больше, намного больше, более того, я мог иметь собственное мнение и с ним считались. Родительская любовь слепа и беспотична, хотя, конечно же, все желают своему ребенку добра и только добра. А вот быть приемным сыном – совсем иное. Это в свое время понял Марк Твен, и поэтому Тома Сойера и его братца Сиды воспитывает строгая, но любящая их тетя Полли.

Когда я окончил шестой класс, произошло одно важное событие.

Наши соседи переехали в новую квартиру, и просторный дом довоенной постройки стал полностью нашим.

Через некоторое время тетя Таня сказала своему мужу:

– Коля, теперь мы можем взять к себе деда и бабу – они ведь старенькие.

Вскоре наша семья увеличилась на два человека.

Мать тети, моя бабушка Ольга Мартыновна, была небольшого роста, говорливая, бойкая и постоянно жаловалась на пошатнувшееся здоровье. Поскольку медиков она считала шарлатанами, то весьма успешно занималась самолечением. От всех болезней у бабули было одно-единственное, годами проверенное и потому верное средство – валерьянка, которая принималась два, а то и три раза на день. Ее пристрастие полностью разделял наш котяра владимирской породы с ласковым именем Барсик. Когда Ольга Мартыновна доставала из буфета заветный пузырек и наливала в граненую стопочку немного холодного кипятка, кот тут же вспрыгивал на соседний стул и вместе с ней считал падающие в воду капли чудесного эликсира.

Кроме этой специально выделенной стопки, в медицинском хозяйстве еще имелась расписанная цветами чашка с отбитой ручкой. Она предназначалась для ночного хранения искусственного глаза. Свой здоровый Ольга Мартыновна потеряла на сенкосе – ткнула жесткой травинкой, когда метала наверх стога сено, а поскольку в больницу обратилась лишь спустя две недели после случившегося, то стала инвалидом по зрению. Я называл бабулю «одноглазым дьяволом Бернардито» – по имени одного из главных героев «Наследника из Калькутты».

– Это кто ж такой? – однажды поинтересовалась она.

– Честный и благородный человек по имени Бернардито Луис Эль Гора.

– А почему «дьявол»?

– Потому что не прощал обид и беспощадно расправлялся с врагами.

– Ишь ты! – сказала бабуля и грозно сверкнула мертвым глазом. – У нас в деревне тоже такие мужики были. По пьяни всегда дрались.

– И дед? – с надеждой спросил я.

– Дед выпивал редко, – уклончиво ответила бабуля. – Не на что ему было выпивать – все деньги в бильярд просаживал.

Я тогда подумал, что с бильярдом бабушка явно напутала. Наверное, думает, что это название какой-нибудь карточной игры.

Спустя много лет, когда собирал в республиканском архиве материал для очередной краеведческой публикации, то случайно наткнулся на любопытный документ. Это был отчет Общества попечения о народной трезвости, и в нем, в частности, говорилось, что тщанием активистов и при поддержке их добровольных помощников из народа в деревне Шуныга открыта чайная, в которой установлен бильярдный стол под зеленым сукном. С удовлетворением отмечалось, что городская забава пользуется у местных селян большой популярностью.

Я не знаю, был ли мой дед, неудачливый игрок в бильярд, по жизни разговорчив, но к старости он стал молчалив – молчалив абсолютно, как мечта партизанского подполья.

И в будни, и в праздники он после завтрака говорил одно-единственное слово «благодарствую» и садился у окна.

Там, за окном, был наш сад – шесть кустов

красной смородины, у которых омертвелые ветки в последний раз выпиливались еще до войны. За этим одичавшим Версалем едва просматривались, скорее угадывались, грядки с морковкой, луком и венчиками укропа.

Взгляд деда был ясный и осмысленный.

Что он там видел?

Кот, если не гулял, не спал у печки, не лакал молоко и не считал с бабулей валериановые капли, тотчас вспрыгивал деду на колени. Не отрывая взгляда от кустов смороды, дед неторопливо начинал его поглаживать между ушей своими скрюченными от старости пальцами.

...Все было просто, мудро и понятно: солнце восходило на востоке и вечером уходило за горизонт на западе, страна уверенно шла к светлому будущему, партия на пленумах ставила перед народом, безусловно, выполнимые задачи, буханка хлеба стоили четырнадцать копеек, кока хлопотала по хозяйству, дед сидел у окна.

**Петрозаводск
2014–2015 гг.**

Фото предоставлены автором

Валерий Николаевич ВЕРХОГЛЯДОВ

родился в 1946 году в городе Пудожье.

Окончил историко-филологический факультет

Петрозаводского государственного университета.

Работал в редакциях газет «Комсомолец», «Ленинская правда»,

«Петрозаводск», «Карелия», «Город».

Заслуженный журналист Республики Карелия.

Автор многочисленных очерков

и ряда книг по истории Петрозаводска.

Член Союза писателей России с 2000 года.

Живет и работает в Петрозаводске.

Егор Валентинович ПЕРЦЕВ

родился 16 ноября 1991 года
в г. Олонце Республики Карелия.
Срочную военную службу проходил
в зенитно-ракетных войсках
Полярного военного округа.
Окончил Гатчинский педагогический колледж
им. К.Д. Ушинского.
Лауреат литературного конкурса
«Северная звезда»-2011.

**Егор
ПЕРЦЕВ**

с. Ворсино
Калужской области

*«Я горсть воды
у мира на ладонях...»*

* * *

ТИШИНА

Когда луна всплывает над рекой,
Задумчивость лучится в звуке каждом.
Когда в природе и в душе покой,
Тогда невольно думаешь о важном:
О тех, кто навсегда ушел уже,
О родине, о будущем, о людях,
О Боге, счастье, истине, душе,
О тех, кто есть, о тех, кто после будет,
О том, что в тесной суতোлке дней
Порой незримо пролетает мимо,
О том, чего не может быть родней —
О доме, о семье и о любимой.

Ласкает берег темная волна,
Сливаясь, станут звуки тишиною...
И овладеет миром тишина.
И овладеет тишина душою.

Надежно укрыты могилы солдат,
Нашедших покой, но не найденных нами.
А солнце, как десятилетия назад,
Все так же встает над глухими лесами.

Лишь первая птаха с утра запоет,
Как бор молчаливый начнет просыпаться,
И сосны, встречая далекий восход,
Приветливо зорьке в ответ золотятся.

Природа не помнит далеких боев,
Не делит умерших на левых и правых.
Окоп или противотанковый ров
Теперь не всегда отличишь от канавы.

Никто не союзник, никто ей не враг,
И незачем с кем-то ей мериться силой.
Воронка снаряда — обычный овраг,
И холмик обычный — быть может, могила.

ВОДА

Напомни мне, когда я все забуду:
Про дом над обмелевшей рекой,
Куда иду я и пришел откуда,
Напомни мне о том, кто я такой.

Напомни мне дождем и снегом мокрым.
Пускай колючий, хлесткий и косой

Стучит порой осенний ливень в окна,
А летом ноги холодит росой.

Я вспомню все, ведь ты, всего бездонней,
Напомнишь мне, забытое храня:
Я горсть воды у мира на ладонях
И целый мир в ладонях у меня.

Роман КАЗИМИРСКИЙ*г. Будва (Черногория)*

ЗЕЛЕНЫЙ ШЕПОТ

ПОВЕСТЬ

*Как давно это было — уже три года прошло,
а кажется, будто было вчера...*

Верхний двор против нижнего — финал лиги местных чемпионов по футболу. Счет ничейный, последние секунды матча. Саша, оставив свои ворота, мчится на половину поля противника. Красивый подкат — и мяч направляется в ворота аккурат между ног Кира, знаменитого на всю округу голкипера. Тот отчаянно пытается избежать позорной «банки», но тщетно. Эх, знал бы тогда Саша, что Кир надолго запомнит этот момент, может быть, и не стал бы так стараться. Но он не знал — и поэтому радовался победе своей команды совершенно искренне, принимал поздравления и даже совершил два круга почета.

Вот Саша идет домой — гордо вышагивает в рваных парусиновых туфлях и даже не боится того, что мама может не оценить подвига их обладателя на фоне урона, нанесенного выходной обуви. Это на самом деле не важно. Саша представляет, как будет рассказывать о том, что происходило на поле, как настоящий комментатор. Эх, была бы у него еще какая-нибудь звучная фамилия — Чилаверт, например. Или Дасаев. Или Касильяс! Саша представляет, как защищает ворота своей страны в финале чемпионата мира в решающий момент — и спасает всех, конечно. А потом его качают на руках, но сначала, конечно, делают кучу малу. Ему всегда хотелось попробовать, каково это.

Как только Саша открыл калитку и направился к дому, он тут же забыл обо всем — и о сегодняшнем матче, и о том, что собирался рассказать. Справа от дорожки, вымощенной брусчаткой, было непривычно пусто, будто кто-то вырвал часть привычной картинки и ничем не заполнил образовавшуюся пустоту. Не сразу поняв, в чем дело, Саша несколько секунд рассматривал уродливую дыру в земле. Разве она здесь была и раньше, эта дыра? Почему он ее не замечал? Или не было ее? А что тогда было? Ой!

Еще через несколько мгновений родители Александра, почти взрослого уже мальчика двенадцати лет, выбежали из дома, услышав плач сына. Тот сидел на дне земляной ямы, кидал в них комья грязи и кричал, как капризный малыш:

— Где оно?! Куда вы его дели? Где мое дерево? Это было мое дерево! Где мое дерево? Где! Моё!.. Дерево!..

— Саша, что ты... Не переживай. Ты ведь хотел бассейн! Помнишь, я тебя спрашивала? — мама, волнуясь, пыталась успокоить его, отец же молча стоял рядом. — Помнишь? Вот мы и решили тебе сюрприз сделать. Пока ты с друзьями играл, дядя Коля дерево выкорчевал, вот — яму под бассейн уже выкопал. А что? Тебе не нравится? Ты знаешь, как мы его сделаем — какого цвета бассейн хочешь? Всё, давай руку, не плачь. — Мама взяла зареванного сына за руку и помогла выбраться из ямы. — Ну, дерево, ну и что? Завтра с папой поедешь в магазин и выберешь себе другое дерево — какое захочешь. Правда, Олег? Съездишь с ним?

Отец молча кивнул, обнял словно заснувшего Сашу и пошел с ним в дом. Глаза ребенка были закрыты, только веки слегка подрагивали и шевелились губы, будто он с кем-то разговаривал.

«...Тише, все будет так, как должно быть, — кто-то невидимый шептал из пустоты. — Мы знаем тебя, я знаю тебя. Ты не виноват. Я тебе все объясню. Чуть позже. Ты приходи — и все увидишь сам. Но молчи. Или не приходи. Будешь молчать? Наш секрет? Молодец. Приходи, я жду...»

Если бы кто-нибудь сказал Сашиним родителям, что их сын в тот момент действительно кое с кем разговаривал, наверное, его тут же отвезли бы в больницу к какому-нибудь мозгоправу. Но, к счастью, все обошлось — мальчика оставили в покое, объяснив его поведение особенностями подросткового возраста, поэтому сегодня мы имеем... Впрочем, обо всем по порядку.

* * *

Лес. Такой разный — то шумный и сердитый, то ласковый и внимательный. Сегодня тебе кажется, что ты знаешь его как свои пять пальцев, а завтра бродишь по нему как в первый раз: где вчерашние тропинки, куда делись зарубки? Можно десять раз пройти мимо какого-нибудь дерева — и только на одиннадцатый заметить, что это и не дерево вовсе, а просто тень, игра света. А может быть, и было дерево? Просто ему надоело расти на одном месте, и оно перебра-

лось куда-нибудь поближе к воде, оставив вместо себя муляж.

Вот и пруд как раз. Говорят, будто после войны из него выгнали истребитель, только вот пилота так и не нашли. Поэтому здесь никто не купается. Боятся, что призрак летчика на дно утащит. Мол, одиноко ему там одному, вот и ищет себе компанию. А Саша верит, что пилот вовремя катапультировался и спасся. И прожил долгую счастливую жизнь.

— ...Сегодня прекрасный день, не правда ли, человек? Зачем ты нацепил на себя это странное приспособление? Сквозь него не сможет пробиться ни один солнечный луч. Как ты вырастешь без солнца? Будешь тонким и щуплым. Сними его.

— Отстань, зелень. Это просто кепка. От кепки еще никто не умирал.

— Так ты станешь первым. Посмотри на себя — щуплый, бледный. У нас таких на мультчу пускают, знаешь ли. У-р-р-р...

Это он так смеется. Саша уже привык, а сначала пугался. Любому бы стало не по себе от такого проявления веселья.

Саша подошел к самому берегу пруда и склонился над водой. Отражение показалось ему достаточно привлекательным: стройный, спортивного вида паренёк с тонкими чертами лица и большими глазами. И кепка очень даже к месту. Побудешь на таком солнцепеке без головного убора часик — нос обгорит. А кому понравится красный нос?

— Так что сам ты мультча, — закончил Саша вслух свои рассуждения. — Я бы, может быть, и прислушался к твоему авторитетному мнению, если бы оно было авторитетным.

— А к чьему мнению ты готов прислушаться?

— Ну... — мальчик замялся.

Между нами, выбор-то был невелик. Так уж повелось, что за последние пару лет Саша растерял всех своих друзей — мало кто хотел общаться с «психом», как его называли окрестные ребята. Сначала он злился, даже несколько раз дрался, но потом сказал себе, что лучше быть одному, чем дружить с дураками. Сказать-то сказал, но приятелей ему такая жизненная позиция не прибавила, поэтому сегодня он не в бассейне с одноклассниками, а здесь, в обществе своего единственного друга. Правда, друга

проверенного, настоящего. Он не соврет, не предаст, не бросит в трудную минуту.

— Да ладно тебе философствовать, старый, — Саше стало стыдно от сказанного. — Ты ведь знаешь, что я несерьезно. Если я кого и слушаю, так только тебя. Ты чего, обиделся, что ли?

— Нет, конечно, что ты. Я на мультчу обижаться не привык. У-р-р-р... — в этот раз и Саша присоединился к смеху своего собеседника.

— Ну, пока, до завтра, — Саша направился в сторону своего дома. — Мне еще родителям нужно помочь. Обещал еще дней десять назад свою комнату в порядок привести. А завтра бабушка приезжает. Если завтра на моих двенадцати квадратах будет такой же бардак, как сейчас, то к обеду жди в гости — родители меня здесь и закопают.

— Хорошо, иди, обещания нужно исполнять. Помнишь, какое ты мне слово дал? Пора бы и его сдержать, как ты считаешь?

— Да помню, помню. Все будет, не торопи меня, я и так быстрый, как сквозняк. Вот — видишь: я есть, а теперь меня нет, — и Саша вприпрыжку побежал домой.

Вслед ему улыбался и махал ветками Лес.

— Люди, — прошептал он. — Как вы любите все усложнять.

* * *

— Эй, вы посмотрите, кто к нам пожаловал! — Кир соорудил дурашливо-удивленную гримасу и скосил глаза к переносице. — Сам псих почтил нас своим присутствием. Нет-нет, я не верю. Этого просто не может быть.

Фу ты, опять этот шут гороховый. Кто бы мог подумать, что этот остряк-самоучка растет в профессорской семье, домой носит одни пятерки, Пушкина почти всего наизусть знает. Девчонки его любят, парни уважают, все окрестные взрослые ставят его своим отпрыскам в пример. В общем, Кир — наше все и даже больше. Для всех, за исключением Саши, который знаком с не самой приятной стороной всеобщего любимца. Он знает Кира как злопамятного и вредного мальчишку, который так и не смог простить ему того злополучного гола. Уж он-то никогда не упустит случая задеть Сашу, как только выпадет такая возможность. Вот и сегодня, сто-

ило тому, задумавшись, пройти мимо группы ребят и не поздороваться, как Кир тут как тут.

Впрочем, Саша уже привык к дразнилкам. Сейчас, наверное, Дима присоединится — он верная Кировская правая клешня. Ну, конечно, кто бы сомневался.

— О, что мне сделать, чтобы его придурковатое величество обратило на меня свое драгоценное внимание? Взгляни на меня, о желанный объект моих субъективных грез! — иногда правая рука была даже остроумнее своего хозяина, подумал «объект».

— Привет, Саша!

Это Ника. Невысокая, с темно-русыми, чуть вьющимися волосами и карими улыбчивыми глазами. Саша учится с ней в одном классе. По утрам они часто встречаются по пути в школу, иногда даже вместе идут домой. Несколько раз Саша почти решился предложить ей зайти куда-нибудь — например, в кино. Или съесть по мороженому в местной кафешке. Но, как известно, «почти» не считается, поэтому Саша до сих пор подолгу смотрит на Нику, когда думает, что его никто не видит. Нравится ли она ему? Конечно. Может быть, это любовь? Может быть — Саша еще не определился. Вот только каждый раз, когда Ника оказывалась рядом, куда-то разом пропадали нужные слова, ладони вдруг становились влажными, а все предметы вокруг нечеткими и размытыми — настолько, что, провожая ее до дома, обычно внимательный Саша мог легко не заметить лужи у себя под ногами или ветки дерева прямо перед своим носом. Конечно, такие особенности поведения не могли долго оставаться вне поля зрения Кира и его компании. Ну что ж делать... Вот и сейчас ребята переглядываются и начинают активно зубоскалить. Ничего, ничего, думает Саша, сейчас он поздоровается с ней, а потом подойдет и пригласит на свидание — так, чтобы все слышали. Именно так они все с Лесом и планировали — и слово Саша дал, что обязательно решится на это. Обязательно решится, это ведь совсем не сложно, вообще проще простого.

— Привет, Саша!..

Опять все плывет перед глазами, в груди что-то ухает, ноги становятся ватными, он спотыкается и чуть не падает под дружный гогот аудитории.

— Привет, Ника... Я тут... В общем, дело у меня важное очень. Увидимся утром, хорошо?

— Да, конечно, пока. Удачи тебе!

Саша шел к дому, слыша за спиной раскатистый смех Кира и представляя себе, как он однажды даст недругу в зубы. Обязательно даст однажды. А почему сейчас не дал? Может, вернуться? Нет, это будет совсем глупо выглядеть. Да и за что? За насмешки? Так было ведь ничем смеяться. Сам дурак, поделом. И Нике, наверное, он болваном показался. Хотя, может быть, она не заметила? Саше очень хотелось на это надеяться.

* * *

Дом — таинственный остров, на котором время остановилось. Здесь ничего никогда не меняется. По утрам — яичница с поджаренным хлебом, обеденный стол случается только по воскресеньям, потому что всю неделю родители работают, а в субботу отсыпаются. Ужин, естественно, тоже обычно не отличается особой душевностью. Воскресенье начинается с разговоров о том, как мало времени остается на семейные отношения. Заканчивается воскресенье, соответственно, усиленным наверстыванием этого потерянного времени. Один раз в месяц приезжает бабушка — поэтому именно раз в месяц Саша наводит маршфет в своей комнате. Захватывающе, не правда ли?

Саша, с раздражением собирая в мусорный пакет разбросанный повсюду хлам, раздумывал над тем, как бы сделать так, чтобы бабушка в этот раз не заходила в его комнату. И вообще, ну что она забыла здесь? Он и сам может к ней как-нибудь на днях заскочить. Да и почему это она должна сама к ним приезжать? Она ведь уже старенькая совсем, наверное, сложно ей. Родители тоже хороши — вот взяли бы и сами...

Саша вдруг покраснел от того, что попытался обмануть самого себя. Конечно, дело было вовсе не в заботе о бабушке, а в обычной лени. Всё, баста, не переломисься, уважаемый, если в кои-то веки наведешь порядок в собственных хоромах.

— Сынок, ты у себя? — Это мама, наверное, поторопить хочет. Скорее всего, ужинать позо-

вет. (Что там? Неужели опять суп?) — Саша, подойди ко мне, пожалуйста.

— Иду, мам, иду, — Саша вышел из комнаты, волоча пакеты с мусором. Родители сидели на диване, взявшись за руки. Что, уже время бесед о семейных ценностях? И все-таки, откуда его столько набирается всего за месяц, мусора этого? — Я почти закончил. Еще минут пятнадцать — и дворец к почетному приему королевы-матери будет готов.

— Сынок, бабушка не приедет завтра, бабушка умерла вчера, мы с папой только что узнали.

Саша не сразу понял смысла всей фразы — он уловил только ее начало. Поэтому он радостно улыбнулся и присвистнул — и, только подняв глаза и увидев лицо матери, начал с ужасом вникать в суть услышанного. Стало вдруг очень больно в горле — будто проглотил пузырь воздуха, во рту появился горьковатый привкус соли. Почему-то вспомнился день, когда он катался на велосипеде, угодил колесом в яму и, неудачно грохнувшись, сломал себе руку. Было очень больно и страшно, как сейчас. А бабушка взяла его на руки и так — на руках — отнесла в травмпункт. Он тогда еще подумал: никогда бы не подумал, что она такая сильная. Возможно, даже сильнее папы, а это уже очень серьезно.

И вот ее нет. Мама плачет, отец молчит и смотрит в сторону. А Саша никак не может разобраться в своих чувствах. Первый шок прошел — пришло осознание утраты, однако самого ощущения утраты не было. Так бывает, когда тебе говорят, что потолок — это навсегда и неба больше нет. Но ты-то знаешь, что небо есть.

— Это очень странно, — Саша закрыл глаза и прислушался. Обычно ему достаточно было нескольких секунд, чтобы наладить контакт с Лесом. — Ты здесь? Что со мной происходит? Почему мне кажется, что моя бабушка со мной?

Зашелестели листья — верный признак того, что его слышали. Теперь главное — не производить мыслей вслух.

— Я с тобой.

— Ты не понял, у меня бабушка умерла. Но у меня такое чувство, будто она где-то рядом. Ты мудрый, сам говорил. Объясни.

— Я с тобой. Я — это она. Она — это я. Ты пой-

мешь. А сейчас нужно просто поверить. Верь мне, Человек. Я — это она, теперь уже навсегда.

— Постой, постой, — у Саша закружилась голова. — В каком смысле ты — это она? Или она — это ты. Это как реинкарнация, что ли? А можно мне с ней поговорить? Или ты передай ей, что мне очень жаль.

— Чего тебе жаль?

— Не знаю. Всего. Того, что мало с ней общался. Того, что забыл многое. Многого не успел сказать — или не хотел. А сейчас хочу. Можно мне поговорить с ней?

— Ты уже разговариваешь. Я слышу — она слышит. Она говорит — я говорю. Она сказала так: не кори себя, Саша, невозможно успеть все. Нужно оставлять незаконченные дела, чтобы их кто-нибудь доделал за тебя. Она сказала еще: твои папа с мамой пока не готовы, но время скоро настанет. Страшное приближается, одному тебе не справиться. Нужна будет их помощь.

— Какое страшное? Что приближается?

— Ты скоро сам все узнаешь. Не сегодня. Сейчас ты нужен своим родителям. Им больнее, чем тебе. Ты — их лекарство. Лечи.

* * *

Ника, знаешь, ты мне давно нравишься, я давно хотел тебе сказать... Нет, не так. Ника, я как-то прочитал у одного поэта такие строки: «Когда в глазах твоих вселенная души — уже не карлик я. Гигант». А если она не любит стихов? Нет, она любит их, конечно. Ну, а вдруг? Нет, не то, не то!

Саша сидел на большом камне возле пруда и разговаривал с воображаемой Никой.

— О чем думаешь? — шепот раздался над самым ухом.

— Не о чем, а о ком, — Саша уже давно перестал стесняться своих чувств, общаясь с Лесом. — Сам знаешь. Вроде бы все просто, а как пытаюсь что-то сказать ей, тут же в болвана какого-то превращаюсь.

— А ты не думай. Говори как есть.

— Ага, не думать. Это ты можешь напрямую — у тебе фотосинтез. Ты бы помог лучше.

— Как?

— Ну, если бы я знал как — то и не спрашивал бы. А раз спрашиваю, значит, не знаю. Ты

же древний и мудрый вроде, так чего глупые вопросы задаешь?

Саша задумался. А в чем на самом деле проблема? Ника — единственная, кто никогда не издевается над ним. Значит, он ей нравится. Ну да, нравится. Про элементарную воспитанность слышал? Может быть, она просто выше всего этого — вот и не опускается до уровня этих орангутанов. Или все-таки нравится?..

Окончательно запутавшись в предположениях и устав гадать, Саша закрыл глаза и постарался ни о чем не думать. Легко сказать: не думать — как только ты решаешь это сделать, твой мозг начинает работать в режиме какой-то истеричной активности.

— Чтoб тебя! — ругнулся Саша и вскочил на ноги. От резкой смены положения у него закружилась голова, и он, не удержавшись, плюхнулся в зеленоватую воду.

— У-р-р-р... — пространство вокруг будто завибрировало. — Правильно делаешь, Человек! Полив — дело полезное.

Саша хотел было съязвить в ответ, как вдруг ему пришла в голову идея.

— Зеленый, а можно мне с бабушкой поговорить? Ты ведь сам вещал: я — она, она — я. Можно? Чего молчишь? Раз сам не можешь ничего дельного подсказать, дай другим, не будь гадом.

— Саша, ты все правильно делаешь, — привычный шепот приобрел новые, более человеческие нотки. — Ты сомневаешься — это нормально. Только глупцы никогда не сомневаются. Боишься, что ответит отказом — и правильно делаешь. Зато еще больше будешь ценить ее положительный ответ.

— Ба, ты честно думаешь, что она согласится пойти со мной на свидание?

— Конечно. Я не только так думаю, но и знаю наверняка. Вот увидишь.

— Спасибо! Тогда я пойду, — Саша, приняв решение и получив необходимую ему поддержку, заторопился. — Слушай, а ты куда не денешься? Ну, не перейдешь в какой-нибудь другой мир или измерение — или как оно у вас называется? Мне бы с тобой иногда поговорить — а то этот совсем деревянный, до него не достучишься временами.

— А я все слышу, между прочим, — шепот опять изменился и стал прежним. — Деревян-

ный я, говоришь? Так я ведь дерево, чего ж ты хотел. Будешь, будешь общаться со своей бабушкой, не переживай. Она теперь никуда не уйдет — поверь мне: здесь достаточно места для всех. Ну, беги, а то опять весь свой пыл растеряешь, если думать начнешь.

Саша хотел было последовать совету своего друга, но вдруг вспомнил о чем-то:

— Постой, ты говорил о приближающемся страшном — что это? Ты так и не сказал.

— Я слышу, как дрожит земля. Я чувствую боль своих братьев и сестер. Много боли. Я пока не могу определить, что это. Но оно чудовищной силы — и оно приближается. Боюсь, что мне одному не справиться.

— Ты боишься? — Саша удивился. — Ты ведь сам мне говорил, что был всегда и поэтому страх тебе неведом. Говорил?

— Говорил. Выходит, я ошибался.

* * *

Вот тебе и Зеленый. Вот тебе и дерево. Ведь с самого начала был прав. Боялся Саша, боялся, планировал что-то, проигрывал в голове различные воображаемые ситуации, пытался их решить — опять же в воображении. И с каждым разом это было сделать все сложнее и сложнее — то невсамделишная Ника становилась злой и язвительной, то рядом появлялся нафантазированный Кир и оказывалось, что именно в него она все это время и была тайно влюблена. Нет. Все оказалось просто. Набрался смелости — выдохнул, подошел, сказал.

За три дня, что прошли с эпического признания в любви, Саша успел похвалить себя за смелость бесчисленное количество раз. И еще больше — обругать себя же последними словами за то, что не сделал этого раньше. Нужно было дать себе пинка в тот день, когда впервые не решился рассказать ей о своих чувствах. Сколько времени потеряно! А ведь она, оказывается, ждала от него этих простых трех слов. И сама сомневалась — и страдала, и провожала его взглядом.

— О ком ты думаешь? — Ника шутливо надула губки и скрестила руки на груди.

— А? Я? Нет, только о тебе, и вообще — ты раз-

ве кого-то еще знаешь, о ком можно думать? — Саша соорудил удивленную гримасу.

Ника весело рассмеялась и потянула его за собой:

— Ты обещал мне показать самое секретное из всех секретных мест. Или ты передумал?

Конечно, Саша не передумал. Просто он отчаянно трусил. Рассказать — не рассказать?

Вариант первый. Все это время Кир был прав: Саша — псих, и голоса звучат исключительно в его голове. Вот уж радость так радость. Наверяд ли Ника будет счастлива навещать его в психушке.

Вариант второй. Шарик за ролики у него не закатились — он здоров. Но Ника не услышит. И не поверит. Как следствие, возвращаемся к первому варианту.

Вариант третий. Она научится слушать и слышать. Да, Саше определенно больше всех нравился именно третий вариант.

— Ну, так как? Веди меня, мой рыцарь! — для нее это была игра, конечно. Но для него все было более чем серьезно.

— Хорошо! — Саша решил придерживаться выигршной тактики и ничего не бояться. Если решил — то делай. — Пойдем. Только обещай, что ничего не будешь бояться — и если что-то покажется тебе необычным, то ты хотя бы попытаешься понять и поверить. Договорились?

— Договорились, — согласилась Ника, заинтригованная серьезностью, с которой говорил Саша.

Взявшись за руки, они пошли по направлению к лесу.

* * *

Погода стояла дивная — как раз для великого посвящения. Так сначала думал Саша, однако по мере приближения к лесу его уверенность сменялась тревогой. Что-то было не так. Он привык чувствовать любые, даже самые незначительные изменения в настроении природы.

Рябина в предлесье бессильно опустила ветви и не ответила на прикосновение. Береза, подобно плачущей иве, грустно склонилась над самой землей. Не было приветственного щебетанья птиц. Все будто замерло. Ника, идущая рядом, конечно, ничего этого не замечала. Она весело

рассказывала о чем-то, но Саша ее не слышал.

— Зеленый! — мысленно позвал он. — Зеленый, где ты? Что происходит?

Несколько мгновений в эфире стояла полная тишина, потом, будто издалека, нарастая, появился многоголосый шепот. Он становился все громче — пока не превратился в гул, сквозь который Саша с трудом различал отдельные фразы.

— Они убили!.. Возродится... Это невозможно... Убили, убили!.. Помощь, нужна помощь... Нельзя ждать... Откуда?.. Он сможет... Всего лишь человек... Еще ребенок... Такой же... Все они звери... Он не такой!

Этот тембр Саша узнал бы из тысячи. Лес говорил о нем, надеялся на него, просил о помощи.

— Я могу! — Саша вмешался в разговор — и все голоса вдруг смолкли. — Вы только скажите, как вам помочь.

— Так он действительно нас слышит? — произнес старушечий надтреснутый голос. — И что же, мальчик, ты до сих пор никому ничего не рассказал?

— Так я обещал Зеленому... То есть Лесу обещал я, — поправился Саша.

— И что же, ты все обещания сдерживаешь?

— Ну да. То есть нет, конечно, не все. Но важные — все.

— А разве бывают неважные обещания?

— Не знаю. Наверное, бывают, — Саша совсем запутался, а тут еще Ника принялась рассказывать что-то уж очень громко — так, что он начал путаться в собеседниках.

— Но ты ведь и это свое обещание не сдержал, разве нет? Кто эта девочка? Она тоже умеет нас слышать?

— Нет, пока она не умеет, но я очень хотел бы ее научить. Это Ника, она мне очень нравится. Но я пока ничего ей не рассказывал — хотел сначала у Зеленого спросить. То есть... Можно я его буду Зеленым называть? Я уже привык.

— Называй моего брата хоть фиолетовым, от этого суть вещей не меняется. К тому же настоящего его имени ты все равно выговорить не сможешь. А что это значит — нравится? То есть если тебе кто-то нравится, то ему — можно, а если не нравится — так и нельзя? А кто сказал тебе, что тебе нравятся хорошие люди — и наоборот?

— Ника хорошая! Она одна надо мной не издевалась! — Саше захотелось защитить свою подругу, и он едва не произнес эти слова вслух.

— Ну, раз ты так считаешь. Ну что, Зеленый, можно я тоже теперь тебя так буду называть? — позволишь Саше рассказать все девочке?

— Здравствуй, Человек! — голос звучал грустно. — К сожалению, она не поймет тебя. Это я почувствовал сразу, как ты появился. Лучше не делать этого, доверься мне. Все будет не так.

— Ты ошибаешься! Ты же можешь ошибаться, Зеленый, — Саша изо всех сил старался придать своему мысленному голосу уверенности, которой он на самом деле не испытывал. — Позволь мне попытаться. Ты обещал, помнишь? Я свое слово сдержал, теперь твоя очередь.

— Я не могу помешать тебе, ты ведь знаешь. Могу только предостеречь. А прислушаться к моим словам или нет — решать тебе.

— Извини, друг, но я решил.

— ...а она, ты представляешь, надела мамино платье и все лицо ее дорожкой губной помадой измазала!.. — Ника как раз дошла до кульминационного момента своей истории, которую все это время рассказывала, и приготовилась продолжить повествование о похождениях своей младшей сестры, но Саша перебил ее:

— Послушай... Ты помнишь, я тебе говорил о своей тайне?

— М-м, о тайне? Да, помню, — Ника хитро прищурилась.

— Я еще никому о ней не рассказывал. Ты — первая.

Девочка сделала томное лицо и закатила глазки:

— Я вся внимание, месье.

Саша набрал в грудь воздуха и выпалил:

— На самом деле деревья умеют разговаривать, но их никто не слышит. А я слышу. Мы сейчас в лесу — это мой друг, его зовут Зеленый, мы с ним почти каждый день общаемся. И вообще — когда люди умирают, они становятся частью леса, и тогда с ними тоже можно разговаривать. Ты же знаешь, что у меня недавно умерла бабушка. Так вот, мы уже...

Саша замолчал, потому что Ника вдруг закрыла уши руками и закричала:

— Хватит! Ты ненормальный? Я думала, что ты меня поцеловать хочешь! Ты зачем меня сю-

да привел? Про лес рассказывать? Дурак! Псих! Не подходи ко мне больше!

Раздраженно дернув плечиками, Ника решительно зашагала прочь. Саша, опустив руки, молча смотрел ей вслед. Когда она скрылась из вида, мальчик медленно опустился на траву. Внутри была странная пустота. Незнакомое чувство, которое даже неприятным было сложно назвать. Никакое чувство. Светло-серое, густое, как туман поздней осенью. Хотелось закрыть глаза и завалиться в спячку, как медведь.

Саша вздрогнул от прикосновения — он повернул голову и увидел воробья. Как ни в чем не бывало тот уселся на его плече и заглядывал мальчику в глаза. Саша склонил голову набок — птица повторила за ним. Саша улыбнулся — воробей чирикнул, клюнул его в ухо, взмахнул крыльями и улетел.

— Мне очень жаль, — в голосе Зеленого звучала неподдельная грусть. — Ты должен был через это пройти, я не должен был тебя предостерегать. Не имел права. Теперь ты знаешь: не все то, что тебе хочется считать хорошим, является таковым. И наоборот, как уже говорила моя сестра. Сейчас тебе больно, но эта боль добрая. Она сделает тебя сильнее. Можешь считать это эгоизмом, но всем нам нужна твоя сила.

Саша слушал своего друга — и появившееся было раздражение сменялось чувством благодарности. Наконец, вздохнув, он произнес:

— Спасибо тебе! Давай пока не будем говорить об этом. Мне еще самому нужно подумать обо всем, что произошло. А теперь рассказывайте. А то чем дольше вы молчите, тем страшнее мне становится. Что произошло? С чего такой переполох?

Все опять заговорили разом — и от этого голоса слились в шелестящий взволнованный гул.

— Не все сразу, пожалуйста. Так мне ничего не разобрать. Друг, давай ты.

Над лесом повисла вязкая тишина, и оттого слова, произнесенные Зеленым, прозвучали неестественно громко, будто в громкоговоритель.

— Нас убивают, Саша. Каждый день. Страшные машины оставляют после себя пустоту. Помнишь, ты по моей просьбе в прошлом году навещал моего брата, когда он заболел? Его больше нет. Несколько дней назад пришли какие-то люди в касках, долго ходили, измеряли

что-то, а на следующее утро земля задрожала и со всех сторон на лес напали машины, пожирающие деревья. Люди не слышали их криков, люди не чувствовали их ужаса. Возможно, если бы они могли слышать, все было бы иначе. Возможно, мы могли бы жить вместе.

— Но как заставить их услышать? — Саша с ужасом представил себе, как валятся деревья вокруг него, и непроизвольно зажмурился.

— Мы пытались, — голос Зеленого звучал грустно. — Ты еще не знаешь: люди в касках уже приходили. Сегодня. Мы сделали все, что было в наших силах, но они не захотели нас услышать. Завтра все будет кончено. Если, конечно, мы ничего не придумаем.

По лесу прошел легкий шум, похожий на вздох.

— А что мы можем сделать? — у Саши закружилась голова от ответственности, которая неожиданно легла на его плечи. — Вернее, что я могу сделать? Меня ведь очень мало — и даже еще меньше. Совсем недавно меня только Ника и считала нормальным. А сейчас каждый в нашем городке будет уверен в том, что я вообще того. Вы думаете, что меня кто-то послушает?

— Может, стоит хотя бы попытаться? Помнишь: не попробуешь — не узнаешь.

— Вот, я попробовал. И чем все это закончилось? — Саша вспомнил о реакции Ники и вдруг рассердился. — А если и в этот раз все будет так же? Что мне тогда делать? Советчики нашлись тоже.

— Ну, даже если и так. Что случится? Конечно, ты можешь промолчать, — опять вмешался старушечий голос. — Наверное, для тебя даже будет лучше, если ты уйдешь и больше никогда не вернешься сюда. Забудь о нас — будто нас и не было вовсе. Со временем все образуется. У тебя появятся друзья, с которыми ты опять будешь играть в футбол. Извинишься перед Никой, скажешь, что неудачно пошутил. Она, конечно, простит — ведь ты ей нравишься. Да, так будет лучше. Прощай. Мы все понимаем и зла на тебя не держим.

Как же все это сложно. Саша уже давно убедил себя в том, что лучше ни с кем не дружить, чем дружить с кем попало. Но сейчас он вдруг осознал, как ему не хватает простого общения со своими сверстниками. Сестра Зеленого

смогла заглянуть в душу мальчика и посеять в ней сомнение. Вот только зачем?

Зачем — Саша не мог этого понять. Деревья ведь отчаянно нуждались в нем — это было ясно как день. Без него им конец. Правда, возможно, что и с ним — конец, но все же он может дать им хоть какую-то надежду. Если только...

— Я все понял. Вы не хотите ни к чему меня подталкивать. Нужно, чтобы я сам принял решение. Чтобы понял, что для меня важнее. Так вот, я понял. Я помогу вам. Ждите.

* * *

Родители не поймут. Зеленый говорил, что они помогут, но он ошибался — Саша это точно знал. Они просто испугаются и отвезут его в больницу. Впрочем, он всегда был готов к такому повороту событий и, честно говоря, временами удивлялся, что до этого так и не дошло. Нет-нет, оставим родителей в покое, так будет спокойнее, — решил про себя Саша. Он брел вдоль дороги и размышлял о том, как заставить кого-то помочь ему и лесу. И — главное — кого? Пойти к директору школы? Ну, это совсем не вариант. Попытаться поговорить с ребятами? Засмеют. Взрослые даже слушать не станут — не в фаворе он у местного родительского совета. Кинуть клич? Поздно уже. Эх, эх... Пожалуй, придется опять выставить себя на посмешище и просить о помощи Кира и его команду. А вот и они. Смелей.

— Народ, у меня к вам разговор, — галдящая толпа ребят на секунду замолчала от удивления — настолько необычно было слышать что-либо от Саши. — Послушайте, это на самом деле очень важно...

— Ну, ничего себе! Смотрите-ка, сегодня в психушке, наверное, день открытых дверей, — Кир насмешливо подбоченился и выставил вперед правую ногу. — Нам тут одна птичка нащелкала, будто ты так сильно гринписом увлекся, что сам позеленел. Покажи язык — вдруг он у тебя зеленый.

Все вокруг громко засмеялись. Саша отыскал в толпе Нику и с горечью отметил, что она смеется громче всех. Так, значит... Ничего, это уже не важно.

— Пусть у меня язык зеленый. Пусть даже му-

хоморы на носу вырастут, вам-то что? Вы только зубоскалить и можете, — Саша почувствовал бессилие от того, что никто не желал его слушать. — Это важно, дайте мне сказать!

— А я бы послушал, кстати, — Дима, поглядывая на Кира, всем своим видом показывал, что цирк только начинается. — Пусть человек высказается. Может, у него от избытка слов голова пухнет. А вот выпустит пар — голова и сдуется, глядишь — и нормальным станет.

Кир благосклонно наклонил голову. Хоть так, — подумал Саша и поспешил начать, чтобы никто его не опередил:

— В общем, это касается леса.

— Я же говорила! — победоносно выкрикнула Ника, но на нее зашикали, и она обиженно замолчала.

— Леса скоро не будет.

— То есть как не будет? — удивился кто-то. — Куда это он собрался подеваться?

— Его срубят. Завтра утром. Помните, недалеко от нас была роща небольшая? Кир, мы с тобой в детстве там грибы собирали с родителями, — Кир молча кивнул. — Так вот, ее больше нет, этой рощи. Несколько дней назад ее полностью вырубил. Теперь на ее месте будут строить коттеджный городок.

— Ну, коттеджный городок — тоже дело, — начал было Дима, однако Кир грубо перебил его:

— Тихо! Так, что там дальше? Рассказывай.

— Мне сказали, что к нам уже направляются бульдозеры. Проектировщики уже приезжали, все замеры произведены. Если мы ничего не сделаем, то у нас отберут наш лес. И пруд осушат.

Ребята стояли молча.

— Я постараюсь помешать им, — продолжал Саша. — Кто поможет мне? Я все равно это сделаю — даже один. Но вряд ли у меня что-то получится. Кто пойдет со мной?

Несмотря на то что Саша не ждал какого-то особого участия от своих одноклассников, он все же втайне надеялся на то, что хоть кто-то откликнется. Наверное, зря. Люди привыкли любить природу издалека, только если это не требует от них каких-то усилий, — во рту стало горько и солоно. Вспомнился Зеленый, его урчание, отражение неба в пруду и все то, что в скором времени может быть уничтожено.

— И кто же тебе нарасказывал такой жути? — Ника первой прервала молчание. — У меня папа работает в строительной компании, он мне ничего не говорил об этом. Опять с деревьями общался, псих?

— Я пойду, — Кир решительно вышел вперед. — Я не хочу, чтобы у нас здесь все забетонировали.

— Ты чего? — Дима от удивления даже рот раскрыл. — Он же сам не знает, что несет. Какая стройка? Какие коттеджи? Этот лес здесь всегда был — в нем еще мой дед охотился. Никуда он не денется. Ты поверил этому клоуну, что ли?

— Не денется — и хорошо. Если выяснится, что ничего такого нет, я лично этого фантазера в его любимый пруд обмакну, — Кир кивнул в сторону Саши. — Но если кто-то собирается наш лес на дрова пустить, я не собираюсь в сторонке стоять и смотреть на это. Ника, говоришь, твой папа в строительной компании работает? Вот и позвони ему, узнай, что к чему. Чего ждешь? Звони давай. А мы послушаем.

Девочка с недовольным видом достала телефон из рюкзака и отошла в сторонку. Саша подошел к Киру и протянул ему руку:

— Спасибо тебе! Честно говоря, не ожидал от тебя такого. Мне жаль, что я тогда тебе гол закатил, извини меня. Не хотел тебя обидеть — может быть, забудем об этом?

— Какой гол? — Кир непонимающе посмотрел на Сашу, но протянуть руку пожал. — Я не помню этого. Ты мне просто не нравишься. Какой-то ты слишком правильный.

— Это я правильный? — Саша был поражен. — Так ведь это тебя всем в пример ставят. Родители мне про тебя весь мозг съели.

— Ну да. Так я стараюсь, а у тебя само собой выходит.

Пока Саша переваривал полученную информацию, к мальчикам подошла Ника. По ее смущенному виду было видно, что новости не самые приятные:

— Да, папа сказал, что у нас здесь запланировано строительство какого-то элитного поселка. Уже деньги выделены, техника готова. Вряд ли что-то получится сделать.

— Ну, это мы еще посмотрим, — Кир заговорил громче, чтобы все его услышали. — Так, народ, думаю, всем все ясно. Кто не с нами, тот против нас. Нужно объяснять?

— Нет, все понятно. Чего делать-то будем? — ребята, судя по всему, были готовы следовать за своим лидером.

— Наш лесник говорит, что утром начнутся работы. Значит, мы должны быть там раньше. С рассветом. Нас мало — если соберем всех наших, то навряд ли наберется больше сотни. Значит, нужно подключать предков. Сейчас каждый идет домой и рассказывает все как есть. Встречаемся через час в школьном актовом зале — я с директором договорюсь. Говорите своим, что явка обязательна. Кто не придет — тому лес не нужен.

* * *

III Дни. Директор Семен Александрович, за время каникул соскучившийся по административным делам, с готовностью согласился на предложение Кира, особо даже не вникая в суть проблемы. К тому же к мнению лучшего ученика школы и известного на всю округу активиста привыкли прислушиваться — так что к назначенному часу свободных мест в актовом зале не осталось. Казалось, что весь городок собрался здесь. Наверное, сложно представить ситуацию, когда взрослые люди собрались для обсуждения общественно важного дела в свой законный выходной день. Но чудеса случаются, особенно если очень сильно постараться.

— Уважаемые родители! — в свои юные годы Кир уже был опытным оратором и знал, как общаться с любой аудиторией. — Не буду тратить время на ненужные извинения — дело на самом деле важное. Перейду сразу к сути. Наш лес собираются срубить.

— Как? Откуда такая информация? — раздалось сразу несколько возгласов.

— Информация проверенная. Отец Ники подтвердил. Уже все готово — скоро от нашего леса останутся только пеньки.

— Тогда нужно написать обращение на имя руководства! — это была Сашина мама.

— На имя какого конкретно руководства вы предлагаете писать? Да это и не важно. Если бы нам стало об этом известно месяц назад, мы бы так и сделали. А сейчас, пока обраще-

ние дойдет до адресата, будет поздно. Начало работ намечено на завтра.

— Как?! Почему нам никто не сказал? — родители были так возмущены услышанным, что все как один поднялись из кресел. — Куда смотрят наши чиновники?

— Да, мне это тоже очень интересно, но давайте поговорим об этом в следующий раз. Сейчас нужно действовать. Лес — наш. Никто его ни купить, ни продать не имеет права. Значит, дело темное. И если нам удастся помешать вырубке и привлечь внимание общественности к нашей проблеме, то все может получиться.

— Что конкретно ты предлагаешь, Кир? — директор школы на правах представителя администрации решил добавить конкретики в разговор.

Кир хотел было ответить, но тут его взгляд упал на Сашу, который скромно стоял у сцены:

— А об этом нам расскажет наш главный лесник. Давай поднимайся. Мы тебя слушаем.

Саша никогда до этого не выступал перед аудиторией и поэтому думал, что будет робеть. Оказалось, что это совсем не страшно — особенно когда есть что сказать.

— Все просто. Ранним утром мы все направляемся к нашему лесу и создаем живой щит. Судя по всему, компания эта действует втихаря — иначе мы бы узнали об этом проекте заранее. Значит, поднимать шум и привлекать лишнее внимание к своей деятельности они не захотят. Это нам на руку. Пока они будут стараться с нами разобраться, мы со своей стороны привлечем средства массовой информации. То есть мы поднимем такой шум, что им мало не покажется.

— А если не получится? — спросил кто-то из аудитории.

— Если не получится, то мы потеряем не только лес, но и наш город — и нас самих. Место, в котором мы живем, никогда уже не будет прежним. Для меня оно умрет.

Видя, что речь произвела нужный эффект, Кир решил, что решающий момент настал:

— Ну, так вы с нами? Мы сможем защитить наш дом только вместе.

Зал возбужденно загудел.

* * *

Ночь прошла незаметно, несмотря на то, что дома у Саши никто не спал. Откуда он узнал? Кто ему рассказал? Какой Зеленый? Как лес? Мальчик мой, у тебя нет температуры?

Было сложно объяснить родителям то, что он сам до конца не понимал. Еще сложнее было заставить их понять, что в этом нет ничего необычного, с его точки зрения. Необычно скорее то, что они не могли чувствовать природу и слышать ее. Они слышали огромное количество ненужных звуков — а то, что действительно важно, ускользало от них.

Саше хотелось верить в то, что они все поняли.

— Или просто любят меня так сильно, что готовы поддержать, даже ничего не понимая. Может быть, так даже лучше, — подумал в конечном итоге Саша.

Незадолго до рассвета семья, вооружившись фонариками и захватив с собой немного провизии, вышла из дома и направилась к лесу. Шли, взявшись за руки, чтобы никто не отстал и не заблудился в темноте. Саше почему-то вспомнился один из рассказов Джека Лондона, в котором жители Доусона отправились ночью в поход — он даже несколько раз оглядывался, надеясь разглядеть кого-нибудь на дороге, но зря.

— Наверное, мы раньше всех придем, — подумал Саша. — Как раз будет время пообщаться с Зеленым.

До леса они добрались как раз в тот момент, когда начало светать. Лес встретил их приветливо, будто ничего не случилось. Пока родители осматривались, Саша сел на камень и закрыл глаза:

— Я здесь! У нас все получилось — мы вчера разговаривали с горожанами, все очень сильно переживают и готовы бороться за тебя. Не бойся, мы спасем тебя!

По ветвям большого раскидистого ясеня пробежала дрожь — легкий ветерок скинул на Сашу несколько капель росы:

— Спасибо тебе, друг! Ты сам не знаешь, что ты сделал. Дело не в том, кто кого спасает, а в том, что ты готов сделать ради спасения. Это главное. Я слышу, как сюда бежит кто-то. Быстро бежит — торопится.

— О, это наши! Много их? Сколько?

— Я слышу только одного.

— Не может быть! Ты уверен? Мы ведь договаривались. Может быть, они еще слишком далеко?

— Саша, я слышу, как мокрица выбирается из-под камня возле твоего дома. Нет, я не могу ошибаться. А еще я слышу, что машины уже очень близко.

Из-за поворота показался Кир — мальчик бежал изо всех сил, хотя видно было, что он устал. Поравнявшись с Сашей, он упал на траву и несколько секунд пытался отдышаться. Наконец у него это получилось:

— Всё, баста. Никто не придет.

— Как?! — Саша не поверил. — Вчера ведь все согласились!

— Ну да, согласились. На словах. Друг перед другом-то покрасоваться всем хочется. Слова правильные сказать, покритиковать — это мы всегда готовы. А вот как только до дела доходит, тут у нас сразу появляются какие-то неотложные дела. Димка только честно сказал, что ему родители запретили идти, — ему хоть за откровенность спасибо. Ника мне дверь не открыла — ее семья сделала вид, что никого нет дома, хотя я слышал, как они перешептывались. К директору было сунулся — а он говорит, что заболел. Мол, так хотел, так хотел, но

вот именно сегодня — никак. К остальным я даже заходить не стал, все и так понятно. Так что придется нам с тобой за всех отдуваться. Тебе повезло — тебя предки поддержали. А мои и сами не пошли, и меня пускать не хотели. Еле вырвался. Выходит, все? Приехали? Ты чего глаза закрыл? Слушай, а ты и вправду можешь его слышать? Только честно.

Саша открыл глаза:

— Да, могу. Честнее не бывает.

— Я бы тоже так хотел...

— Ты сможешь, это точно.

— Откуда ты знаешь?

— Он мне сам сказал. Ты только поверь — и все получится. Если у кого и должен быть этот дар, так это у тебя, друг. Закрой глаза и слушай.

Вдалеке показалось облако пыли, которое становилось все больше. Еще через несколько минут до четырех людей, пришедших защищать свой лес, донеслись звуки работающих двигателей. Но еще раньше они услышали отчетливое «у-р-р-р». Зеленый знал, что победит. Он был не один.

□

Роман КАЗИМИРСКИЙ

родился в 1981 году в Алма-Ате (Казахстан).

По образованию — журналист.

Печатался в периодических изданиях, в их числе — «Москва», «Южное сияние», «Таймыр», «Новая реальность», «Метаморфозы»,

«Илья», «ЛИТЭРА», «Ликбез», «Литературная газета» и др.

Дипломант и лауреат международных литературных конкурсов,

среди них «Бобэоби-2012», «Илья-премия-2013»,

«Славянские традиции-2013», «Северная звезда-2014» и пр.

Член Южнорусского союза писателей

и белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь».

В настоящее время живет в Черногории.

В журнале «Север» публикуется впервые.

Александр КОСТЮНИН

г. Петрозаводск

АБХАЗИЯ: ВОЙНА И МИР (ДНЕВНИКИ ПОЕЗДКИ)

журнальный вариант

Символы Абхазии

*Воронья лошадь
особые привычки имеет.*

Абхазская пословица

Уже несколько дней я в Абхазии и, признаться, чувствую себя растерянно...

Коренных, явных отличий в укладе, образе жизни не приметил. Закавказье, а в ходу рубль, никаких вам мечетей, азанов, хиджабов. Говорят все на чистом русском!

Хочу определиться: какие они, «Символы Абхазии»?

Придётся копать глубже!..

Я решил подробнее ознакомиться с обрядами абхазов, а коли представится возможность, то и самому поучаствовать в них. Орчукба Валерий предложил:

– В селе Ачандара годовщина похорон двоюродного брата, хочешь – поехали с нами.

– Конечно, хочу.

Траурные обряды

По мнению хозяина дома, годовщина смерти отмечалась «скромно»: пригласили только самых-самых близких, человек четыреста, не больше... Там, на людях, я к провожатому старался с расспросами не приставать, но на обратном пути не утерпел:

– Валера, теперь комментарии...

– Хоронят у нас на третий или четвёртый день. Когда человек умирает, начинается «плакание» – ритуал, при котором женским плачем-воплем оповещают округу о постигшем горе. Раньше женщины-плакальщицы раздирали в кровь лицо, мужчины ударяли себя кулаком в сердце, зимой стояли на снегу босиком, усиливали страдания. У нас принято, чтобы близкие родственники публично демонстрировали тяжесть свалившегося на них горя. Сейчас такое встречается реже, молодые девицы максимум помаду сотрут, тональный крем. Раньше соседи тоже приносили еду, но всё скромно. Теперь, помимо де-

Свадьба

нег, на поминки, на свадьбу, на похороны нужно нести в корзине шампанское, торт, конфеты. Мамалыгу на похоронах не ставят, как в старину, – хлопотно. Перешли на хлеб, проще купить. Не прийти не посочувствовать горю соседа, близкого – у нас нельзя. На заседание парламента не придёшь, тебя поймут. Не явился на свадьбу, похороны – проклянут. Поэтому сегодня мы закрываем лавочку и всей семьёй, непременно всей! едем на поминки. Не подсчитываем недополученную выручку... Я не могу отправить в качестве делегата жену или другого полномочного «представителя», потом за всю жизнь не отмыться... Позор! Родственники забудут про поминки, забудут, зачем собрались: «Где Валера?» Моё непоявление всем бросится в глаза. Все тут же ломанутся навесить: раз сам не в силах передвигаться на ногах, значит, со мной случилось что-то ужасное! Причина неявки должна быть крайне убедительной, алиби – железобетонное. Например, тебя в прямом эфире показывают с Путиным... Включили телевизор, убедились: точно, можно дальше скорбеть.

Если в старину на похоронах, на свадьбах бывало по тридцать-сорок человек, то сейчас до двух-трёх тысяч. Круг друзей расширяется: вместе учились, вместе в группе «Вконтакте», вместе в «Одноклассниках»... Благодаря транспорту встречаться стало легче (пешком по горам далеко не уйдёшь). Мобильные телефоны, которые у новорождённых висят вместо соски, облегчили процедуру оповещения. Ещё и по телевизору объявят вместо новостей. Раньше рыдание талантливой плакальщицы разносилось максимум на три-четыре километра, сейчас СМС-рассылка накрывает сразу всю Абхазию одним кликом. Зона поражения горевестника выросла в сотни раз. Пока на посещение протокольных мероприятий у меня уходит пятьдесят дней в году. Дальше – не знаю... Например, сегодня нужно посетить двое поминок, в выходные – четыре свадьбы. И выкручивайся как хочешь.

– Но ведь количество приглашений растёт в геометрической прогрессии, – осенило меня, – и, возможно, скоро все жители страны соберутся на одном большом поле – на общем траурно-праздничном обеде. Тогда отпадёт необходимость уходить домой на ночлег, каждый будет передвигаться со своей раскладушкой по кругу: в одной пацхе присоединится к свадебной процессии, в следующей выразит соболезнование родственникам усопшего, дальше поминки, день рождения... Похоже, в Стране души это время недалёко.

– Апсуара... То, что раньше нас спасало, теперь может погубить.

Всё примерно как у нас в России: обворожительно-загадочная невеста в белоснежной фате, симпатичная свидетельница, гости, хмельное застолье... Особинка одна: жених на свадьбе не присутствует. В Абхазии считается, жених к этому мероприятию не имеет никакого отношения.

Я поинтересовался, бывают ли у них кавказские пленницы? Невест, как выяснилось, воруют и в Абхазии, но чаще для того, чтобы избежать обременительной дорогостоящей процедуры застолий и разного рода взаимных подношений. Обычно это спектакль, хотя заключения бывают. Отар Ломия, Герой Абхазии, рассказал:

– Проезжаю село, мельком обратил внимание: девушка стоит у обочины. Ну, стоит себе и стоит. Почти поравнялся с ней, она возьми и кинься прямо под колёса. Хорошо, асфальт сухой, сумел затормозить. Замуж выдали насильно. Кричу:

– Дура, найди другой способ уйти из жизни, раз так охота. Из-за тебя ещё посадят на старости лет.

* * *

Скрипучая арба, запряженная парой волов, – образ Абхазии, ушедший в историю безвозвратно. «Свадьба без жениха» тоже не полностью характеризует этот закавказский край. Есть и другие символы... Как раньше, так и сейчас чистый зелёный шелковистый ковёр по-прежнему составляет непрременную принадлежность двора. Вот как это описано у Константина Симонова: «Я вижу абхазские и мингрельские деревенские дома, чем-то похожие на свайные постройки, – традиция, оставшаяся от старых времён, когда вокруг Сухум-Кале тянулись болота и топи. Зелёные сухие и жаркие жилые комнаты на вторых этажах, а внизу только кухни и кладовки. А перед домами от самых ворот до самых дверей – ровные, как стол, курчавящиеся короткой травкой, чистые полянки – такие, словно хозяева хотят сказать гостям: входите, и пусть ничего не мешает вам открыть двери нашего дома!»

Рядом с домом хозяйственные постройки; плетёный либо дощатый кукурузник на высоких столбах (аца), сарай для скота...

Одежда абхазов

Башлык, ноговицы, кавказский пояс с кинжалом, бурка, палка-посох с железным наконечником (алабашья) – так в старину одевались абхазские горцы. Сегодня только старшее поколение сохраняет некоторые элементы национальной одежды, да и то лишь по праздникам. (В прошлом году старики рекомендовали президенту Абхазии прийти на инаугурацию в черкеске, папахе, но он не решился...)

На память о поездке в Абхазию и, дабы прививать дух горцев в семье, я привёз внуку черкеску, сшитую под заказ.

Абхазская кухня

Абхазскую пищу невозможно себе представить без соли с перцем (словно песок из бархана Сарыкум). Моя любимая приправа аджика тоже неожиданно оказалась абхазским изобретением. Рецепт её довольно сложен. Кроме поваренной соли, жгучего красного перца и чеснока, в неё входит целый ряд пряностей: кориандр (ахусхуа), грецкий орех (акакан) или фундук (араса), укроп (акама), василёк или базилик огородный (ара-дана), шафран или чабер садовый (ащыбра), мята (ашь-ыху), а также винный уксус.

Но первым делом – традиционная «абыста»! особенно во время приёма гостей. Каждому гостю – свежая мамалыга! Именно в неё, горячую, закидывают брынзу и подают с аджикой, варёной фасолью. (Вкусом мамалыги я не проникся...) Это горячая слипшаяся бессолая каша из манки и кукурузы...

Не имею права в этом разделе с восхищением не упомянуть чачу и сухое вино.

Культура

Вихревые танцы есть по всему Кавказу, но в Абхазии зрелище тоже, вам доложу...

А вот песни на исламском Кавказе, а он, как правило, весь исламский, петь Кораном строго запрещено (как и рисовать, и лепить, и т. д. и т. п.) В Абхазии – можно и почётно.

Личности

Ну, самый-самый яркий из абхазов, бесспорно, Лаврентий Берия.

Рассказывая о своей амурной связи с всесильным министром, его любовница-поневоле вспоминала:

«Я отдавалась, как страна – грузину». Односельчанин Лаврентия Павловича из села Мархаул, а ныне глава администрации Гулрыпшского района Эшба Тимур Владимирович поведал мне:

– Берия был талантливым кризисным менеджером. Считается, что он незаконнорожденный: отец абхазский князь Лакербай, мать – простолюдинка. Его племянники рассказывали, что с детства он любил наушничать, ябедничать, друзей не имел.

Весь наш бескрайний Советский Союз помнит Берия как одного из талантливых организаторов всесоюзного движения «Настроичи донос на друга».

А вот ещё абхазские символы, о которых я писал ранее и буду впереди: ажьрацъра; айныхра; кияраз, ауаахэ; ажира; аныха; ахапца; алабаша; анча инохера; амашир алпха; ааюны анхера; аламыс; отсутствие расписания движения автобусов и программы передач на ТВ Абхазии; акыта; ахацара; абхазский язык; пацха; ацапа; Гагра; Пицунда; Кодорское ущелье; мандарины; ярмо на свиньях; чистое Чёрное море; Фазиль Искандер; абырк; «Брехаловка»; махаджирство; Шалва Денисович Инал-ипа; Бог воровства и разбоя Эйрих-Аацных.

Штрих к историческому портрету

Интересно вспомнить традиции Апсны при советской власти...

В апреле 1976 года бюро Абхазского обкома КП Грузии приняло специальное постановление «О состоянии работы и задачах партийных организаций Абхазии в свете постановления ЦК КП Грузии «О мерах по усилению борьбы с вредными традициями и обычаями». В нём отмечается, что, несмотря на заметное уменьшение числа проявлений консервативных обрядов, всё большее распространение новых обычаев и т. д., «никаких оснований для самоуспокоенности в борьбе с вредными пережитками прошлого и всякого рода чуждыми нравами у нас нет», что, в частности, всё ещё встречаются стяжательство в разных формах, рецидивы устройства многолюдных помпезных свадеб и похорон («айныхра», «келехи»), сопровождающихся пьянками, подчас приводящими к хулиганским поступкам и преступлениям, вплоть до убийства».

Борьба с самобытными обрядами – не инициатива грузино-абхазской элиты!

Советская власть культуры самобытные уничтожала, а на их руинах возводила культуру «пролетарскую».

Дедушка Ленин учил: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой её можно строить пролетарскую культуру – без такого понимания нам этой задачи не разрешить». Вместе с тем, – указывал он, – интернациональная пролетарская культура воспринимает не «национальную культуру» в целом, «а берёт из каждой национальной культуры исключительно её последовательно демократические и социалистические элементы».

Планировали из мозаичной культуры каждой нации выковыривать отдельные элементы... у кого глазик, у кого ногу, палец, ухо и выкладывать картинку советскую – одну на всех.

Отцы и дети

*Старший – это тень,
спасающая от жгучего солнца.*

Абхазская пословица

Нугзар сутуло поднялся, придерживая до краёв налитый бокал:

– Сейчас скажу, хороший вещь скажу. В поэме Церетели «Наставник» главный герой, абхаз, лишает себя жизни за то, что воспитанник оказался способным на ложь, измену. «Нет, не твой удел кончина, я – ответчик перед веком: я взрастил тебя как сына, но не сделал человеком». В семейном укладе Абхазии у старейшин рода особые права, особая и ответственность. Пусть в государстве, в обществе когда-нибудь станет так же.

– И то правда!

Любопытны отношения отцов и детей в Абхазии.

К примеру, отгуляли свадьбу, у сына появилась жена, у свёкра – сноха. Нипочём не догадаетесь, как выстраиваются их отношения. В селе Ачандара Орчукба Валерий показал мне дом сына: просторная ухоженная лужайка, на высоком крыльце молодая женщина приветливо улыбнулась нам.

– Здравствуйте! – поздоровался я.

Девушка продолжала молча улыбаться. «Немая!» – скорбно подумал я.

Мальчуган, завидев Валерия, кинулся на руки.

– Это внук! Соскучился, мальчик мой? А снохе говорить при мне не разрешается...

Дорогой он пояснил:

– У абхазов сноха в присутствии свёкра может объясняться только жестами, мимикой – сурдопереводом, чтобы ничего лишнего не ляпнула. Разные поколения, разные интересы, разное отношение к жизни. Если она будет шуршать, скрипеть, как червивый орех, пойдёт холодок...

Позже Нугзар рассказал мне на сей счёт занимательную легенду:

Старый Джгуанат пожаловался соседу:

– Ни разу за пять лет, что живёт сноха в моём доме, не слышал её голоса. Вероятно, голосок у Антицы такой же приятный, как и она сама. Нужно кончать с этим глупым обычаем предков.

– Не считаю наших отцов и дедов глупыми, – ответил сосед. – Но если кому не нравится, может отменить табу. Достаточно принести в жертву быка, пригласить соседей на пир и прилюдно объявить о своём решении.

– Верно! – обрадовался старый Джгуанат.

Старик распорядился зарезать бычка, приготовить званый обед. Он обошёл всех соседей, родственников, друзей и на пиру, держа в руке наполненный рог, произнёс:

– Дорогие односельчане! Все вы знаете мою сноху. Глаза её светятся, как звезды, доброта, услужливость не знает предела. Я люблю её как родную дочь и хочу, чтобы она чувствовала себя при мне свободно: пусть с сегодняшнего дня она начнёт разговаривать при мне.

И старый Джгуанат осушил рог.

– Да будет так! – хором поддержали гости.

Зардевшись от стеснения, Антица склонила голову с длинными черными косами. До поздней ночи пировали гости. Утром старик Джгуанат поднялся с постели, оделся, вышел во двор. Антица доила корову.

– Доброе утро, дад! – приветствовал старик Антицу, предвкушая удовольствие услышать в ответ её нежный, ласковый голос.

– Тебе, конечно, доброе, – огрызнулась сноха, – а я уже час на ногах. Хоть бы помог управиться со скотом!

Старик опешил. Трудно поверить, что это голос прелестной Антицы.

– Доченька, у тебя какая-нибудь неприятность? – нерешительно спросил старик. – Ты не в духе сегодня? Или тебе нездоровится?

– Да, нездоровится! Это ты вечно здоров как бык, а притворяешься хворым.

Удивлённый, расстроенный старик побрёл в дом, лег в постель и стал думать: что произошло с Анти-

цей? Словно кто подменил её, столь резкая перемена за одну ночь...

– Лежит как колода, ничего не делает! – долетел до него ворчливый голос снохи. – Долго ты ещё будешь валяться? – прикрикнула она. – Не надоело?

Слышать это старому Джгуанату было невыносимо. Забыв про свои больные кости, старик вновь стал обходить односельчан, созывая на пир. В жертву забили ещё одного быка, накрыли щедрый стол, и вновь с бокалом вина поднялся хозяин дома:

– Дорогие гости! Мы с вами просили Антицу вымолвить слово. Она исполнила нашу просьбу, вчера я вполне наслаждался её речью, но сегодня я пригласил всех вас, чтобы вернуться к обычаю отцов, дедов и вновь запретить ей разговаривать при мне.

– Вот как! – воскликнул сосед. – Выходит, я был прав, не так уж глупы люди, придумавшие этот обычай? Однако для того, чтобы ты это понял, пришлось забить двух быков, – усмехнулся он.

Дети в Абхазии уважают не только отцов...

Отношение к матери, теще в Абхазии трепетно-святое. И святость эту передаёт топонимика, увековечив дам целиком и частями:

*Над озером безжалостно и хищно
Вонзился в поднебесье Тёщин зуб¹.*

Ещё есть змеистый серпантин под названием Тёщин язык.

Да мало ли?.. В Абхазии, как повсюду на Кавказе, царит культ старших. В летописи наткнулся на такой пример: старец во время выступления на сходе так разгорячился, что его алабаща – посох с металлическим острым наконечником – пробил ногу стоящему подле юноше, тот не издал ни звука, терпел и ждал, пока аксакал закончит речь.

А Нугзар поведал быль.

Гаишник смотрит, водитель управляет грузовиком, стоя на подножке.

Жезлом махнул, остановил его:

– Что за цирк! Почему не в кабине?

– Ты же знаешь наши обычаи: я не могу сидеть в присутствии отца.

– Молодец! Проезжай.

С Валерием Орчукба добирались мы на машине из села Ачандара в Гагру.

И надо же, незадача: к узенькому деревянному мостику подъехали одновременно с одной стороны «Нива», с другой наша «Лада». Мы прижались к обочине, освободив проезд, и... тот остановился

тоже. Там салон пустой, у нас – битком, и самое главное! у нас за рулём седовласый аксакал!!! (По правилам нетленного горского адата, возраст выше любого чина.) Встречный водитель деликатно пропускает нас проехать первыми, Валера, как не менее учтивый абхазец, предлагает ехать первым ему. Друг друга не знают. Стоят спокойно, уважительно, не сигналият, не матерятся, фарами не моргают, битами друг другу не угрожают...

– И подолгу так приходится стоять? – поинтересовался я.

– Александр, мы соблюдаем апсуару. Я со школы помню в букваре картинку: два козлёнка встретились на узкой тропе, не уступили друг другу путь, в итоге оба свалились в пропасть, река унесла их. Мы росли на таких примерах и запомнили: даже если ты чувствуешь, что прав, уступи, будь выше дрызг.

Водитель «Нивы» в пятый раз взмахом руки предложил нам проехать, Валерий категорически отказался. Однако выдержка у встречного водителя оказалась будьте-нате, фактически он взял нас измором... Насмерть стоял, демонстрируя свою учтивость. Нам пришлось-таки ехать по мостику первыми. Едва тронувшись с места, мы принялись неистово раскланиваться пред любезным горцем, отвечивали ему поклоны и подъезжая, и поравнявшись с ним, и проехав мимо – пока не скрылись за поворотом.

P. S.

Самый центр Сухума.

Мы с администратором «Абхазской интернет-библиотеки» Дбар Алексеем неспешно фланируем от Института гуманитарных исследований к набережной. Открывается окно жилого дома: седая старуха выплёскивает воду из тазика на тротуар, чуть не облив нас...

Алексей невозмутимо объяснил:

– Замечание делать нельзя, ором поднимет улицу. И мы же останемся виноваты.

¹ Так называют семидесятиметровую скалу над озером Рица. Турсынхан Абдрахманова, поэма «Озеро Рица».

Этикет

Абхазы – отличный народ, даровитый, тонкий, изящный, французы Кавказа, как их величают в Грузии.

Евгений Марков. «Очерки Кавказа»

Игорь Герзмава мне посоветовал:

– Ты вот сейчас пишешь, Александр... Если получится дифирамб, то это никому не нужно. Тебя начнут подозревать во вранье, в других смертных грехах. Пиши честно, как есть!

– Буду писать, как есть! как пить... От души!

Для меня нет сомнений – все абхазы принадлежат к какому-то обедневшему, но знатному дворянскому роду. Одни их реверансы чего стоят! Сами наблюдайте за манерой этих закавказских горцев держаться в обществе, за тем витиеватым «протоколом», по сравнению с которым церемониал большинства королевских дворов лишь «knicksen».

Они лорды даже в мелочах...

Например, когда абхаз хочет добавить к сказанному своё, а рассказчик речь не закончил, он не одёрнет его ясным, родным призывом: «Заткнись!» Вовсе нет, деликатно заметит: «Твои слова только золотом режут». Речь абхазского оратора всегда начинается с традиционного обращения к собравшимся: «Народ, да положу я свою голову вместо вас!» (Ажэлар, шэхадкы!) Никак иначе... Или вот пришлось в беседе нечаянно прибегнуть к выражению: «Знаешь ли, в чём дело?» (Шоу удыруама?) После этого нужно «подсластить» и, подчеркивая авторитет, глубокие познания собеседника, тут же скромно добавить: «Хотя что я могу сказать такого, чего бы ты не знал!» (Уара иузымдыруа сара иуасхэозеи, аха!) Человеку в благодарность говоришь «спасибо» (итабуп), он в ответ: «Пусть врагу придётся благодарить тебя» (Уага дутабуааит). Вкралось в речь какое-нибудь не совсем приличное выражение, сразу последует извинение, буквально так: «Твоя честь на моей голове» (Упату схи икууп). Обратился с незначительной просьбой, и на этот случай имеется соответствующий «оправдательный документ»: «Хотя такое поручение и недостойно тебя» (Иуатэасшьоит аха; Урацэоуп аха). Если позади тебя оказался уважаемый человек, можно и это «искупить»: «Прости, что сижу спиной к тебе» (Сатамзааит, сышьтахь уаерхан стэоуп) – думаю, чаще других такое приходится говорить водителям маршруток...

Теперь понимаю, откуда в царскую Россию просочились изящные лингвистические обороты типа: «Милостивый государь, не соблаговолите ли Вы соблаговолить?..»

Нугзар мне втолковывал:

– У нас и в пацху хозяин никогда не зайдёт первым... Ты, наверное, успел заметить?

– Успел...

– Гости приглашают войти в дом, но кто должен переступить порог первым? И тут начинаются взаимные уговоры, приглашения (уней-сней). «Проходи, да приму я на себя твои беды! (Уней, уххь згеит!) – говорит хозяин посетителю. – «Как это можно! Ты хозяин – тебе и идти первым!»

– Но ярче, ажурнее наш этикет проявляется в застолье, – горячился Нугзар. – У нас приличное застолье – та же проповедь: хвала Богу, дань уважения народу, старшему... Это настоящий церемониал гостеприимства... – Нугзар самодовольно хохотнул. – Застолье у абхазов начинается и кончается омовением рук. Дочь или невестка хозяина берёт в одну руку кувшин с водой, в другой держит мыло, чистое полотенце перекинута через плечо, подходит к гостю. Все встают. Между почётным посетителем и старшим в доме происходит сцена, во время которой они настойчиво приглашают друг друга совершить омовение первым. «Помой руки, да приму на себя твои беды!» – просит хозяин. На что другой отвечает: «Как можно раньше тебя, ты – хозяин!» Подобные взаимные излияния повторяются неоднократно, и наконец хозяин, уступая обычаю, начинает омовение. Все стоят в знак уважения к вставшему. Когда очередь доходит до гостя, он снова отказывается от омовения, пока не сядет на свое место старший.

И, наконец, застолье!..

«Между первой и второй – перерывчик небольшой»; «Между первой и второй – можно выпить ещё шесть!»; «С запозданием выпитая вторая – испорченная первая» – эти поговорки не про абхазов. Здесь фуршет – самостоятельное искусство, а вичерпий по влиянию выше жреца.

Все тосты – стоя.

Упрекают абхазов в лени.

Какой?

Попробуйте сами ежедневно строго блюсти все каноны и ритуалы, пассы и поклоны.

Монахи-схимники! Верней будет.

А речи?!

Вам довелось хоть раз слышать речи абхазских аксакалов на сходе?

Нет?!

Да вы жизни не знаете.

Волга в половодье – жалкий высохший ручей по сравнению с ними.

По сей день абхазы не в силах забыть народного трибуна, который, выступая на Лыхненском сходе, произнёс перед людским морем страстную речь, длившуюся восемь часов кряду. Как значится в документах, переводили её по очереди три переводчика, но все они совершенно охрипли и не могли больше говорить, а знаменитый оратор всё гремел над возбуждённой площадью. В Очамчырах Осипа Мандельштама изумил оратор-старик, который «замучил сход: говорил-говорил и кончить не мог».

Помню, в бытность дорогого Леонида Ильича, когда Генеральному секретарю ЦК КПСС на пленумах и съездах приходилось толкать речуги по четыре-пять часов кряду, всерьёз прорабатывался вариант уставки в трибуне писсуара.

И в Абхазии не всё так просто...

Думаю, и здесь кроется какой-то секрет, современные технологии... страшная тайна.

Сознаюсь, иногда мне хотелось, как Шарикову, легендарному персонажу из фильма «Собачье сердце», обратиться к собравшимся за столом: «Вот всё у вас как на парад! Салфетку – туда, галстук – сюда, да «извините», да «пожалуйста, мерси». А так, чтобы по-настоящему, это нет... Мучите сами себя, как при царском режиме». В Абхазии строго соблюдается иерархия и последовательность обязательных тостов: первый тост – традиционное обращение к Всевышнему с просьбой ниспослать «теплоту его очей» («Анцва ил-пха», здесь «Анцва» – «Бог», «илпха» – «его милость», «теплота его очей»); второй тост – обращение ко всем святилищным силам ниспослать народу милость, благословение («Аныхакуа рылпха» – буквально «теплота очей святилищ»); третий тост – за народ («ажвлар»); четвёртый тост – за Абхазию (Апсны), пятый тост – за старших и так далее.

И всё – стоя, часами!..

Я из последних сил потакал хозяевам, пыжился-кажиллся, блюл хитрозаумный протокол. (Чей хлеб ешь, того и обычной тещь – у себя как хошь, а в гостях как велят!) Но это не отдых – повинность! Блаженство сидеть и просто выпивать с Нугзаром вдвоём. Тогда никаких тебе церемониалов, никаких «равняйся-смирно»... Гуляй, душа, нараспашку!

Хозяин дома Шаки Салакая дирижировал в гости-

ной, наблюдая, как супруга подносит одно блюдо за другим, изредка давал ей «ЦУ» и оправдывался:

– Аджика, инжир, мясо, сыр, вино, чача – больше ничего у меня нет.

Свежий инжир вкуснятина – они корочку счищают, я ем так.

– Пустой стол! – согласился Нугзар. – Это ладно! Ты лучше похвастай, как предложил найти зарытый в огороде жбан с чачей, который якобы мать припрятала во время войны. Александр, не поверишь! За день перекопали ему весь огород, так и не нашли. Оказывается, не было ничего.

– У меня весной спину прихватило, – нехотя сознался Шаки, – сам копать не мог, а землю пустой не оставишь.

Сперва, пока трезвые, пока при памяти, мы сидели в гостиной, потом с кувшином вина перебрались во двор, под навес... Уже без хозяина, с Нугзаром вдвоём, и – до самого утра. Закусывали консервированными зелёными помидорами. (Ни разу до этого не пробовал – о-бал-деть!)

Зрелые груши время от времени грохались на крышу, сбивая с мысли, а мы всё беседовали, беседовали не смолкая.

– С нашими традициями нужно считаться всем, чтоб не попасть впросак, – гнул своё Нугзар. – Во времена Союза сын члена Политбюро ЦК КПСС оттяпал себе кусок черноморского побережья, отгородился от народа трёхметровым забором. Сухумчане тут же запрудили улицу, выразили решительный протест, вынудили открыть доступ к морю. Решётки убрали за ночь. Чинovníка подкупить можно, народ – нет. А есть примеры и посвежее... Помню, на прошлых выборах кандидат в президенты пригласил из России нашего любимого певца, поддержать. Ну, как у нас полагается, перед выступлением основательно выпили... Выходит артист на сцену, площадь вся забита, ликует... Народ в предвкушении: «Эх, сейчас порадует песнями, душу поласкает!» И тут наш любимец берёт микрофон, машет людям и орёт:

– Привет, Аджария!

Провожатый его толкает в бок, подсказывает:

– Это не Аджария, это Абхазия. Скажи «Абхазия»...

– Как-а-аая разница?! – ржёт в микрофон.

Все возмущённо загудели, слушать не стали, засвистели, согнали его со сцены. Ладно. Кое-как успокоились... Следом выходит депутат Государственной думы Российской Федерации (он у вас типа шута при королевском дворе): «Если не поддерживаете нашего кандидата, мандарины везите в Грузию, свою границу мы перекроем».

Ты бы видел, что тут началось!

Мне докладывают:

– Ситуация накаляется! Надо прятать депутата.

Инвалиды войны взбунтовались, колясочники ломанулись к Красному мосту:

– Идём гадёныша мочить. Он нас оскорбил!

Высокие ворота охрана успела захлопнуть у них перед носом... Но для ветеранов спецназа это не помеха: смотрю, уже перебираются через ограду. Кто без ног – на руках, у кого одна рука – зубами... Лезут на штурм с матерками, угрозами. Депутата быстренько посадили на катер и под покровом ночи – в Пицунду. Если бы не такое выступление российской группы поддержки, этот президент был бы избран ещё тогда, в 2004 году.

Ляпы случились из-за незнания менталитета Абхазии.

– Нугзар, давай за это!

Честно сказать, не помню, как расходились...

Язык

Тяжело на чужбине.

Слышу дикарский язык.

Перемолвиться не с кем поэту.

Овидий

Абхазский язык.

Я ожидал, что знакомство с языком начнётся с имён.

Имя – своего рода код, определяющий принадлежность к роду. Однако, как и в случае с верой, ничто в Абхазии не является очевидным. Мой блокнот, по мере расширения контактов, стал пополняться телефонами Саш, Марин, Юр... Иванами да Марьями... Вот так Закавказье! Маму Давида Дасания вообще звать Раиса Максимовна (золотой души женщина!). Согласитесь, трудно в России найти человека, который не слышал про Раису Максимовну...

Как выяснилось, не только меня застали врасплох такие имена. Крупный абхазский учёный-этнограф Шалва Денисович Инал-ипа тоже обескуражен: «У абхазов вызывают чувство недоумения, стыда такие самоновейшие женские «имена», как Электричка, Пиуа (от слова «пиво»), Вайна, Адеса, Курица и др., мужские: Батинка, Папа, Вагон, Маладец, Салдат, Машина, Газет, Радио, Телефон, Золотинск, Камуна, Диуан, Лодка, Каманда, Прицел, Камфет, Музыка, Штат и др. Бывают случаи, когда одного из

братьев зовут Ванчка, другого – Иван. ... Зная, как ревниво относились абхазы к своим личным и фамильным именам, трудно даже найти объяснение тому, что многие теперь так легко отказываются от традиционных личных имён. Ведь ещё недавно они очень дорожили своими именами. Понятия «имя» и «слава» по-абхазски выражаются одним словом – «ахидз» (ахъз), а лишение имени (ахъзыхра), как и фамилии (ажэлахыхра), считалось большим оскорблением и наказанием».

– Секрет кроется в истории, – пояснил Игорь Герзмава, – наша судьба неразрывна с Россией. Во время Великой Отечественной войны в доме у деда жили две русских семьи, у многих так. А сколько воевали с русскими плечом к плечу? У-уу!.. Двадцати двум абхазам присвоено звание «Герой Советского Союза», это на такой маленький народ! Мой дед воевал в Дикой дивизии, кавалер трёх Георгиевских крестов. Отец во время Великой Отечественной служил в авиации лётчиком.

Российская журналистка недавно задала мне вопрос:

– Скажите, как абхазы относятся к России?

Я опешил:

– Ну, как вам сказать подходчивей... Фамилия у меня абхазская Герзмава, зовут Игорь, отец Виктор Дмитриевич. Погибшего брата звали Сергей, сестра Наташа, мать Евдокия. А у вас отчество, фамилия татарские. Теперь скажите: кто из нас больше россиянин?

– Вас поняла.

Абхазский язык.

Он послужил яблоком раздора, обожествлён народом, он живой дух абхазов...

«Кто владеет языком, тому община принадлежит», – учит абхазская мудрость.

Из каких глубин появился язык в речевой форме, доподлинно неизвестно, а письменность абхазы получили после присоединения к России. Абхазы – младописьменный народ. Первый абхазский алфавит разработал русский языковед Пётр Услар в 1862 году. Главная его цель от альтруизма была далека: «Мы и горцы как бы находимся на двух противоположных берегах реки, через которую нет переправы, – писал царский военный чиновник барон Услар. – ...Родные языки – самые надёжные проводники для распространения между горцами нового рода понятий. Забрать эти проводники в свои руки, сумеет распорядиться ими ... дело трудное, но заслуживающее того, чтобы подумать о нём». Считается, что алфавит создан на основе кириллицы. Не знаю... У

многих букв рудиментом – таинственные хвостатые окончания. Оттого транскрипция в словарях нуждается в своей транскрипции, а её нет.

– Нугзар, я, кажется, так надрался, что у меня сливаются «т» и «ц»...

– Александр, стыдись!.. Так пишется любимая абхазская буква «тцы»!!!

Абхазский язык...

Судьба его во многом напоминает мне карельский – язык древней Калевалы. У него тоже не было своей письменности, он тоже, как и собрат из Закавказья, подвергался гонениям в годы советской власти: говорить на нём даже в быту... не приветствовалось. Сегодня вроде разработали письменность, дали возможность изучать карельский язык в Карелии даже в двух школах. И говори себе сколько захочется, хоть заговоришься... Сейчас, когда носителей языка практически не осталось, его сунули, как пустышку грудничку. А чуть дитя вырастет, сам от неё откажется.

Моё знакомство с абхазским языком происходило скачкообразно.

Сперва думал, после аварского никакой другой язык меня не удивит. Отзывы мэтров поэзии заставили усомниться... Осип Мандельштам относился к абхазскому языку как к «будущей речи» человечества: «Язык абхазцев мощен и полногласен, но избилует верхне- и нижнегортанными слитными звуками, затрудняющими произношение; можно сказать, он вырывается из гортани, заросшей волосами. ...В отдалённом будущем академии для изучения группы кавказских языков рисуются мне разбросанными по всему земному шару. Фонетическая руда Европы и Америки иссякает. Залежи её имеют пределы. Слава хитрой языческой свежести и шелестящему охотничьему языку – слава!» – воскликнул Осип Мандельштам.

С благоговением я «снял шляпу» пред абхазским языком.

Историк, этнограф Константин Мачавариани выразился ещё круче:

«Язык абхазский гибок и звучен; он одинаково передаёт не только торжественный тон возвышенного пафоса, но и ласкает слух самыми нежными выражениями. Как грозные звуки природы, так и мелодия тихого дуновения ветерка, журчанье ручейка, горе и радость, гнев и ласка, глубина страсти и нежность находят в этом языке своё полное выражение. В нём выражаются, точно в

зеркале, неуловимые движения души, туманные впечатления окружающего нас мира, ускользающие, обыкновенно, от слова, знака и красок... Звуки абхазского языка так резко отличаются от звуков индоевропейской семьи языков, что можно изучить этот язык прекрасно, вполне овладеть духом и свойством его, но всё-таки произношение так и «останется варварским». Для объяснения звуков приходится создавать совершенно новые правила фонетики. Одними известными органами (губы, зубы, гортань и др.) нельзя здесь ограничиться».

Однако при личном знакомстве язык показался мне не то чтобы лёгким – лубочным: «амагазин», «афильм», «асувенир», «аресторан»... «Забавный диалект!» – решил я, вновь «напяливая шляпу».

– Нугзар, почему все абхазские слова начинаются с буквы «А»?

– А кто его знает!

– Получается, лепи букву «А» к каждому русскому слову, и получится древний говор.

– Разбежался!.. И, кстати, не думай, что «алашара» – это «лошара» по-абхазски.

– Не буду.

А затем Нугзар стал открывать волшебные грани родного языка:

– Абхазский говор – отголосок первоосновы земли, реликтовый цветок, сохранивший через века аромат. Ты вслушайся:

*Позабывши сам – откуда,
Он прибрёл тропинкой горной,
Древних рас живой осколок.
Море синее шумело
У подножья гор зелёных.
И приморье полюбилося.
И нагорье приютило.
В заповедной чаще леса
Взял он дрёмный шёпот листьев,
У змеи он взял шипенье,
Взял у птицы сладкий щебет,
У цикады стрекотанье,
У ручья певучий лепет –
Ими речь свою украсил
И в гортанный влил их говор,
Тот, что вынес издалёка.
Он у горного потока
Научился злой отваге...¹*

¹ Виктор Стражев, поэма «Песнь о голубоглазом», Сухум, 1923 год.

В Институте гуманитарных исследований в Сухуме я, однако, уточнил:

– Учёные полагают, что через триста лет на планете останется четыре языка: английский, китайский, испанский и...

– И абхазский! – сурово отрезал седовласый горец.

– Но ведь... Богиня Абхазии – великая Сатаней Гуашья – была матерью ста знаменитых героев-нарттов. Нынче-то рождаемость снизилась. Говорят, чтобы язык сохранялся, требуется более ста тысяч носителей.

– Да нас больше, чем китайцев!

Вы бы нашлись возразить? Я нет.

Да, у абхазского языка судьба счастливой, чем у карельского. Родной язык сплотил абхазский народ, с ним они одержали победу, его теперь торжественно несут над головой как знамя.

*Пройдя сквозь тьму тысячелетий
От нартских далей – в наши дни,
Осилив натиски наречий,
Сберёг ты отчие огни.*

*О мой язык, святой и правый,
Принявший столько смертных мук,
И многосмысленный, и здравый
В тебе живёт наш каждый звук!²*

P. S.

Администратор Абхазской интернет-библиотеки Алексей Дбар у меня на глазах СОЗДАЛ транскрипцию абхазского языка в кириллице. Тем сильно помог... А главное, в одиночку за несколько лет он перевёл все литературные абхазские первоисточники в цифровой формат, сохранив произведения для будущих поколений, сделав доступными для всего мира. (В России не найдёте ни одной подобной региональной библиотеки!) Мне есть с чем сравнивать... Уж я поездил по библиотекам, поверьте...

Недобитые

– Это могила неизвестного солдата Гурама.

– Почему неизвестного?

– Неизвестно, был ли Гурам солдатом.

Абхазский анекдот

В какой-то момент подбор собеседников застопорился.

Валентина Харитоновна Дзидзария никого не могла склонить к беседе со мной. Раз за разом, зачастую в самый последний момент, они срывались с крючка.

– Кого же найти? – сокрушалась она. – Звонила двоим однополчанам, здоровье ухудшилось, оба в больнице.

И тут мне на выручку пришёл мировой опыт: помните, в фильме «Летучая мышь» жена инструктировала мужа-прокурора, как следует подцеплять дочери кавалеров?..

– Тина, ты позови, а зачем, не объясняй!

– Попробую...

И вскоре радостно доложила:

– Сейчас приедет один.

– Кто?

– Чкабелиа Иродион Михайлович, пулемётчик, не раз контужен, ранен, с войны у него сидят два осколка в голове. Мы называем друг друга «недобитые»! – Тина горько усмехнулась. – Золотой парень! Заместитель председателя ассоциации инвалидов войны. Для меня каждый, кто прошёл пекло, – настоящий мужчина. Я сразу определяю, кто не был на фронте: глазки у них бегают... крысята. А вот и Рудик... Рудик, умоляю, только не ругайся, сейчас всё тебе объясню.

У запыхавшегося мужчины недоумённо вытянулось лицо. Он переводил вопросительный взгляд с Тины на меня, а уже вскоре давал признательные показания:

– Поговорки-моговорки особо не держу в голове, а про апсуару что рассказывать... Помогла победить! Сосед пошёл воевать, дядя пошёл воевать, и мне надо идти. Стыдно прятаться под кроватью, бежать, как Попандопуло, переодевшись в женское платье. Стыдно трусить, когда рядом братья-добровольцы демонстрируют чудеса храбрости: идёт шквальный обстрел, казак вылез на бруствер, шашку вытащил и давай рубить воздух налево, направо... Забавно! Во время войны народ был – единый кулак. Мы все сплотились вокруг лидера и не рвались к власти, ни в грош не ценили собственную жизнь, сердца наши стучали в унисон... Нация стояла перед

² Руслан Кокович Аджинджал. «Мой язык».

вопросом «быть или не быть», как у Гамлета. Мы забыли про деньги, друг друга братьями называли. Выхожу на трассу, водитель первой проезжей машины останавливается, не ожидая просьбы:

– Брат, куда подвезти? – если не по пути, сперва путника отвезёт.

Памяти хватило лишь на два года, а после... На энтузиазме, на голой идее всю жизнь не проедешь. Святым духом вечно сыт не будешь, мы существа земные, из плоти-крови. У каждого своя семья, своя цель, наша общая дорога распалась на множество тропинок, кулак разжался, пальцы разделились. Если бы все одинаково, тогда да. Но когда ты питаешься идеей, я идеей, а рядом чёрт жирует... Жизнь-то одна. Искушение сильное, соблазн неодолимый. После войны приехали люди с чеמודанами денег, увидели, что мы на подсосе, сориентировались, подцепили на крючок значимых авторитетных незапятнанных людей, стали через них обдирать свои делишки. Продались не все, конечно, но такие есть... Кто не продан, потому что не покупали – не герой.

– Как в анекдоте: «Почему Неуловимого Джо никак не поймают?» – «Да потому, что он никому не нужен!»

– Вот-вот. Деньги – тяжкое испытание. Поставь сейчас передо мной дипломат с долларами, не знаю, как себя поведу, я сам в себе не уверен... Во время войны все решения принимались справедливые, а вот как сохранить справедливость в мирное время? Как избежать кривоколенных решений? Почему после войны даже командиры батальонов сменили окраску? Сегодня всё покупается, дело в цене. Он не побоялся на врага пойти, на танк с голыми руками, а шуршание банкнот околдовало. В итоге преданные собаки: за кусок хлеба обрели хозяина в лице дезертира. Апсуара на фронте помогала вести себя достойно, помогла нам победить, а вот после войны, в мирное время оказала медвежью услугу. Эх! Во время войны клялись: подлецов, предателей, которые бросили родину, не только на порог не пустим, похоронить в абхазской земле не разрешим. (Почему за них должны воевать?) Тогда все были единомышленны. Но вот война закончилась победой... эйфория! У кого смалодушничал брат, у кого сват, и начинаются уговоры:

– Давайте простим. Я-то ведь кровь проливал.

– Нет.

– Ну, он же не воевал против нас.

– Едрёна мать, ещё чего не хватало... Я ещё и спасибо ему за это должен говорить.

– Его жене здесь не дали бы жить...

– А что, во время войны мало грузин воевали с нами плечом к плечу?

– Хватало.

– Разве кто-нибудь когда-нибудь упрекал человека за то, что он не абхазец?

Тихо-тихо-тихо... мы даже не заметили, как они появились здесь, потом командовать стали.

И началась у нас катавасия...

Только сейчас, с помощью Боженьки, мы избавились от гнилья, содрали со ствола свисающее лыко...

К власти пришли горцы, у кого за плечами фронт. Народ терпит, терпит, терпит... потом принимает решение.

– «Народ суров, когда, восстав, не просит, а берёт», – писал мудрый Шандор Петефи.

– ...В двадцать четыре года у меня закончилась молодость, полноценная жизнь закончилась, с тех пор не вылезая из больниц, из операционных. Я женился в сорок четыре, два года назад, до этого не решался, было неясно со здоровьем. Плодить детей-сирот зачем? И теперь получаю пенсию и думаю: как на семь тысяч протянуть? Может ли нефронтовик понять нужды ветеранов войны? Нет! Его это не волнует. Звучали призывы: «Забудьте войну!» А кругом люди болели, страдали. Сегодня в правительстве даже контузию не хотят считать за болезнь, хотя это болезнь, да ещё какая. У нас много суицидов, причин знать не хотим. Почему люди, кто принесли на плечах победу, оказались не нужны никому? Фонд помощи инвалидам создал три года назад, до этого, семнадцать лет – пустота. Попрошайничали. Малая червоточина источила сердцевину дуба, обескровила его, лишила сил. Железная древесина превратилась в гнилую труху.

– Своего рода вирус «троян» в операционной системе компьютера. Тоже тихо, незаметно – и жёсткий диск можно выбрасывать.

– Да, так. Началось, наверно, с того, что после войны Ардзинба объявил: «Мы маленький народ, давайте простим друг другу обиды, прегрешения, распри, кто воевал, кто не воевал... пусть абхазы возвращаются на родину, будем вместе её возрождать». Вот, пожалуй, с этого началось... Наверно, пригласить можно было, но сразу твёрдо, недвусмысленно обозначить их место в обществе – второсортное место. Пусть бы они сперва своей жизнью, делами доказали преданность Родине, потом претендовали на хлебные места. Многих дезертиров даже записали в участники войны. Они за взятки купили себе биографию, положение в обществе.

Припёр к стенке своего комбата:

– Как человек, который не воевал, попал в число участников войны?

– Ну, понимаешь, он мой родственник, ты же знаешь. Я не смог отказать. Мы ведь абхазы. Апсуара!

Я разбирался: «участник войны» – человек, который с оружием в руках лично принимал участие в боевых действиях. В группе «Ураган» вместо пятидесяти участников войны оказалось более трёхсот! Как эти двести пятьдесят «мёртвых душ» попали в список военкомата, ума не приложу! Двести пятьдесят человек, знакомых с войной по телевизору, сегодня ходят по Абхазии, дают интервью, бряцают боевыми наградами, учат подрастающую молодёжь!.. Это по одной только нашей группе! Если бы у нас в строю реально было триста бойцов, мы б маршем прошли до Тбилиси.

– Так? – подивился я.

– Выходит... И ещё: никак не можем прийти к единой точке зрения, каким должен быть в идеале наш президент. Одним нравится руководитель властный, решительный, другим, наоборот, – мягкий, понимающий. Слава богу, все сомненья – в прошлом! – Рудик не скрывал радости. – Впервые после Ардзинба избрали достойного мужика: воевал на Восточном фронте и ровно прошёл всю войну, занимал высокие должности в правительстве, в коррупции не замечен, то есть медные трубы преодолел тоже. Мы, ветераны, должны объединиться и встать с ним рядом.

А то, что я до этого вам... вгорячах... – не мнение всей Абхазии, лично моё. Я человек контуженый, в голову раненный.

– Не беспокойтесь, так и укажу.

У Иродиона зазвонил мобильник. На входящих – музыка Трофима «Алёшка»:

*Говорят, на земле был Бог,
Говорят, он учил добру,
А у нас целый взвод полёт,
Где служил старшиной мой друг.*

Он отклонил звонок...

– Познакомьте с кем-нибудь из однополчан!

– Александр, сегодня мы встречаемся в ущелье: группы «Ураган» и «Сатурн», отмечаем День Победы. Хочешь, поехали.

– Это не то... Нужна тихая беседа с глазу на глаз.

– Давай так, если бы Тина сказала честно, я бы не приехал. Но она ведь что брякнула: «Рудик, у меня проблемы. Выручай!»

– Она молодец!

Иродион рассмеялся:

– Не знаю, кто согласится...

– Им не нужно всего сообщать заранее, пусть диктофон станет приятным сюрпризом. Тина сперва тоже заявила: «Ой, не могу о войне говорить, ой, больно!» А я вспомнил свою мамочку, которая прошла советскую ссылку, шахту, носила клеймо «дочь врага народа» и затем, как Тина, стала учителем русского языка и литературы. Она понятия не имела, что такое «хочу», но твёрдо знала «надо». Кто расскажет о войне, если не ветераны?

– Тоже верно, – нехотя согласился Рудик.

Но сам никого из друзей не выдал и на «минное поле» не завёл.

* * *

На протяжении всей поездки я созванивался с Валентиной Харитоновной, с этой героической женщиной, сообщал о новых встречах, просил совета в затруднительных ситуациях:

– Тина, подскажи, с кем из знаковых людей ещё не встретился?

– Ты не встретился лишь с одной категорией, с «крысами». Но я заранее знаю, что они скажут: «Не мы такие – жизнь такая!»

P. S.

Когда Иродион сетовал на трудности в создании молодого государства, я сидел и помалкивал... Мы, как держава, слишком молоды раздавать советы другим. Ведь Российская Федерация старше Республики Абхазия всего на год: официальная дата образования России 25 декабря 1993 г., день, когда была принята новая Конституция, в которой страна провозглашалась президентской республикой; в Абхазии это произошло 26 ноября 1994 г. (Согласитесь, считать «РФ», «бесправную часть СССР» и «Российскую империю» одним и тем же государством – нелепо!) В голове у многих россиян до сих пор каша. На бытовом уровне доходит до курьёзов... Мой близкий друг, как выпьем, сразу пускается в мечты: «Надо, чтоб как у батьки в Белоруссии или как в Финляндии... Там порядок!» Серёга (мы втроём работали в комсомоле) обычно пьяненько кивал, помалкивал, но один раз... чёрт его дёрнул! Возразил, мол, это два взаимоисключающих общественных строя.

– А скажи тогда, почему в Финляндии дороги такие хорошие?

– Да потому, что нас с тобой нет там.

Друзья потом полгода не разговаривали.

Создатели матрицы времени

*Если с уважением относишься к тому,
что имеешь, приобретёшь и то,
чего нет у тебя.*

Абхазская пословица

Владимир Анатольевич Попов – личность в Абхазии известная. Он не только последний из могикиан советской школы фотожурналистики, но и директор фотоагентства «Абхазпресс-АРТФ», организатор многих фотовыставок в Абхазии, за её пределами...

Под вечер Володя с приятелем заехали за мной в гостиницу:

– Предлагаю вместе поснимать волну. Такое интересное состояние моря... ветра нет, ни один листочек не колыхнётся, а волна накатом метров в десять!..

И уже через двадцать минут мы идём, шурша вязкой береговой галькой, любуемся огромным розовым солнцем, скользящим к горизонту. Волны с грохотом накатываются на землю, дробятся в белую пену и в низком реверансе ажурным подолом белоснежного бального платья закрывают берег.

– Захлебнуться... от восторга! – признался я.

Володя согласно улыбнулся:

– Погоди, что ещё запоёшь у костра... Абхазские старейшины с горечью сетуют: векового друга – очаг – «арестовали». Согласен с ними: открытый огонь – мистика, древнейшая философия...

В вечернем воздухе цикадами стрекотали затворы наших фотокамер.

Володин приятель заметил:

– Попов всю жизнь продаёт Абхазию в розницу и оптом, но ему прощают. Даже благодарны, поскольку он продаёт возобновляемые ресурсы.

Володя остановился:

– Кстати, познакомьтесь: мой друг Рауф, руководил во время войны Латским направлением.

– А как фамилия? – я достал блокнот.

– Записывайте: Дмитрий Жорж Игорь Коля Иван Рая Борис Андрей.

– И всё это вы?

– Да. Что получилось?

– Джикирба?

– Попали с первого раза.

Сумерки неумолимо гасили нарядные закатные краски.

Вскоре стемнело так, что «не видишь под носом жерди, грозящей проткнуть глаз». Фотообъектив своё дело сделал, ночь – вотчина слова. Спустился пол-

часа мы уже сидели в пацце у костра и неспешно беседовали. Каштановые поленья, потрескивая, жарко пылали, над очагом на закопчённой цепи висел котёл с мясным варевом, расточая аппетитный аромат. Володя помешивал шумовкой, проверял на вкус готовность, добавлял последние специи:

– Без жидкого не могу...

– Володя, сразу скажи гостю, что конкретно имеешь в виду? – улыбнулся Рауф.

– Борщ, конечно, не водку. Бывает, такое приготовить... А ещё люблю в подсолнечное масло – приправы: чеснок, укропчик, перец... Аперитивчик с хлебушком... Нравится, но обычно о себе забываешь, где время? Люблю по ночам суп варить...

– Если по ночам делал суп, когда делал детей? Четыре попытки – пятеро наследников.

– Успеваю. Причём суп люблю варить, когда выключен свет – я лесной человек. Приготовлю, вкусненько так... Поем одну миску, вторую – с удовольствием, третью... я... неудобно мне, стыдно... А хочется. Знаешь, из чего сварено, как... Боже ты мой, как благодарен таким часам.

– Володь, расскажи, как принёс в газету фото героя труда с надписью: «В эту минуту он добывает рекордную тонну угля!»

– Было такое! – рассмеялся Попов. – Изначально я работал фотокорреспондентом в газетах: в областной, партийной, национальной. Языка абхазского не знал, все смеются, и я смеюсь. Главный редактор с подозрением:

– Ты-то чего хохочешь?

– За компанию.

Вот однажды так, за компанию, я опубликовал материал о герое труда – фоторепортаж с рабочего места. Обычно вырубал личный архив: если человек отснят, зачем выезжать в командировку, фотографировать повторно?.. И вот к материалу о шахтёрах понадобились иллюстрации, портрет передовика. Звоню на предприятие, уточняю:

– Гоги работает?

– Да.

– Передовик?

– Ещё какой!

Но я спрашивал об отце, а мне сообщили про сына: фамилия одинаковая, имя одинаковое, шахта, всё... На абхазском языке нету слова «проходчик», поэтому в статье появился такой текст: «Знатный шахтёр Гоги решил не подниматься на поверхность земли, пока не добудет угля на пятнадцать процентов больше, чем в прошлом году!» Портрет вышел удачный: чумазый, только что из забоя, он широко улыбался, с уверенностью глядя в завтрашний день.

* * *

Снимок разместили на первой странице абхазской газеты с броским заголовком: «В эту минуту под землёй Гоги добывает рекордную тонну угля! Молодёжь, равняйтесь на Гоги!» А Гоги, оказывается, уже три года под землёй, но совсем по другой причине: умер! Что тут началось... Шахтёр по национальности грузин! В обед главному редактору позвонили из приёмной Первого секретаря, от Шеварднадзе:

– Вам надлежит завтра явиться в Тбилиси в ЦК КП Грузии.

Главному редактору объявили выговор, меня турнули с работы, лишив права публиковаться по всему краю. Было не смешно – времена Андропова...

А сейчас, Александр, предлагаю тост за тебя, за нашего гостя. Это не подхалимаж – форма мужской поддержки. Тост – не анекдот, не сказка, не прибаутка – сакральная мужская молитва, часть абхазского ритуала: «Мы с тобой одной крови – ты и я». Ты в нашем лесу, ты – наш брат. За тебя!

Вторым поднял бокал Рауф:

– У нас в Абхазии традиция: когда человек умирает, близкие люди, друзья собираются за столом, произносят о нём хорошие слова. Это важный, ответственный момент, поскольку усопший всё слышит. Думаю, ещё правильнее согласовать с покойным тезисы выступлений при жизни. Каждое застолье – репетиция похорон, у нас как раз такое мероприятие... А выпить предлагаю вот за что... Фазиль Искандер бичевал изнутри себя и всех нас. Почему об этом вспомнил? В книге не надо лоска, Александр, не нужно слащавости, ласкательных суффиксов, особенно сегодня, в годы становления нашей государственности. Нельзя допустить, чтобы гордость переросла в спесь! Нам нужен цензор: объективно посмотреть со стороны, дать дружеский совет...

Я, прищурившись, глядел на спокойный огонь, слушал речи, и мне было покойно на душе. Сладкая и неопределённая истома нежной кошкой возлегла мне на плечи.

– Володь, спасибо за бархатный вечер, за ваших слов брильянтовых вкрапления... Диву даюсь, насколько искривлён образ горца в умах россиян – никто не хватается за кинжал.

– Кавказец без кинжала, как русский, бегающий по улице без топора...

– Согласен: абсурд, нелепица полная...

Володя вновь наполнил бокалы:

– Если хочешь остаться, нужно постоянно уходить. Мы собрались у костра не навечно – на миг. Каждого из нас ждёт своё дело, сохранить которое можем, лишь шагая в ногу с жизнью.

А спустя несколько дней я встречался с Николаем Обаничевым: в Гудаутах единственная фотостудия у него. Для меня каждый фотограф – родная душа.

И снова коснулись войны...

– Я учился в десятом и всё помню отчётливо.

Война – постоянное чувство голода. Город бомбили один раз, школа продолжала работать. Перед уроками вставал в шесть утра, шёл с карточками в очередь за хлебом, как в старых фильмах... С окончанием войны сытней стало не сразу, добывал пропитание в море, что поймал, то и кушали. Решил заняться фотографией, ещё застал химикаты, красный свет, окна занавешены одеялами, семья не ходит, не дышит – идёт процесс. Потом перешёл на цифру.

Обстоятельно поговорить нам не дали... Люди шли со своими малыми бедами один за другим. Пожилой горец в чистом мятом костюме хлопнул входной дверью, степенно прошёл к стулу, гордо уселся под выключенным софитом:

– Сфотографироваться, ора, на паспорт.

– На российский?

– На заграничный.

Николай навёл объектив «Сапон» на посетителя, укрощённой молнией пыхнул софит.

– Завтра будет готово.

Старик натянул кепку и с достоинством покинул помещение.

Следующий клиент попросил распечатать фото утонувшей старухи. Николай вывел на монитор десяток мини-изображений. Труп синий, разбухший...

– Так, вот эту, где она во весь рост, вот эту, где крупно голова, – посетитель с улыбкой Мефистофеля разглядывал экран, – и где отдельно вещи.

Николай отправил снимки на печать, принтер брезгливо отрыгнул глянцевые листки.

– Сколько с меня?

– Тридцать.

Довольный, расплатился, ушёл.

– Он некрофил?

– Нет, следовательно прокуратуры.

А потом по мобильнику вызвали меня, в общем, не дали поговорить...

Тыл первого президента

*Посмотрите – вот он
без страховки идёт.
Чуть правее наклон –
упадёт, пропадёт!
Чуть левее наклон –
всё равно не спасти...
Но, должно быть, ему
очень нужно пройти
четыре четверти пути.*

«Натянутый канат».

Владимир Высоцкий

В моём понимании жена – теневое правительство.

Мужики не любят сознаваться в этом, но где-то глубоко в душе чувствуют: жена – моральная поддержка, тайный советник, тыл... Я в гостях у вдовы первого президента Абхазии – Светланы Иродионовны Джергения.

– Начало войны застало меня в Гаграх, вспоминаю, как фильм ужасов... За день до этого дочка уехала на учёбу в МГУ, Слава – в Сухум. Связи нет, мобильников не было тогда. Я думала, война бывает только Великая Отечественная, ну, ещё где-то далеко, во Вьетнаме, в Ираке... и вдруг такое у нас... Да, столкновения на национальной почве происходили часто, история у конфликта давняя, но никто не подозревал, что посреди бела дня прилетят самолёты, вертолёт, будут бомбить пляжи с отдыхающими, мирные кварталы города... Трудно поверить, что в XX веке эдакое возможно. Случилось. А у нас ни оружия, ни военных подразделений. В этом мало понимаю, но саму атмосферу помню. Я по натуре оптимист и верила: справедливость должна восторжествовать. Когда стали привозить с передовой убиенных ребят, ропот начался. Мы малочисленный народ, у нас каждый гражданин – Тысяча. Он не знал, что делать, был на грани... застрелиться... но воспитание, духовная закалка, рассказы отца – инвалида Великой Отечественной – помогли выстоять. Во время войны я с дочерью находилась в Москве, оставлять дочь одну опасно. Время от времени Слава звонил, спрашивал, как, что у нас. Когда приезжал на переговоры в Первопрестольную, несколько раз встречались, обменивались парой-тройкой слов, но это, знаете... Трагедия! Время очень страшное, тяжёлое. Весь этот шквал чёрной информации, безбожного вранья с экрана теле-

визора... Это безумство, бесовство вельзевула! Сколько слёз пролито... В конце 92-го разнёсся слух, что на него совершено покушение... убили!

Вы не представ-ля-ете-ее-е...

В тысячах километров от страны, от него...

Такой в Сухуме устроили фейерверк, такой праздник: наконец-то убили! Оказывается, его бы не было – ничего не случилось! Мир, дружба процветали бы... Мне оборвали телефон, откуда только ни звонили люди, звонили и плакали: правда – нет? А я сама не знаю правды. Это такой надрыв, такой психологический удар, невозможно передать... Ты вроде просто жена, но ощущение прямоты причастности к событиям, личной ответственности не отпускало. Я всех успокаивала: «Это неправда! Телефонистки рыдали в телефон... Хотя бы кто успокоил меня. Нас убеждали люди: «Ну что вы!.. Грузины не могут быть такими жестокими! Цивилизованнейшая нация!!! У них вековая традиция государственности, древняя культура».

– Да, у них фильмы-то какие: «Кувшин» Ираклия Квирикадзе, «Отец солдата» Резо Чхеидзе, – вспомнил я.

– ...«Интеллигенты высшей пробы не могли сжечь архив!» Мираж устойчив. Как видим – смогли. Им правда не по нутру. В первую очередь уничтожили исторические документы с неугодной информацией. Вандалы! Историю сочинили свою.

– Каждый диктатор переписывал историю под себя.

– Да, но эти превзошли всех и вся. Всё, что попадало под руку ценного, объявлялось грузинским. Хорошо помню, когда меня, школьницу, не брали в музыкальную школу, потому что абхазка. Наш крупный учёный Шалва Денисович Инал-ипа издал труд «Абхазы», Слава с коллегой из Института востоковедения написали положительную рецензию. Вы не представляете, какой шквал критики обрушился на нас, обвинили во всех «изма-х». И началась война умов...

Муж – чистой воды кабинетный учёный: работа, работа, работа в тиши библиотек, фолиантов. Я была молодая, доставало это... Сходить в гости – целая проблема. Сразу протест:

– А!.. Какие гости?! Надо туфли надевать, натру пятки, там будешь сидеть без толку. Лучше дома, лучше пусть они к нам.

– Пойдём тогда...

– А!..

– Давай сходим...

– А!.. Тебе бы только гулять.

У него свой кабинет, но всё принесёт на кухню,

разложит на угловом диване. Убирать ничего нельзя: «Перепутаете!» Собрались покушать, документы накрываем газеткой, быстренько перекусили, газетку собрали, опять работает, потом снова переселяется в кабинет. Где комфортнее работается, там и сидит. До того, как вышла замуж, я нагляделась на брата: он тоже учёный, так же корпел, разбирая мемурии. Когда приезжали к ним в гости, будто слышит и не слышит, весь в делах. Тогда думала: «Господи, спаси от такого!» А у самой ещё хуже. Иногда на кухне что-нибудь шварю и сама журчу, журчу, по ходу что-то спрошу. В ответ: «Что?..» Вот это рассеянное «что» меня буквально выбивало из колеи, выходит, всё, что рассказывала, пропустил мимо ушей. Я начинала раздражаться, закипала... Особенно по молодости. Зато присутствовать при его беседах с другими людьми мне было крайне интересно. Разговоры не о колбасе – о высоких материях. Вот где ненавязчиво проявлялся интеллект. Тогда я им гордилась. Выростала в собственных глазах: «Это мой муж!» Понимала: он – Божий избранник. Находиться с таким человеком рядом непросто, о себе надо забыть полностью: никаких претензий!.. Помочь ему мало чем могла, старалась не мешать, думаю, это у меня получилось. Политика выбросила его в депутаты, а потом человек, который даже в армии не служил, стал Верховным Главнокомандующим. Вы представляете, сколько нужно было работать над собой, – фактически перевернуть себя.

Когда беда нагрянула, он не принял решение единолично, а собрал людей и спросил: «Что делать? Сдадимся без боя и станем рабами или будем защищаться?» Народ решил: «Сражаться!»

Вот тогда у него выросли крылья:

– И я буду с вами до самой смерти!

Он выдержал шторм и довёл наш корабль до тихой воды.

Он сделал что мог.

Он сделал больше, чем мог.

* * *

Понятно, почему Владислав Григорьевич Ардзинба добился оглушительных побед: с таким-то тылом чего не побеждать. Одно меня озадачивает: почему матушка-земля крайне не избирательна... Отчего на одной почве растут и розы, и сорняки, одна нация подарила миру и Баха с Гёте и Гитлера, другая – Ардзинба и Берию.

На идеологическом фронте

*Одно и то же слово
два раза скажешь – вонять будет.*

Абхазская пословица

Нугзар немало рассказывал мне о своей работе в газете:

– Журналистов пора причислить к лику «инженеров человеческих душ!».

– Да, журналисты сраму не имут... Подписываюсь! – я полез за стаканами.

– Тяжело работать в редакции газеты в Абхазии, сам видишь. Народ хлебосольный, из гостей так просто не уйдёшь. Нужно поднять бокал, и не один...

– Умеешь ты заинтриговать, прям как Чехов: «Рассказ мой начинается, как начинаются вообще все лучшие русские сказания; был я, признаться, выпивши...»

– ...Пока добираемся до редакции, пока приходим в себя, опохмеляемся, материал устаревает – опять надо ехать. Выручает, что мы, журналисты, в душе немного циркачи, волшебники. Ценим всякие розыгрыши, любим бесшабашность, яркие представления. Когда в душе праздник, в руке бокал с вином, тогда и перо наше скользит по бумаге непринуждённо, изящно. Как-то утром мы сидели с Русиком в редакции и размышляли, как бы нам в это чудное состояние попасть.

– Слушай, – осенило меня, – ведь у твоего отца наверняка есть вино, неужели не угостит.

– Нугзар, сегодня нет никакого праздника. Если отец и выставит на стол кувшин, два-три стакана нас не спасут.

– А как у него со зрением?

– Толком не видит ничего, по голосу нас различает.

– Тогда пойдём, скажешь, парикмахера вызвал. А уж за работу...

Так и условились. Заявляемся, Русик с порога:

– Отец, ты у нас совсем неухоженный, волосы пора стричь. Я парикмахера привёл.

– Спасибо, сынок.

Я достал ножницы, поцвиркал ими в воздухе, усадил старика посреди комнаты, обернул шею пелёнкой, взял расчёску, с одного бока зашёл, примерился, с другого прицелился... А как стричь, не знаю. Волосы недлинные, причёска аккуратная, хоть бы не испортить...

Сам уверенно командую:

– Не крутите головой.

– Хорошо, хорошо.

Делать нечего, пряди перебираю, ножницами то над одним ухом вхолостую пострекочу, то над другим. «Видит плохо, а слух у него ого-го!» – предупреждал сын.

– Всё! По-моему, нормально, – деловито подвёл я итог.

– Какой нормально? – возразил сын. – Отлично! Отец, надо отблагодарить.

– Да, да. Принеси кувшин вина.

– Один?

– Один, один...

Мы невесело переглянулись: неужели погорели? Но рук не опускаю... И сразу в голове проект: вместо традиционных тостов, в нарушение всех мыслимых предписаний, я, стоя, – тост:

– За ваше здоровье, отец! Сто лет вам жизни...

– Мне уже сто три.

– ...Желаю двести лет вам счастливой жизни без капитального ремонта. Шарда амта! Вы святой человек для всего абхазского народа. До сих пор помнят старцы, как вы призвали махаджиров не покидать Абхазию, сохранить верность нашей родине. Удары вашего священного посоха слышала от края до края вся благословенная земля Апсны...

«Что несут? Бред-то какой... – стучало в голове. – Откуда эта чушь?! Сейчас выгонят взащей. Во времена махаджирства даже дед его ещё не родился...» Но остановиться я не мог. Кто-то подкидывал на язык одну фразу безумней другой, голос мой от волнения дрожал:

– Ваши слова священные для каждого абхаза, они и сегодня хранятся в наших сердцах. Вы для всего народа как знамя...

Старик после этих слов как-то неестественно дёрнулся, подался вперёд и хрипло выдавил:

– Поднимите меня.

Русик подскочил к отцу, помог встать.

Меня трясло от возбуждения, лицо пылало жаром дикого стыда, я с ужасом представлял, что будет дальше... В комнате повисла томительная, тревожная тишина. Голосом, не терпящим ослушания, старик отчётливо произнёс:

– Сын, налей мне!

Русик плеснул вина.

– Полный!

Кровавая изабелла расплёскивалась в дрожащей руке почтенного старца.

– За Абхазию! – сильным голосом прокричал он и осушил бокал до дна.

Старик ещё долго в состоянии аффекта стучал

посохом по полу и, запальчиво брызгая слюной, исходил истощным ором.

– Отец, человека задерживаем, некрасиво.

– Молчи... – грубо оборвал его старик и, повернувшись в мою сторону, нараспев проворковал: – Ты мой самый дорогой гость, сегодня ночуешь у меня. Сын, что стоишь, беги в подвал, неси на стол бочонок лучшего вина.

На следующий день на работу в редакцию появляться не имело смысла.

Как я искал в Абхазии юмор

*Весела наша компания,
а кто не хвалит, тот каналья.*

Русская пословица

Юмор есть правда.

С абхазским юмором у меня сразу не задалось.

Перерыл местных классиков, забрался на специализированные сайты, вслушивался в анекдоты и... стал всерьёз волноваться. Где искромётные шутки? Как я умудрился проскочить между каплями дождя – не встретить остроумия. По закону компенсации: если одна нога короче, вторая обязательно длинней. Может, взамен чувства юмора у абхазов что-то другое развито? Я решил проконсультироваться по данной проблеме с дипломированными, «остепенёнными» специалистами. Директора Института гуманитарных исследований я прямо так и попросил:

– Помогите найти абхазский юмор! Читал подборку местных анекдотов, подскажите, в каком месте нужно смеяться.

– Юмор? Сейчас найдём.

Он собрал импровизированный консилиум, предоставил мне слово:

– В текстах, заявленных как комичные, ищу соль, ищу повод для улыбки, смеха... и не нахожу. Помогите, пожалуйста, найти мне абхазский юмор!

Самый авторитетный мужчина сделал шаг вперёд:

– У абхазов сильно развита смеховая культура. Можно определенно сказать, смех традиционно служил одним из регуляторов поведения человека в обществе. Абхазы умеют смеяться, иронически, сатирически относиться к себе и другим даже в самых экстремальных условиях. Об этом красноречиво говорят многочисленные анекдоты...

– Тогда, с вашего позволения, я зачитаю несколько?..

– Читайте!

Я зашёл в Интернете на страничку «Абхазские анекдоты» и, преодолевая смущение, прочитал:

«Басиат пришёл к сельскому знахарю Луману.

– Блохи на нас напали, покоя не дают, что с ними делать, подскажи!

– Это очень просто, нужно их выловить, выколоть им глаза и выбросить в реку, они все там и утонут, – ответил мудрый Луман».

Повисла пауза. Абхазские учёные-лингвисты сурово молчали.

– Ещё:

«Прилетели американские астронавты на Луну. Видят: идут им навстречу двое мужчин в черкесах, с кинжалами. Американцы удивились, стали расспрашивать:

– Кто вы и откуда?

– А мы абхазы, вот тут на поминках были, сейчас обратно идём».

Напряжение на симпозиуме нарастало.

– Или вот, – не унимался я:

«– Я, Президент Республики Абхазия, торжественно клянусь мамой... Если же я нарушу клятву и кто-то заметит...»

Вглядываясь в хмурые лица абхазцев, я уже жалел, что затеял эту этнографическую экспедицию. Авторы романов в подобных случаях прямо сигнализируют читателям: «В воздухе пахло грозой». Директор личным примером старался поднять в атаку подчинённых:

– Посерьёзнее, коллеги! Объясните, в каком месте смеяться?

Наконец седовласый аксакал бросил мне в пику:

– Вы сперва сами приведите примеры истинного юмора.

– Я?

– Да, вы...

– Ну, не знаю, попробую...

Аудитория недобро молчала. Я решил зайти с козырей:

– Может, Жванецкого?

– Да какой это юморист? Он враг, наймит Запада.

– А я считаю гением. Послушайте! – и на память процитировал:

«У нас чего только может не быть. У нас всего может не быть. У нас чего только ни захочешь, того может и не быть».

«Мадам, мы с вами прекрасно дополняем друг друга. Я умный, весёлый, добрый, сообразительный, незлопамятный, терпеливый, интеллигентный, верный, надёжный, талантливый...»

«По тому, как он плевал, сморкался и икал за столом, было видно, что он старается держаться прилично».

В ответ – гнетущая тишина...

Теряя надежду, я почти прокричал:

«На вопрос: «как живёшь?» – завыл матерно, напился, набил рожу вопрошавшему, долго бился головой об стенку... В общем, ушёл от ответа».

– Не смешно! – по слогам произнёс аксакал.

Учёные стали расходиться по кабинетам, я остался посреди комнаты один, растерянный, огорчённый... непонятый. Вдруг дверь приоткрылась, молодой человек просунул голову и отчётливо прошипел:

– Магазин «Вина Абхазии», там Гамисония Виктор Хаитович знает много анекдотов.

– Спасибо! – прошептал я.

Указанную торговую точку нашёл довольно легко. Захожу...

У входа брился мужик: щёки, подбородок в мыльной пене, он стоял и, напряжённо вытягивая шею, разглядывал себя в крупный осколок зеркала.

«Уже смешно!» – обрадовался я.

– Где мне увидеть Гамисония?

– Это я, – мужчина невозмутимо продолжал орудовать опасной бритвой.

– К вам.

Небольшое торговое помещение магазина напоминало нечто среднее между рюмочной и кабинетом школьной пионервожатой: пустые бутылки, ценники, два общепитовских столика, портреты Ленина, русских писателей, горн, барабан, вымпелы...

Виктор Хаитович, заметив мой интерес, пояснил:

– Школа освобождалась от наглядной агитации, всё выбрасывала, так я – сюда. До сих пор испытываю ностальгию по Советскому Союзу. Я был молодым, московский вуз заканчивал, хлеб был дешёвый, 20 копеек! жили счастливо. Родился в 1937-м, самые лучшие годы...

– Не все считают 37-й самым счастливым го-

дом в Союзе. У вас магазин частный или государственный?

– Частный.

– В СССР вам бы за него впаяли приличный срок.

– Это так, – миролюбиво согласился Виктор Хаитович. – Тогда мы входили в состав Грузии...

– Это плохо?

– Очень.

Я силится понять абхазов: все хвалят Советский Союз, но при этом политические репрессии им, видишь ли, не нравятся, отсутствие статуса государства раздражало, запрет частного предпринимательства – невыносим. Начинаешь выяснять, оказывается, главное завоевание СССР состояло в том, что сами тогда они были моложе, и за это от всей души генсекам спасибо.

– Виктор Хаитович, я записываю абхазские байки, тосты, анекдоты... К вам, как ходоки к Ленину, попал не просто так, направили из Института гуманитарных исследований.

– Вам за анекдотами надо к начальнику транспортной милиции. Однажды я оказался с ним на мероприятии, заслушался... Вот уж где Ходжа Шарадын. К нему вам!..

Хозяин магазинчика устроил мне дегустацию абхазских вин, но анекдота местного разлива не смог припомнить ни одного. Я поблагодарил за «наводку» и отправился по указанному адресу. Его совет меня нисколько не смутил: я уже в Дагестане усвоил – на Кавказе самые талантливые весельчаки-юмористы сконцентрированы в милиции, словно туда идут на повышение из «Театра эстрады».

* * *

Контора транспортной милиции Гэ Сухум – напротив железнодорожного вокзала, мрачного здания без стёкол, в пробоинах от снарядов. «Пока не слишком весело», – мелькнуло у меня в голове. Дежурный на входе за стеклом, тёмный длинный коридор, приёмная начальника, кабинет... Крупный мужчина в цивильном костюме заканчивал чихвостить подчинённого по телефону... а глаза у самого добрые.

– Аслан Тачевич, спасайте-выручайте!

– Что с вами?!

– Не со мной, с Абхазией. Спасайте престиж родной республики! Нужны остроумные люди...

И я изложил просьбу.

– Тридцать восемь лет на службе, с такими просьбами никто в милицию не обращался, но вас пони-

маю: нельзя писать лишь о войне – человек с ума может сойти. Жизнь богаче! Юмор позволяет перезагрузить закипающий мозг. Я стараюсь, когда ситуация тупиковая, перевести разговор в шутку. В милиции ухочешься! Да что вы...

А уже через два часа мы сидели на набережной в знаменитой «Брехаловке» в компании его друзей. Солировал Аслан Тачевич:

– Помню начало работы: я молодой лейтенант, после учёбы, в первый же день меня отправили на место происшествия. По дороге знакомлюсь с напарником:

– Меня Аслан зовут, а тебя?

– Т-ттоже А-ааааа-слан.

– Ты не равняй! Я хоть и Аслан, но не такой длинный.

Добираемся по адресу: новый дом, опрашиваем жильцов, ищем свидетелей разбоя. Пока сержант заикается в одной квартире, я обойду пять. И тут на площадку, шарыхая тапками, выходит старушка.

– Бабушка, вы случайно грабителей не видели?

– Видела, сынок...

Говор у неё с сильным абхазским акцентом.

– Опишите этих негодяев, какие-нибудь особые приметы.

– Один выше, другой ниже!

– Ну, теперь мы их быстро поймаем! «Один выше, другой ниже»... А по национальности, не обратили внимание: армяне, грузины, русские... абхазы...

Только дошёл до абхазов, старуха как взвизгнет.

– А!.. Как можешь наш народ позорить. Разве бывают абхазы бандитами?!

Она сорвала с плеча полотенце и давай хлестать, гнать меня вниз по лестнице, осыпая проклятиями, как орлица налетела... В общем, выполнение моего первого боевого задания бабка сорвала.

Александр, постепенно буду знакомить тебя со своими друзьями. Этого уже знаешь – Рома, судья.

Мы обменялись поклонами.

– Сегодня думаю, кого взять в компанию, на разговор? Рома, три раза тебе звонил, ты не взял трубку.

– У врача был.

– На слово мы тебе, конечно, не поверили бы, но убедились сами: едем, гляжу Рома топает по центру Сухума в синих бахилах... Кричу Александру:

– Смотри! Вот тот нам и нужен!

– Потому что из больницы сбежал?

– Нет, потому что мой друг.

Я согнулся от хохота, вспоминая ситуацию.

– Уа-хаа-хаа! – вторил Аслан.

– Забыл в больнице снять, – сконфузившись, объяснил Роман.

– Представь... какие решения на су-де-еее... он выноси-иит!.. – стонал Аслан.

– А-га-ааа! Хр... хорошо, на... ноги... – подхрюкивал я. – При мне в Очамчырах, в поликлинике, старик бахилы на голову напялил... думал, шапочка...

– Да ладно вам! – отмахнулся Роман.

– Александр, вчера у нас инаугурация президента была – наш национальный праздник. Хотел кого из коллег позвать на разговор с писателем, но мужики опухшие, все по размеру сделались больше меня. Я к Валерию Шаловичу с утра заглянул, мне сразу такие две штуки дали, – Аслан показал на вазу. – «О, – думаю, – не напрасно зашёл!» Сидим, заходит со своим стаканом зам (он всюду ходит со своим стаканом), мы – пятый раз по второй... А ещё сегодня свадьба. Думал, хоть один день не буду пить, куда там... Как тяжело, Саша, жить у нас в республике. Вчера там, сегодня здесь, завтра в селе друг пьянку устраивает...

Говорят: «Работай!» Когда-аа?!

Аслан повернулся к франту в белом костюме:

– Бесик, теперь ты давай свои байки!

Бесик поправил золотую оправу очков и ломаться не стал:

– Рубен недавно приезжал, сейчас в Америке живёт. Жалко, вы не познакомились... Заглянули с ним сюда, в «Брехаловку», выпили по пятьдесят. Раньше-то мы частенько заходили.

– «Частенько»!.. Вы не частенько заходили, – хмыкнул Аслан, – вы не уходили отсюда! «Часто заходили», говорит.

– ...Аслан, не сбивай! До войны он в Сухуме лучшим следователем был, а сейчас в США простой каменщик, жаловался: «Совсем жизни нет, не могу найти другую работу. Обхожу конторы, первый вопрос на собеседовании: какое, мол, образование? Объясняю им популярно: «Юрфак!» – «Fuck me?!» Глаза по пять копеек, и сразу выгоняют».

Бесик довольно хохотнул.

– Подвыпили, шнобелем уткнулся мне в плечо и давай душу изливать: «Бесик, – хнычет, – не поверишь, кругом жучки: за Америку плохого не скажи. На жену, дочку, сына не смей голос поднять, не то что руку – сразу посадят. За стенкой у меня немцы живут, прикинь. Настоящие немцы! В пять утра перфоратор врубил – не понравилось, немчура проклятая... Гавкают что-то по-своему... Жена переводит: «Как вы смеете нас будить в пять утра? Будем жаловаться в полицию!» Я им через стенку

на абхазском: «Вы когда войну начинали, ваш Гитлер всю нашу страну разбудил в четыре утра! У меня дед, чтоб знали, до Берлина дошёл!» Сразу заткнулись, примолкли... Сволота! Мне жизни никакой нет в этой Америке, я там на птичьих правах! – задирает штанину, показывает ногу: – Весной травму получил. Поднимал кирпичи наверх, сорвался блок, раздробил большой палец на ноге. Я сразу бот скинул, ногу – в холодную воду. Хозяин тут как тут: «Чего стоишь?» Показываю, нога бордовая вся, опухшая, в ботинок не лезет. «Хорошо», – буркнул. Обратно идёт, опять увидел меня: «Всё стоишь?! Раз живой, должен работу продолжать».

А кто его просил из Абхазии уезжать? Глаголет умно, а зад в навозе. Я, извиняюсь, по-русски скажу: «Твою мать!..» – в сердцах произнёс Бесик.

– Э!!! Ора-аа! – востепенулся Аслан. – У нас так нельзя говорить!..

– Александр, по-русски ведь можно матюгаться? Иногда хочется...

– Владимир Владимирович писателям разрешил. Наши предки не для того ломали голову, выдумывая магические слова-обереги, чтоб они пылились в запасниках. Это как гласные, попробуй любую фразу произнеси без них, самую замечательную: «Псть всгд бдт слнц!» На что похоже?!

– На абхазский похоже! Давайте за наш язык, дадраа!

Аслан указал на следующего приятеля:

– Александр, это Леван, великолепный человек, но армянин. Всё равно наш, будем считать... Мы с ним дружим, просто, по-человечески, без приводов в милицию. Леван, теперь ты, наши местные легенды, притчи...

– Были...

Абхазец проезжает туннель в Кодорском ущелье, на выезде гаишник с жезлом.

Останавливает:

– Ты почему свет не включил?

– А откуда я знаю, где у вас в тоннеле свет включается.

– Есть!

Абхазец попадает на необитаемый остров, никого нет. Десять лет провёл в молитвах... Наконец смотрит, к острову кто-то плывёт... Выходит кра-са-аавица... идёт к нему:

– Я принесла то, о чём ты столько лет мечтал.

– Мамалыгу?!

– Следующий!

Студента медфака на экзамене спрашивают:

– Что такое склероз?

– Можно своими словами?..

– Ну, пожалуйста.

– К нам в Абхазию мингрельцы приехали в гости, а уехать забыли.

– Понят-ноо-оо...

* * *

Я не заметил, как за разговорами, за смехом пролетело время.

На прощанье мы обнимались словно старые друзья:

– Аслан, мужики, спасибо вам! Вы закрыли брешь в материале практически своей грудью.

– Раскудахтались немножко...

– Берегите себя! – умолял я. – Вы – живое национальное достояние.

Мужское братство

*Плетень держится кольями,
а человек – человеком.*

Абхазская пословица

Водителю маршрутки, молодому парню, я выразил искреннее восхищение:

– У тебя акцента нет совсем.

Он ухмыльнулся:

– Мама русская, родился в Иваново, прожил там до 18 лет.

– Ты-то мне и нужен... И как? Где лучше?! Чем люди отличаются?

– В России люди называют другом человека, с которым живут рядом, вместе выпивают, откровенничают, а случись что – его нет: «Мама не пустила, жена не разрешила». Не понимаю такого. Мне есть с чем сравнивать... в Абхазии не так.

– Твоя русская мама в курсе, как ты оцениваешь соплеменников?

– При чём здесь она? У подруги умерла родная тётя, так она даже на похороны не соизволила пойти, дом через дорогу – пьяница!

– Однако Россия единственная помогла Абхазии во время войны...

– ...Ну, я же не за весь народ.

Нугзар позже выдвинул версию:

– Этот парень прочувствовал разницу в понятиях «друг» здесь и у вас. Мужское братство у абхазов в чести... Про это тоже сложили легенду.

Жил в стародавние времена смелый и удачливый охотник Керим.

Как-то раз подстрелил он лань. Керим срезал виноградную лозу, крепко связал ею ноги лани и поволок добычу домой, в долину. Долго волок Керим тяжёлую ношу, устал, вечер опускался на землю, а до родного селения ещё далеко. «Переночую у старого приятеля, живёт тут недалеко». Он спрятал добычу в яму, забросал ветками, когда озарила неожиданная мысль: «Интересно, верный ли он друг? Надо испытать, ведь дружба познаётся в беде...»

Дружок встретил Керима радостно:

– Заходи скорее! Ты всегда желанный гость!

Но Керим с порога трагически произнёс:

– Сегодня не гостем к тебе, со мной беда!.. Я убил человека...

– Убил человека? – ужас застыл на лице дружка.

– Да. Убитый там, у дороги. Помоги закопать, чтоб не осталось следов. Спешить надо, пока ночь, идём!..

– Ты убил челове-е-ека?

– Да, да!.. Видишь, весь в крови. Пойдем скорей! Один не справлюсь. Захвати лопаты...

– Послушай! Я, конечно, никому не скажу... Я твой друг, можешь на меня положиться... Всё готов делать... Но... тогда и меня...

Керим недослушал, круто развернулся, ушёл.

«Вот она, дружба!» – с горечью думал он, направляясь в соседний дом, там жил сверстник, вместе они ходили на охоту, в один год женились. Керим и его попросил помочь.

– Плохо твоё дело, – посочувствовал тот. – Но зачем ты хочешь, чтобы я, как сообщник, отвечал за твоё преступление?

– Значит, не выручишь?

– А ты хочешь навлечь беду и на меня? На меня, ни в чём не повинного?

– Прощай! – крикнул Керим и снова отправился в путь.

Он обошёл одно село, затем соседнее, всюду встречая отказ. Уже под утро Керим внезапно вспомнил брата Дахара: семь лет они враждовали, старательно избегая встреч друг с другом. Невеста Дахара в день свадьбы убежала с Керимом в горы. Дахар тогда Кериму пригрозил:

– Ты опозорил меня! Братоубийцей не стану, но никогда не показывайся на глаза, слышишь! И знай: отныне у меня брата нет!

Прошло семь лет... С тех пор они ни разу не сказали друг другу ни слова.

Близился рассвет, когда Керим постучал в дверь пацхи Дахара.

– Кто здесь? – окликнул глухой голос.

На пороге стоял Дахар.

– Ты?

– Да, я... твой брат... – проговорил Керим.

– Нет у меня брата! – резко ответил Дахар.

– Прошу тебя... выслушай...

– И слушать не хочу! Прочь!

– Беда, Дахар! – взмолился Керим. – Я убил человека... Спаси меня! – простонал Керим и рассказал Дахару то, что рассказывал в эту ночь всем. – Скорей же, Дахар, торопись! Погибну, если не поможешь...

Светало, когда братья подошли к яме.

Керим разбросал листья, ветки, указал Дахару на лань.

– Вот, её я убил! Не убивал человека. Хотел только узнать, кто мой друг? Теперь знаю, что мой истинный друг ты, Дахар!

– Мужское братство ценится у нас, абхазов, превыше всего! – признался Нугзар. – Торговля, кустарное ремесло не для нас. Испокон веков наши мужчины, чтоб не закинула кровь, предпочитали заниматься каким-нибудь опасным делом – войной, грабежами, воровством... «Княжество Абхазия – это непрерывная бойня родов, кинжальщина, интриги и разбои...» – так отзывались о нашем благодатном крае в 1912 году¹.

Слушая Нугзара, я вспомнил у Фазиля Искандера: «В наших краях доблесть мужчины проверялась способностью с наибольшей дерзостью угнать чужого коня, стадо овец или, в крайнем случае, корову. Это была своеобразная восточная джентльменская игра, при которой хозяин, обнаружив пропажу, гнался за обидчиком и стрелял в него без всякого предупреждения. Игра была благородной, но опасной. Вот почему горец, показывая на своего коня, клялся всеми святыми, что он у него ворованный, а не какой-нибудь купленный или дарёный. Иногда конь оказывался именно купленным или подаренным, тогда клеймо позора ложилось на хвостуна до тех пор, пока он его не соскребал строго доказанной дерзостью»².

Нугзар поднял указательный палец, заостряя внимание:

– Исстари абхазы считают: именно лихие дела и роднят нас с русскими. В Абхазии бытует убеждение: «Россия чисто военная держава, в ней только и делают что сражаются да покоряют других, а не торгуют и почти не занимаются земледе-

лием»³. Однако, как ты заметил, Александр, всё в Абхазии имеет свою особенность, воровство в том числе. Повсюду воровское сообщество – теневое правительство над государствами, у вора нет идеологического врага, воры – граждане мира, интернационалисты, миротворцы. Вор не имеет права, по законам общака, воевать. Но абхазский вор – прежде всего патриот, а уж потом член тайного ордена... Мужское братство для него выше любого закона, выше любых понятий.

– Лихо!

– Во время войны у нас вор в законе воевал, после кто-то из блатных на сходке в Москве показал фото, где он стоит с автоматом в руках. Ему «дали по рогам» – лишили высшего воровского звания: «Нарушил воровской закон!»

Да, воровское сообщество – параллельный мир.

Не зная его, не понять и устройство государства. Воруют повсюду, даже в Америке... И всё же в Абхазии к ворам отношение особое... Не просто уважительное – восхищённое, как у нас к космонавтам! Профессия эта в Стране души окружена ореолом романтики. Более того, в пантеоне абхазских богов бог воровства и разбоя Эйрих-Аацных занимает почётное место⁴.

Честно написать про Абхазию, обойдя стороной тему воровства, нельзя.

Я так считаю не потому, что на рынке у меня дважды вскрывали молнию на рюкзаке, и не после личного знакомства с вором в законе (кстати, очень эрудированным, обаятельным горцем). Просто многие собеседники заводили на эту тему разговор сами, отмечая: воровские понятия справедливее светских законов.

Иосиф Бродский разоткровенничался в «Письмах римскому другу»:

*...Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря.
И от Цезаря далеко, и от вьюги.
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.
Говоришь, что все заместники – ворюги?
Но ворюги мне милей, чем кровопийца.*

Я хочу повторить вслед за поэтом: и «мне милей»...

¹ «Из кисловодской старины» Кавказский край. Пятигорск, 1912. 27 ноября.

² Фазиль Искандер. «Айша».

³ Станислав Лакоба. «Крылились дни в Сухум-Нале».

⁴ Роман Петрозавили. «У стен Анакопии».

Природа

Без Апсны и абхазу не быть.

Абхазская пословица

На берегу озера Рица писатель Джума Виссарионович Ахуба воздел бокал:

– Над Абхазией до небес возвышаются ледяные горы, от них даже летом веет холодом, у ног – ласковое Чёрное море. Абхазия заключена навек между злом и добром, между жизнью и смертью. Мы, абхазцы, похожи на братьев, у которых сказочно красивая сестра. Мы всегда должны быть настороже, кинжалы наши наполовину вынуты из ножен. Ведь многие хотят умыкнуть красавицу. Всем она нравится, все хотят ею обладать.

Хотел бы посмотреть, кто откажется за такое выпить стоя?

На этой благодатной абхазской земле природные жемчужины – россыпью. Одна на другой! А кто может рассказать о природе лучше охотника, кто её подмечает зорче? Никто. Руслан Гварамия – один из таких, и когда он пригласил в гости, я не раздумывал. Его коренной – родительский – дом в предгорье Кодорского хребта. Мы расположились на просторной лужайке, Руслан вынес альбом с фотографиями, а я всё поглядывал на небо – собирался дождь.

– Станет накрапывать, спрячемся под крышу, – успокоил он. – Ткуарчал раньше всегда считался мочевым пузырём Абхазии. Сейчас климат меняется, надвигается большая засуха. Птицы, звери чувствуют её заранее. Раньше в лесах енот не водился, теперь есть. Белая сова – вообще северная птица. Попала в капкан, несъедобная, зачем должен убить? Вылечил, отпустил. А некоторые птицы, наоборот, пропали, рупала например.

Руслан раскрыл альбом:

– У нас очень красиво... Здесь на склонах Кодорского хребта более тридцати озер: Адуада-Адзыш, Орка-Ццали, Дериквара-Адзыш, Кабирваш... Это место называют «голубым ожерельем Кодора». В верхних горных цирках шумят водопады. Среди скал, альпийских лугов прячутся малые и большие ледниковые озера, и среди них, в истоках реки Бутыхах, одно из самых глубоких, красивых в Абхазии – озеро Адуада-Адзыш. На террасе перед озером каскадный водопад. В конце июля жара, а здесь ещё цветут рододендроны.

Горы даны для созерцания, для радости души.

Нельзя ходить в лес за куском мяса. Ты иди, не

ставя перед собой такую цель, и Бог даст тебе. Где бы ты ни был, твой кусок тебя найдёт, хоть на другом конце света. И когда отправляешься за дровами, топор не должен быть направлен лезвием к лесу, лес не должен чувствовать угрозу...

Предпочитаю ходить в горы один.

Сам на сам.

Люблю слушать, как распускаются цветы.

Люблю быть выше облаков.

Ступаешь, как в сказке...

А вечером... Озеро под облаком и тишина...

Темно-синяя гладь воды покоится в чаше из воронёных скал. Сверху по уступам стекает ручей, поверхности озера касается чистый белый снежник.

Разведу на привале костёр... В котелке варится дичь, ароматом дурманя...

Это и есть счастье!

Я с детства – так. Отец у меня был прославленным охотником, с природой на «ты». Сто семнадцать лет прожил. Отец-долгожитель знал день и час своей смерти. Однажды пригласил нас с братом за стол и сделал это как-то необычайно торжественно: одет с иголочки, чисто выбритый. Думаю: «С чего бы?»

– Здоровье у меня неважное, – говорит. – Собираюсь умирать, но прежде должен поднять два тоста. – Сам налил бокал вина. – Я оставляю после себя самое дорогое – сыновей и нашу уникальную абхазскую природу. У нас об этом не принято... но в час, когда ухожу, – другие законы.

– А второй тост за что хочешь поднять, баба?

– Второй за долгожданную скорую встречу...

И опять выпил бокал до дна... Затем поднялся, ушёл в свою комнату.

Через пятнадцать минут мать выходит бледная:

– Отец умер.

Я смелый-смелый человек, но у меня мурашки по телу...

* * *

Описывать природу Абхазии – занятие бестолковое.

Приезжайте и полюбуйтесь сами.

Такое стоит увидеть лично, прочувствовать, проникнуться...

А рассказывать о водопадах, в которых купался, о белоснежных вершинах на фоне ярко-голубого неба, о россыпи дурманящих цветов... Можно, конечно. Можно-то всё. Но довольствоваться этим?! Не знаю... Это всё равно как свидание с любимой про-

менять на чтение занудной научной статьи о размножении чаек на Белом море.

Единственно, что мне, любителю дикой природы, не понравилось: Голубое озеро, жемчужину Абхазии, как мухи зеркало, загадили торговыми палатками фарисеи, облепили фотографии с обезьянами на поводках.

Этот бриллиант должен быть в оправе нежной зелени.

Нельзя пускать торговцев в Храм природы.

Вера

*Чья страна, того и вера (того и религия).
Cuius regio, eius religio.*

Абхазия позиционирует себя как православный регион...

Прикольно!

Насколько всё-таки русское православие отличается от православий других.

Взять лишь одну деталь...

Православный человек в России входит в храм за долго до церкви.

Ещё не ласкают глаз маковки золотых куполов, ещё петляет тропинка в высоких росистых травах, а навстречу из-за холма уже льётся малиновый благовест.

*Как нежный звук любимых слов
На языке полупонятном,
Твердит о счастье необъятном
Далёкий звон колоколов¹.*

Ни разу за полтора месяца я не слышал в Абхазии живого колокольного звона – один раз довелось услышать перезвон на «входящем» мобильного отца Виссариона, настоятеля Сухумского кафедрального собора.

В Западной Европе при православных храмах тоже висят колокола, но у них функция сигнальная – «сбор на духовный обед». Стил православной храмовой музыки далёк от западных традиций... Русская православная на колоколах – другая. Не «Подмосковные вечера», не танго... Православные колокола – не «бим-бом, загорелся Кошкин дом». На Руси на колокола возложена миссия искусства, подобного нет нигде в мире. У нас колокола не настраивают по нотам: до, до диез... Это иная музыка. Это музыка стихии, музыка природы... В основе её – рит-

мическое постоянство. Это триада: верхние зазвонные колокола, высокие – звонарь звонит правой рукой; мелодические колокола – звонарь звонит левой рукой; и бас – один, два или больше – звонит ногой. Сбалансированная ритмическая структура... В итоге получается мелодия, но не в обывательском смысле слова, чтоб песню спеть, а со своим особым звукорядом. Спеть его невозможно, можно только услышать. В Западной Европе карильонный колокол нивелируют, чтобы поменьше обертонов: до диез, ми, фа. А в православной культуре: отлили колокол и – не трогают, не подтачивают, как есть, как Бог дал. У нашего колокола огромный комплекс обертонов. Послушайте особенно большие колокола – каждый поёт голосом своим, уникальным. Коли их много – получается сочная богатая симфония. Из этой музыки русские звонари изобрели разные жанры: погребальные звоны, будничные, праздничные, красные, великие, малые. К тому же каждая церковь обладает звонами собственными, наборами колоколов неповторимыми.

За годы советской власти культура колокольного звона пришла в упадок. Сейчас по крупицам, шаг за шагом её восстанавливают. Когда после семидесяти лет молчания впервые зазвучали колокола, вся Красная площадь на колени встала.

Русь тысячу лет на этом воспитывалась, теперь пробудилась.

Это только что касается колокольного звона. И так можно перечислять, перечислять...

В Абхазии православие иное.

Игорь Герзмава мне объяснял популярно:

– Есть аныха – святилище общенародное, их семь, а есть ажира – святая кузница, святилище рода. Там находятся железные предметы, доставшиеся по наследству от предков: наковальня, щипцы, кованые части от арбы, там хранится энергия рода, там молятся, приносят жертвоприношения Богу, забывая козла. Я чуть-чуть православный, чуть-чуть язычник. У меня тоже дома кузница, как в старину у наших предков. Поклоняюсь Духу гор, Духу воды, Духу леса.

– Удивляюсь, как вы не запутали Господа?

– Господь милостив... Именно такую дал нам веру. Ведь как-то сохранить себя надо, хотя очень трудно. Вон Греция, колыбель мировой цивилизации, оттуда пошла поэзия, арфа... И что мы видим сегодня? В Греции нет собственного оркестра народных инструментов. Страна, народ, этнос дегра-

¹ Константин Бальмонт.

дируют, исчезают. В Абхазии целых два оркестра народных инструментов, свои мастера, которые изготавливают инструменты по старинным технологиям. Стоит забыть истоки, предать забвению культуру, и потеряешь себя. Чем сильны абхазы? Корнями. Вроде бы такой маленький народ, целиком на стадионе Уэмбли весь поместится, ещё и свободные места будут, а страна оказалась непобедима. Выходит, наша вера сильнее.

Когда задаёшь вопрос, кто ты по вере: православный или мусульманин, часто можно услышать ответ: «Я абхаз! Зачем мне такой ислам, который мешает быть абхазцем? Ислам откуда-то пришёл – апсуара была всегда». Абхазские мусульмане с удовольствием едят свинину, пьют вино, водку, никакого намаза не делают, в мечеть не ходят (в Абхазии нет ни одной мечети!), но искренне считают себя мусульманами. Никогда у абхазов при создании семьи не смотрят на религию, уважают все традиционные веры. Если дедушка христианин, бабушка мусульманка, то дети соблюдают те и другие религиозные обряды. Существует твёрдое убеждение: если отдать какой-то вере предпочтение, душа обидится. Такого больше нет нигде в мире! Единственно, абхазы не любят сектантов.

Сила ажира – могущественная, сила аныхи – много больше. Все абхазы в это верят. Мы уважаем и боимся святилища. Жрецы у нас – на первом плане, они нам ближе, чем церковные священники, чтим их больше. Человек спокойно, не моргнув глазом, может соврать под присягой любому, здесь солгать не смеет. Это не прокуратура, не суд, никого подкупить не удастся. На святилище Дыдрыпш первый президент Абхазии давал клятву. Более трёхсот лет идёт там служба. На горе той растёт дуб, обложенный камнями. Абхазы, когда клялись, оставляли в залог топоры, ножи – они и сегодня там. Один род проклял другой, принёс в качестве жертвоприношения козла и попросил у Бога:

– Пусть проклятие висит над этим родом, пусть беды настигают до тех пор, пока они не построят золотой мост через реку.

Век висело проклятье, много умерло из-за него молодых и старых. Главе рода удалось снять порчу, когда догадался построить мост, вбив в первую и последнюю ступеньки по золотому гвоздю.

Я спросил себя: где ещё есть такая колоритная вера?

Нигде.

В православной церкви Абхазии – раскол, поэтому я встречался с одним пастырем и с другим, был у ясновидящей Аиды Кове в Гудаутах, побывал в гостях у жрецов в сёлах Ачандара и Лыхны. Каждого «смотрящего» я попросил помочь через своего Бога написать мне лучшую в мире книгу об Абхазии. Все пятеро с пониманием восприняли просьбу и согласились.

Рассказывать об этих встречах не стану... Крайне деликатная сфера.

Да и разве стоит рассказывать всё, что знаешь?!

Чёрта спросили:

– Как ты стал чёртом?

– Я говорил обо всём, что видел.

А потому, любопытство, по швам!

Нугзар допытывался:

– А ясновидящая? Зачем тебе вся эта «херомантия»?

– Хочу написать про Абхазию книгу лучшую в мире, значит, навалиться надо всем миром – кашу маслом не испортишь.

Отец Виссарион, благословляя, напоследок сказал:

– Абхазы со славянами в одной духовной упряжке – наследники вечного. Неужели мы настолько неразумны, чтоб променять этот дар на какие-то мелкие, сиюминутные цели? Желаю каждому не размениваться. Желаю каждому стремиться к небу!

Да, стремиться нужно именно к небу.

* * *

Мне близко отношение абхазов к религии.

Жрецы, священники, ясновидящие, муллы, якобы православие, якобы мусульманство гармонично уживаются в сознании абхаза. Не противоречат друг другу, наоборот, дополняют, придавая новый, более глубокий необычный вкус жизни. Оно и понятно... Все мы бывшие октябрята, пионеры, комсомольцы. Теперь россияне опять стали православными. С другой стороны, отнять языческие праздники у нас никто не смог. Неразрывно связанные с природой, они таят в себе глубокую сакральную суть. Обряды, которые совершали в старину наши великие предки-пращурь, призваны обеспечить мирное сосуществование, лад с матушкой-природой, связь с нашими родными славянскими богами. В день весеннего равноденствия славяне по-прежнему отмечают великий праздник Масленицы, летом Яблочный

Спас, 21 ноября (груденья) – приход Морены-Зимы, день богини смерти Марены, с 25 декабря (стуженья) по 6 января (стуженья) отмечаются Большие Велесовы Святки – двенадцать святодней, символизирующих собой двенадцать месяцев в году. Советский Новый год мы тоже отмечаем за милую душу, причём два раза: новый Новый год и – контрольный выстрел по печени – старый Новый год, заодно Рождество Христово по католической традиции и по русской православной, не забыв выпить за год «козла» и «дракона» по восточному календарю... Мы ни от чего не отказываемся, ничего не выбрасываем. В хозяйстве всё сгодится... Ни дня без праздника, ни вечера без повода!

Всё потому, что родина у нас одна – красный Советский Союз.

В Абхазии не все крещёные, но все верующие.
Непонятно только, что это за вера?
Это мой вопрос знатокам...

P. S.

Адгур, что возил меня на святилище, размышлял вслух:

– Не понимаю одного: аныха – всеильны. Однако махаджирство они попустили, а в отечественную войну нас защитили. Может, оттого, что Россия тогда была против, а сейчас «за»? Старики учат: «Рассветает не потому, что прокукарекала петухи».

Надежда

*В правде Бог помогает,
в неправде запинаят.*

Русская пословица

Председатель Народного собрания Славик Евгеньевич Квеквескири припомнил:

– Чтобы исключить фальсификации во время выборов, решили пометать палец проголосовавших краской. Но краска нужна специальная, чтоб не смывалась, аллергии не было. Нашли в Китае, отправили посыльного. А сколько брать? На выборы обычно ходит не больше ста... Прикинули: краски нужно на двести тысяч, вдруг будет два тура. Китайцам чудно:

– Двести тысяч? Кого выбираете? Председателя сельсовета?

– Президента страны.

Изумляются китайцы, у них в деревне жителей больше.

Им наших масштабов не понять. Абхазия – крошечная держава. Пилоты самолётов при посадке боятся проскочить страну, это как на авианосец садиться.

– Велик буйвол, да воду возят, мал сокол, да на руках носят.

– Согласен, размер – не главная наша проблема... Абхазы – максималисты. Мы хотим всё и сразу. Ко всему с ленцой относимся, нас природа расхолаживает: не напрягаясь можно прожить. Прав учёный Иван Ильин, который считал, что переход от коммунизма к государственности возможен только через национальную диктатуру и авторитарный режим.

Сейчас главой республики избрали авторитетного, знающего абхаза, он разберётся...

* * *

Вновь избранный президент Абхазии Рауль Хаджимба.

Ещё задолго до встречи с ним я был под впечатлением от восторженной людской молвы. И вот на приёме... Рауль Джумкович принял меня, несмотря на многократно перегруженный график:

– Народы России оказали нам в обретении статуса независимости помощь неоценимую, абхазы этого не забудут никогда. Верю, наше сотрудничество будет лишь укрепляться. Об этом нужно полнее рассказывать... Дай бог, чтоб ваша книга об Абхазии удалась.

Война – страшное испытание, страшное горе. Война показала силу духа абхазского народа, который сплотился вокруг лидера, объединился в одном порыве ради спасения Родины, ради сохранения святой земли наших предков. И победил. Абхазы, чеченцы, армяне, мингрелы, русские стали единым целым. Нам и теперь, в мирной жизни, нужно достигнуть такого же единства, сотворчества, согласованности, тогда мы победим и в труде. После инаугурации я планирую провести коллективный молебен на святилище в селе Лыхна. Это наша традиция, а от традиций отступать не хочу. Хочу встречи с народом на исторических площадях в Лыхне, в Мыку сделать регулярными, не ограничиваясь посланиями президента и встречей с чиновниками. Людям нужно откровенно рассказывать, что получается, где проблемы, обозначать причины, пути устранения. Нужно, чтобы народ из созерцателя превратился в соратника, союзника. Однако молебен – не всё... На Бога нужно надеяться, но и самим работать напря-

жённо. В одночасье не получится преодолеть все трудности, но дать импульс, начать движение мы обязаны. Люди хотят лучшей жизни здесь и сейчас. Политические декларации, прожекты хороши, если реальную отдачу почувствует на себе каждая семья. Нужно предоставить горцам работу, гарантированную зарплату. Планируем развивать частный малый и средний бизнес, обеспечив тем самым включение молодёжи в процесс созидания. Нужно сократить число чиновников. Не секрет, чем больше чиновников, тем больше проблем! Больше хаоса, больше коррупции... Это везде так. И для того чтобы снизить у чиновников интерес к государственной казне, планируем использовать наши абхазские традиции...

При этих словах я решил предложить свой рецепт:

– Жрецы открыли мне секрет огромного могущества, которым обладают святилища. Я был там, убедился лично... В силу святых мест твёрдо верят все абхазы, соврать там не решается ни один. Пусть каждый министр поклянется на святом месте, что никогда не станет казнокрадом...

Много ещё о чём хотелось переговорить с президентом молодой республики, но его ждали дела государственной важности. Завтра инаугурация.

P. S.

В ноябре 2014 года Президент России Владимир Путин и Президент Республики Абхазия Рауль Хаджимба подписали новый договор о союзничестве и стратегическом партнерстве. Документ предусматривает формирование общего пространства обороны и безопасности, в том числе с помощью создания объединённой группировки войск двух государств, которые будут подчинены объединённому командованию. Надежда абхазского народа на крепкий мир, стабильность начала воплощаться в жизнь.

Причём, обратите внимание: «общего пространства!», «объединённой группировки!»...

А то больно мнительные абхазы в беседе со мной предрекали, мол, «договор – лишь прикрытие, Ра-сея приберёт нас к рукам, подомнёт под себя!» Всё! Времена, когда советская власть предлагала государствам свою опеку в обмен на суверенитет и, не дождавшись ответа, вводила войска, – прошли безвозвратно! Живём прямо как в песне:

*Чужой земли мы не хотим ни пяди,
Но и своей вершка не отдадим.*

Любовь

*Пусть скачет твоя лошадь силой,
а моя счастьем.*

Абхазская пословица

Берадзе Лаврентий Григорьевич, ветеран Великой Отечественной войны, председатель Совета ветеранов Вооружённых сил Гальского района в любви толк понимает. Нугзар, немного с завистью, заочно отрекомендовал его так:

– В восемьдесят лет снимал квартиру и тайком приглашал туда женщин.

При встрече я напрямки так и спросил:

– Про квартиру для тайных встреч – правда?

Лаврентий Григорьевич сразу приосанился и помодел лет на двадцать:

– ...Без женщин нельзя жить, – философски ответил аксакал. – Ведь женщина – самое дивное творение Бога. Мужчина был одинок в раю, и Господь взял пучок солнечных лучей, меланхолию луны, дрожание оленихи, ласковый взгляд джейрана, красоту лебедя, серьёзность павлина, пение соловья, безобидность голубя, грациозность тростника, запах розы, сладость мёда, нежность пуховика, притяжение магнита, чистоту родника и невесомость воздуха. Смешал всё это и добавил хитрость лисицы, яд змеи, алчность акулы, жестокость тигра, язык сороки, изменчивость ветра, трусость зайца. Так получилась женщина. Бог оживил своё творение и передал мужчине с наказом:

– Береги, повторения не будет!

Мы прожили с женой почти пятьдесят лет. Прожили хорошо. Я её очень уважал и после смерти больше не женился.

Маквала Чолария, корреспондент газеты, с надеждой в голосе произнесла:

– Лаврентий Григорьевич – преданный своей семье. Жене он никогда не изменял...

Старик весь напрягся и, не удостоив женщину взглядом, отчётливо произнёс:

– Изменяют предатели родины. Водиться с женщинами – другое.

Лицо Чолария вытянулось в недоумении.

– Настоящий мужчина должен всегда делать шаг навстречу желанию женщины. Иначе она обидится: «Какой дурак! Не обратил на меня внимания».

– Ну, ведь не все женщины такого спектра, – рас-терялась Чолария.

– Все хорошие мужчины – такие, – и по лицу Лаврентия Григорьевича скользнула блаженная улыбка, взгляд затуманился, он покинул нас, улета-
тая далеко-далеко...

Нугзар, безучастно наблюдавший пикировку Лаврентия Григорьевича со своей сотрудницей, потом пояснил:

– В Абхазии – патриархат. Наша культура не допускает либеральных взглядов в вопросах домостроя, не приемлет джигита в стрингах, в юбке, с накрашенными губами... мы не хотим ломать раз и навсегда установленный Богом порядок, смешивать, путать... У нас много сложено легенд о любви, о том, как правильно строить отношения мужа и жены. Сейчас одну расскажу...

Несколько лет Шахан не виделся со своим другом Мшвагу и вот приехал навестить его.

Радостная картина открылась его взору: красивый дом на высоких сваях, просторный, утопающий в зелени двор, в траве под фруктовыми деревьями в изобилии индейки, куры, гуси. Он постучал в ворота, и на веранде появилась молодая женщина.

– Мшвагу дома? – крикнул ей Шахан и, не услышав ответа, зашёл во двор. – Мшвагу дома? – повторил он.

– Нету! – фыркнула женщина.

Шахан подошёл к развесистой тенистой чинаре, присел на скамью.

– Где же Мшвагу?

– Кто его знает? Не сказал.

– Мы с ним с детства дружны. Жизнь разлучила, не виделись больше семи лет.

Она слушала и молчала.

– Ну и жара сегодня! – смахнул пот Шахан. – Ну что ж, отдохнул, мне пора. Желая вам всего хорошего! – и, выходя за ворота, добавил: – Да! Жаль, не застал Мшвагу. Скажите, хотел повидаться с ним, искренне рад, что всё у него отлично, только... двери в доме неважные... Не могу скрыть, я плотник, строю дома...

Поздним вечером вернулся Мшвагу и узнал, что приходил Шахан.

– Как досадно, что ты отпустила его! – воскликнул он. – А что он рассказывал о себе? Где и как живёт? Чем занимается? Подумать только, как давно мы не виделись!

– Он тоже жалел, что не застал тебя. Вообще, он плотник, – вспомнила она, – и вот просил тебе передать...

– Что?!

– Сказал, двери у нас неподходящие. Так и заявил: этому дому нужны бы лучшие двери.

Внимательно осмотрел Мшвагу входную дверь, но никаких изъянов не обнаружил.

Прошёл год. И снова Шахан заглянул к своему другу.

– Эй, Мшвагу! Ты дома?

Молоденькая женщина торопливо сбежала вниз по ступенькам навстречу гостю, Шахан сразу заметил, что это не прежняя, другая.

– Добро пожаловать! – напевно произнесла она.

– Мшвагу дома?

– Пока нет, но должен скоро вернуться. Входите, входите!

– Нет, спасибо, – ответил он. – Мне здесь хорошо. – И направился к тенистой чинаре.

– Что вы! – восторгалась она. – Да войдите же в дом! Отдохните с дороги!

В её голосе было столько радушия, что Шахан весело улыбнулся:

– Уговорили! – В доме действительно было хорошо: и прохладно, и уютно. – Давно я не видел Мшвагу! – с грустью сказал Шахан. – Как мне хотелось встретиться с ним, и вот невезенье: опять не застал! Простите меня за вопрос, вы, наверное, жена?

В знак согласия она опустила голову.

– Поздравляю, – обрадовался Шахан. – Мшвагу – замечательный человек!

Женщина ушла на кухню и вернулась с кувшином вина:

– Пейте, не скушайте, а там и хозяин подъедет! – и она принялась быстро накрывать на стол.

«Вот так хозяйка!» – подумал Шахан, откушав с наслаждением.

Солнце близилось к закату, а Мшвагу не возвращался.

– Очень сожалею, – сказал Шахан, – но мне пора в путь.

Женщина проводила его до ворот.

– Что передать?

– Скажите Мшвагу, – загадочно произнёс Шахан, – что его приходил навестить друг детства. Передайте, я очень рад, у него превосходный сад, красивый дом... И больше всего в доме мне понравились входные двери. Да, да, так и передайте, пожалуйста. Я, видите ли, плотник... Так не забудьте, прошу вас: чудесные, превосходные двери!

Соседей не выбирают

*Грузин порядочным человеком
быть не может!..*

Сергей Довлатов. «Заповедник»

Никогда не соглашусь с таким тенденциозным Эпиграфом...

Ни время, ни преступления отдельных политиков не смогут вытравить из моего сознания грузинскую культуру: фамилии Руставели, Чавчавадзе, Бараташвили, Церетели – останутся кумирами. Фильмы «Кувшин» Ираклия Квирикадзе, «Отец солдата» Резо Чхеидзе буду смотреть и пересматривать. А генерал-полковник К. Н. Леселидзе, Герой Советского Союза, чей монумент абхазские радикалы свалили в селе Гечрипш, беззаветно служил командующим армией на Закавказском, Северо-Кавказском и 1-м Украинском фронтах. Его брат Виктор, тоже Герой Советского Союза, подполковник, погиб в рукопашном бою под Видлицей в нашей Карелии. Хотя Леселидзе-младший грузин, а вовсе не карел, в Видлице ему установлен памятник – он отдал свою жизнь за нашу общую Родину.

Нелепо утверждать, будто абхазы хорошие, а грузины нет.

Весь народ не может быть плохим. Может ли правая рука быть лучше левой, ценней? «Укушу правую – болит, левую – тоже болит», – сказано в абхазской пословице. (Этой мыслью утешаюсь всякий раз, когда вспоминаю рыжеусого Тараканища, который, забравшись в Кремль, тиранил всю страну.) Грузия – сосед Абхазии. И по-своей меж ними случилось всякое, как у всех. Но не бывало в истории, чтобы соседи держались на штыках.

Невозможно разделить общую историю.

Не разделить семьи.

Нельзя разделить любовь.

Никак не разделить небо...

*Родины разны, но небо едино.
Небом единым жив человек¹.*

Не получается разделить и реку...

Энергетическая система на пограничной реке Ингур: вода поступает по каналу из Грузии, а турбины, энергоблок, выработка электроэнергии – на территории Абхазии. Двадцать лет политики ломают голову: как расчленить предприятие. Для инженеров очевидно: энергетические мощности не-

делимы! Никак друг без друга не обойтись. Политикам не под силу разорвать связь между народами, живущими бок о бок тысячи лет.

Это символ!

В романе грузинского писателя Константина Гамсахурдиа «Похищение луны» приводится мифологическое предание. Под стенами Рухской крепости, неподалеку от левого берега реки Ингури, шла когда-то война между абхазами и грузинами. Тщетно пытались грузины взять крепость. Наконец решено было покончить спор единоборством палаванов. Грузины выставили своим бойцом некоего Чолокашвили, абхазы – одного из Эмхвари. Чолокашвили в летах, сед, Эмхвари – безусый юноша. Встретились палаваны в том месте, где причал парома. Эмхвари выхватил саблю, ринулся на противника, но тут же опустил оружие.

– Чего ты ждёшь? – спросил Чолокашвили юношу.

– Жду, чтобы первым замахнулся старший.

И они расцеловались как друзья.

Абхазам и грузинам пора, как и тогда в старину, забыть распри и обняться.

Пусть скажет решающее слово богиня мудрости Атана.

Надо восстанавливать мост «Дружбы», хоть понятно, что на это и уйдут годы-годы...

Душа земли

Душа не яблоко: её не разделишь.

И. С. Тургенев

Ярассказал ему про своё неожиданное открытие, сделанное на необитаемом острове в Белом море: оказывается, у человека в экстремальных условиях открываются новые творческие грани, сама природа в этом соучаствует.

Руслан согласился:

– Подобные территории называются местами силы. Там при благоприятных условиях открывается не замутнённая ничем, чисто работающая земная энергетическая локаль. Именно в таких условиях и открывается Истина.

Как всё просто...

Так мы и познакомились, потом Руслан читал свои стихи:

¹ Андрей Вознесенский.

*Остановись к хребтам всходящий
В ущелье, издавна святом,
Здесь камень, истово гудящий,
Гневлив и милостив притом.*

*Встань над рекой бурливо-пенной
И подыми неспешно взор.
Решись, с мольбой проникновенной
Себя яви преддверью гор.*

*Взгляни попристальнее, путник,
В откос всевидящей горы.
Теперь она твой строгий спутник
До той ей ведомой поры.*

*Когда, путями утомлённый,
Войдёшь обратно в этот створ
И будешь верить, умудрённый,
В святую силу духов гор.*

Руслан Кокочевич Аджинджал – Поэт с большой буквы, философ, лингвист и многое-многое что ещё. Представление об Абхазии будет неполным без знакомства с ним.

Он закурил, на секунду задумался и, пристально глядя мне в глаза, стал рассказывать:

– Мудрости категории противоположены! В изолированных замкнутых системах типа племени, затерянного в дебрях Амазонки, или монастырской братии, отрешённой от внешней жизни, от благ цивилизации за стенами монастыря, – существуют уникальные условия. В таком сообществе выбор поступков облегчён, упрощён. Меньше шумовых отвлекающих помех, в итоге – меньше ошибок. Человек поступает по природе Божьей, более искренно, естественно. Не по воле случая или диктату обстоятельств. А в миру человек редко принимает решение по душе, хотя самый правильный выбор тот, который сделан именно по душе, подсказанный сочувствием к человеку, любовью к ближнему. Прав Даль, одним умом тут не возьмёшь, ум есть и у скота: «Ум лишь часть духа человека (ratio, Verstand), низшая степень, а высшая – разум (intellectus, Vernunft); ...Умён, да неразумен; С ума спятил, да на разум набрёл, с будничного ума, по людским пересудам, а напал на путь истинный, высший, духовный». Ум сочетается с нравом, нравственностью, хотеньем, любовью, страстью лишь у человека.

По этимологии Руслана Аджинджала... Не морщи лоб, Александр, и не пытайся вспомнить ветхозаветного мудреца. Руслан Аджинджал – это я.

Так вот, по моему убеждению, «раз-ум» – означает разящий, поражающий ум. «Ума палата» – в этой палате нет места сердцу. «Ума полон», полонён умом – жалкая, незавидная участь.

Зачастую, изучая этимологию слов, в самых простых созвучиях, комбинациях букв может открыться глубинный смысл. Взять слово «огонь». Вслушайся в звучание – «о-гонь». Фонетика раскрывает смысл: огонь гонит. Когда горит степь, когда верховой пожар в лесу, пламя летит со скоростью курьерского поезда, с гулом и гонит, вынуждает спасаться бегством всё живое. А реверсивное чтение этого слова: «ного». Не может быть случайностью результат обратного чтения. Это всё равно что, зарывшись пальцами в песок, в секстилиарде песчинок найти нужную и выцепить её.

В русском языке бесчисленное количество вариаций. Невообразимо богатая лексика, способная передать эмоции, подтекст, мистику... Значения слов переворачиваются на глазах, становясь совершенно иными, меняя первоначально заложенный смысл лишь от соседства с другими словами. Классическая форма русского стиха гениальна. И тем сильнее заметны огрехи современной поэзии. Зачастую её невозможно читать: отрывистые, не связанные между собой строки. Вместо стройного изложения – выкрики, всхлипы, лохматость фраз, мысль теряется на пути от первой строки к концовке, нет идеи в словах... Мне не нравится рваная поэзия, но я понимаю этих неустоявшихся людишек. По-своему такая поэзия эмоций тоже ценна... Как свидетельство истории. Когда нет опыта жизни, когда человек городской... Видимо, какова жизнь, такова и поэзия. Русский язык – чудовищно чуткий, оттеночный язык. Одна из причин его богатства в том, что он вообрал в себя, переварил много других языков. У него хорошая наследственность – древнерусский язык глубже, многослойней любых других. Он явился прочным фундаментом, на который наслаивались новшества. Есть и особо насыщенные значимые слова, несущие с собой образы, вообравшие в себя менталитет народа, его опыт. Я абхаз, коренной. У меня мать почти не говорила по-русски, отец так... с пятого на десятое. В пять лет я читал и писал по-русски, читал и писал по-абхазски. Метрику переправили, и в пять лет я пошёл в русскую школу с гуманитарным направлением. В третьем классе учительница поймала меня за чтением «Декамерона» Боккаччо. Её удивило, где достал книгу.

Я верующий, крещённый. Крестился поздно, после войны, человека надежда влечёт. И ещё говорят, крещение снимает грехи. Все. Война – страшная

штука... Грузия заложила этой войной в абхазском народе ненависть, которая будет преодолеваться долго. Несколько поколений понадобится, чтобы пригасить. Друзья любимы, когда ценимы. Отдельные учёные Грузии были против агрессии, например философ Мамардашвили. Мир стоит до рати, а рать стоит до мира. Из войны этой я вышел удручённым, мой дух подавлен. На войне победы нет! Только распоследний негодяй, идиот, олух может считать, что орден-медаль – награда за войну, альтернатива тем усилиям, что он приложил! – рыжие пышные усы его с негодованием встопорщились.

Нельзя заставить уверовать, к Богу надо прийти самому. Можно подсказать, объяснить, направить, убеждать надо, но принуждать человека верить – самый страшный грех. Принуждать нельзя, он должен сам к этому прийти в этносе, в этнокультуре. Но и другой вере в христианском мире дозвелье нельзя, в массе, в общности: там, где звонит колокол, призывы муэдзина неуместны, они должны быть обособлены.

От первых дней

*Нас несовершенных создавший,
Великий Боже...*

Из абхазской молитвы

*Когда-то Гоги и Магоги
Смущали лютостью людей.
Смиряли мир с Олимпа Боги,
В угоду корысти вождей.*

*Но мы, абхазы – человеки,
Не льнули к ложному крыльцу.
От первых дней и днесь, вовеки,
Верны Единому Творцу.*

*Живём, верны Его Уделу,
Верны божественному делу –
Служенью чистому Апсны.*

*И к Алтарю Его склоняясь,
В трудах и в войнах очищаясь,
Смиренья мудрого полны!*

Хотя в иную веру вникающий – в своей укрепляется. Может, когда-нибудь веры и сомкнутся, Бог даст, не знаю... Но искусственно ускорять этот процесс не стоит.

У абхазов тень – предвестник ночи!.. Мир так устроен... Вот попомни моё слово, говорят же о приближении последних дней? Они наступили уже. Просто люди не видят. Армагеддон, апокалипсис, жестокие времена уже наступили. Мир уже рухнул. Мир уже летит в бездну... Предстоит очень тяжёлый период для человечества. И во всей этой катавасии твёрдо будет стоять только Россия. Сильно стоять! Богородица свои снежные крыла держит над Россией ежедневно, еженощно. Она – покровительница России. Мощнейшая!..

А что касается Абхазии... «Апсны» переводят как «страна души». Неверное прочтение.

– Как правильно?

– Душа земли. Планета Земля – живой организм, её душой является наша Абхазия.

Душа земли

*Растаяли снега Килиманджаро.
Пожарче стал над Африкой зенит.
Весь в трещинах скрипит Мохенджо-Даро,
И сельва в Амазонии горит.*

*Из мутных рек воззрились крокодилы
На гордостью обуянных людей.
Они до нас на этом свете жили
И, может быть, пребудут больше дней.*

*Дрейфуют потихоньку континенты,
Молчит Земля, обиду затая.
Но, слышите, земные континенты!
Стоит, как встарь, Абхазия моя!*

*Святейшими горами Семиречье
Возносится, размеренно дыша.
На стороне той Божьей, Человечьей,
Земли сырой содержится Душа!*

P. S.

Я уехал и тепло Души мира навечно увёз с собой... Не покидает ощущение, что я не спал, а сон видел. В Абхазии остались святыни, ставшие теперь и моими, остались друзья. Наши души тонко вибрируют, единым оркестром исполняя ноктюрн солнечного созвучия... И духовная близость, невзирая на расстояния, лишь крепнет.

Словарь

Ааоны анхера (абх.) – жертвоприношение за полученный дом.
 Абчарах (абх.) – старшина пастушеской общины.
 Абырк (абх.) – почтенный абхазский старец.
 Абыста (абх.) мамалыга – горячая слипшаяся бессолая каша из манки и кукурузы.
 Адоух (абх.) – чародей.
 Ажвейпшаа (абх.) – божество охоты, покровитель дичи.
 Ажвлар! (абх.) – третий тост за народ.
 Ажира (абх.) – родовое святилище, кузня.
 Ажьрацъра (абх.) – родственные узы, не женятся на сёстрах до 7 колена.
 Ажэлар, шэхадкы! (абх.) – Народ, да положу я свою голову вместо вас!
 Ажэлахыхра (абх.) – лишение фамилии.
 Айныхра (абх.) – поминальные угощения.
 Акыта (абх.) – сельская община.
 Алабаша (абх.) – посох старца с металлическим острым наконечником.
 Аламыс (абх.) – совесть.
 Аламысда (абх.) – бессовестный.
 Амашир алпха (абх.) – жертвоприношение, когда сыну исполняется 18 лет, мама вокруг его головы обносит петушка и отпускает птицу в лес.
 Анца ил-пха! (абх.) – первый тост – традиционное обращение к Всевышнему с просьбой ниспослать «теплоту его очей» (здесь «Анцва» – «Бог», «илпха» – «его милость», «теплота его очей»)
 Анча инохера (абх.) – молебен Богу один раз в пять лет с жертвоприношением козы.
 Аныха (абх.) – святилище Абхазии.
 Аныхакуа рылпха! (абх.) – второй тост – обращение ко всем святилищам силам ниспослать народу милость, благословение (буквально «теплота очей святилищ»)
 Апсны (абх.) – Абхазия, Страна души.
 Апусуара (абх.) – сама суть абхазского народа, кодекс чести, вера! У Лихачёва «русскость» и «русский» – здесь Абхазия и абхазскость, Апсны и апсуара.
 Апшалас (абх.) – северный ветер.
 Асду (абх.) – большой снег.
 Аталбаш (абх.) – председатель пира.
 Атана (абх.) – одно из божеств абхазского языческого пантеона – богиня мудрости.
 Ахапца (абх.) – кувшин, всегда заполненный красным вином, зарытый в землю.

Ахаца (абх.) – герой.
 Ахацара (абх.) – мужество.
 Ахидз (абх.) – «имя» и «слава» по-абхазски выражаются одним словом.
 Ахъзыхра (абх.) – лишение имени.
 Аца (абх.) – плетёный либо дощатый кукурузник на высоких столбах.
 Ацапа (абх.) – навес для пирующих, крытый обычным брезентом; Ацапа; Махаджирство.
 Баба (абх.) – отец, папа.
 Бзиала шзаабеит! (абх.) – Добро пожаловать!
 Дад (абх.) – у абхазов обращение старшего по возрасту к младшему.
 Дадраа (абх.) – абхазское торжественное обращение к собравшимся.
 Дида (абх.) – непереводаемый возглас возмущения в речи женщин.
 Иахуалак! – «Всякий, кто может! Каждый, кто в силах!» – древний клич абхазов, зовущий, предупреждающий, вдохновляющий.
 Итабуп (абх.) – спасибо.
 Иуатзашшоит аха; Урацзоуп аха! (абх.) – Хотя такое поручение и не достойно тебя!
 Киараз (груз.), ауаахэ (абх.) – трудовая взаимопомощь.
 Мацони – что-то среднее между кефиром и сметаной – объеденье! (Молоко кипятят, отстаивают, охлаждают до температуры чуть больше чем тёплый, туда заправку, постоит часа три, шалью закутанная, и – в холодильник).
 Пацкха (абх.) – хижина-плетенка.
 План – (конопля) наркотик.
 Сатамзааит, сышьтахэ уаерхан стэоуп! (абх.) – Прости, что сижу спиной к тебе!
 Уага дуатабуааит! (абх.) – Пусть врагу придётся благодарить тебя!
 Уара иуызмдыруа сара иуасхэозеи, аха! (абх.) – Хотя что я могу сказать такого, чего бы ты не знал!
 Узшаз уисасуп! Анца уисасуп! (абх.) – Ты – гость самого Творца! Ты – гость Господа!
 Уней, ухъ згеит! (абх.) – Проходи, да приму я на себя твои беды!
 Уней-сней (абх.) – взаимные уговоры, приглашения.
 Упату схы икууп! (абх.) – Твоя честь на моей голове!
 Ухацазар ухыс! (абх.) – Если ты мужчина – стреляй!
 Хай, амарджа! (абх.) – ободряющее восклицание («подтянись!», «живей!»).
 Хайт! (абх.) – междометие для выражения досады.
 Шоу удыруама? (абх.) – Знаешь ли, в чём дело?
 Эйрих-Аацных – абхазский Бог воровства и разбоя.

Александр Викторович КОСТЮНИН

родился и живет в Карелии.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Прозаик, публицист. Автор трех книг прозы.

В ноябре 2007 года за книгу рассказов «В купели белой ночи»

стал лауреатом премии имени А.И.Куприна

с вручением памятного знака «За вклад в русскую литературу».

Член Союза писателей России.

Александр ЕРШОВ

г. Петрозаводск

ОСТРОВ, ПОХОЖИЙ НА БУМЕРАНГ

ДАВАЙТЕ ПОГОВОРИМ О ДАРРЕЛЛЕ...

«И в заключение я хочу особо подчеркнуть, что все рассказанное тут об острове и его жителях – чистейшая правда. Наша жизнь на Корфу вполне бы могла сойти за одну из самых ярких и веселых комических опер».

Так написал о жизни на Корфу англичанин Джеральд Даррелл, когда начинал свою самую мною любимую книгу о людях и животных «Моя семья и другие звери».

Он немного поиздевался над читателями, поскольку «и в заключение» – это было только начало. После этого «заключения» Даррелл написал еще несколько сотен увлекательных страниц о своем любимом острове. К нему – автору – мы еще обязательно вернемся. Хотя почему вернемся?

Давайте поговорим о нем прямо сейчас...

Итак, седьмого января тысяча девятьсот двадцать пятого года в городе Джамшедпуре (это в Индии) в семье английского инженера-строителя Лоуренса Сэмюэля Даррелла родился ребенок. Назвали его Джеральдом.

Его мама – Луиза – до его появления на свет ус-

пела уже явить миру чудных детей, среди которых был и известный в середине двадцатого века в Англии романист Лоуренс Даррелл (кто его сейчас знает?), еще один брат и сестра. Их – братьев и сестру – тоже сейчас никто не помнит, по крайней мере в России.

А Джеральда помнят... Именно в связи с Корфу. Книгу он написал – и не одну ее, кстати – о Корфу – просто феноменальную!

«Моя семья и другие звери» – это же можно перечитывать бесконечно! Знаете, какое слово произнес маленький Джеральд первым? «Зоопарк»! Он до самой своей смерти любил четвероногих, головоногих, головастиков всяких и прочую живность... Об этом и писал – о всяких существах, что обитают на острове, и о своих родственниках.

Итак, у этого замечательного человека умирает папа. Из Лондона семья переезжает на Корфу.

Потому как дешевле было здесь жить, чем в метрополии.

«В те времена, когда мы жили на Корфу, все были еще очень молоды: Ларри, самому старшему, исполнилось двадцать три года, Лесли – девятнадцать, Марго – восемнадцать, а мне, самому малень-

кому, было всего десять лет. О мамином возрасте никто из нас никогда не имел точного представления по той простой причине, что она никогда не вспоминала о днях своего рождения. Могу только сказать, что мама была достаточно взрослой, чтобы иметь четырех детей. По ее настоянию я объясняю также, что она была вдовой...» – так он писал.

Джеральд Малком Даррелл вырос на Корфу, стал известным писателем, основателем всемирного Фонда охраны дикой природы, самым популярным писателем-натуралистом.

Мы с Леной видели тот самый «Белый дом», где жила семья Дарреллов на острове.

Это было совсем недалеко. Мы обитали в отеле в поселке Дассия, а дом Дарреллов был в пятнадцати километрах от нас. Может быть, даже меньше...

Это рядом с Дассией. Деревня Калами. Замечательные пляжи, купались мы там. Дом Дарреллов сохранился, сейчас им управляют две русские женщины. Есть там и книги Даррелла на многих языках мира, в том числе и на русском. Есть возможность поспать на кроватях этой знаменитой семьи (собственно, сегодня «Белый дом» – небольшая частная гостиница), попить пива или кофе, или замечательный местный чай в библиотеке... Пожить так, как жил он.

На стенах в «Белом доме» есть мемориальные таблички у входа. «White house» – уникальное место. Уникальное! Прикоснуться к этим стенам – дорогого стоит.

«Утром, когда я просыпался, сквозь ставни в мою спальню золотыми полосками лился яркий солнечный свет. В утреннем воздухе стоял запах дымка от разоженной на кухне печки, раздавалось звонкое петушиное пение, далекий лай собак, печальный звон колокольчиков, если в то время на пастбище гнали коз». Так писал Джеральд Даррелл о жизни на Корфу. Сейчас там все, конечно же, по-другому...

В столице острова, в городе Керкира, на набережной, я видел медную плиту с барельефом этого замечательного человека. Туристы с удовольствием трут ему нос – верят, это принесет им счастье. Может быть, и принесет, не знаю... нам принесло, мы же там были...

Так... как-то я не с того начал. А сейчас о грустном.

УТОНУВШИЕ В «НЕВЕ»

Две тысячи четырнадцатый год я встретил в гипсе, который закрывал мою левую ногу от пятки до самого колена, и с пониманием, что носить мне этот медицинский доспех как минимум до марта.

Случилось так, что в собственном дворе поскользнулся, упал и получил тяжелый перелом со смещением голеностопа и разрывом всех связок рядом. И даже когда гипс мне сняли, добрый доктор-травматолог печально сообщил, что моя многотрадная левая задняя лапа будет еще долго напоминать о себе болью – слишком серьезна была травма. «Да и вы уже не мальчик, – вздохнул он, подписывая мне больничный. – Не ждите чудес...»

Когда встал вопрос о том, где мы проведем в этом году отпуск, на семейном совете было принято решение не рисковать: не ездить самостоятельно («Если что случится непредвиденное, как ты там будешь со своей ногой?» – разумно рассудила Лена) и, учитывая начинающий свое пагубное наступление экономической кризис в России и по всему миру, просто купить путевки в какое-нибудь приятное место на берегу моря.

Меня почему-то потянуло в Болгарию. Давно хотел там побывать, увидеть места боевой славы русского оружия, познакомиться с нестинами – людьми, что пляшут на углях – и вообще посмотреть, как живут сейчас наши «братушки», которых мы когда-то спасли от почти полного истребления янычарами, потом от фашистов, а сейчас за это они платят нам явной неблагодарностью. Ну да ладно, они сами себе такой путь выбрали...

Нашли мы замечательный тихий отельчик на Солнечном берегу, стоящий немного на отшибе от огромных гостиничных комплексов на пригорке среди деревьев, но совсем недалеко от пляжа. Почитал отзывы – хвалят это место, номинированное по уровню комфорта на «четыре звезды». И по всей Болгарии практически можно поехать оттуда. Решено – покупаем тур в этот милый приют туристов на конец августа – начало сентября!

В одной петрозаводской турфирме оформил все необходимые документы, заплатил полную стоимость тура и узнал, что туроператором у нас является фирма «Нева» – один из старейших представителей на рынке туристических услуг в России.

Девушка, что оформляла документы, осторожно решила предупредить меня о том, что можно не выплачивать полную стоимость сразу, можно сначала оплатить лишь аванс, потом, ближе к поездке, остаток суммы. Но я решительно настоял, что уплачу все деньги. И ведь заплатил!

Все это происходило в апреле. А в мае, как вы помните, российские туроператоры начали валиться набок и банкротиться один за другим.

Как сейчас помню этот день, когда, придя с рабо-

ты, включил телевизор и увидел, что творится у офиса «Невы» в Санкт-Петербурге. Это, конечно же, был шок. И хотя я уговаривал жену, что все обойдется, что деньги нам вернут и мы поедим в болгарский во-аж, но сам этим своим словам уже не верил.

Девушки в офисе компании, где я купил злосчастную путевку, тоже были в полной растерянности. Но, надо отдать им должное, они нам очень помогли: составили все необходимые бумаги для возврата денег от «Невы» и пытались нас всячески поддерживать. Хотя это мало помогло. Зато потом они выплатили нам приличную компенсацию и дали хорошую скидку на тур на Корфу.

Но это было позже. А в мае мы с Леной были, мягко говоря, в отвратительном настроении. Отпуск и знакомство с нестинами летели в тартарары.

Где-то только в июне пришли в себя и стали думать, что же теперь делать.

Кое-какие сбережения у нас оставались, компенсация от турфирмы оказалась тоже как нельзя кстати.

И мы начали поиск нового тура. Сегодня я понимаю, как мы рисковали, ведь и тот оператор, что предлагал путевки на Корфу, тоже мог внезапно исчезнуть, но нам повезло.

Хотя до самого отлета на волшебный остров были с женой на нервах. Но, повторяю, все обошлось...

Более того, самолеты вылетали и садились вовремя, багаж не был потерян, встречали и провожали нас гиды очень вежливые и предупредительные. До сих пор не верится, что все может быть так идеально...

ПОЧЕМУ КОРФУ – НЕ КОРФУ И ПОЧЕМУ ОН – ОСТРОВ ЛЮБВИ

Мы привыкли называть этот один из красивейших греческих островов «Корфу». Итальянцы, кстати, называют его так же, только ударение ставят на последний слог. Но официальное название острова все же «Керкира». Почему так?

Дело в том, что византийцы называли этот остров, формой своей похожий на бумеранг, «Корифо», что означает «город гор», греки издавна звали его «Корифай» – «Гребень горы». И это понятно: чего-чего, а гор здесь хватает. И немцы, англичане, французы, да те же итальянцы именуют его именно «Корфу».

Но откуда взялось название «Керкира»? О, тут и начинается античная романтика.

Давно-давно, когда этой землей еще правили олимпийские боги, морской владыка Посейдон влюбился в красавицу Керкиру, любимую дочь еще одного греческого божества Асопа и речной

нимфы Метопы. Как тогда было принято, Посейдон умыкнул у родителей предмет своего вожделения и привез ее вот на этот самый остров, поскольку он, как считали древние греки, действительно был создан для любви. Морской бог был так влюблен в девушку, так влюблен, что назвал их тайное прибежище ее именем – Керкира.

Когда у божественной пары в свой срок родился сыночек, то счастливые родители назвали его Феак. И если вы услышите, будучи на Корфу, как жители острова себя называют «феакийцами», то знайте: это не случайно. Это в честь плода любви Посейдона и Керкиры.

Вроде все так сложно было у древних греков, а разберешься – все так просто... И Корфу действительно – остров любви.

На острове просто пропасть уютных бухточек и потаенных пляжей, на берегу которых можно во множестве встретить влюбленные парочки. И если таких мальчишек и девчонок, парней и девушек, зрелых мужчин и женщин встретите на Корфу-Керкире, то не мешайте им, пусть наслаждаются друг другом на острове любви. Это одно из предназначений волшебного места.

Кстати, на Корфу есть совсем маленький заливчик, очертания которого напоминают сердце. Берега его, если верить тем же древним грекам, когда-то были парнем и девушкой, влюбленными друг в друга без ума.

И вот влюбленные своим неземным счастьем так разгневали некоторых завистливых богов, что они превратили их в каменные утесы. И залив этот так и прозвали: «Канал любви». Предание гласит, что если влюбленные вместе переплывут этот залив – от утеса до утеса – то их в жизни уже никто не разлучит.

Если же человек еще не влюблен, но желает найти свою единственную (или единственного), то ему надо проплыть под водой под аркой, что находится в одной из скал «Канала любви». И тогда его или ее желание обязательно сбудется.

«Канал любви» находится совсем рядом с небольшим корфянским городком Сидари...

АЭРОПОРТ ИМЕНИ РОССИЙСКОГО МИНИСТРА И ЗАПАДНАЯ УКРАИНКА НА КОРФУ

Главный город на Корфу-Керкире называется тоже Керкира. Мы еще погуляем по нему обязательно, а сейчас мы только к нему подлетаем.

«Ого, а он и правда на бумеранг похож, Саня, – говорит мне Лена. – Только на очень зеленый бумеранг...» Под нами сплошная зелень лесов, уже видны пляжи, горы.

Но... такое впечатление, что мы садимся прямо

на морскую гладь! Что это?! Уф-ф, нет, вот и взлетная полоса появилась. Но как так? Почему, мы же вроде на воду садились?

Оказывается, взлетно-посадочная полоса международного аэропорта Керкира насыпная, то есть идет прямо по воде между морем и небольшим озером. Когда-то ее длина составляла всего 600 метров, сейчас – чуть менее двух с половиной километров. То есть не может она принимать большие пассажирские авиалайнеры, только средней вместимости самолеты.

На Корфу ходит байка, что только один раз, в 1996 году, на эту полосу сел наш большегрузный Ил-76. И сел он, как рассказывают местные, по приказу Ельцина. Дело в том, что Борис Николаевич якобы торопился с кем-то на встречу в одной из таверн острова и не хотел ничего слышать, самолет с его свитой должен был сесть в Керкире, и точка! Сам-то он летел на легком самолете, который без труда приземлился здесь. А тех, кто летел на самолете сопровождения, спасло только мастерство российских пилотов...

Но, может быть, это только байка? Слышал я ее на Корфу, по крайней мере, раза три от разных людей...

Вообще, главный аэропорт Корфу сам по себе достопримечательность. Открыт он был 22 марта 1937 года, и первый самолет здесь лично посадил не кто иной, как тогдашний губернатор острова. То, что он настоящий летчик, прибавляло ему политического веса.

Во время Второй мировой войны в аэропорту Керкира была крупная база фашистских военно-воздушных сил, самолеты Германии и Италии летали бомбить район материковой Греции и Югославию.

Но самое главное, что назван аэропорт в честь Иоаниса Каподистриаса.

Кто это такой, спросите вы, и почему я о нем упоминаю? Дело в том, что именно этот человек одиннадцать лет был министром иностранных дел Российской империи!

Его жизнь уникальна, и его биографию можно найти и в библиотеках, и в Интернете, пересказывать ее долго. Но все же вот несколько штрихов из жизни Иоаниса Каподистриаса. Уроженец Корфу, он родился 11 февраля 1776 года. В Россию, как и многие греки, он попадает в начале девятнадцатого века еще молодым, но уже очень опытным дипломатом.

В 1809 году служит в российском МИДе, в 1812 году – управляющим дипломатической канцелярией Дунайской армии России и занимается ад-

министративным устройством Бессарабии по поручению Александра I.

Затем еще ряд ответственных дипломатических постов. В 1816 году российский император назначает его министром иностранных дел страны. Остается в этом качестве он до 1827 года. Надо сказать, что его взгляды на внешнюю политику России далеко не всегда совпадали со взглядами его царственного покровителя.

Тем не менее за заслуги перед Россией граф Иоанис Каподистриас был награжден орденами Александра Невского и Святого Владимира Первой степени.

А в 1827 году он избирается правителем Греции, фактически первым президентом страны. Не без поддержки России, разумеется.

Его убивают заговорщики в октябре 1831 года. Один из его убийц был забит народом до смерти на месте преступления, второй был казнен чуть позже...

Вот так, едва ступив на землю Корфу, мы тут же встретили здесь российский след в греческой истории. Это был первый след, но не последний.

Ну, вот еще немного об аэропорте Керкира. Лене и мне сверху казалось, что самолет садится на воду, помните?

А как вообще взлетают и садятся воздушные суда на уникальную взлетно-посадочную полосу в Корфу, мы и сотни других туристов наблюдали воочию.

Есть прямо у аэропорта местечко, что называется Канони. Это такой холм, на вершине которого находится небольшое открытое кафе, где собирается множество людей с фотоаппаратами. И взлет, и посадку самолетов отсюда можно снимать без проблем, и получают просто замечательные снимки!

Вот и караулят здесь фотографы, когда очередной борт будет приземляться на землю Корфу или покидать ее. Особенно красиво смотрится посадка. Представьте: солнечное небо, горизонт чист. И вдруг откуда ни возьмись появляется лайнер, который – еще секунда – и зависает над полосой. Еще секунда – и он сел! И все это ты видишь прямо перед собой! Завораживает, поверьте.

Из этого же кафе мы смотрели сверху на удивительный остров, который называется Понтикониси, что в переводе значит «Мышиный остров». Своими очертаниями он действительно похож на мышку с длинным хвостом. На острове находится старинный монастырь, очень красивый, но не действующий. Попасть на остров совсем несложно, лодки местных жителей курсируют туда-сюда, за небольшую плату перевозят любопытствующих.

Опять же, если верить древним грекам, Понтикониси был когда-то кораблем самого хитроумного Одиссея. Неизвестно уж почему, но царь морей Посейдон разгневался на достойного мужа и воина, который плыл по направлению к Корфу (может быть, к своей любимой Керкире его приревновал?), и превратил его судно в камень.

Но Одиссей не расстроился. Выйдя на берег и отряхнувшись от морской воды, он тут же встретил в этом месте – где сейчас взлетная полоса – дочь царя Алкиноя красавицу Навсиаку и влюбился в нее. Это при живой-то Пенелопе, которая терпеливо ждала его на Итаке, если верить старику Гомеру!

Вот что остров любви делает даже с героями!

На террасе кафе в Канони стоят старинные пушки. Это русские пушки, времен адмирала Ушакова. К одной из них была привязана георгиевская ленточка. Еще один русский след...

А привезла нас в это кафе наша новая знакомая Надя. Встретили мы ее в первый же день нашего пребывания на Корфу в Керкире.

Дело было так. Едва мы устроились в наш отель, нас обуял страшный голод. И решили мы пройтись по Дассии, найти тихое местечко, чтобы перекусить.

На самом деле, выбор в этом курортном поселке подобных заведений велик, но только через два дня мы нашли тут свою любимую таверну (и о ней рассказ впереди), а пока нам приглянулся небольшой ресторанчик при скромном отеле.

Прямо у входа висело меню на русском языке и стояли псевдодревнегреческие статуи обнаженных молодых людей. Прочитав меню, мы решили больше ничего не искать, а начать знакомство с греческой (точнее с корфянской) кухней прямо здесь. Мы вошли в ресторан и стали обсуждать, где нам удобнее приземлиться.

Услышав русскую речь, откуда-то из глубины ресторана на веранду поспешила симпатичная пухленькая женщина лет пятидесяти. Она улыбнулась нам: «Вы русские?» – «Да». – «Очень хорошо, присаживайтесь, сейчас я вас обслужу...» И она указала на столик в глубине веранды: «Это хорошее место...»

Она помогала нам с выбором блюд, попутно спрашивая: «А откуда вы?» – «Из Петрозаводска». Надя сморщила носик: «А это где?» Привычно я уже стал объяснять: «Это четыреста километров от Санкт-Петербурга. Карелия. Слышали?» Наша новая знакомая всплеснула руками: «Карелия?! Да у меня там дед после войны лес пятнадцать лет валил!» – «На заработках был?» – «Нет, в лагере сидел. Боролся за свободу Украины, за что и послали

его к вам...» – «Бандеровцем был?» Надя скромно потупила глаза: «У нас это по-другому называют...»

Оказалось, что она родом из-под Ивано-Франковска. Приехала западная украинка Надя в Грецию в середине девяностых. О роде своих занятий она тогда скромно умолчала, но мы поняли, что у нее до сих пор какие-то проблемы с законом здесь, поэтому гражданства Греции – и, соответственно, всех преимуществ полноправной жительницы Европейского Союза – у нее нет. Зато есть муж, зовут его Спирос, и он преподаватель местного университета.

– Сейчас кризис, он не преподает. Ему выплачивают всего семьдесят процентов обычной зарплаты, типа, как он на работе, но на самом деле сидит дома.

– И сколько это – семьдесят процентов?

– Шестьсот восемьдесят евро где-то...

– Совсем немного.

– Да не то слово! И за коммунальные услуги триста евро выходит. Ну, иногда меньше, когда чуть-чуть смухлюем.

Я не стал выяснять, как они «мухлюют», а Надя продолжала:

– Пока он на самом деле преподавал, я дома сидела, а теперь пришлось вот в ресторан администратором пойти...

– И что же с вами дальше будет?

– Да ничего хорошего. Меня, может быть, тоже скоро отсюда уволят, россиян же в этом году (напомню, это 2014 год) мало приехало, хотя пока еще совсем поток не прекратился. Но, говорят, с каждым годом вас все меньше и меньше будет. И кому я тогда нужна с русским-то языком?..

– А ваших-то сюда на отдых много приезжает?

– Кого – наших?

– Ну... украинцев.

– Да совсем мало. Туризм здесь процентов на шестьдесят, а то и больше, на россиянах держится...

И тут же Надя предложила нам организовать небольшой автомобильный тур по острову:

– Мой муж вас свезет куда скажете. Хотите в монастыре Параскевы Пятницы побывать, по Керкире – я имею в виду город – поездить, на Канони подняться? Полдня – пятьдесят евро. Устроит?

Вот так мы попали с Надей и ее мужем – замечательно симпатичным стариканом – на Канони.

Совсем недалеко от города Керкира, почти на вершине холма уютно расположился монастырь святой Параскевы-Пятницы, первое упоминание о котором относится к четырнадцатому веку.

Эту мученицу, дочь римского сенатора и тайного христианина, назвали Параскевой (то есть

Пятницей по-гречески), потому что родилась она как раз в пятницу – в день, когда Иисус принял страшные страдания. Параскева жила в третьем веке в Иконии, а чтят ее и в Греции, и во всем православном мире.

За благочестие и доброту христианскую невзлюбили Параскеву римляне, схватили в один очень несчастливый день и начали мучать: прибавляли к дереву гвоздями, отрывали мясо от костей, а затем бросили в темницу. Чудесным образом она исцелилась. Но палачи не унимались, опять пытали, а потом отрубили ей голову.

Произошло это злодеяние в правление римского императора Диоклетиана. Того самого, что замучил Святого Георгия, а потом удалился на пенсию на территорию нынешней Хорватии выращивать капусту.

В тамошнем его дворце в городе Сплит мы с женой бывали...

На Руси Параскеву почитали и почитают по сей день, называют «Пятница», «Пятиня» и «Петка», и... «матушка Пятница»...

В монастыре нас приняла сама игуменья монастыря Нимфодора.

Уж не знаю, чем мы с Леной ей так понравились, но она захотела с нами поговорить. Эта пожилая улыбчивая женщина сначала провела нас в святая святых: туда, где хранятся мощи Параскевы, и дала возможность к ним прикоснуться.

Переводила наш разговор с настоятельницей Надя.

– Вы откуда?

– Из России, из Карелии. Там у нас Валаамский монастырь, Соловецкий...

– Святые места, святые. А сюда на отдых приехали?

– На отдых, матушка.

– Добро... А добро есть Бог. Нет ли печали у вас? Не болеете ли? Нет ли ран душевных?

– Ну... чем-то все болеют... и раны душевные...

– Святая Параскева многим помогла. И вам поможет.

Матушка Нимфодора подвела нас к храмовой иконе Параскевы-Пятницы и научила, как просить здоровья у нее...

В монастыре Святой Параскевы сегодня живут семь монахинь. Все они из одной деревни Кинопиастес, что находится под монастырем, на склоне холма. Чужих в эти стены не принимают...

На Корфу сегодня действуют более восьмисот православных монастырей и церквей. Каждый монастырь, каждая церковь из них – жемчужина

восточного христианского мира. Но к ним – некоторым из них – мы еще вернемся.

Опять я что-то упустил...

Наверное, где и как мы жили на Корфу.

НАШ МАЛЕНЬКИЙ ОТЕЛЬЧИК И СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

Да, правда, надо же рассказать про наш отельчик. Это была «трешка». Замечательная «трешка»!

Нет, я не имею в виду то, что пишут в своих комментариях в Интернете туристы, обсуждая то или иное свое пристанище. У них «хорошая трешка» – это где прилично кормят завтраком, чисто и не обманывают. У нас все это было, да. Но я имею в виду нечто другое.

Наш отель был расположен между двумя многоэтажными комплексами с бассейнами, спортивными площадками, барами и прочими прелестями, о которых мечтают беспечные туристы. Кстати, никто не запрещал нам в эти соседние туристические палестины заходить.

Но у нас было одно просто потрясающее преимущество. Наша «трешка» располагалась прямо на пляже! Трехэтажное здание было построено так, что из холла постоялец попадал прямо на берег моря.

Первый этаж отеля представлял собой холл, ресторан, библиотеку (где есть и книги на русском языке – детективы и классика в основном) и офис одновременно.

Второй и третий этажи были отданы под номера. У нас был номер на втором этаже. Чистенький, уютный, но совсем небольшой.

За кондиционер с нас потребовали дополнительную плату – 56 евро. Хотели мы этого или не хотели, но заплатить пришлось. Когда на улице жара за тридцать с лишним градусов, кондиционер не роскошь, а предмет первой необходимости...

Итак, в холле нашего отеля было две двери. Одна выходила на дорожку, что вела в поселок Дассия, вторая – как раз на пляж. Через нее мы попадали в бар, который находился метрах в трех от береговой линии. Это было просто замечательно, поскольку избавляло нас от обязанности брать лежаки и зонтики. Обычно мы оставляли полотенца на стульях в баре, а воду и все остальное добро – на столах. И никто нас не гонял за это. И никто не покушался на нашу собственность. Вообще, Корфу – один из самых спокойных в криминальном отношении греческих островов, если не самый спокойный.

По пляжу ходят уроженцы африканского континента – парни и девушки – и продают отдыхающим всякие нужные и не очень мелочи: очки,

шлепанцы, купальные тапочки и еще что-то подобное... бусы, кстати, из искусственного жемчуга. Держатся они дружелюбно, улыбаются и не навязываются. Если отрицательно мотаешь головой на их предложение что-нибудь купить, тихо отходят в сторону. Откуда они тут?

Русских у нас в отеле довольно много. Хотя, как сказал мне официант из нашего пляжного бара, в прошлый курортный сезон гостей из России было гораздо больше.

Каждое утро я встречал на пляже двух пожилых русских женщин. Они, спокойно о чем-то болтая, неспешно заходили в воду и долго плавали, проделывая руками и ногами какие-то пассы. Видимо у них это было нечто вроде аквааэробики.

Были еще две немолодые русские подружки, которых мы однажды видели с Леной. Не буду врать, не знаю – жили они в нашем отеле или в каком-то другом, но поразили нас до глубины души вот чем: они сидели на парапете и лузгали семечки!

Шелуха от этих «семяк» была на песке вокруг, была на подолах их платьев... Ну, хорошо, сидели они и показывали всем, как мы умеем свинячить, ладно. Но вот сами семечки-то у них откуда?! Я в магазинах на Корфу не видел их в продаже. С собой, что ли, привезли?

...Рядом с лузгающими семечки россиянками вдруг с причала сиганул в воду молодой итальянец. У него ветер снес в море пустой целлофановый пакет, и парень изо всех сил пытался его нагнать. Нагнал, вытащил на берег и бросил в урну.

И еще об одной интересной русской паре я хочу вспомнить. Примерно на протяжении вечеров пяти мы в пляжном баре наблюдали пожилую женщину весьма такого... аристократического вида и ее совсем молоденькую спутницу, то ли племянницу, то ли воспитанницу. Девчонка изводила даму своими рассказами о знакомстве с мальчиками, о ненавистной учебе и о том, как ее достали «родичи». Дама молча внимала ее красноречию. Когда девушку начинало раздражать ее молчание, она вдруг заявляла: «Ах, Рая, какая же ты все же скучная!» И, не дождавшись ответа, принималась фотографировать на планшет очередной сделанный ей улыбчивым барменом коктейль. А потом отправляла эти фотографии кому-то. Вот этого мне уже точно никогда не понять...

Ну, ладно, наши земляки...

Но однажды в отель в пятницу вечером на два дня заехала большая группа итальянцев! И в эти ночи мы поняли, что такое настоящее итальянское веселье! Оно начиналось часов в восемь ве-

чера. Затем, к одиннадцати, все затихало: наши соседи уходили на дискотеки в соседние отели. А вот когда они приходили!.. Крики, песни, беготня и выяснение отношений продолжались до раннего утра.

Когда итальянский десант в воскресенье вечером отправился восвояси – мы перекрестились левой пяткой. Наступила блаженная тишина...

Каждый вечер, наплававшись и назагоравшись, нагулявшись, насмотревшись красот Корфу и отпробовав местных блюд, мы с Леной вновь устраивались за столиком в пляжном баре отеля. С собой брали разбавленное местной минеральной сухое вино, карты и книжки. Поскольку российских каналов в телевизионной системе отеля не было (и слава богу!), мы сидели, играли, читали и просто смотрели на безумно красивое Ионическое море и на горы Албании, которые возвышались прямо напротив нашего берега. Над албанским берегом повисала луна...

Обычно я вставал в семь утра по местному времени и шел купаться. На пляже – никого! Вода тихая и прозрачная. На небольшой глубине спокойно – пока нет отдыхающих – плавают стайки рыбок. Иногда по кромке воды пробегают любители утренних спортивных занятий.

Прямо у дверей отеля от берега в море был сделан довольно длинный и широкий причал. К причалу было пришвартовано стилизованное под старинный парусник судно. И вот представьте, между мачт этого судна прямо на ваших глазах поднимается огромное солнце! Невероятный восход!

Все путеводители пишут про прекрасные солнечные закаты, которые можно наблюдать на Корфу-Керкире, но это на другом берегу острова. Нам же достались волшебные восходы.

И я совсем о такой замене не жалею.

ПОЕЗДКА В ПАЛЕОКАСТРИЦУ И ЧТО ТАКОЕ КУМКВАТ

У нас в Дассии было нетрудно купить экскурсии на любой вкус. Хотите посмотреть все самое интересное на самом острове? Нет проблем. Хотите съездить в Италию или Албанию – только скажите об этом менеджеру в одном из многочисленных небольших туристических бюро, и вам все будет в удобное для вас время. По островам соседним попутешествовать? Вот вам проспекты, выбирайте. Почти все говорят по-русски, гиды тоже русскоязычные.

Любой, как говорится, каприз за ваши деньги. Тут же можно взять напрокат мотоциклы, скутеры, квадроциклы, машины. Только пожелайте!

Сразу скажу, не торопитесь покупать экскурсии в первый же день в отеле у встречающего вас гида. Переплатите иногда в несколько раз!

Хотя все те, кто был на отдыхе в Греции, Турции или Египте, это отлично знают и мое предупреждение излишне. И на Корфу тоже вам пытаются впарить интересные поездки сразу, пока вы не отошли от перелета. Так сказать, берут вас «тепленькими».

И только на второй день пребывания вы уже соображаете, что есть здесь выбор: попутешествовать по острову самим или в сопровождении экскурсовода.

Мы с Ленкой всегда сразу определяемся – куда поедем самостоятельно, а куда купим экскурсии.

На Палеокастрицу мы решили ехать в сопровождении гида. Во-первых, мы еще не знали острова – а решили мы туда прокатиться на второй день пребывания на Корфу, во-вторых, эта экскурсия нам обещала еще ряд сюрпризов, кроме знакомства с этим красивым местом.

Итак, поехали в Палеокастрицу. Это немного севернее столицы острова. Считается, что каждый уважающий себя посетитель Корфу должен здесь побывать. Потому как это необычайно красивое место.

Нашим сопровождающим волею судьбы стал гид Тимур – молодой, симпатичный, спокойный и образованный парень. Сам из Казахстана.

Я, кстати, с удивлением узнал, что многие русскоговорящие гиды здесь именно из этой некогда союзной республики в составе СССР. Чем это вызвано? Да тем, что российские разбалованные специалисты со знанием греческого языка гидами на Корфу работать не хотят, зарплата не устраивает. А казахских ребят – устраивает. Хотя... Тимур говорит, что с каждым годом жить здесь становится все труднее. А ему есть с чем сравнивать: по острову любви он водит экскурсии уже пять лет. А всему виной кризис, что охватил страну.

У Тимура есть свое объяснение возникновению греческого экономического кризиса: «Ребята, если здесь все правительственные учреждения и даже само правительство работали и работают лишь с девяти утра и до двух дня, как же здесь не развиться кризису?! А простые греки? Посмотрите, что происходит: магазинчики сувениров, таверны, туристические бюро и прочие развлечения для туристов работали чуть-чуть перед обедом, потом закрывались до вечера – сиеста у них, понимаешь – и открыва-

лись лишь с наступлением вечерней прохлады! Сейчас не так. Понимают они, что таким образом на хлеб не заработаешь. Да и то не везде...»

Подтверждение его словам мы находили без труда.

Если все конторы по развлечению туристов – пункты проката, магазины и таверны – в нашей Дасии были открыты почти всегда, только хозяева и продавцы уходили на небольшой перерыв в самые жаркие часы (да и туристов в это время было немного – все валялись на пляже или осматривали окрестности), то однажды мы попали в воскресенье в столицу острова Керкиру. Не работало почти ничего, за исключением церквей, общественного транспорта, редких таксистов и небольшого количества кафе. Город вообще казался вымершим. Мы даже в археологический музей не смогли попасть – законный выходной у госслужащих страны – почти банкрот.

Но дело, наверное, все же не только и не столько в этом. С вступлением Греции в Евросоюз страна практически потеряла свою промышленность, не очень мощную, конечно, но все же она была. Судостроение и судоремонт, например. Понесло значительный ущерб сельское хозяйство. Это, думаю, действительно реальная причина глубокого и трагического греческого кризиса.

«Многие греки считают, что в ситуации, в какой они оказались, лучше было бы объявить страну действительно банкротом и вернуть в обращение драхму, – говорит наш Тимур. – Хуже уже не будет...»

Вот так за разговорами мы и добрались до чудного места – Палеокастрицы. Собственно говоря, это название почти так и переводится. Буквально: «Красивое место». Умопомрачительные пляжи в маленьких уютных бухтах, всё в цветах. В горы уходят пешеходные тропинки и узкие автомобильные дороги, которые скрываются в тени густых деревьев.

Мы по такой узкой дороге забираемся все выше и выше. Сейчас наша цель – древний православный мужской монастырь Божией Матери «Зоодоху Пигис». Это переводится как «Животворный источник». И такой источник со святой водой, что помогает от бед и хворей, действительно в монастыре есть. Сейчас он закрыт колодцем с решеткой, и только монахи черпают из него священную жидкость.

– Но вы можете у этого колодца поймать свое счастье, – говорит Тимур.

– Это как?

– Подойдите к колодцу, станьте к нему спиной, загадайте желание и киньте в отверстие монетку. Если монетка попадет в колодец – желание сбуди-

дется. Нет – не сбудется. Все просто, – пожимает плечами наш гид.

– А сколько раз кидать можно?

– Хоть сколько, – смеется Тимур. – Только всех денег здесь не оставьте...

И мы принялись усердно метать через плечо в священный колодец евроценты. Вместе с нами этим тренировались еще с десятков таких же чудачков, как Лена и я...

Монастырь Божией Матери в Палеокастрице был основан в тринадцатом веке. И до сих пор остается таким, каким и был построен, в чем его непередаваемая прелесть. Кроме священного источника, эта православная обитель обладает еще несколькими древними чудотворными иконами, к которым приезжают помолиться православные (и не только православные) христиане со всего мира.

Сейчас в монастыре живут десять монахов. Последний приехал недавно из России. Тимур даже пытался найти его, чтобы мы могли пообщаться с соотечественником – божьим человеком. Но не получилось...

«Ладно, давайте немного отдохнем, – говорит Тимур, когда мы спустились по старинной крутой лестнице из монастыря на площадку, где ждал нас автобус. – И потом поедем обедать тоже в замечательное место, поверьте, просто волшебное место, где вас ждет необычный аттракцион с нашим автобусом и потрясающий вид, который вы не забудете никогда, это я вам обещаю!»

И мы поехали еще выше в горы.

Вот тут надо опять окунуться в историю, пока мы едем, и сказать несколько слов о некоем сэре Фредерике Адаме, верховном комиссаре Великобритании на Корфу в первой половине XIX века. Этот достойный муж, генерал-майор, между прочим, в отличие от других английских губернаторов, любил остров, любил его народ и много сделал для развития Корфу.

Кроме всего прочего, он любил с коллегами и дамами съездить на выходные на пикнички как раз в район Палеокастрицы. Все бы хорошо, но вот добираться до «Красивого места» из Керкиры было очень непросто: дороги-то не было! И вот когда сэру Фредерику окончательно надоело трястись по козьим тропам до волшебных пляжей и горных полянок, он приказал построить современную по тем меркам дорогу Керкира – Палеокастрица. А от этой, с позволения сказать, магистрали затем уже строились дороги в горные деревни местности. По одной из них мы сейчас и забирались ввысь.

Пока мы карабкаемся по горной дороге на нашем туристическом переростке – «мерседесе», Тимур рассказывает, как он здесь живет. «В Керкире я снимаю квартиру. Небольшую: крохотная прихожая, такая же спальня и гостиная. Она чуть побольше». «И сколько ты за эти хоромы платишь?» – спросил я. «Пятьсот евро плюс коммуналка. Еще два года назад это было не очень обременительно. Сейчас уже трудновато, – он стеснительно улыбнулся. – Русскоговорящих туристов все меньше. У вас все меньше денег, как я понимаю, на такой отдых?» Я кивнул: «Точно, не лучшие сейчас у нас времена». «А кто виноват?» – заинтересовался Тимур. Мне оставалось только хмыкнуть: «А кто виноват в кризисе здесь, в Греции?» Тимур засмеялся: «Хорошо ответил!» И тут же, шепотом: «Знаешь, как греки американцев ненавидят? Некоторые – просто до икоты!..»

Я понимающе улыбнулся...

Тут Тимур стал очень серьезен и объявил:

– А вот мы приближаемся к тому самому чуду, о котором я вам рассказывал. Сейчас мы въедем в деревню Лаконес!

Дальше уж давайте я вам расскажу все своими словами – и то, что поведал нам парень из Казахстана, и то, что я сам читал о деревнях Палеокастрицы вообще и о деревне Лаконес, в частности.

В той местности, я имею в виду Палеокастрицу, все старинные деревни, как и монастырь Божией Матери, где мы только что побывали, находятся в горах. Только современные поселения были основаны уже ближе к морю.

Дело в том, что в стародавние времена эти удобные уединенные бухты, эти густые леса привлекали не только людей хороших: добрых земледельцев, рыбаков, землепашцев, виноградарей и прочих скотоводов, но и людей лихих – пиратов.

Пираты использовали бухты как укрытия и временные базы. А жителей, что селились рядом с водой, и монахов они беззастенчиво грабили, пленяли и увозили продавать на невольничьи рынки. Поэтому люди постепенно перебрались повыше, на склоны гор. Там сподручнее было отбивать набеги морских бандитов, да и вообще было спокойнее жить.

Лаконес – как раз из таких старинных высокогорных деревень.

Самые старые ее дома относятся к веку восемнадцатому, новых строений совсем немного. Одно из них – тот ресторан, куда мы и направляемся.

Собственно говоря, деревня состоит только из одной центральной улицы, небольшой площади и множества переулков, что ведут ко дворам жителей.

И вот обещанное шоу! И это шоу корфянских водителей!

Главная улица Лаконеса на первый взгляд так узка, что не смогут разъехаться две небольшие повозки с запряженными в них осликами. И тут наш «мерседес»-переросток двинулся по этой «кишке»!

«Смотрите, смотрите, – почти шипел Тимур. – Как вы думаете, мы здесь проедем?» Мы и наши попутчики непроизвольно сжались. Нам казалось невероятным, что водитель сможет довезти нас до еле видной за небольшим поворотом деревенской площади, которая тоже по своим размерам была далеко не Красной площадью, ни даже Трафальгарской.

Казалось, что боковые зеркала царапают старые стены домов. Хотя... почему казалось? Иногда так и было. Но вот на встречном курсе показался еще один экскурсионный автобус – близнец нашего!

Казалось, что сейчас они пойдут на таран.

Я не знаю, как это сделал водитель встречного автобуса, но он, увидя нас, дал задний ход и утопил свой автолайнер в какой-то очень узкий, практически невидимый неискушенному туристическому глазу переулочек. Мы проползли мимо него...

«Знаете, – разрядил о-о-очень напряженную обстановку в автобусе Тимур, – водители экскурсионных автобусов – здесь на Корфу – проходят строгий отбор, перед тем как возить вас. И один из экзаменов как раз – это поездка в Лаконес. Если водитель не сможет поехать здесь – работы ему не видать!»

Я подумал, что водители экскурсионных автобусов на этом замечательном острове должны иметь нервы как у космонавтов и навыки вождения как у пилотов «Формулы-1» ...

Могу еще сказать, что многие дороги на Корфу, не только в Палеокастрице, очень узкие, поэтому тут очень часто можно попасть на реверсивное движение. И тогда придется вам постоять, пропуская встречный транспорт. А это может быть десяток автомобилей и автобусов.

Если кто будет брать машину напрокат в этом благословенном уголке – учтите мое замечание.

Итак, мы приехали в ресторан. Он находился почти в самой верхней точке Лаконеса. Был этот ресторан трехэтажным – обеденные залы располагались на двух верхних этажах. Мы забрались на третий и сели за столик у самого огромного открытого окна, которое выходило на побережье.

Сейчас еще не время говорить о корфянской кухне, поэтому сам обед я пропускаю. Единственное, что могу сказать, греческое пиво – не самое плохое в этом подлунном мире.

А после обеда мы спустились на смотровую

площадку, что располагается прямо у подножия ресторана. Это что-то! Все побережье Палеокастрицы лежит под вашими ногами! Все бухты, все пляжи, чуть-чуть видно монастырь Божией Матери...

«Вот именно в той бухте... видите, чуть справа, – говорил Тимур. – Да-да, именно там. Вот именно в этой бухте высадили, по преданию, Одиссей, когда возвращался после осады Трои...»

Я с удивлением взглянул на гида: «Стоп! Вы тут на Корфу как-то в показаниях путаетесь. До этого нам говорили, что Одиссей высадился в районе аэропорта Керкира. Там, где остров Понтикони-си, который как раз и есть превращенный Посейдоном в камень корабль героя. Или я не прав?»

Тимур поднял вверх ладони и скривил смешно губы: «Ну... это на той стороне острова считают, что Одиссей приплыл туда. На этой – что приплыл сюда. Может, он приплыл на корабле туда, а вплавь добрался сюда. Или он вообще два раза тут бултыхался. Что ты хочешь: мифы Древней Греции – это наука не совсем точная ...»

Услышав такую версию, я расхохотался...

Дальше наш путь лежал на ликерный завод «Мавроматис».

Признаюсь, что долго изучал я этот вопрос, но так и не нашел ответа: почему маленькие китайские апельсины кумкват прижились только на земле Корфу и нигде больше в Греции.

Кумкват – «золотой апельсин» – самый полезный (как считают те же китайцы) из всех видов апельсинов, обладает просто чудодейственными свойствами: он незаменим в лечении грибковых и инфекционных заболеваний, незаменим при бронхите и даже... при устранении похмелья. Масло кумквата лечит бессонницу и стресс, облегчает токсикоз у беременных и успешно лечит обычную простуду... уникальный фрукт!

Завез кумкват на Корфу в 1924 году английский агроном с волшебной фамилией Мерлин. А ровно через семьдесят лет – в 1994 году – этот маленький апельсин получил знак «Охраняемого происхождения продуктов» Греции за то, что он является качественным и оригинальным. То есть сегодня кумкват на Корфу и во всей Греции – национальное достояние.

А еще из кумквата делают на Корфу изумительный ликер, который тоже называется «Кумкват». И не только ликер: из сушеных китайских апельсинов здесь делают и неплохой бренди.

На заводе «Мавроматис» вам покажут, как растут в греческих – извините, в корфянских – условиях китайские плоды, расскажут, что из них делают, и да-

дут попробовать всего понемножку. Даже фильм покажут об этом!

Но не торопитесь покупать знаменитый ликер, бренди, варенье из кумквата в фирменном магазине «Мавроматиса»!

Все это вы можете купить в любой лавочке на Корфу в несколько раз дешевле, чем на заводе! Здесь – в «Мавроматисе» – делают бизнес на туристах, да! Но дайте и мелким торговцам сделать на вас бизнес, купите тот же самый «Кумкват» у них.

А мы путешествуем по Корфу дальше и попадаем в деревушку Макрадес. Деревушка, слов нет, живописная.

Самой значительной ее достопримечательностью является огромное оливковое дерево, которому уже много-много-много лет. Оно заботливо обнесено небольшим заборчиком, но пройти к этой древней оливе и сфотографироваться на ее фоне можно. Но она действительно настолько большая, что лучше делать фото исполина отдельно и издали, чтобы те, кто будет смотреть ваши фотографии дома, поняли все величие макрадесского чуда.

И, конечно же, на центральной улице в деревне работает магазин для туристов. Тут продаются оливковое масло, оливковое мыло, оливковый ликер, еще что-то из оливок. И сувениры.

Чтобы турист проникся мыслью, что ему тут предлагают нечто особенное, все это особенное ему дают бесплатно попробовать.

Кто будет в Макрадесе, тем могу дать совет. Тут ситуация ровно такая же, как и с «Кумкватом». Практически все «особенное», что предлагают вам здесь, можно купить в тех же Дассии и Керкире намного дешевле. Но купите в этой деревне оливковый ликер! Он вкусен, да. И в других магазинчиках на Корфу мне он почему-то не попадался. Так что этим продуктом запаситесь именно в Макрадесе...

АХИЛЛЕОН И КОЕ-ЧТО О ПОГОДЕ НА КОРФУ

Если бы я просто писал путеводитель по Корфу, то первой, среди других достопримечательностей – а их здесь множество, и не все из них мы с Леной успели посетить за две недели – я бы все равно назвал дворец Ахиллеон. Этот комплекс красив, в нем есть безупречный стиль. И с ним связана история жизни одной из самых красивых женщин в Европе середины XIX века. Собственно, благодаря именно этой женщине Ахиллеон – жемчужина Корфу – и появился на свет.

Так вот вам сказка... даже не совсем сказка, да-

же совсем не сказка про принцессу Сиси. Или Елизавету.

Она родилась в семье правителя Баварии в 1837 году. Росла красавицей, и эта необычайная красота вдруг однажды взяла да и перевернула всю ее жизнь.

Дело было так. К ее сестре Елене приехал свататься не кто иной, как император Австро-Венгерской империи Франц-Иосиф Габсбург. Помолвка вот-вот должна была состояться, но тут монарх увидел красотку Елизавету. И забыл про нареченную невесту! Влюбился с первого взгляда в Сиси.

Вся эта история, естественно, закончилась скандалом. Но Франц-Иосиф добился своего и женился на своей внезапной любимой.

Но свекровь Сиси, мать влюбленного Франца София Габсбург, возненавидела невестку и устроила, как водится у них, у свекровей – царственных и не очень – ей просто ад, а не спокойную жизнь во дворце. И это несмотря на то, что у Сиси уже были дети – Рудольф, Гизель и маленькая София.

Пришлось Сиси, чтобы не встречаться с матерью мужа, придумать себе занятие – путешествия.

От всяких семейных неурядиц у Сиси серьезно пошатнулось здоровье, и поэтому она решила изучить во время своих странствий именно Средиземное море, климат которого был целителен.

Надо сказать, что во время своих скитаний императрица и некие дипломатические функции выполняла, помогая своему супругу управлять огромной, беспокойной и, как принято было тогда называть Австро-Венгрию, «лоскутной» империей. И небезуспешно! Она была умной и талантливой. Благодаря ей империя избежала многих неприятностей.

Во время одного из плаваний Сиси по Ионическому морю разразилась буря, и во время этой бури умирает ее дочь – двухлетняя София. В личной молельне Сиси во дворце Ахиллеон есть огромная картина – Богородица забирает маленькую девочку к себе на небо, а под ее ногами мечется в волнах корабль...

Елизавета Баварская заказала это полотно.

Несмотря на свою серьезную болезнь, Сиси во время кочевой жизни следит за своим внешним видом: она удаляет себе два нижних ребра, чтобы талия оставалась безупречной, иногда просто ничего не ест за сутки, кроме четырех – ЧЕТЫРЕХ!!! – персиков в день, до изнеможения изнуряет себя гимнастикой и верховой ездой.

В 1861 году Сиси впервые попадает на Корфу. Ее визит столь важен для тогдашних хозяев острова – англичан – что они придают ему статус необычайно

официальный: Елизавета Баварская объявляется почетным гостем тогдашнего Верховного комиссара Великобритании Корфу сэра Генри Стокса!

Этот сэр Генри селит красавицу в поместье – самом шикарном на Корфу – Мон-Мон Репос.

Божественный Корфу поразил Сиси.

Она начинает изучать мифы Древней Греции, читает Гомера и приходит к выводу, что герой осады Трои Ахилл – ее идеал. И она уже готова увековечить память великого воина на земле Корфу.

В 1889 году Елизавета начинает строить здесь, на одном из самых живописных берегов Керкиры, свой дворец. Он был построен всего за два года. И назвала его Сиси Ахиллеоном, в честь своего любимого древнегреческого героя.

Во дворце на стене у главной лестницы – огромная картина, изображающая Ахиллеса у стен Трои. А в чудесном дворцовом саду два памятника ему. Один – на высоком постаменте, огромный – изображает героя в полном боевом облачении с копьем в руке. Вторая скульптура называется «Раненый Ахилл». Она запечатлела воина в последние минуты жизни: он ранен стрелой в ту самую не защищенную волшебством пятку.

В саду и на террасах дворца еще много скульптур, выполненных в античном стиле. Мне же, кроме памятников Ахиллу, понравился небольшой, совсем скромный памятник Байрону – любимому поэту императрицы Елизаветы. А мраморное изображение самой Сиси можно увидеть перед парадным входом в Ахиллеон. Красивая мраморная молодая женщина встречает туристов, о чем-то грустно задумавшись...

В нескольких комнатах дворца воссоздана та обстановка, которая была здесь при хозяйке Ахиллеона.

Жизнь прекрасной Сиси была очень непростой. Ее не любила не только императрица-мать, к ней довольно враждебно относился почти весь императорский двор Австро-Венгрии. При таинственных обстоятельствах погибает ее сын Рудольф, так же таинственна и смерть ее отца. Умирает сестра Елена, та самая, место которой Елизавета заняла на троне, выйдя замуж за Франца-Иосифа Габсбурга.

Она могла бы тихо жить в своем любимом Ахиллеоне на Корфу, скрывшись от мира, но не такова была ее натура.

Сиси продолжала путешествовать, и сильные мира сего в любой стране, куда она приезжала, встречали ее с искренним радушием. И нигде, ни в одной стране она не ходила с охраной, считала, что это ей не нужно.

Но она все же была императрицей ненаввидимой многими Австро-Венгрии. Империю – вполне обоснованно – революционные круги в Европе считали «тюрьмой народов».

В 1898 году Сиси приехала в Швейцарию, в Женеву. Приехала, кстати, инкогнито. Но одна из женевских газет раскрыла тайну ее пребывания.

Когда Елизавета гуляла по Женеве, как всегда, одна и без охраны, к ней подошел итальянский террорист Луиджи Лукени и ударил ее заточкой прямо в сердце. Императрица даже сначала не поняла, что произошло. Она сама поднялась и даже попыталась идти дальше. Но тут же вновь упала и умерла...

А ее убийца покончил с собой в тюрьме через двенадцать лет после того, как совершил свое злодеяние.

После ее смерти Ахиллеон был выкуплен кайзером Германии Вильгельмом Вторым. Он прибывал на Корфу на императорской яхте (штандрт этой яхты с германским орлом сегодня тоже можно увидеть в апартаментах Ахиллеона) и любил здесь отдыхать.

Потом была Первая мировая война, потом Вторая мировая... В вихрях, что витали над Европой в первой половине двадцатого века, до Ахиллеона ли было?

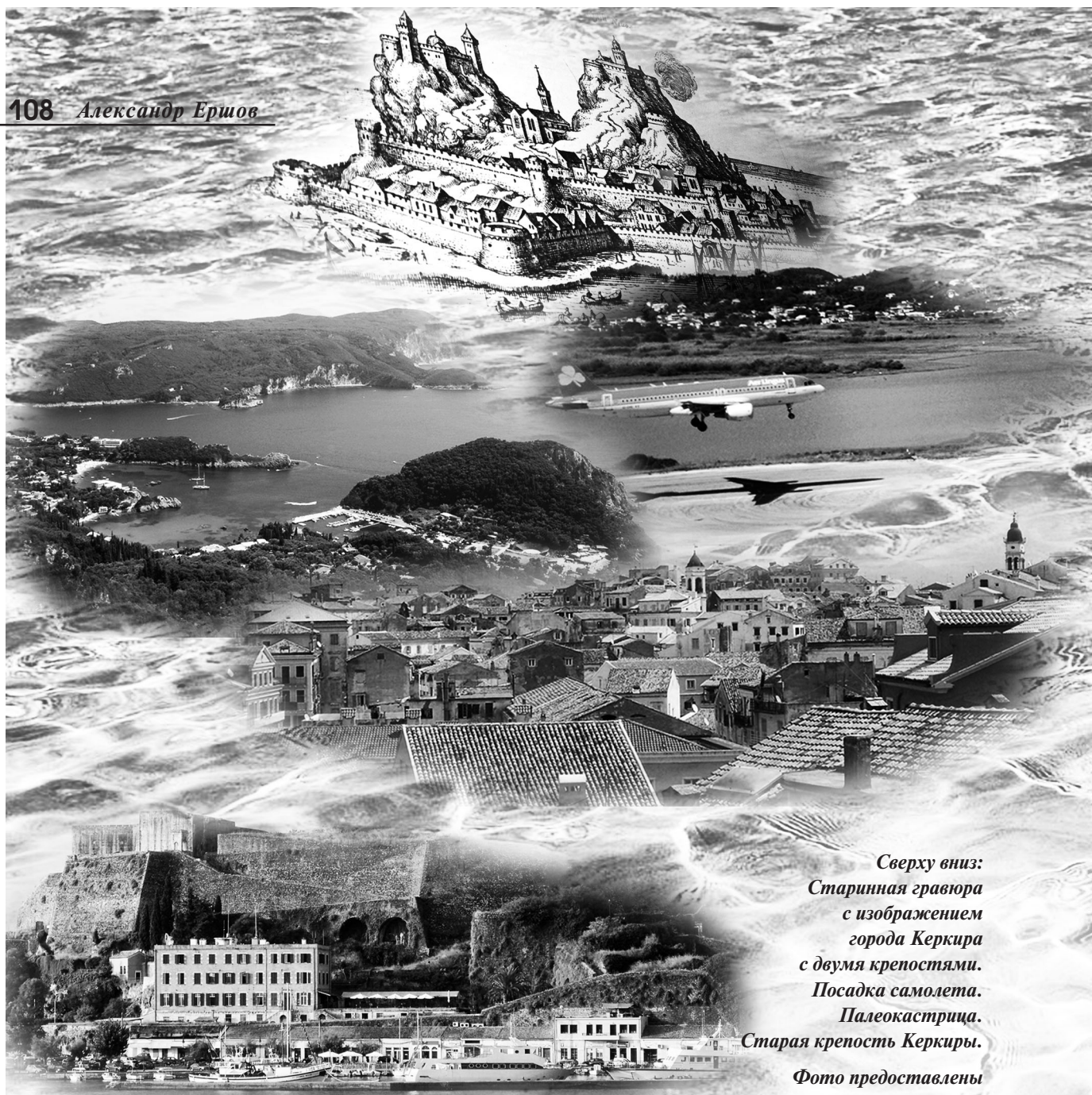
Райский уголок на Корфу был заброшен и постепенно приходил в упадок.

И только в 1962 году дворец прекрасной Сиси Баварской взяла в аренду на двадцать лет частная фирма, которая привела в здание, и сад в порядок. Новые владельцы даже начали поиски – и успешные! – обстановки и произведений искусства, что принадлежали владельцам Ахиллеона – австро-венгерской императрице и германскому кайзеру. Одно время вместе с музеем во дворце действовало казино, потом казино переделали в гостиницу. Сейчас дворцовый комплекс – просто музей, куда приезжают полюбоваться красотой природы и архитектуры туристы и вспомнить добрым словом принцессу Сиси.

Кстати, на третьем этаже Ахиллеона открыта картинная галерея...

После посещения Ахиллеона прошло два дня. Я сижу в холле нашего отельчика с планшетом в руках и смотрю на пляж и море. По пляжу, по волнам, по навесу над баром хлещут струи дождя. Нет, это даже не струи – это какая-то сплошная стена воды.

Дождь начался вчера вечером. Мы были на корабле в море и почувствовали, что ветер крепчает. С неба исчезли звезды. Только луна еще кое-как светила из-за темных низких туч. Когда мы высадились на Корфу, то пропала и она.

*Сверху вниз:
Старинная гравюра
с изображением
города Керкиры
с двумя крепостями.
Посадка самолета.
Палеокастрица.
Старая крепость Керкиры.*

*Фото предоставлены
автором*

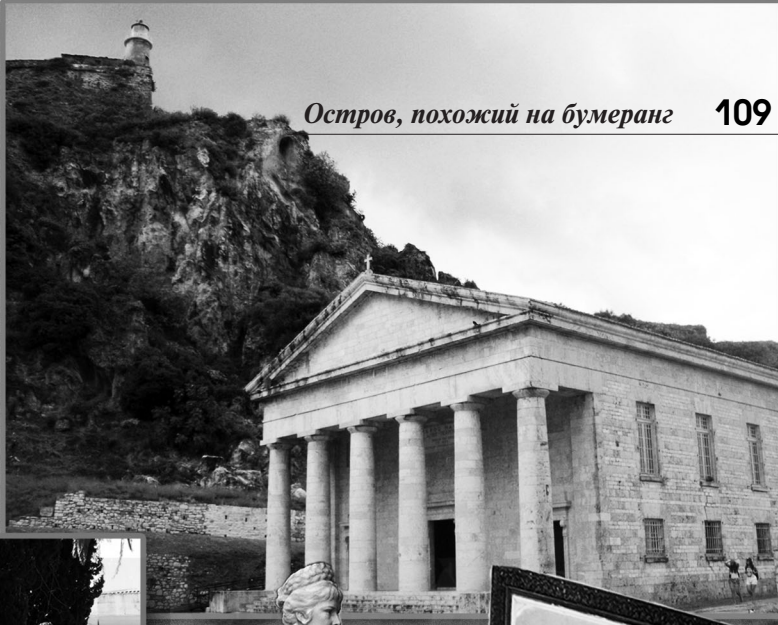
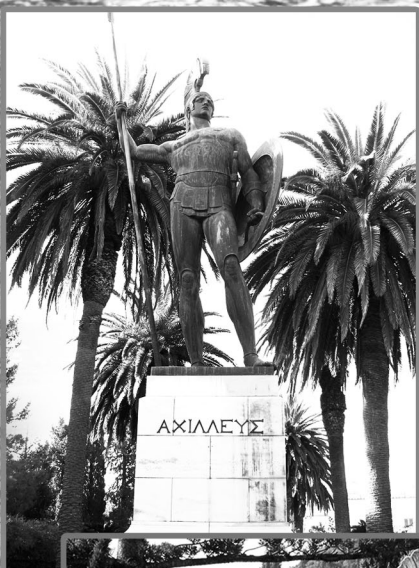
Ливень грянул как раз в тот момент, когда мы вошли в номер. Над горами сверкали молнии, до нас доходил грохот небесный. А затем полило! Это было просто какое-то буйство воды. Шум дождя заглушил все остальные звуки.

– Ничего, такие ливни обычно быстро заканчиваются, – преувеличенно бодро сказал я Лене. – Завтра проснемся, и будет солнышко.

– Хорошо бы, – грустно ответила она. – Будем надеяться...

Проснулся я на следующее утро как всегда раньше жены. На цыпочках добрался до окна, приоткрыл ставни (да-да, наши окна закрывались именно ставнями, как в традиционных греческих домах!) и вынужден был констатировать, что вчерашний мой прогноз был ошибочным. По-прежнему лило как из ведра.

И вот я сижу в холле, смотрю на пляж и море сквозь струи дождя и читаю в Интернете про погоду на Корфу: «В июле на Корфу в разгаре засушливый сезон. Небосвод свободен от обла-

*Храм Святого Георгия в Старой крепости.
Памятник Ахиллу (Ахиллеон).
Скульптура «Раненый Ахилл» (Ахиллеон).
Скульптура принцессы Сиси (Ахиллеон).
Портрет принцессы Сиси (Ахиллеон).
Мемориал Ушакова у Новой крепости.*

ков, осадков почти не бывает, а средние температуры светлого времени суток достигают 27–33,5 градуса.

По ночам, при охлаждении приземных тропосферных слоёв, термометры показывают 18,5–25 градусов, а тёмно-синие воды Ионического моря прогреваются до 23–25,5° по Цельсию.

Засушливая погода продолжается на Корфу и в августе. В этом месяце осадков выпадает не более 5-7 миллиметров...»

Ага, не более 5–7 миллиметров! Уже с прошлого

вечера тут, кажется, на каждый метр уже по ведру этой воды приходится...

Ловлю заспанного официанта пляжного бара, который растерянно мечется среди столиков с завтракающими постояльцами, и пытаюсь спросить у него, когда же этот дождь может кончиться. Он разводит руками: «Может быть, к вечеру...»

Дождь продолжался еще три дня. Вот уж засушливый август на Корфу! Или нам с Леной как-то по-особенному «повезло»?..

СВЯТОЙ СПИРИДОН И СВЯТОЙ ФЕДОР В КЕРКИРЕ

Если быть точным, то ливень в последующие три дня лил не постоянно. Только первый день дождило с утра до вечера. В последующие два погода на Корфу очень напоминала карельскую погоду где-то в конце июня – начале июля. С утра – дождик, потом – солнце, потом опять с гор набежали тучи и поливало, затем опять прояснялось... и так до вечера. Естественно, что и дождь, и ветер на берегах Ионического моря были гораздо теплее, чем на берегах нашего родного Онежского озера. И вот эти-то два дождливых с прояснениями дня мы с Леной решили использовать для того, чтобы подробно ознакомиться со столицей острова. Вообще-то, в Керкире мы были за время нашего здесь пребывания раз шесть. Там есть что посмотреть, на что полюбоваться. Но эти дождливые дни были самыми продуктивными: достопримечательности, магазины, люди на улицах – все к твоим услугам.

Добраться из Дассии в Керкиру несложно. Через каждые десять – пятнадцать минут от остановки, что располагалась метрах в ста пятидесяти от нашего отеля, в столицу шел так называемый «зеленый» автобус. Почему «зеленый»? А на Корфу есть два вида автобусов: «зеленые» и «синие». «Зеленые» возят пассажиров по пригородам Керкиры и близлежащим курортным поселкам типа нашей Дассии. «Синие» – это автобусы междугородного направления.

Стоимость проезда от нашего селения до города составляла полтора евро с человека. Это если ты покупал билет в специальном автомате или в небольшом киоске в Керкире. Если покупаешь билет у водителя – он уже стоит два евро. Обычно мы покупали билеты в автоматах на несколько поездок сразу, чтобы не рыться каждый раз в карманах в поисках мелочи.

Автобусы с кондиционером (только раз нам попался какой-то ветеран с деревянными скамейками и без охлаждения воздуха), довольно удобные. Дорога до Керкиры идет вдоль моря, и за те двадцать минут, что едешь, можно успеть не спеша полюбоваться прибрежными красотами.

И вот мы в Керкире! «Зеленый» высаживает нас в самом центре столицы Корфу. До набережной – минут пять ходу, рядом Старая крепость, до Новой крепости идти чуть дальше.

В четвертом веке нашей эры Корфу завладела Восточная Римская империя. Римляне укрепляют остров, делают его важным торговым, культурным и

военным центром. Именно в правление византийских императоров на Корфу появляются и бурно развиваются христианские общины.

Но Византия постепенно слабеет, она уже не может противостоять набегам с Запада. В тринадцатом веке на Корфу приходят венецианцы. Для местных жителей, собственно, ничего почти не изменилось: платили налоги в Константинополь, теперь – в Венецию. Оборонительные укрепления как обязаны были содержать в порядке, так и содержат, даже новые строят. Как торговали при императорах, так и при правителях Венеции торгуют. Строятся новые христианские церкви и монастыри, появляются первые школы и даже основываются академии. Попытались было венецианцы насадить здесь католическую религию вместо восточной – той, что мы называем православной – но не получилось...

Хотели у Венеции несколько раз Корфу отобрать – не вышло. Так и правила здесь мощная средиземноморская республика ни много ни мало больше четырёхсот лет.

Именно при венецианцах развиваются здесь рыболовство, производство оливкового масла в промышленных масштабах, начинает добываться соль.

Но, как всегда бывает, никакой правитель народу вечно не мил. И в конце восемнадцатого века жители Корфу с радостью скинули «венецианское иго» и открыли объятия французскому флоту. О чем вскоре и пожалели...

Французы стали безобразничать. Они подняли налоги, мародерствовали, грабили церкви, поскольку их революционное правительство в Париже не платило офицерам, солдатам и морякам жалованья. Правда, они открыли на острове первую – не только на Корфу, вообще в Греции – типографию, мы ее видели, основывали госпитали, создали островной суд и островную полицию, но любви и признания островитян так и не добились.

Как раз в это время Россия начала войну против Наполеона на Средиземноморье, а в союзниках у нее была Турция.

И поэтому в октябре 1798 года русский флот под командованием нашего замечательного адмирала Федора Ушакова при поддержке турецкой флотилии и небольшого албанского корпуса подошел к Корфу. После недолгой осады и безуспешно проведенного штурма 20 февраля 1799 года Ушаков принял капитуляцию французов и отпустил их с миром, поскольку они обещали не воевать против союзников полтора года.

После изгнания французов Корфу вошел в независимую Республику Семи островов. Но в 1806 году Россия идет войной на Турцию и в 1807 году вынуждена отдать Корфу обратно Франции.

После поражения Наполеона в 1815 году Республика Ионических островов переходит под влияние Англии. И только в 1864 году Ионическая республика входит в состав Греции, где все эти острова – и Корфу в том числе – пребывают до сих пор.

Такая вот история. Почему я ее рассказал? Да потому, что именно в этом городе – Керкире – мы с Леной найдем следы всех властителей, всех цивилизаций и народов, что когда-то были здесь.

Но начать знакомство со столицей острова, не отдав дань уважения его небесному покровителю? Это было бы неправильно. А покровитель Корфу находится совсем недалеко от того места, где нас высадил «зеленый» автобус.

Зовут святого покровителя острова Святитель Спиридон Тримифунтский. И это вполне реальный человек.

Родился он недалеко от Корфу, на Кипре, в деревне Аскиа в IV веке. Спиридон был очень послушным, добрым и трудолюбивым мальчуганом. Естественно, рос настоящим христианином. Помогал родителям по хозяйству, пас коз. Когда вырос и обзавелся собственным домом, то никогда не отказывал в помощи бедным, бездомным и странникам: каждый мог найти у него приют и пищу. Женился он довольно поздно, но детишками обзавестись успел. За его доброту и веру Господь наградил Спиридона талантом прозорливости, исцеления неизлечимых больных и изгнания бесов. Просто чудеса о нем рассказывали современники. Однажды во время засухи на Кипре не уродился хлеб, и один богатый хлеботорговец взвинтил цены на зерно, что грозило жителям голодом и смертью. Спиридон в молитве донес горе киприотов до ведения Бога, и тот покарал жадину, а люди были избавлены от страданий.

Но это еще что! Однажды византийский император Констанций обратился к святому со странной просьбой: у него умерла дочь Ирина, а перед смертью не успела сказать, где спрятала драгоценности, которые передала ей на хранение одна знатная дама. На императорскую семью могло пасть подозрение в нечестности. Что же сделал наш Спиридон? Он воскресил Ирину как раз на то короткое время, чтобы она рассказала, где зарыты золото, жемчуга и бриллианты, а потом ее душа вновь вернулась на небо. Так он спас честь императорской семьи.

Даже когда Святой Спиридон стал епископом, он не переставал пасти коз и выращивать хлеб своими руками. И учить священников бережно относиться к слову божию, а прихожан своих – доброте к ближним своим и терпению.

Святой Спиридон знал, когда умрет: эту тайну

открыл ему Господь. И когда пришло время – а это случилось около 350 года там же, на Кипре, в городе Тримифунте – он встал на молитву, вознес хвалу Отцу небесному и... умер.

Похоронили его в тримифунтском храме Святых апостолов.

В VIII веке мощи Святителя Спиридона были перенесены в Константинополь. А уже в XV веке он попадает сюда, на Корфу, и становится покровителем острова. Интересно, что сначала Спиридон попал на Корфу не весь. Его правая рука до двадцатого века хранилась в Риме. И только в 1984 году все части тела покровителя Корфу соединились.

Будучи на Корфу, Святой Спиридон, как уверяют местные жители, продолжает творить чудеса. Рассказывают, что он по ночам, пока никто не видит, выходит из церкви и идет помогать людям.

Иногда даже море переходит, и тогда его башмачки – а он лежит в церкви в специально выделенном для него приделе в серебряном саркофаге в башмачках – оказываются мокрыми. Более того, священники храма Святого Спиридона уверяют, что эти самые его башмачки настолько изнашиваются, пока Спиридон Тримифунтский странствует, что их приходится менять дважды в год! Изношенную обувь его режут на ленточки и дарят верующим.

Уже приехав домой, я с удивлением узнал, что Святой Спиридон, оказывается, с давних времен известен на Руси и очень почитаем у нас. Поскольку память его празднуется 25 декабря, в день, когда «зима поворачивает на лето», то зовут его у нас Спиридоном Солнцеворотом...

Православный храм Святого Спиридона находится в Старом городе. Не найти его просто нельзя. Во-первых, каждый местный поможет, а во-вторых, колокольня храма – высокая и очень красивая – видна издали. Сам храм был построен в 1590 году. Если вы ценитель старинной церковной живописи, старинной резьбы по дереву и церковного убранства, то вам обязательно надо посмотреть это стильное, если подойдет такое слово к храму, не обремененное излишней роскошью, совсем не помпезное старое здание. Полюбуйтесь им снаружи и изнутри. И обязательно поклонитесь доброму человеку – Спиридону. Ведь так просто про его доброту и удивительные дела через века рассказывать не будут.

Правда, очередь к мощам святого всегда большая.

Мне понравилось, как одна женщина – прихожанка из России, она стояла чуть впереди нас – говорила шепотом девочке, с которой пришла к

Спиридону: «Иди поклонись ему, и он добром с тобой поделится...»

Покой Старого города Керкиры оберегают две огромные крепости – Старая и Новая. Крепости эти – символ столицы Корфу, свидетели ее многовековой трудной и героической жизни.

В Старую крепость – ту, что находится на востоке Керкиры – мы с Леной решили пойти сразу, как только немного стих дождь и появилось яркое умытое греческое солнце. И это солнце светило нам все время, пока мы добирались до главных ворот цитадели.

Это действительно монументальное, я бы сказал, циклопическое сооружение (остановите меня, когда я те же самые слова буду говорить и о Новой крепости), стены которого, кажется, вырастают из скалы, на которой оно построено.

По истории Старой крепости как раз можно изучать всю историю Керкиры. Строить ее начали в VI веке византийцы. Мы поразились старинным мраморным барельефам, что были найдены на ее территории и тут же выставлены. Удивительно красивые произведения, плод трудов древних камнерезов.

В конце XIV века, когда Керкира перешла во владение Венецианской республики, новые хозяева крепости сделали ее одним из самых современных по тем меркам и неприступных защитных сооружений. Огромные стены, башни, бастионы, площадки для установки артиллерии – это все венецианский вклад в строительство Старой крепости. Сейчас по этим некогда грозным строениям, раскрыв рот, бродят туристы и – с радостным визгом – их осваивают вездесущие дети.

Под защитой Старой крепости как раз и начинает строиться город – нынешняя Старая Керкира.

Старая крепость при венецианцах сыграла свою решающую роль в том, что остров Корфу, как многие греческие острова и значительная часть материковой Греции, не оказался под османским игом. Турки почти за двести лет – с 1537-го по 1716 год – четырежды штурмовали крепость, но так и не могли ее взять!

Очередную реконструкцию Старая крепость Керкиры претерпела уже при англичанах. Они не сильно изменили внешний облик ее, но построили удобные казармы, вооружили крепость своими новыми пушками и, главное, возвели на территории Старой крепости удивительный по красоте храм Святого Георгия.

Эта белоснежная церковь очень напоминает храм древнегреческий, античный. Он и сейчас открыт, можно туда зайти, полюбоваться на внут-

реннее его убранство, на росписи, на очень яркую, большую красивую икону Святого Георгия, который, как и везде, во всех христианских храмах, поражает копьем змия.

Когда в 1864 году Корфу вошел в состав Греции, с бастионов Старой крепости было снято все вооружение. Во время Второй мировой войны ее довольно сильно повредили немецкие бомбы, но после заключения мира древняя цитадель была восстановлена и вновь стала военным объектом. До начала семидесятых годов прошлого века в ней несли службу солдаты греческой армии.

Интересно, что гражданскому населению в эти годы вход в Старую крепость был разрешен только во время празднования Пасхи, Рождества и дня Святого Георгия. В эти дни военные бесплатно угощали гостей жареной бараниной и вином.

Выйдя из храма Святого Георгия, мы с женой невесело констатировали, что вновь начинается дождь. Побежали к выходу, но не успели. А с полдороги дождь превратился в сплошной ливень, переждать который нам пришлось в нише рядом с надгробным византийским мраморным барельефом...

В Новую крепость мы пошли на следующий день. Не буду повторяться о погоде – она была ровно такой же, как и сутки назад: солнце сменялось ливнями, хорошо, что непродолжительными.

Немного об этом оборонительном комплексе, что находится на западе Старого города, на холме Святого Марка.

Почему это Новая крепость? Все просто. В шестнадцатом веке венецианцы поняли, что мощи только что модернизированной ими Старой крепости не хватит, если турки решат наброситься на Корфу всеми своими силами. И в 1576 году было принято решение построить еще одну крепость – на западе города. Поскольку со строительным материалом на острове, честно говоря, не ахти, то было принято решение разобрать две тысячи домов в Керкире и пустить камни и дерево на строительство нового укрепления. В 1645 году Новая крепость была готова. Ее стены и входы украшают барельефы с крылатым львом Святого Марка с Евангелием – герб Венеции.

Новая крепость была построена таким образом, что нижние ее уровни – стены и бастионы – должны были своей огневой мощью защитить порт Керкиры, верхние защитные сооружения – город.

В крепости есть подземные тоннели, что соединяют бастионы и рavelины, но туда сейчас никого не пускают. Зато по самим этим бастионам, казармам,

башням можно бродить сколько угодно, поднимаясь все выше и выше к самой высокой башне, над которой развевается огромный греческий флаг.

Из бойниц верхних бастионов хорошо видны Старая крепость и вся Керкира, колокольня храма Святого Спиридона. Далеко видно море. Панорама, скажу я вам, просто потрясающая!

Кстати, до XIX века Старая и Новая крепости были соединены общими стенами. Но когда Корфу вошел в состав Греции, их снесли...

...В 2002 году у стен Новой крепости три дня шумел праздник. Совершался крестный ход, были высокие гости из России. Их встречали столь же высокие греческие персоны. Состоялся грандиозный гала-концерт.

И праздник этот был посвящен адмиралу Федору Федоровичу Ушакову. Святому праведному великому адмиралу, защитнику земли русской и веры православной, непобедимому воину Ушакову. Православная церковь возвела его в святые за его ратные подвиги, за человеческую мудрость и доброту, за защиту православных христиан.

В эти дни у Новой крепости открыли мемориальную композицию, посвященную русскому флотоводцу. Мемориал представляет собой обелиск из мрамора с бронзовым барельефом Федора Федоровича. Жители Корфу искренне радовались, что у них появился новый памятник человеку, которого они помнят, любят и уважают.

Ведь Федор Ушаков не только освободил их от французов. Русский адмирал лично написал для Республики Семи островов конституцию, которая на тот момент, по признанию историков и правоведов, была самой прогрессивной в Европе.

Если вы помните, он в 1799 году атаковал французский гарнизон Корфу вместе с турецкой флотилией. И турки хотели, как водится, хорошенько пограбить и помародерствовать на острове. Но благодаря Ушакову и его офицерам, русским солдатам и матросам этого не произошло.

Турки – «агаряне», как их тогда называли в России – были zelo смирны под приглядом Ушакова. Жителям Корфу есть за что благодарить святого русского адмирала.

И это главный и очень сильный русский след на Корфу, что мы могли с Леной обнаружить. Старинный якорь русского корабля – часть мемориала Ушакова – обвязан георгиевскими ленточками...

... Опять дождь. И мы бежим по плитам одной из красивейших улиц Керкиры – улицы Листон – ища укрытия от льющейся на нас воды.

Эта улица на самом деле красива: дома, напо-

минающие парижские, длинная галерея, в которой сейчас расположилось множество маленьких уютных кафешек.

Улица Листон в Керкире была построена французами и исключительно для французов. Причем даже не для всех французов, а только для самых богатых и сановитых. Да и название ее об этом говорит. Дело в том, что имена тех, кто мог прогуливаться по этой красоте, сидеть здесь в ресторанах и флиртовать с дамами, были занесены в специальный список – лист – это было знаком некой принадлежности к местной аристократии. Отсюда и название: Листон.

По этой улице мы бежим ко дворцу Святых Михаила и Георгия. Этот дворец так же великолепен, правда. Чистая классика – колонны, лестницы, галереи...

Построен он был англичанами для первого Верховного комиссара Британии на Корфу сэра Томаса Мейтленда, назначенного сразу после того, как данный участок земли в Ионическом море был передан под протекторат Британии. Этот государственный муж много сделал для развития острова, у местных жителей к нему претензий нет, есть уважение.

Почему дворец назван именами святых Михаила и Георгия? Здесь – на Корфу – англичанами были основаны ордена во имя сих достойных людей. И знаки отличия орденов мы видели на первом этаже дворца. Подлинные. Красивые. Сверкающие драгоценными камнями.

С 1864 года во дворце совсем недолго жила греческая королевская семья. После того как августейшие особы покинули здание, оно было на много лет заброшено. Восстановил и внешний вид, и апартаменты в 1950-х годах тогдашний английский посол в Греции с простой британской фамилией Пик на собственные средства и пожертвования.

А на верхних этажах дворца живет азиатская сказка! Там расположились уникальные коллекции оружия, доспехов, шелка, керамики, картин, масок, статуи из Японии, Китая, Индии, стран Юго-Восточной Азии – Кореи, Камбоджи, Таиланда. Есть здесь вещи старинные и просто бесценные.

Начало экспозиции положила коллекция одного греческого дипломата, который очень увлеклся искусством стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. В его коллекции было более десяти тысяч артефактов. И все это он передал в дар своей стране с условием, что на его родине будет образован отдельный музей азиатского искусства. Музей и был организован во дворце святых Михаила и Георгия, а дипломат-меценат стал его первым директором. В последующие годы экспозиция музея значительно

пополнилась за счет частных пожертвований коллег-лекционеров со всего мира.

Будете в Керкире, сходите во дворец святых Миаила и Георгия – не пожалеете!

...Однажды после скитаний по Керкире мы заблудились на узких улочках Старого города. Как водится, не туда свернули, потеряли ориентиры и не могли выйти к автобусной станции, откуда нас уже родной «зеленый» автобус доставил бы в Дассию.

Особо Лена и я не беспокоились – как-нибудь выберемся обязательно – но нас поразило вот что. Мы спрашивали дорогу у официантов, продавцов, монахов, дворников... и все они принимали просто живейшее участие в нашей судьбе.

Они, не зная английского языка и слыша только: «Bus to Dassia. At one side of the station?» («Автобус в Дассию. В какую сторону на станцию?»), понимали, что нам надо. И принимались невероятно быстро махать руками, экспрессивно тянуть нас за руки до ближайшего угла и показывать руками, жестами, глазами, всей головой в конце концов, куда нам надо идти.

И вывели нас на ту самую площадь, куда приходили забрать пассажиров «зеленые».

Мы тогда были очень голодные и прямо от остановки автобуса пошли в таверну «Каридия». Нашу любимую таверну.

ТАВЕРНА «КАРИДИЯ», ЕЕ ХОЗЯИН И ВООБЩЕ О КУХНЕ И ВИНАХ КОРФУ

Вот! Пришло время! Поговорим о еде и вине, о замечательных людях на Корфу.

Я уже имел честь рассказывать вам, что в первый день нашего жительство на замечательном острове в замечательной деревеньке Дассия мы пошли в первый попавшийся ресторан, чтобы утолить голод после перелета, и познакомились там с нашей новой западноукраинской подружкой Надей.

Еда там была так себе, и на второй день пребывания мы решили найти себе какое-то более достойное заведение, более корфянское, что ли...

И нашли.

Дело было так. Мы вышли из нашего отеля, который назывался «Dassia beach», и пошли по тропинке вверх, в поселок. Туда, где тропинка выходит на дорогу, которая, если налево пойдешь – попадешь в Дассию, если направо – то придешь прямо в Калами, где жил маленький Джеральд Даррелл со своей семьей и другими зверьми. Так вот, когда мы ходили на эту дорогу, то прямо перед нашими глазами

оказывался указатель на английском и русском языках: «Семейная таверна «Каридия». 200 м».

– Лена, давай пойдём вон в ту таверну, а? – предложил я. – Вроде недалеко, рядом тут. Попробуем, чем там угощают...

– Да ну, – скривилась жена. – Небось какая-нибудь замануха для туристов. Стоит ли?

– Да стоит, стоит, – убеждал я ее. – Ну, не понравится, так больше не пойдём.

Как оказалось, убеждал я не зря.

Таверна «Каридия» расположена в небольшой нишечке и от автомобильной трассы отгородилась деревьями. Тихое и очень уютное место. У этого заведения, можно сказать, три, нет – четыре зоны.

Первая – кухня под навесом и частично в доме. Она не видна посетителям, но оттуда идут чудесные запахи пищи, приготовляемой на углях, ароматы фруктов и еще чего-то очень вкусного. Вторая зона – это бар, где волшебным образом (сам видел) появляется в графинах вино, в кружках – холодное пиво. Иногда на стойке возникают вкуснейшие чисто корфянские десерты. И все это для нас – пришельцев в мир семейного кулинарного чародейства. Третья зона – зал под крышей с винотекой, четвертая – столики на большой террасе с видом на детскую площадку и деревья, за которыми тихо шумит автотрасса. Мы всегда устраивались на террасе.

Как только мы уселись за столик, к нам подошел внушительного вида пожилой мужчина, обаятельно улыбнулся, поздоровался и протянул Лене и мне тяжелые, одетые кожей папки меню. Меню было напечатано на греческом, английском и русском языках.

Так... вот сейчас я захлебнусь слюной, вспоминая это меню... минуточку... вот прошло...

Итак, мы открыли меню.

«Я хочу попробовать рыбу-меч, – заявила Ленка. – И еще креветок на гриле...»

Возражать я не стал. Рыбу-меч так рыбу-меч. Креветки так креветки. На гриле так на гриле...

Вообще, Лена как-то пристрастилась к морепродуктам – рыба, осьминоги, креветки те же, кальмары...

И, конечно же, дзадзыки! Дзадзыки – это волшебное слово! В пресный кефир из овечьего или козьего молока (в Европе его стеснительно называют «йогурт») добавляют мелко тертый чеснок, также приготовленный огурец, соль, перец, немного оливкового масла, лимонный сок, зелень, мяту.

Как же это вкусно! Ложечку такого угощения на хлеб, затем закусываешь креветочкой на гриле или бараньим ребрышком...

Кстати, вымоченные в травах бараньи ребрышки, приготовленные на углях... это нечто!

А ведь я подсел в «Коридии» на мясные корфянские блюда! Знаете, что такое софрито? Не знаете! А это тонюсенькие кусочки свежайшей телятинки, запеченной в белом соусе со специями в горшочке. И подаются они с картошечкой или с рисом. Божественно!

Еще раз про историю острова, которая имеет отношение к кулинарии. Вспомните: Корфу никогда, в отличие от материковой Греции, не был под османским игом. И независимость его от турков защищали византийцы, венецианцы, французы. Англичане и россияне, в конце концов. И поэтому кухня Корфу не носит следов мусульманства.

И не только кухня – на острове нет мечетей, почти все жители православные христиане. И поэтому здесь едят и свинину, и то, что ели венецианцы в средние века, и то, что нравилось французам, англичанам и русским, пребывающим на Корфу.

Кстати, благодаря именно венецианцам кухня острова обогатилась такими блюдами, как пастичада и пастичада – это та же итальянская паста, только чуть покрупнее – которая подается с мясом, обычно телятиной, запеченным в красном соусе с чесночком и специями. А пастичио – это тоже паста, но уложенная на специально выпеченную лепешку.

Лена на Корфу объедалась местной мусакой. Даже эта традиционная греческая запеканка с баклажанами, бараниной, помидорами, кабачками и картошкой здесь была какой-то особенно вкусной, по утверждению моей жены. Сам я как-то мусаку не очень люблю.

А вот что я ем там с особенным удовольствием, так это огромные грибы-вешенки, приготовленные на гриле, с местным соусом. Объедение! А каков был барашек, только что снятый с вертела! А жареная рыба в белом соусе с чесноком, уксусом и розмарином, она называется саворо! А буферто, тушенная в пряном соусе акула!

А... нет, не могу больше об этом вспоминать – хочется обратно в «Коридию»!

«Коридия» – это действительно семейная таверна. Возможно именно поэтому все блюда здесь подомашнему особенно вкусны. Заправляет хозяйством внушительный пожилой мужчина – глава семейства Янис Ласкерис. За кухней следит его жена. Посетителей обслуживают дочка Екатерина и ее муж. Они же помогают готовить все те вкусности, о которых я вам только что рассказал, и другие блюда, которые у меня просто нет сил вспоминать.

В первое же наше посещение «Коридии» после

трапезы мы горячо поблагодарили Яниса за доставленное нам кулинарное удовольствие. Хозяин улыбнулся, поднял руку, сказал «Момент» и куда-то удалился. Совсем скоро он вновь подошел к нашему столику и поставил на него большое блюдо с кусочками дыни и арбуза. Ленка и я удивленно посмотрели на него: «Мы это не заказывали!» Янис рассмеялся: «Нет-нет, за это платить не надо. Это подарок вам...»

И каждый день повторялся этот ритуал: мы говорили искренние слова благодарности после обеда, а, перед тем как подать нам счет, хозяин или его родные приносили на стол такой вот «подарок». Но это не всегда были арбузы с дынями, могли нам принести и традиционные греческие сладости. Однажды Янис принес на наш стол две тарелочки, на которых лежали по два похожих на шоколадные яйца, то ли пирожные, то ли еще что-то. «Это моя жена сделала специально для вас, – сказал он. – Попробуйте, это очень вкусно!» Это была баклава – миндальные орехи, сваренные в меду и сахарном сиропе.

Вся беда в том, что мы с Леной не очень любим сладости. И поэтому из вежливости съели по одной такой штучке и стали собираться. По лицу Яниса было видно, что он растерян. «Вам не понравилось? – немного обиженно спросил хозяин. – Это же очень хороший десерт...» Пришлось торопливо объяснить ему, что мы просто очень сытые и в нас уже ничего не лезет. С тем и ушли из таверны в тот день.

По дороге в отель Лена задумчиво сказала: «Ну вот, обидели его. Надо было в салфеточку завернуть и сказать, что вечером с чаем съедим...» «Ну да. Не видать нам больше «подарков» от хозяйна», – невесело подтвердил я.

Но на следующий день господин Ласкерис встретил нас все так же радушно своей неизменной обаятельной улыбкой. И опять был нам «подарок» – дыни и арбузы. И так продолжалось до самого последнего нашего дня пребывания на Корфу. И в этот день он сделал нам с Ленкой особенный подарок. Но об этом речь чуть позже.

Надо сказать, что такие «подарки», как нам, Янис делал далеко не всем своим клиентам. Не раз и не два мы ловили на себе завистливые взгляды наших дорогих соотечественников, которым подобная милость оказана не была. А однажды Лена и я имели возможность наблюдать даже мини-скандал по этому поводу. Парочка из России – женщина и мужчина лет эдак чуть за сорок – увидела, как дочка Яниса Екатерина принесла нам очередное блюдо с кусочками дынь и арбузов.

А эта парочка, видимо, была из разряда тех «руссо туристо», которых можно встретить и в скромной «трешке», и в дорогом отеле на любом зарубежном курорте. Эти люди вечно всем недовольны, они считают, что раз уж «этим аборигенам» выпала честь встречать столь важных персон, как они, то все просто обязаны вертеться на пупе вокруг них с молитвенными криками «чего изволите?».

Так вот, эта российская дама довольно громко – видимо, чтобы мы услышали – сказала своему спутнику: «Видишь, ЭТИМ десерт бесплатный принесли, а нам нет! Спроси у старика (*это она о Янисе. – Прим. автора*), что за бардак? А нам?» Ейный мужик дождался, когда наш хозяин пошел в свой очередной обход владений и прошел в нескольких шагах от их столика, и, подозвав его щелчком пальцев (вот хам!), спросил по-английски: «А нам будет такая тарелка, как у них?» И ткнул толстым пальцем с золотым перстнем в нашу сторону. Янис улыбнулся и ответил: «Да, конечно, закажите. Стоит два евро». «Но они же не платят за это, мы видим», – возмутился мужик. «Я просто захотел сделать им подарок», – невозмутимо ответил хозяин «Каридии» и отошел от стола. Мужик передал своей спутнице содержание разговора, и она отреагировала на это предсказуемо: «Здесь все скоты, Роберт! Пойдем отсюда!»

А ведь были бы они немного тише и улыбчивее, им бы, возможно, тоже достался кусок бесплатного арбуза...

Так... давайте немного отойдем от таверны «Каридия».

Совсем недалеко отойдем, где-то на километр, и пробежимся по магазинчикам Дассии. По продуктовым магазинчикам, ведь мы говорим сейчас о еде.

Магазинчики эти на каждом шагу. И там вы можете найти все, что привезете на нашу Родину. Ну, про ликер «Кумкват» я вам уже рассказывал: все это здесь дешево, в любых расфасовках, даже есть небольшие бутылочки в виде силуэта Корфу. Оливковое мыло, конечно. Оливки – да! Но самое главное, что вы должны увезти отсюда – это горный мед Корфу! Он действительно целебный. Он тут продается и чистый, и с орехами внутри баночки, и еще с какими-то добавками. Я не особенно люблю мед, по этому продукту Лена у меня – самый ценный специалист. И она говорит: «Мед Корфу – это супер!» Я ей доверяю.

Вообще, меня поразило в магазинчиках Корфу – и Дассии в частности – вот что. Вы заходите в торговый зал, и перед вами встают полки со всякими вкусностями и винами. Вот полки с баночка-

ми оливок. На одних полках написано: «Продукты Греции». Рядом – те же оливки – «Продукты Корфу»! И так же на полках с винами, с медом, с узо (местная водка, мне не понравилась), с коньяком и ликерами.

О вине. Сухое вино на Корфу – это очень вкусно! Особенно если ты мешаешь его с минеральной водой.

Кстати, питьевая вода на острове почти полностью привозная. Здесь очень мало пресных источников, поэтому всю бутилированную воду привозят с материка. Но от этого она хуже не становится.

В первый день мы купили в ближайшем мини-маркете две бутылки сухого вина: белое для Лены, красное – для меня. Стоили они где-то восемь – девять евро за бутылку.

У нас не было с собой штопора, поэтому я пошел с нашей добычей в пляжный бар, чтобы открыть их. Бармен с уважением посмотрел на то, что мы приобрели, и сказал: «О-о-о! Хорошие вина вы купили. Это класс!»

Но на следующий день я заметил, что два крепыша-голландца, что жили в нашем отеле, несли к себе в номер пятилитровые канистры вина. Вечером пошли в магазин и увидели, что на полу у прилавков действительно расположились такие канистры – и в них белое, красное и розовое сухое вино местного производства. И стоят такие канистры от восьми до одиннадцати евро.

Прежде чем покупать веселящий напиток в такой упаковке, я решил проконсультироваться со ставшим мне уже почти другом барменом на нашем пляже.

– Слушай, а в магазине продается вино в канистрах. Оно хорошее? Уж больно дешево стоит...

– Вино в канистрах? Да хорошее оно, натуральное. Не высший класс, но вкусное. То, что вы вчера в бутылках купили, конечно, классом выше, но качество везде хорошее...

– А почему тогда в канистрах?

Бармен рассмеялся:

– Да у нас здесь столько вина производят, что бутылка стоит дороже, чем ее содержимое. Вот и все. Так что покупай, все хорошо...

И все оставшееся время, что мы провели на Корфу, у нас в номере стояли пятилитровые бутылки с корфянским сухим вином вперемешку с греческой минеральной водой...

Дешево и очень вкусно.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОДАРОК ЯНИСА

Однажды мы пришли проторенной дорожкой в «Каридию» обедать, и Янис нас спросил: «У вас когда отдых заканчивается?» «Да вот завтра последний раз сюда придем, послезавтра утром самолет», – ответил я. Янис сокрушенно покачал головой: «Плохо, когда отдых заканчивается. И когда мы таких друзей теряем... Но вы завтра обязательно придете?» – «Да, конечно!»

На следующий день мы с Леной пришли в нашу любимую таверну, решив, что напоследок закажем все самое вкусное, что удалось здесь попробовать. Ленка лакомилась огромными креветками, приготовленными на гриле, я – телятинкой, филе барашка на гриле и – немного – бараньими ребрышками, вымоченными в травяном отваре.

Когда мы заканчивали нашу прощальную трапезу, пришел Янис. Он, как и в первый день, поднял руку и сказал: «Момент!» и опять исчез где-то в недрах бара. И тут же неожиданно появился с двумя тарелками, на которых лежали кусочки торта, политые чем-то темным. «Вы не любите сладкое, – сказал нам наш новый друг. – Но это совсем не сладко, это очень... – он искал нужное слово и выдал: – aristocratically!» Ребята, да, этот кусок торта, покрытый миндальным соусом, был действительно «aristocratically», то есть аристократичным! Это было нечто обалденно вкусное!

Но на этом чудеса в последний день в «Каридии» не закончились. Когда мы съели бесконечно изысканный торт от жены Яниса, сам он подошел к нам с

двумя пакетами. И сказал, обращаясь к Ленке: «Вы, мадам, каждый день заказывали на обед белое сухое вино. Так вот это вам!» И он протянул моей жене один из пакетов. Там оказалась бутылка белого сухого вина. «А вы, мистер, – обратился Янис ко мне, – каждый день заказывали красное сухое вино, правда?» Я растерянно кивнул головой: «Да...» – «Тогда это вам!» И Янис торжественно вручил мне второй пакет. В нем оказалась бутылка красного сухого вина. «Это вино сделано из ягод наших семейных виноградинок, – сказал он и показал этикетку. – Видишь, здесь написано: «Вино Яниса Ласкериса». Это я! – И он гордо ткнул себя в грудь. – Вы завтра куда улетаете?» – «В Санкт-Петербург...» – «А потом?» – «Потом поездом в Петрозаводск, это на границе с Финляндией». Янис покрутил головой: «Когда придете в этот...» «Петрозаводск», – подсказал я. «Да... туда. Откройте эти бутылки и вспомните нас». И добавил по-русски: «На здоровье!»

P.S.

Мы приехали в Петрозаводск и через какое-то время открыли подаренные Янисом бутылки с вином. Было такое впечатление, что с Корфу мы и не расставались...

**Дассия – Петрозаводск
Сентябрь 2014 – июль 2015**

□

Александр ЕРШОВ

родился в 1964 году в Медвежьегорске.

Окончил исторический факультет Петрозаводского университета.

Работал в печатных СМИ и на телевидении,

в настоящее время – в энергетической компании.

Автор книги «Городские истории. Путевые заметки» (Петрозаводск, 2011).

В журнале «Север» публикуется с 2011 года.

Член Союза журналистов РФ.

Живет в Петрозаводске.

**Андрей
СУНГУРОВ**
г. Петрозаводск

*«Мне очень нужно,
Мне очень надо...»*

Андрей Евгеньевич СУНГУРОВ –

поэт, прозаик, публицист, педагог.

Пишет для детей и взрослых,
но большая часть его произведений адресована
именно маленькому читателю.

Публиковался в журналах «Мурзилка», «Кипиня»,
«Новые рубежи», «Север»,

«Школьный вестник» и др. изданиях.

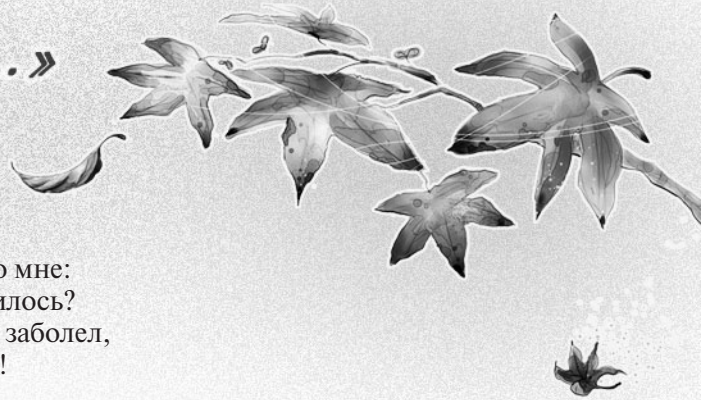
Автор книг «Волшебная зеленая страна»,

«Речка может простудиться?»,

«Волшебная Белая Тросточка».

Член Союза писателей России.

Живет в Петрозаводске.

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Рыжею лисою
В лес стремится осень
Пошуршать листвою,
Помечтать у сосен.

Золотым узором
Выткать все опушки,
Выстудить озёра,
Реки и речушки.

Белый-белый иней
Даст бруснике сладость,
Алый цвет рябины –
Всем в лесу на радость.

Улетают птицы,
Но грустить не стоит.
Осень в лес стремится
Рыжею лисою.

ДРУГ ЗАБОЛЕЛ!

Бабушка пришла ко мне:
– Что с тобой случилось?
– Верный друг мой заболел,
Подцепил он вирус!

Чем лечить и как лечить?..
Бабушка решает:
– Надо чай горячий пить.
Сразу полегчает!

Есть горчичники и мёд,
И лимончик кислый.
Скоро твой дружок пойдёт
На поправку быстро!

Травяной настой густой.
Если будет мало,
Друга своего укрой
Тёплым одеялом!

Я качаю головой:
– Подожди минуту!
Мастер едет к нам домой
Починить компьютер!

ИНОПЛАНЕТЯНИН

Где-то в какой-то галактике,
На неизвестной луне
Мальчик учил математику,
Сидя на круглом окне.

Синее солнце вставало
Из-за стеклянной горы,
Тихо трава щебетала,
Мирно паслись комары.

В поле квадратный мячик
Шумно гоняли друзья.
Взять бы железный задачник
И отложить, да нельзя!

Мальчик позавтракал камнем,
Выпил дымящийся квас.
Завтра начнется экзамен
За сто пятнадцатый класс.

ШОКОЛАДНЫЙ ГОРОД

Мне очень нужно,
 Мне очень надо
 В город, построенный
 Из шоколада!
 Без шоколада
 Я пропаду!
 Дайте мне адрес —
 Я город найду!
 Идешь и жуешь
 Деревья, цветочки.
 Можно кусать
 Кирпичи или бочки.
 Если покажется
 Этого мало,
 Можно лизать
 Борта самосвала!
 В городе вкусно,
 В городе сладко.
 Мост через речку
 И тот — шоколадка!
 Воздух вечерний
 Тёплый, приятный.
 Дождик идёт —
 Шоколад ароматный.
 Как хорошо здесь
 Мальчишкам, девчонкам!
 Школа — сплошной
 Шоколад со сгущёнкой.
 Даже директор
 В строгом костюме
 Ест шоколадный
 Компьютер в изюме!
 Дайте мне адрес
 Скорее, друзья!
 Без шоколада
 Никак мне нельзя!

ГРИБЫ

Грянул гром, и за окошком
 Хлынул ливень серебристый.
 На асфальтовых дорожках
 Выросли грибы вдруг быстро.

Удивляюсь я: откуда?
 Из каких волшебных сказок
 Появилось это чудо —
 Шляпки радужных раскрасок.

Несмотря на ливень сильный,
 Ходят по Петрозаводску:
 Красный гриб, зелёный, синий,
 Гриб в цветочек, гриб в полоску.

Вот стоят у перекрёстка,
 У домов многоэтажных
 В золотистых крупных блёстках
 Пять грибов, больших и важных.

Чёрный гриб журнал читает,
 Жёлтый — прячет в сумку глобус.
 Гриб в горошек догоняет
 Переполненный автобус.

Гриб прозрачный, стоя в луже,
 Кнопки жмёт на телефоне:
 — Мне билет на поезд нужен.
 Да, в купе!.. В седьмом вагоне!..

У двери «Товары — детям»
 Гриб с узорами бормочет:
 — То машинку, то медведя!..
 Сам не знает, что он хочет!

Гриб малиновый коляску
 С рыженьким грибком толкает.
 Думаете, это сказка?
 Скажете, так не бывает?

Вскоре солнце улыбнулось,
 Быстро тучи проносились.
 Я ничем не обманул вас —
 Это зонтики закрылись!

Андрей ЦУНСКИЙ

г. Петрозаводск

РЫЦАРИ

повесть

Витольду Пыркошу

Маленькое предуведомление

*Один популярный художник
(не скажу что из моих любимых)
штукатурил холсты размером
с дом и потом изображал
на них чуть ли не всех героев разных эпох.*

*Кого-то было легко узнать,
кто-то оставался неузнанным
или был прописан слишком мелко.
Специально для выставок выпустили
каталоги — в них были напечатаны схемы,
где каждая фигурка обозначалась циферкой,
а внизу — список.*

*И уж тогда посетитель не ошибался,
кто где изображен, впрочем, часто
недоумевая, зачем и почему в таком виде.
Если бы «Рыцари» были картиной, они бы,
к счастью, столько места не занимали.*

*Но вот некоторые персонажи
очень напоминают реальных людей,
вплоть до внешних черт
и биографических подробностей.
И все же я не хочу рисовать для зрителя
схему со списком.*

*И тому есть несколько причин.
У некоторых персонажей есть
совершенно реальные прототипы,
их узнать легко, и не нужно ставить
на них никаких циферок и номеров.*

*Кто знает, кому принадлежала
скрипка Гварнери, доставшаяся от Энеску, —
очень хорошо.*

*А кто не знает —
пусть постарается узнать сам.
Зачем красть у читателя возможность
делать открытия самостоятельно?..*

Есть персонажи вымышленные.

*Что о них скажешь?
Как пронумеровать их и что писать
в справке для нелюбопытных?
«Фантазия автора»?*

*Полагаю, у читателя
фантазии предостаточно и своей.
А как быть с теми, кто немного похож
на реальных людей,
но в пространстве и временах повести
вел себя самым неприятным образом?*

*Кого автор,
не имея в виду конкретных людей,
а только похожих на каких-то других,
оказавшихся в этом
сплетении литературных персонажей,
для того чтобы повесть не развалилась,
заставлял делать некрасивые вещи?*

*Представьте себе, напишу я в сноске:
«Герой № 6 похож на господина такого-то,
но на самом деле только похож,
но это ни в коем случае не он»?*

*Нет уж, увольте. Это не газетный очерк
и не пособие по истории музыки.*

*А вот музыка вся — подлинная,
ее можно услышать, она добавит
читателю нужное настроение.*

*Раскрою только одну тайну —
кто таков Витольд Пыркош.
Смотрели фильмы «Ва-банк» и «Ва-банк-2»?*

*Был там такой Датчанин, помните?
Вот Витольд Пыркош играл его.*

*И мне кажется, что
главного героя «Рыцарей» лучше всех
мог бы сыграть именно он,
таким он мне представляется внешне.*

*А остальное — поймет каждый,
у кого хоть немного зрячая душа.*

*С искренним уважением
к пытливому читателю
и пожеланием к нему —
слушать больше хорошей музыки,*

ваш А. Ц.

Даже в Париже можно оказаться в очереди. Конечно, есть важные господа, которые могут не тратить времени и «не ронять своего достоинства» — а послать вместо себя кого-то, например курьера или секретаря. Но в очередь, о которой ведется речь, секретарей и прислугу посылают только те, у кого тугой кошелек и такое же тугое ухо. Главный концертный зал великого города смеется над такими всеми своими креслами! Выбор мест очень невелик, самые лучшие всегда будут заняты людьми, принадлежащими к элите из элит — людям с самым тонким в Париже, да и не только в Париже, слухом. Эти места будут резервированы для особых гостей всезнающими администраторами. Ох, и хлопотная же эта «элитная» публика! В дни выступлений Рыцаря в одном из самых прославленных залов Европы собираются композиторы, дирижеры, исполнители, критики. И сколько между ними бывает ненависти и неприязни, обид и капризов, и это даже если не брать в расчет издревле присущую этому нервному цеху ревность! Тут они черпают прямо из воздуха аргументы для теоретических баталий и хриплых споров о форме! Так что кому и где достанутся кресла, кто рядом с кем окажется, столкнется в проходе или гардеробе... — ох, тонкая работа, и очень даже опасная, у тех, кто раскладывает в конверты билеты — эти конверты доставят людям, определяющим звучание нашего грешного мира!

Напрасно какой-нибудь месть министр или депутат будет пытаться подкупить администратора, умоляя устроить два места поближе к ***. Не выйдет!

Президент, премьер-министр, равные им по рангу гости из других стран и даже прибывшие с визитом августейшие особы оказываются здесь в самой красивой и не самой лучшей для прослушивания ложе. Эта ложа придумана для того, чтобы показать, кто почтил событие вниманием, не забывая о том, что у этих сильнейших мира сего могут оказаться нежные и восприимчивые к музыке уши. Заметим, однако, что такое случается редко.

Но и у оставшихся в зале мест, на которые можно купить обыкновенные (хотя и весьма дорогие) билеты в кассе, тоже есть свои особенности. И здесь кому-то важно, с кем рядом можно оказаться, кто-то желает уютно приту-

литься там, где ему никто и ничто не помешает, кому-то важно «показаться», а кому-то — остаться незамеченным... Но их пожелания учтены не будут! Администраторы демонстративно неподкупны, кассир даже не смотрит на лица жаждущих желанных мест в партере, капельдинер царственно сопровождает в ложу или к креслу персон, известных всему миру, но делает это с равнодушием, достойным воспитанного породистого пса.

Заметим, однако, что здание построил когда-то гений, щедрый и понимающий больше холерных ливрейных слуг и темных барышников. Лучший звук — в пятом, шестом, седьмом рядах и на самом верху. Публика там помоложе, хотя и семидесятилетний старик может там с азартом ждать, когда же, наконец, рассядутся все эти миллионы, караты и ордена внизу и прозвучит, наконец, третий звонок...

И вот такой почтенного возраста человек, впрочем, не из бедных, хотя теперь это не сразу и разглядишь, довольно наблюдал за тем, как разбрелись недовольные, после того как окошко кассы захлопнулось. Темные личности, готовые «помочь» невезучим за многократно вздутую плату, оживились, и кое-кто, в сердцах выругавшись, уже выложил им изрядные суммы. Многие еще мялись и прикидывали, во сколько других радостей, менее изысканных, но ежедневно необходимых, обойдется им «помощь» барышника. Остальные вздыхали и спускались по каменным ступеням на тротуар, где растворялись в быстротекущем городском *perpetuum mobile*.

И взгрустнулось пожилому господину, потому что у него-то в кармане было именно то, чего все здесь так жаждали. И было у него «этого» столько же, сколько бывало и обычно, но теперь больше, чем требовалось... И угнетало его обстоятельство, что сложная задача требовала решения, а решения этого не было.

Уже он собрался идти, и стало еще печальнее — раньше для этого дня был у него совсем другой маршрут, а сегодня — оставалось идти домой или куда хочешь, а не хотелось никуда, уж домой в особенности. Он стал придумывать себе планы на ближайшие часы — как он пойдет в ресторанчик, где бывало за долгие годы больше знаменитостей, чем лежит на парижс-

ких кладбищах, и как станет он за стаканчиком вина и чем-нибудь лакомым предаваться воспоминаниям. А на стол ему подаст человек по имени Ренэ, который помнит почти всех приходивших сюда великих и не великих и с которым и пожилой господин сам был знаком многие тысячи дней. Это, конечно, неудобно, когда старый друг подает и наливает тебе вино, которое сам не смог бы себе позволить, да еще и меняет перед тобой тарелки, но ничего — у них скоро будет шанс посидеть на равных и подавать будет кто-то другой.

Но важно не только решить, куда пойти — но и как. Маршрут — это серьезная вещь, если с каждым домом тебя связывают воспоминания. Воспоминания — это давние события, а события — это люди... И хорошо, если эти люди есть еще там, если среди игроков в шары в парке можно встретить знакомое лицо, а рыбак на набережной будет пусть незнакомый — но тот же самый... Сегодня нельзя испортить такое хрупкое в старости настроение. Нежелательная встреча — ерунда. Невстреча или невозможность встречи, о которой напомнить может любая мелочь, — вот что ранит человека все сильнее с каждым годом. Вернее сказать — бережит раны, которых становится все больше и больше...

Тем временем от одного из билетных жуликов отошла пара. Пара — это всегда интересно. Почему парочки интересны старикам, в общем, довольно понятно, но вы с окончательными выводами не торопитесь, даст бог — доживете и поймете сами во всех подробностях, если вы не мизантроп, конечно. А этот господин мизантропом не был, хотя иной, пережив то, что этому человеку довелось пережить, давно мог бы возненавидеть род людской от Адама включительно.

Парочка была в замешательстве, и любопытный (не скроем этой шалости характера, ему присущей) господин прислушался к разговору молодых людей, которым казалось, что сегодня у них невезучий и, в общем, несчастный день.

— ...Все же я что-то не пойму... — сомневался молодой человек, пересчитывая общие деньги, извлеченные из грубоватого бумажника и смешного девичьего кошелька. — Чем так плох концерт, который будет в пятницу...

— Милый, но на него мы все же могли купить билет, а ты замешкался, вот его и увели у нас из-под носа!

— Да, но это были дорогие места. А я точно знаю, что настоящие ценители дорогих мест не берут. И ты заметила — все, кто не добыл билетов на четверг, ушли с кислыми физиономиями. А значит — в пятницу концерт почему-то хуже. Ты же достойна только самого лучшего!

— Милый, спасибо тебе! Но, знаешь... это было бы дешевле, чем покупать теперь билет на сегодня у этих типов... — она сморщила гримаску, очень точно изобразив одного из спекулянтов, — а мы и тут замешкались, теперь у них ничего и вовсе нет...

— Я обожаю этого скрипача не меньше чем ты, моя радость, хотя и понимаю в музыке не так много... Уже увидеть его — для меня большое событие. Но ты же знаешь, если я сталкиваюсь с загадкой, я буду терзаться до тех пор, пока ее не раскрою. Поэтому я и задумался...

— Так мы уже разгадали эту «загадку». В пятницу Рыцарь не дает бисов. И концерт заканчивается на полчаса раньше. Только и всего...

— Я не большой знаток, но, может быть, бисы — это и есть самое главное? А кроме того, остается вопрос: в четверг — бисы есть, а в эту пятницу их не будет. И никогда не бывает. Почему?

— Ну... Может быть, он просто устает. Ты знаешь, кстати, что для него каждый концерт — это подвиг! Он ведь в детстве попал к педагогу, который разглядел в нем талант, но не обратил внимания, что Рыцарь — физически далеко не Паганини... В том смысле, что для скрипача у него очень короткие руки... И в самом раннем детстве Рыцарь правую руку переиграл... Для него каждый взмах смычком — это просто физически больно! И к концу недели он, конечно, уже не так свеж, как в среду или в четверг... Вот и хочет доиграть поскорее.

— Может быть... Но только знаешь... Я видел его лицо на афишах и по телевизору. Это не тот человек, который дал бы боли взять верх над собой! Его характер виден каждому, у кого хоть немного зрячая душа!

Господин с интересом поджал губы, скрывая улыбку: он заинтересовался разговором этой пары с первого слова — сначала ему было лю-

бопытно, потом смешно, а затем стало радостно: и Он, и Она очень ему понравились. Она красива, но не избыточно, ее приятная красота не подавляла ее естественности и простодушия. А Он был простодушен, но не беспечен, и внешне тоже хорош собой, но, похоже, никогда об этом не задумывался. Глаза у Него были умные и цепкие — интерес старичка Он не пропустил и сказал своей спутнице, ничуть не повышая голоса и не давая понять, что заметил чужое внимание:

— ...Пожалуй, нам стоит покинуть место, где нам не повезло, и придумать по пути что-нибудь попроще, а удачу здесь ловить в другой раз. А?..

...Пожилой господин был очарован Его словами. «Каждый, у кого хоть немного зрячая душа...» В конце концов — почему бы не разыграть этих милых детей да и не посмотреть, насколько этот парень на самом деле сообразителен, и правда ли, что у них зрячие души. Сказать такое — это одно, но вот обладать такой душой на самом деле... «Вот и посмотрим!» — ехидно подумал господин и словно сам себе строго изрек:

— Предполагать, что Рыцарь берет в руки инструмент и думает, как бы поскорее положить его в футляр, — по меньшей мере неуважительно. И никакие болезни тут ни при чем. Все дело именно что в секрете.

Молодой человек хотел удержать свою подружку от разговора с посторонним, но тот, кто сумел бы без явной грубости противостоять женскому любопытству и в этом преуспеть — ну нет, такой человек не родился еще, и будем надеяться, что родится нескоро. Пусть наш мир до самого конца вертится в одну сторону. Она рванулась к пожилому господину и спросила, глядя прямо в глаза незнакомому человеку:

— Месье, вы говорите — «в секрете»! А вы, может быть, даже знаете этот секрет?

— Я? — неторопливо вытаскивая из кармана пиджака сигару в металлическом футляре, переспросил месье, как будто призадумавшись, верно ли будет то, что он собирается сказать. И вместо ответа покачал головой и достал старые и очень теперь дорогие карманные часы с сигарной «гильотиной» вместо брелока. «Каз-

нив» извлеченную из футляра сигару, он утвердил ее во рту и стал искать по карманам старую, но очень аккуратно использовавшуюся последние лет тридцать пять железную бензиновую зажигалку.

Тут заинтересовался и друг любопытной красавицы. Он ни слова не сказал и только всмотрелся в глаза старика, когда-то ярко-голубые, а теперь становившиеся с каждым годом все яснее и прозрачнее. Старику такое поведение молодого человека понравилось. Он раскурил сигару, и глаза его предательски прослезились — любимый некогда табак стал уже крепковат. Моргнув пару раз, он «подсушил» глаза и поиграл сигарой во рту как бы в задумчивости.

— Да, я этот секрет знаю, — заявил он утвердительно и добавил. — Именно поэтому я всегда в дни концертов Рыцаря освобождаю вечера от других дел. И билеты у меня всегда есть. И на четверг, и на пятницу. На четверг — два, а на пятницу — три.

— Так вы ходите на концерты по четвергам в обществе какого-то искусственного меломана, а в пятницу берете с собой менее взыскательных приятелей? — уточнил молодой человек.

— Вы сами себе противоречите. Если у концерта в пятницу есть секрет, то зачем мне брать с собой тех, кто ничего не понимает? — отвечал месть с ехидной улыбкой.

Если бы девушка начала расспрашивать его, стараясь продемонстрировать свое очарование и тем самым от этого очарования сразу избавившись, или молодой человек буркнул бы «Что-то я вас не пойму» или нечто в этом роде, старик действительно развернулся бы на каблуках и отправился к Ренэ без промедления. Но двое слушали его как зачарованные.

Ах, как это важно — трепетно относиться к тайнам и секретам! Никогда не пытайтесь вести себя с ними как с кроссвордами или прочими газетными задачками. Они никогда не покажут, насколько вы умны — скорее, измерят степень вашей глупости. Тысячи настоящих тайн рядом с вами остаются нераскрытыми именно потому, что вы предпочли их не заметить. Тайну или секрет надо еще сначала найти, наткнуться на них озадаченно, проникнуться их глубиной, потерять из-за них покой,

поверить в их чрезвычайность. Если вы предпочитаете готовую загадку с напечатанным вверх ногами ответом — вот вам ваш выигрыш, вернее — проигрыш, равный стоимости жалкой газетенки, и живите скучной жизнью на всем готовом.

Но перед этой девушкой и ее женихом стояло много настоящих загадок, главными из которых были друг для друга они сами. А освещенные мягким мерцанием таких тайн, все остальные тайны тоже становились преисполненными важности. Старик улыбнулся — даже не им, а себе самому, что-то вспомнив, и полупшепотом сообщил:

— Это действительно секрет. Но секретами не разбрасываются. Их разгадывают. Или кто-то может вам их раскрыть, если вы будете вести себя правильно и сами приложите некоторые усилия.

Эти двое стали еще приятнее ему, потому что продолжали молчать и только смотрели на него, как дети на фокусника, которые верят, что кролика можно достать из пустой шляпы, а человек, уходя в таинственный черный шкаф, на самом деле исчезает и полудетая красотка появляется на его месте благодаря волшебству. Старик сжалился. Да и невыносима была мысль о том, что сегодня вечером такси отвезет его в огромную пустую квартиру, где ему нужен только любимый уютный уголок с торшером и радиоприемником возле диванчика. Ведь и в этом уголке ему будет невыносимо, если опять, разбередив душу, будет страдать он бессонницей. Снова придется ему переживать свою долгую жизнь, и некоторые дни будут в измерении памяти гораздо длиннее и мучительнее, парадоксально уместаясь в несколько часов, предназначенных для сна... Упадет его душа в мутную воду событий, которые теперь кажутся совсем иными по значению, и нырнет оттуда в толпу людей — живых и уже не живых... Но эти двое помогли, и нашлись решения, которые он искал.

— Как раз теперь, — таинственно прошептал он, — у меня есть одно важное дело, которое я просто не в состоянии отменить. Я просто изведусь, если не сделаю его именно сегодня. Но

есть одна загвоздка. У меня в кармане пиджака спрятано то, что не должно пропасть. И вам везет! Берите. Это билеты на сегодняшний концерт.

Молодой человек так и стоял с мятыми денежными бумажками в руке и попытался отдать их старику, но тот властно вложил ему в ладонь конверт с двумя билетами и махнул освободившейся рукой.

— Это не продается! Видите ли... Эти места — особенные. Рыцарь обязательно посмотрит в их сторону. Если именно эти два кресла окажутся пустыми... О, он будет очень расстроен!.. Но его глаза уже не те, и он не разглядит, кто именно их занимает.

— Но, может быть, капельдинер посадил бы туда кого-то другого... — предположила девушка.

И старик произнес со строгой определенностью:

— Ни один капельдинер не посмеет посадить на эти места людей, у которых нет таких, особенных, билетов. Если у него хватит на это нахальства, то будет уволен еще до антракта. Вас проводит к креслам сам старший администратор. У его окошка будет столкновение, но он лично проверит, все ли благополучно именно на этих местах. Возможно, что он удивится, увидев вас, но я подчеркиваю, что эти билеты совершенно особенные.

— А если он спросит, кто мы такие и откуда у нас эти, как вы сказали, особенные билеты? — испуганно перешла на такой же, как у старика, шепот девушка.

— Вы ответите ему просто. «Месье, которого вы знаете, — скажете вы, — выбрал нас, чтобы занять эти кресла, и помните — главное, чтобы Рыцарь не расстроился!» Тогда он может спросить, отчего же месье не пришел сам. Вы ответите ему, что главное — уговор, а месье, к сожалению, не может сегодня соблюсти все условия. И к тому же он очень серьезно готовится к завтрашнему вечеру! И больше никаких вопросов не будет. Если будут — просто не отвечайте. И все. Он тут же оставит вас в покое. Через час зал откроется. Приходите с таким расчетом, чтобы после второго звонка вы уже сидели на этих местах. Я очень рассчитываю на ваш такт и проницательность. Погу-

ляйте пока неподалеку, а мне, с вашего позволения, уже хотелось бы откланяться.

Двое остались в полном — и радостном — недоумении. Они выпили по бокальчику дешевого вина в кафе неподалеку — чего бы уж точно не произошло, и не только в этот вечер, если бы им пришлось отдать старику положенные деньги. С первым звонком они направились ко входу в зал, капельдинер лично проверил их билеты и тут же уставился на молодую пару с подозрением. Он попросил «минуточку подождать», и почти сразу рядом с ним после странного взмаха его руки появился важный мужчина в круглых очках под сросшимися бровями. Не дожидаясь вопросов, молодой человек сказал:

— Месье, который хранит уговор, просил передать, что эти кресла непременно должны быть заняты. Вы же не хотите расстроить самого Рыцаря?

— Да-да... — замялся важный, но спросил:

— Я надеюсь, месье здоров?

— Вполне... — начала было девушка, но молодой человек со слегка преувеличенной суровостью перебил ее:

— Месье просил только напомнить вам, что уговор есть уговор. И его условия должны соблюдаться неукоснительно!

— Прошу прощения, разумеется, это именно так. Я слишком много болтаю. Позвольте я вас провожу.

На лице все еще с любопытством разглядывающего их капельдинера подозрение сменилось на подобострастие.

И напыщенный мужчина в очках лично проводил их к двум великолепным креслам в седьмом ряду, чуть левее центрального прохода. На креслах уже лежали программки, которые другим приходилось покупать.

Прозвучал второй звонок.

И капельдинер, и администратор словно упорхнули куда-то. Восторженные и немного напуганные, девушка и ее спутник не заметили, как возле левой кулисы слегка пошевелился занавес и из-за его края скользнул по их креслам внимательный взгляд.

* * *

Ресторанчик, хотя и небольшой по размерам, отличался от прочих тем, что почти все здесь было старое и настоящее. Посетители здесь были, впрочем, разные и, конечно, не те, что раньше. Очень много иностранных туристов, в особенности американцев. Цены тут вряд ли подошли бы приезжим из стран победнее. Сдержанно кивнув знакомой даме лет сорока с хвостиком незаметно для сопровождающего ее мужчины с атлетической фигурой, господин одними губами проговорил ей, благо мужчина смотрел в другую сторону:

— Ах ты, проказница! — и подмигнул.

И получил в ответ волшебную улыбку, а сидевший напротив дамы атлет просиял, по глупости думая, что улыбка эта предназначалась ему. Месье тоже улыбнулся — и не без озорства.

Вечер начинался, вопреки всему, не так и плохо.

Он уверенно пошел к столику, свободному, несмотря на то что ресторан был полон. Похоже, что не только кресла в концертных залах, но и столики в ресторанах для этого пожилого человека полагались особенные. Да так оно и было, хотя внешне он не казался богачом: пиджак на нем был не новый, под пиджаком — рубашка, тоже не первый раз надетая, хотя все было очень аккуратным и чистым. Справа возник высокий и худощавый Ренэ, сохранивший, несмотря на возраст, осанку и статью.

— О, кого я вижу! Кобра?! — тихо проговорил он с трогательной улыбкой. — Я так и подумал, что сегодня надо придержать твой столик.

— Черт тебя подери, Ренэ! Ты всегда угадываешь все наперед... Нет бы сказать: «А что же ты сегодня не пошел на концерт?»

Ренэ покачал головой, хотя официанту в этом ресторане так вроде бы и не положено:

— Мы давно знакомы, Кобра. И причину я понял, не заглядывая в газеты... С тобой я предпочитаю говорить без обиняков.

— И что с того?

— Прости. Я предположил, что ты сегодня не захочешь расстраивать Рыцаря. Но как же ты вышел из положения?

— Погоди с этим! Действительно, именно это

вышло довольно занятно, — к старику вернулся его внезапное хорошее настроение.

— Что тебе подать, Кобра?

— Попроше, покрепче, побольше.

— А что — покрепче?

— Что действительно покрепче! И давай придумаем, как удалить отсюда этого огромного болвана, который уселся напротив моей Акробатки! — такое прозвище было у «шалуньи», с которой старик обменивался улыбками.

Тут уже усмехнулся Ренэ.

— Понял... Не повезло парню!

Пока Ренэ изобретал, что будет есть и пить его старый друг в приятной компании и как избавиться от ее спортивного чичисбея, старик рассматривал ту часть публики, которая могла быть ему знакомой. Откровенно перемигнувшись с «шалуньей», он нашел глазами примерно своих лет господина, совершенно ему не знакомого и неприятного, затем знакомого, но тоже неприятного — бездарного художника, умудрившегося заработать кучу денег на перепродаже чужих полотен на черном рынке сразу после войны, и не удостоил его даже кивка, потом подумал, что, пока вернется Ренэ, ему станет совсем тоскливо... но тут и пришел Ренэ.

Он принес очень старую бутылку и старинную посуду. Старику здесь подавали исключительно на блюдах и в бокалах, сохранных Ренэ с очень далеких теперь времен. Месье взял в руки пузатый сосуд для коньяка и подумал, скольким знакомым доводилось пить из него... Большинство тех, кто целовался с краем этого бокала, уже нет на свете. Хотя жив же он сам — а ведь и ему не раз приходилось братья за круглые стеклянные бока этой посуды — этой самой, точно. Мысль о том, что можно даже выпить с самим собой, но на несколько десятков лет моложе, его развеселила. Выпить с тем собой, который впервые взялся за эту стеклянную сферу, когда «шалуньи», что сейчас ворожит перед шумным атлетом, еще не было на свете. А ведь случись ему встретиться с ее матерью на пару лет раньше, она бы могла звать его папой... Но тогда бы не случилось нескольких других приятнейших приключений, двумя десятками лет позже. А еще наверняка к этому бокалу прикладывался и великий Мануш в только что пощи-

том дорогом костюме, из-под которого торчали нелепые красные носки.

Он поперхнулся — не от крепости напитка, а от смеха при этом воспоминании. Где же он впервые встретил этого сукина сына? На каком-то балу в овернском стиле? Или в кинотеатре? И как потом сестра Мануша выпросила у него половину пластинок этого великого бродяги, отбирая те, что «с белой собачкой на этикетке»? Не надо было отдавать... Или надо? Да зачем они ему — он и так помнит каждую ноту. Что значит «помнит»? Эта музыка почти всегда звучит у него в душе...

Старик снова засмеялся: Ренэ шепнул что-то на ухо «спортсмену», и тот вдруг опрометью бросился на улицу. Обиженная Акробатка (ее фигура и рост совсем не подходили к прозвищу) заскучала за своим столиком, и старик запросто поманил ее пальцем. Та снова расцвела и поплыла к столу старика, а легкая ткань платка на шее взметнулась, словно шелковое облако догоняло ее по воздуху.

— Ай-яй-яй! Негодница... Стоит мне упустить тебя из виду...

— Ну тебя, Кобра... Если тебе что-то не нравится, ищи подружку в Лурде!

— Прекрати. Если я очень захочу, найду и в Лурде, причем с десятком. Я не про твоего очередного болвана. Сегодня четверг!

— Так поэтому я и... Ой, прости, Кобра. Но я не думала, что ты захочешь взять меня с собой.

— И не думай так никогда. Но сегодня ты мне понадобишься, как это у нас обычно бывает. Или ты утомишь меня настолько, что меня оставит в покое моя бессонница, или — сделаешь эту бессонницу приятной. А пока — мы с тобой выпьем.

— Я надеюсь, не шампанского? Я шлюшка с высшим образованием и художественным вкусом — так что не требуй от меня изысканных манер!

— Ну, конечно, нет! Мы будем пить то, что или уж совсем лишит меня сил, или удвоит их!

Ренэ не удивился. Он хорошо знал старика со странным прозвищем и покачал головой, уже зная, что красотке сегодня домой не попасть и завтра придет она в себя только к полудню. Ему не хотелось думать о том, что

однажды Кобра все же сдастся. «А ведь случится это однажды... Но не сегодня!» — сказал он сам себе шепотом. Старик еще хоть куда. А что проказничает — так это ничего. К нему никто не в претензии... И та, которой уже давно не бывает за этим столом, тоже не была бы... Уж такой он неугомонный, Кобра — само жизнелюбие. А с виду и не скажешь.

А сам Кобра распорядился подать ему телефонный аппарат на длинном шнуре и позвонил куда-то. Из трубки ему говорили, что тот, кого он позвал, очень занят. Но старик сказал всего три слова — неизвестный «занятой» немедленно освободился и получил от Кобра какие-то разъяснения.

А плохо было только неудачливому поклоннику Акробатки: этот «спортсмен» на улице рыдал над крылом дорогой и действительно спортивной машины, на котором какая-то сволочь от души выдрала по краске гвоздем «Sal Ped». Атлет тоскливо проклинал себя, естественно, не говоря при этом ни слова, а мысли в его голове были противные, и, казалось, он ощущал, как они скользят по извилинам его сжавшегося от страха и гадливости мозга: «Ну надо же! Только один раз попробовал, исключительно ради эксперимента, и ведь не понравилось совсем! А какая-то сволочь уже знает и уродует машину!»

Ренэ осторожно выглянул из окна, поправил штору, прикусил рукав, чтобы не расхохотаться, и дал двадцать франков за выполнение ответственного задания новенькому официанту, которого сам лично подобрал два года назад в одном кафе неподалеку. Тот улыбался шире ушей. Оба не выдержали и расхохотались в полный голос над мускулистым повесой. Скрыть подобное «приключение» от парижского официанта! Мечтатель!

* * *

Когда отзвучал последний, очень нехарактерный для бисового исполнения номер — аллегро из первой скрипичной сонаты Энеску, девушка достала платок и прижала к глазам. Ее спутник

потрясенно глядел на невысокого роста, коренастого и короткоруккого человека во фраке, который в последний раз поклонился и ушел, баюкая в руках несравненный инструмент Джузеппе Гварнери, сделанный в 1741 году.

Девушка забыла, как нервно хватала своего восхищенного спутника за руки, когда тот пытался захлопать в ладоши между частями скрипичного концерта Мендельсона ми-минор. Она быстро, шепотом, в коротких паузах научила его вести себя в этом зале. Молодой человек совсем запутался — он не знал, когда заканчивается часть, а когда целое произведение. На всякий случай он стал аплодировать только следом за другими слушателями, и так ему стало спокойнее — он просто слушал, слушал, не думая о том, когда же потребуется дать труд ладоням.

А Рыцарь, который не очень хорошо видел, но зато лучше всех слышал, прекрасно понял, что на двух особенных креслах сидят не те люди, которых он ожидал. Поэтому и бис сыграл такой, казалось бы, неподходящий, что многими было с удивлением отмечено. Он все понял. Этим двоим нужно было сыграть именно что-то подобное. И, вслушиваясь в шелест зала, подумал, что тот, кому положено соблюдать уговор с другой стороны, все сделал правильно. «Кобра — молодец... Но что будет завтра?» И тут его позвали к телефону.

* * *

Он и Она выходили из зала в фойе, еще не придя в себя, не сказав друг другу ни слова. Они только крепко держались за руки, как дети. И, думая о том чуде, которое только что происходило на сцене, не понимали, что на самом деле думают друг о друге.

Тут-то к ним и подошел капельдинер, засомневавшийся перед концертом, вправе ли они занимать те самые особенные кресла. Теперь он показался им не лысым и подозрительным человеком в годах, каким и был на самом деле, а неким таинственным посланцем — кем он тоже был на самом деле.

— Мадам, месье... Вам просили передать вот

это, — сказал он и незаметно сунул в руку Ему программку концерта.

— Спасибо, месье, но у нас уже есть, — словно в лунатическом сне произнес Он.

— А вам говорят — берите! И не забывайте, что уговор соблюдается до конца!

И капельдинер исчез.

На программке было написано от руки прекрасным пером и дорогими чернилами:

«Жду вас завтра на тех же местах — непременно. Билеты получите согласно уговору». Подписи не было.

* * *

Под утро Акробатка уснула, свернувшись как кошка на углу огромной кровати. Будь кровать поменьше — это бы у нее не получилось. Затем, когда сон окончательно захватил ее в свой плен, она выпрямилась и бесстыдно, очаровательно раскинулась, обнаженная, чуть перезревшая и прекрасная. Кобра лежал рядом, опираясь на локоть, разглядывал линии, тени, плавные дуги, составлявшие образ ее тела при свете ночника.

«Красавица... — думал он, скользя глазами вдоль этого чарующего кружения. — Кто бы и что ни говорил, но музыка — это всегда женщина. Недостигаемая и потерянная, покоренная или неприступная, вожденная или вождеющая... Если быть до конца честным перед собой, то приходится признавать — вот это и есть источник любого вдохновения. Те, кто говорят, что музыку человеку диктует Бог, — правы, но всегда недоговаривают. Бог для вдохновения создал женщину, учитывая первый опыт. Мужчины нескладны, их анатомия смешна... местами. А вот она — совершенство. Совершенна была и та, место которой заняла эта львица. Но по-другому... По-другому. Сейчас мужчины обабились, а женщины занялись новомодным уродством — культуризмом. Скоро между полами не станет никакой разницы... Впрочем, мне то же самое говорил когда-то отец. А как возмущалась мать, когда Коко Шанель разорвала корсет по полам... Видела бы она купальник «бикини». Ну а что ж они сами, сотворяя в этой же кровати меня, о приличиях рассуждали? — он усмехнулся и снова загрустил. — Мать была так же обна-

жена и прекрасна... И явно у них обоих на уме не было никакой газетной чепухи. И даже книжной ереси».

Приемник, похрипывая, выливал под свет ночника голос великолепной Жюльетт «Раздень меня!», а затем программу продолжила ее же песня «Говори мне о любви». Тут он не выдержал и протянул к спящей руки, и через минуту она уже улыбалась и притворно мурлыкала, что хочет спать, но где там...

Они обнимались нежно и крепко — старый мужчина и женщина, которая стремилась использовать последние годы опущенной ей магической привлекательности, не теряя ни одной подходящей возможности. Она целовала его в седые виски. А он вдруг подумал, что мужчина и женщина — их переплетенные тела — это единственное убежище, в котором можно скрыться от всего на свете, от любой боли и от любой тоски... Вспомнил, как застал когда-то жену в объятиях другого. Он тогда не испытывал ни гнева, ни ярости — только страшную боль и незащищенность, как выдранный из панциря черепаха. И всего удивительнее было то, что он совершенно не помнил, как и куда делся тот, другой. Чувства вернулись к нему в то утро, когда он увидел, что жена его рыдает, рыдает так, что он, которому положено было бы избить ее, обозвать шлюхой и дрянью, и другими словами, подходящими к случаю, вдруг почувствовал непреодолимое желание и бросился к ней в объятия. И как потом понял, что в том, что произошло, виноват был только он сам, что ей было страшно — и она искала убежища. Ей срочно требовалось укрыться... Когда хлещет дождь с градом, а уютного дома рядом нет, спрячешься и в грязном отхожем месте. И он даже не ждал от нее просьбы о прощении, хотя она что-то такое пролепетала... Зря, не нужно было, он простил ей все заранее, в тот день, когда увидел ее впервые. И, когда сам потом изменил ей из-за какой-то ничтожной обиды, больше всего боялся, что она узнает об этом. Как они дважды расставались — решительно и навсегда — но, встречаясь через год в первый раз, и через пять — во второй, снова оказывались в этой кровати, и все становилось как прежде... Нет — сильнее, крепче... А потом, когда их разлучила война, он в немецком лагере мечтал о ней и вдруг поду-

мал, добрый ли человек ее любовник. Но так и не узнал этого. Не узнал, кто это был. Хотя ведь был, наверное... Или даже несколько... И потом, после того как ее не стало — сколько же лет прошло? — он мог найти утешение только на груди у другой женщины. Женщина... Жизнь...

Акробатка снова спала. Он отстранился, присел по-турецки, посмотрел на свои колени — уже безвозвратно далекие от бывшей формы, и улыбнулся. Акробатка... Ей идет находиться в этом доме среди красивых вещей. Ей нужны деньги, чтобы подчеркивать свои прелести — сейчас, чтобы создавать иллюзию красоты — понадобятся потом... Изменять будет — да черт с ней. Лишь бы не часто уходила надолго... Дом и деньги? Так не заберет же он их в могилу... Может быть, жениться на ней? Вспомнить бы, как там ее зовут...

Он снова разбудил ее. Она на сей раз была недовольна. Так-так, похмелье. Ничего. Найдем, чем подлечить. Он подал ей бокал, который она осушила залпом и сразу потребовала второй. Пей, милая, не жалко. Да и самому неплохо бы. Что и исполнил с ней вместе.

Они снова слегка захмелели — и снова почувствовали друг к другу нежность, уже без острого желания. Просто — ласковую нежность.

— Робер... — только и сказала она, выразив все одним лишь словом. Она назвала его не прозвищем, прилипшим к нему с сорокового года, а по имени... Он и не предполагал, что ей известно его имя.

— Акробатка... — стыдась, пробормотал он, — ты смотришь так, будто читаешь мои мысли по глазам. Что там в них написано?

— Что ты вызываешь у меня странные желания, Кобра.

— Какие, Акробатка?

— Жюльетт, — засмеялась она. — Жюльетт Пира. И я согласна.

И, серьезно посмотрев ему в глаза, сказала:

— Я буду изменять тебе только днем, чтобы по вечерам мы были всегда вместе. Я буду делать это редко-редко. Или совсем не буду... Но — ты же понимаешь, сразу это может не получиться... Черт тебя возьми, Кобра. Я начну стараться с сегодняшнего дня. Точнее — уже начала. Со вчерашнего вечера.

Каких только странных объяснений в любви не бывает на свете...

* * *

Проснувшись раньше своей подруги, молодой человек несколько минут как можно осторожнее вытаскивал из-под Ее спины свою руку, выплетал ноги из буйного и страстного узла и наконец освободился. Сегодня Он уже не будет таким олухом, как вчера. Она тоже не особый знаток, просто прочла пять или шесть книг и ходила на концерты чаще, чем Он. И, конечно, не на такие, как Он. Но Он не глупее. Он стал искать книги, которые помогли бы ему разобраться, взял одну, потолще. Ничего, разберемся. В конце концов, Ему ведь хватило месяца, чтобы самостоятельно подготовиться к сдаче экзамена по римскому праву. И латынь ему знакома. Тут он сморщился, вспомнив, как бабушка наряжала его в дурацкий, почти кукольный костюм, и восхищалась: «Ах, право, ну вылитый ангелочек наш Юго!» А потом его заставляли петь в церковном хоре, из-за чего он получал от приятелей во дворе и одноклассников тумаки и возненавидел церковь заодно с хоровым пением. Уроки фортепиано также не оставили в памяти ничего полезного, кроме заклинания «До-ми-соль-си-ре-фа — на линейке, ре-фа-ля-до-ми-соль — между линейкек». Но и эту галиматью он старательно вспомнил и открыл книгу наугад.

Первое, что он решил узнать, это как различать, где пауза означает окончание части, а где — конец всего произведения, чтобы можно было начать аплодировать, не боясь оскандалиться. Но, как назло, нарвался на слово «каденция», или «каданс», что звучало попроще. То, что каденция — это «заключительный мелодический или гармонический оборот, завершающий музыкальное произведение», было вроде понятно, а вроде и непонятно, тяжелый такт, доминанта и субдоминанта основательно напугали, а то, что каденции бывают автентичными и плагальными, привело в ужас. Ультима, пенульта и антепенульта — это еще как-то можно разобрать... Последняя. Предпоследняя, предпредпоследняя... Хоть какая-

то польза есть от латыни вне юриспруденции... Он вздохнул и постарался засунуть книгу на полку, подальше и поглубже.

И вдруг Он понял. После окончания произведения Рыцарь вчера кланялся. Не так, как в самом конце, а слегка, почти одним кивком обозначая поклон. А между частями не делал этого. Ну, по крайней мере, выглядеть совершенным дураком Он теперь не будет. А корчить из себя знатока музыкальной теории и не нужно. Вряд ли Она сама разбирается в этом гораздо лучше Его. Ну, пару слов вернет там, где нужно, смешно сморщит носик, если Он ляпнет что-то невпопад... Это не страшно. Главное, что Она здесь. И что Он никогда и никуда ее не отпустит. Пусть себе умничает. В конце концов, на свой первый процесс, когда Он появится в зале суда в мантии адвоката, когда к Нему будут обращаться «Мэтр», Он ее позовет. Конечно, это будет безнадежное дело — дело какого-нибудь бедняка, которого Его назначат защищать. А Он прежде всего тщательно изучит все ошибки, сделанные полицией и обвинением, приготовит несколько процессуальных подвохов — ведь все университетские знания будут в Его голове еще свежими. Ну и обязательно в конце Он обратится к залу с проникновенной речью: «Мадам и месье! Мало того, что мой подзащитный, очевидно, не виновен ни по одному из пунктов, предъявленных обвинением... Если мы все честно посмотрим внутрь себя, заглянем к себе в душу — мы поймем, что сегодня мы судим не конкретного Жана Дюбуа, мы судим французское общество, закосневшее в преклонении перед деньгами, общественным положением, происхождением, местом работы, маркой автомобиля. А здесь перед нами человек, не имеющий ничего, — и вот он кажется нам будто бы голым. И мы дружно отворачиваемся от него: еще бы, голый — и в общественном месте! А между тем...»

А между тем кофе вырвался из джезвэ на свободу, равномерно распределился по плите, и запах горелой гущи разбудил Ее.

Вместо «Доброе утро, Мэтр!», как Она обычно шуточно его приветствовала, просыпаясь, Он услышал:

— А между тем, если с каждого из нас снять прикрывающую нашу наготу социальную «одежду», не останется нагой только украшающая этот зал статуя Фемиды, а у нее и глаза, между прочим, завязаны. — Она завернулась в простыню и положила на глаза лифчик. — Фемида может только слышать и не может не слышать призыва, издревле сотрясающего стены судов всего мира: «Защиты и справедливости!» Если мы будем откровенны перед собой, то станет нам ясно: мы думаем о защите — но только о собственной, и справедливости, но удобной только для нас самих...

Он сам почувствовал себя голым в зале суда. Впрочем, пусть и не в зале суда, голым Он и был.

— Неужели я говорил вслух? — заставил он себя произнести эти слова с улыбкой, но улыбка получилась какая-то несимпатичная.

— Ты говоришь каждое утро. — Лифчик и простыня отлетели в сторону, Она присела в позе датской русалочки. — Ох, как же мне скучно будет в зале суда на твоём первом процессе! — хохотала она. — Но сегодня было что-то новое. Ультима, пенульта, антепенульта... Новая тактика защиты? Бьем обвинение в обратном порядке?

— Ну, что-то вроде... — ответил Он, вытирая плиту. — Кофе придется подождать...

— А ты пропустил тот кусок, где говоришь о безоглядном следовании устаревшим доктринам...

— Это из моей магистерской диссертации... — вздохнул Он.

— Милый, ты не будешь сердиться, если я кое-что тебе скажу?

— Смотря что ты скажешь, — насупился Он.

— Если бы меня обвинили в каком-нибудь преступлении, я бы попросила тебя...

— Конечно... Но мужья не могут защищать жен...

— Нет, ты не понял. Если бы мы не были мужем и женой, я бы попросила тебя...

— Ну, этого просто быть не может...

— Ну, когда мы еще не поженимся... Ты до тех пор ни за что меня не защищай в суде! Скорее получится, что ты меня будешь защищать на улице от хулиганов. И потом, когда будут судить тебя, я в суде буду убедительнее, чем ты со своим книжным красноречием...

Ой, что могло сейчас произойти... Какие жаркие ссоры возникают из-за неопытности молодых мужчин и невздержанности на язык их молоденьких возлюбленных. Свадьба, запланированная через три года, могла расстроиться уже этим утром, но кто-то незримый и мудрый направил его взгляд на программу концерта, которую вчера им таинственно вручил капельдинер перед уходом из зала...

Страстные, увлекающиеся люди уже тем хороши, что долго гневаться не способны. Он вспомнил о загадочном старике, о таинственном уговоре и тут же прыгнул на кровать и заткнул Ей рот поцелуем, а потом потряс перед Ней программкой.

— А как ты думаешь, кто мог сделать эту надпись?

Она хитро подмигнула.

— Противный очкарик, который проверял наши особенные билеты! Кто же еще? Больше нас там никто не видел. Капельдинер без его приказа так бы написать не посмел, да и вряд ли у него есть ручка с таким дорогим, тонким пером.

— Ничего ты не понимаешь! — снисходительно заявил будущий мэтр. — Администратор тут ни при чем.

— Ну а кто же тогда? — ехидничала она, и было непонятно, говорит это милое и бойкое создание всерьез или валяет дурака.

Он сделал серьезное лицо и торжественно произнес:

— Это написал Он!

— Ну кто? Кто-кто-кто?

— Рыцарь!

Она тоже набралась серьезности и погрозила пальцем:

— Милый, как тебе идет, когда ты говоришь умные вещи и по делу, а не все эти глупости. «Ультима, пенульта»! — передразнила она. — Я, между прочим, сразу так и подумала.

— А почему же это ты так сразу и подумала?

— Эти вчерашние билеты были особенные. И получить их можно было только от самого главного. А кто на концерте Рыцаря главный? Уж точно не администратор!

— Молодец! Быстро схватываешь!

— Я не схватываю. Я думаю. В отличие от некоторых!

И снова ссора чуть не вспыхнула, но была вов-

ремя погашена уже ею — и на этот раз кофе сбегал опять. Хорошо, что плита была электрическая — они еще долго не замечали вторую кофейную катастрофу.

* * *

Около полудня старик, запахнувшись поудобнее в теплый халат, сам над собой посмеивался. Как все легко и просто теперь... Еще несколько лет назад мучился бы, боялся потерять свободу, возможность менять таких «акробатов» время от времени. А нужны они были ему для того, чтобы забыть тоску по времени, когда у него не было нужды в этих глупышках. Все меняется. И — что удивительно — не только в худшую сторону. Сколько условностей уже не волнуют... И к тому же — она ведь, кажется, говорила искренне. Опыт тут же подсказал: «Сейчас — совершенно искренне. А потом искренне захочет поблудить с каким-нибудь типом вроде вчерашнего автомобилиста». Ладно. В конце концов, с этим ничего не поделаешь. Не маяться же из-за такой ерунды в тоске и одиночестве по вечерам...

— Мадемуазель Пира! — позвал он, заглянув через занавеску в ванной.

— Мадам Кобра! — весело отозвалась Акробатка. — Ты не пугайся, я пошутила! И на слово ловить не буду!

Сколько проворства может оказаться в высокой и крупной, хотя и не полной (пока) женщине! Удивительно!

Она успела выскочить из ванны, вся в пене, подхватить его, отвести к кровати, открыть форточку, в которую ворвался первый холодный осенний ветер...

— Что ты... Что ты? Роби? Что с тобой?

Он медленно пришел в себя.

— Перепил вчера немного. А с утра выпил вина. Так не годится. Налей мне чего покрепче...

Она налила половину обычного стакана, из которого пьют сок, и дала ему отхлебнуть. Остальное допила сама.

— Опять налижешься, куколка...

— Сейчас... Я сейчас...

Она извлекла из своей микроскопической су-

мочки массу вещей, которые легко заполнили бы средний чемодан, пока не нашла таблетки, которые держала всегда при себе «на всякий случай». И тихо сказала себе: «А ведь докрутилась ты, Акробатка...» И внезапно прижала таблетки к обнаженной груди и сказала зеркалу в коридоре: «С ума сошла, чертова потаскуха... Чуть не убила человека...» Вернувшись в комнату, спрятала «покрепче» в буфет, влетела в спальню и заставила старика взять под язык таблетку. «Что же мне с тобой делать?» — думала она, глядя, как приходит в себя Кобра, как розовеют его щеки и обретает ровный ритм его дыхание. «Что же мне с тобой делать?» И вдруг неизвестно откуда прозвучало у нее в голове: «А ведь ты влюбилась, Жюльетт Пира!»

И от этого стало еще отвратительнее. «Ну уж нет. Срочно привести этого героя в порядок, быстро смыться подальше, найти первого здорового мужика, чтобы отодрал как следует и привел голову в порядок!»

А что-то било в виски, мешало дышать: «У него такие же странные, не грубые, но и не холёные руки... И шрам под ключицей... Но шрама ведь не должно быть... Это не он... Да нет — он как раз тот, о ком ты думаешь... Это тот был — не он...» Неужто ты влюбилась, Акробатка? И с этим уже не так легко будет справиться... Что же тебе поделывать с самой собой?

Ну, не причитайте. И не переживайте. Не на чем. Такая дама прекрасно знает, что уж если наступил момент, надо быть решительной. Любовь — как злая собака. Она не кусает того, кто крепко возьмет ее за ошейник. И не отпустит. Поверьте, Акробатка это слишком хорошо знает, и нерешительность, сомнения, воспоминания — это не про нее!

* * *

Рыжий и крепко сколоченный, с мощной шей, сильными и толстыми коротковатыми руками, полуобнаженный человек. Уже не первый десяток раз видел доктор своего великого пациента во время этой процедуры. Тот сидел на табурете у рояля, а массажист растирал ему правое плечо, после того как Рыцарь выполнил послед-

нее из своих ежедневных упражнений — четверть часа сидел в престранной позе, в которой дыхания почти не ощущалось, пульс словно замирал... Но что он творил над собой до этого! Лицо и фигура сидящего скорее подошли бы кузнецу или мастеру средневекового двуручного меча. Сосредоточенный, уверенный, с очевидной могучей силой, но не без изящества, совсем не легкомысленный, но и не без озорства. Черный массажист молча делал свое дело, а доктор про себя думал: скольких его пациентов с таким-то диагнозом после первого же занятия такой гимнастикой пришлось бы везти на кладбище. А этот, если не считать проблем с рукой, впрочем, сугубо профессиональных, даже будь он лет на десять моложе, был бы эталоном здоровья. Но только с виду. Эх, ну если бы он был таким все время — спокойным, неспешным... Не в его возрасте так себя изнурять! В конце концов, глядя, как массажист заканчивает свою работу по назначенной методике, доктор твердо решил перед уходом переговорить... нет, не с пациентом, это было бы бесполезно. С его женой. А Рыцаря просто спросил:

— Ну как сегодня? Удалось мне вас расшевелить?

— Спасибо. Все замечательно.

— Боли по вечерам не усиливаются?

— Нет-нет, все в порядке. Я и позабыл о них.

Простите, у меня нет при себе наличных денег, извольте получить их у моей жены. Она сейчас внизу, в холле, ожидает курьера.

— Благодарю.

Пациент встал и сделал несколько странных движений обеими руками, как будто бы он выныривал из-под толщи воды. Не дожидаясь, пока он начнет одеваться, врач вышел в соседнюю комнату, набросил пальто и поспешил на первый этаж.

— Я прошу прощения... — обратился он к худенькой женщине, просматривавшей бумаги из толстой папки.

— Ах да, месье... Вам причитается...

— Да-да. Благодарю. Все точно, — он убрал в бумажник несколько крупных купюр. — Видите ли, в чем дело... Я не хотел бы давать вам непрошенных советов, но эти странные упражнения, которые ваш супруг практикует... Они, на

мой взгляд — а взгляд у меня опытный, могут принести вреда куда больше, нежели пользы...

И тут же понял, что говорил впустую.

— Месье, мы уважаем ваш опыт и знаем все отзывы о вашей врачебной практике. Мы относимся к вашим рекомендациям самым внимательным образом. Но вам нужно кое-что знать. Мой муж чувствует свое тело очень хорошо, поскольку он сам его сотворил... Нет, конечно, изменить то, что дано природой, невозможно. Но довести эту данность до такой формы, которая совершенно соответствовала бы его работе, может только он сам. Для того чтобы творить, ему нужны два совершенных инструмента: его скрипка и его тело. И как настроить и то и другое, знает только он один...

Врач покачал головой.

— Но силы его тела как раз безграничны. Фантастические возможности его, как говорится, исполнительского мастерства, вероятно, не знают границ. Но вот человеческий организм... Он нездоровый человек! Другого я бы уже уложил в клинику!

Худенькая дама мягко остановила его жестом руки, грациозным, но властным.

— Вы, доктор, к сожалению, не все понимаете. Мой муж лучше всех знает границы возможностей своего, как вы выразились, исполнительского мастерства. Знает, в чем он, безусловно, сильнее других, в чем уступает другим мастерам... Только в его воле и силах достичь наилучшего результата. И ваша медицина лишь часть того, что требуется...

— Да-да, я слышал о его увлечении так называемой йогой, которая — простите — по большей части не более чем фиглярство индийских мошенников и псевдоврачевателей. Уже не раз я сталкивался с людьми, которых это модное увлечение свело в могилу...

— Я вам верю. Но скажите мне, сколько раз вы сталкивались с такими пациентами, как мой муж?

— Разумеется, ни разу — он уникален. Тем более я не могу, сознавая свою ответственность, не предупредить вас, что...

— Большое спасибо. Вы предупредили. И вы не первый. Поверьте, мы очень ценим вашу заботу. И надеемся, что на следующей неделе вы

снова назначите сеанс этого массажа. Он и правда действует очень хорошо.

Доктор пожал плечами. Оставалось только попроситься — что он и сделал, не настаивая на продолжении разговора. Купюры в бумажнике беспокоили его. Они не казались ему заработанными.

А в номере наверху Рыцарь стоял у окна уже в шерстяной вязаной кофте поверх рубашки и смотрел на узоры городских крыш. Он был внешне совершенно спокоен, да и вообще он никогда не давал нервам распускаться. Поэтому сегодня настроение у него было просто печальное. Он снова получил с утра письмо — конверт с листом бумаги: «Предатель!» И фотографию, на которой он пожимал руку Дитриху.

Сколько еще это будет продолжаться... Сколько раз эти люди сначала терпели, потом, когда терпеть было уже невозможно, просили, требовали, умоляли: «Остановите безумие!» Требовали у тех, кто не желал их даже слушать. Просили тех, которые негодовали вместе с ними на словах, но были при этом бессильны. Умоляли тех, кого ни при каких обстоятельствах нельзя было ни о чем просить, тем более умолять, потому что насилие не остановят никакие мольбы. Как люди не могут понять, что нельзя победить чужое безумие — собственным. Безумие побеждает мужественный разум. Ни один сумасшедший еще не вылечил другого.

И неужели то, что он пожал руку Дитриху, могло вызвать у кого-то жажду мести, желание напугать или оскорбить теперь, спустя годы... Люди, учит ли вас жизнь хоть чему-нибудь?..

И тут же вспомнил, что вчера на местах, которые обусловлены уговором, были не те, кого он ожидал. Телефонный разговор успокоил его — хранитель уговора жив-здоров. И сегодня все опять состоится. Но одного человека не будет. И то, что на особых местах были двое, молодые мужчина и женщина, — это сигнал, который не так уж сложно расшифровать. Их время кончается. Но договор должен сохранить силу и после...

Он снова взглянул на письмо. Тот, кто написал эту глупость, сам не понимает, что делает.

Конверт полетел в корзину для мусора вместе с запиской.

Рыцарь сел в кресло и задумался о Дитрихе. Знал он его совсем мало, а о нем еще меньше. Честно говоря, этот Дитрих был совсем не симпатичной личностью. Но Рыцарь знал, что Дитрих совершил в своей жизни три таких поступка, за которые ему стоило пожать руку. Многие симпатичные не совершили даже одного такого поступка.

Однако сегодня нужно выполнить уговор. И значит — нужно настроиться на работу.

* * *

— Скажи, Кобра... А ты знаком с этой певицей? Которая пела ночью по радио?

Старик осторожно пожевал губы, скрывая улыбку, но потом все же ответил.

— Конечно.

— И близко ты с ней знаком?

— Не настолько, чтобы перепутать ваши имена в постели.

— Ты уже это сделал! У нас одинаковые имена, если ты помнишь! — она хоть и улыбалась, но совершенно точно разозлилась. — Мое ты вообще позволил себе узнать только вчера. Или ты и ей придумал прозвище?

Старик прокашлялся. Это хорошо, что она не научилась скрывать своих чувств настолько, чтобы он этого не заметил. Женская хитрость, но не изощренная, обыкновенная... Без нее даже неинтересно. Кобра спокойно улыбнулся ей и покачал головой:

— Нет. Не успел! Просто не имел возможности. Не повезло. У меня ее увели из-под носа.

Она озадаченно посмотрела ему прямо в глаза:

— Увели? Это у тебя-то и увели? Ты врешь...

— К сожалению, я в данный момент кристально честен. Увели. И знала бы ты кто...

— Расскажи!

— Ну... У меня не было ни малейшего шанса.

Старик вынул из стола коробку с сигарами, откусил кончик, чтобы не ходить за часами с брелоком-гильотиной, и, прикурив от настольной зажигалки, выпустил задумчивое облако...

— Знаешь, какой это был сукин сын... — но ли-

цо его не выражало ревности и было спокойным и радостным, словно он вспомнил старого друга. Хотя друзьями они никогда не были.

* * *

За много лет до этого утра американский самолет сделал разворот перед посадкой в Орли. На одном из мест эконом-класса сидел маленького роста чернокожий человек с птичьим лицом. Позади были трудные времена, впереди — неизвестные. Он одного за другим потерял своих учителей. У первого уже нечему было учиться. А у второго, главного, учиться можно было бы всю жизнь. Но смесь грязного героина с выпивкой давно превратили его в свинью. Иногда, когда к нему возвращался человеческий облик, он снова становился прежним, но это случалось все реже, а потом наступил конец.

Странное это чувство. Он осознал, что без этих двоих ему теперь будет несказанно легче. Теперь никто не сможет указывать ему. Да они уже и не могли ему хоть что-то указывать в последнее время. Он стал лучше их обоих. У него здоровья на десятерых таких, как они. Он слышит лучше, чем они, а они при этом умели слушать! Но он пока еще никто. У него нет имени. Его знают тысячи любителей того, что изобрели те двое. Но то, что уже создал он, пока никому непонятно и, по большому счету, не нужно. Но теперь у него никто не виснет на плечах, не стоит за спиной. Одно плохо: ему очень свободно, просторно — и очень одиноко...

Рядом в таком же «эконом-кресле» посапывал устроивший ему эту поездку старина Бад. Он за время пути приложился к бутылке раз десять, выпил еще несколько порций того, что разносила белая стюардесса с надувной улыбкой, и опустошил плоскую флягу из внутреннего кармана пиджака. Вот и спит. Чем заниматься-то?

— Бад, тряхни башкой! Там внизу что-то, похожее на город, куда мы летим. Ремни пристегивай, пьяница! Приехали!

— А? Уже? Очень хорошо. А то через час-другой у меня в кишках и легких началось бы такое...

Что на это скажешь? «Бад, ты скоро сдохнешь, как Байдербек и десятки других до него». А то он не знает...

Самолет стукнул колесами по бетону, все слегка вздрогнуло. Наконец «боинг» плавно притормозил, из открывшейся двери донесся запах чужого заокеанского воздуха. Старый Свет. Здесь даже пахнет как в старом доме...

Он вышел на трап и увидел на балконе аэропорта толпу в несколько сотен человек с какими-то плакатами, которые встречали неизвестную ему большую шишку. Почему-то они вызвали раздражение.

— Бад, посмотри туда. Через несколько лет так будут встречать меня! Понял? Запомни! Тебе осталось только подождать.

Бад пьяненько, кривовато и как-то хитро улыбнулся.

— Дурак ты черный... Чего я там должен ждать?

— Я сказал чего.

— Вот я и говорю, что ты дурак. Они тебя и встречают!

Три дня он не понимал, что происходит. Белый швейцар с орденами на ливрее открывал перед ним двери в отель. В залах публика сходила с ума, выкрикивая его исковерканное имя. После выступлений ему приносили столько цветов, сколько в Штатах не бывает на самых дорогих свадьбах.

Днем он оказался на обеде, который дали какие-то люди в его честь. Он отметил, что, по сравнению с этими людьми, одет просто безукоризненно. Они неважно говорили по-английски, но и сам он говорил на черном английском, и они не всегда понимали друг друга. Бад старался сегодня пить поменьше, «для поддержания разговора», а точнее — «для поддержания жизни». В конце концов, он вышел в туалет, извинившись, и выволок за собой Бада.

— Что это за люди? Зачем я им сдался?

— Они считают тебя гением. Таким же, как они сами.

— А они-то кто?

— Если ты о таких слышал — это Сартр, Пикассо, жена Сартра по кличке Бобер, любовница Сартра — ее имени не знаю, эту я не видел до сегодняшнего дня...

— Так откуда ты знаешь, что она его любовница?

— А на кой черт он потащил бы ее с собой в ресторан?

— Ты идиот. Здесь же его жена!

— Ну и что? Одно другому не мешает.

— Хм... Крутой парень. Сумел вышколить бабу.

— Кто кого вышколил — это вопрос.

«Ну и городок... Хотя, если он тут считается гением, может, ему и положено таскать с собой хоть целый гарем. По местным правилам. Дела...» — подумал он, глядя на Бада с опаской — не опозорился бы хоть в ресторане перед такими людьми...

— А тот хрыч в жеваном пиджачке?

— Он ничем таким не известен. Но я знаю точно, что он друг Джанго.

— Джанго? Того цыгана, который играет на гитаре?

— Да. Но он многих знает. Вообще всех. Это тебе не Нью-Йорк. Это город маленький.

— Ну да, ну да... А брюнетка чья любовница?

— Не знаю. Ну чья-нибудь. Без этого ведь никак. Такие долго одинокими не остаются. Э! Ты запал на нее, что ли?

— Заткнись, Бад. Ты ведь сейчас замахнешь еще этой красной бурды и сделаешь умную рожу, и даже притворишься, что не спишь. А мне умные слова придется говорить.

— Ты себе льстишь. До сих пор не слышал ни одного.

— Так. Сейчас я врежу тебе по твоему брюху, и все эти «Шато» и «Марго» брызнут наружу...

— Не-а! Не врежешь. Ты ведь не станешь пачкать свой костюмчик!

— Только поэтому ты и жив до сих пор. Ладно, пошли, а то еще подумают, что ты обосрался от важности.

— Или что ты. Все-все-все, идем!

— Бад!

— Ну что тебе?

— Пикассо я знаю, это художник. А этот Сартр, он кто такой?

— Ну, ты даешь! Он ну вроде как философ. Пишет книжки...

— Так писатель или философ?

— Всего понемножку.

— А в музыке-то, между тем, волочет не хуже тебя.

— Ну, конечно! Разумеется, раз ему так нравишься ты...

— Ох, дождешься ты, Бад... — только и нашлось слов. Но, в конце концов, Баду он должен был быть благодарен.

На репетиции брюнетка и «хрыч в жеваном пиджачке» появились снова. Но там были и тот же Сартр, и явно «веселенькая» парочка: Жан и Жану, которые смотрелись ну очень мужественно и очень забавно. И еще кто-то, еще кто-то, и еще один месье, и две мадемуазель, и шесть мадам... Он не успевал, да и не собирался запоминать все имена. А вот брюнеткино имя он так и не расслышал ни в ресторане, ни сегодня... А между тем это было единственное слово, которое хотелось сегодня сказать. Ну ничего. Успеем. А пока можно поговорить и без слов!

В перерыве, который возник не потому, что он его объявил, а потому, что просто все разом остановились — остановились, потому что сами не верили, что так можно, что так сыграли они, и совершенно потрясенные тем, что сделал Он, — ему захотелось закрыть глаза и услышать то, что происходило со стороны. Он глянул перед собой — и оказались перед ним глаза этой самой черноволосой женщины. И только тогда он услышал, что он сыграл... Встал, неискренне-беззаботно очутился прямо перед ней и щелкнул языком.

— Вроде где-то вот так. Примерно... Тебя как зовут? — спросил он. Не потому, что, свалившись с небес, огрубел и вернулся в прежний, сердитый и вечно готовый к отпору настрой. Просто сил не было придумать такого себя, который ей бы мог понравиться. Она сказала, и он сразу и навсегда запомнил.

Вечером они лежали, совершенно неразделимые, чуть не плачущие, счастливые...

Потом она высвободила руку и из-под его руки проговорила в телефонную трубку что-то насчет ужина в номер. Он включил телевизор. А на экране телевизора пела... Она, та самая, которая лежала с ним рядом.

— Так ты певица? Тебя и по TV показывают?

— Даже, как видишь, снимают в кино...

— Ну, это само собой... Кого еще снимать им в кино... Ты, наверное, здесь самая красивая...

— Нет, но слышать приятно. Хотя — почему нет? Надо же... А ты еще и галантен...

— А ты думала! — довольно проворчал он и вдруг сделал звук телевизора погромче. Всего он мог ожидать, но чтобы у нее можно было поучиться еще и музыке? А ведь можно... Нет, и правда, странный и удивительный город. И в нем — единственная женщина в мире, без которой он бы не стал тем, кем теперь будет. Не сразу, но будет. Это теперь почему-то стало ясно. Но вот так столкнуться с такой женщиной в первый же день? Странный город. Но замечательный. Его можно любить, даже если ты черный.

Через месяц он умел отличить Сартра от Камю не только по внешности, прочел несколько томиков стихов в переводе и очень удивился — раньше ему не казалось, что стихи чего-то стоят без музыки. А ее он учил тому, что именно Дебюсси сделал первым, объяснял, что Стравинский понял в регтайме и чего не понял, просто и очень ясно рассказал, что самое замечательное в музыке Рахманинова и Сен-Санса. И, уже говоря о себе, настойчиво повторил, как важно, чтобы трубач не «давил» и не «свистел».

— Хотя... — добавил он вдруг — я, в принципе, могу себе позволить делать все что угодно. Но только если это действительно нужно.

Уезжая в Америку, он отказался пить с Бадом. И не стал записывать пластинку «живьем», которая хотя и не содержала бы ничего особенного, но принесла бы ему по инерции несколько тысяч долларов. Вместо записи он провел день с ней. Он умел считать деньги. Но хорошо знал, что они стоят ровно столько, сколько на них написано. И еще — что на них изображены либо люди, которые сделали его предков рабами, либо другие, которые исключительно из меркантильных соображений пожелали дать черным свободу и сделали это пышно, но очень прагматично, «в разумных пределах».

Бад из салона самолета углядел через иллюминатор фигурку белой женщины на пандусе и спросил со смешком:

— Что, наш черный гений запал на белую самочку?

— Заткнись, Бад! Иначе я вылью твою выпивку на пол. Ты знаешь, что я понял с ней?

— И что же ты понял, сынок?

— Сполосни глотку и попробуй сообразить, хотя у тебя это все равно получится с трудом. Я понял... Понимаешь — на свете есть женщина, которую можно любить... как музыку. И даже больше...

Бад выпил, жадно и много сразу, прямо из горлышка, и снова глянул в окошко. Он быстро опьянел, но не поглупел, как обычно, а как-то тяжело, безвыходно загрустил. Меланхолично подергал головой, не то отгоняя мысль, не то помогая жидкости растечься внутри больной головы получше. Потом он сжался в комок, несмотря на довольно высокий рост, и ответил ровным и спокойным голосом, от которого сходили с ума те, кто слушал его со сцены:

— Я знаю, парень... И дай бог, чтобы тебе повезло... Чтобы ты тоже успел сообразить, пока еще можешь. Конец нам всем один, так устроен этот вонючий мир...

— Да о чем ты, Бад?

— Я знаю, о чем ты. Я тоже понял это. Очень давно... И ты сам видишь, чего мне это стоило... Хлебни. Так легче.

— Бад! Бад?!

Спал его друг и плакал во сне. Трубач, который за эти несколько недель сделал огромный шаг, даже не в величие, а в бессмертие, посмотрел на любимого толпой жалкого пьяницу и словно увидел будущее. Он увидел с той ясностью, которой не дают глаза, но которая сама открывается людям в важные минуты: они еще поговорят с Бадом раз-другой — и всё. Рядом с ним летит в самолете мертвец. Собственно, он и сюда уже прилетел мертвым. Некоторое время он еще промучается, но недолго. И все, сделанное им, уже позади. Передернуло. Трубач с птичьим лицом заткнул бутылку носовым платком и сунул Баду за пазуху. Нет, его собственная смерть будет совсем не такой! Жаль, что ты так и не понял, Бад. Что ты так и остался рабом...

А потом подумал, что насчет раба — это он сгоряча. И хорошо, что эти слова никогда не будут сказаны вслух. Потому что он снова теряет,

но теперь не учителя, а друга. У него мало друзей и было, и будет. На них нет времени...

Как он был еще молод!

На пандусе аэропорта к плачущей женщине подошел человек в новом пиджаке, нам с вами уже знакомый, и понимающе промолчал. Она сама попросила отвезти ее в ресторан к Ренэ, потом напилась, и он проводил ее до дверей квартиры. А потом отправился к себе и долго крутил ручку приемника, и вдруг зазвучала труба этого черного сукина сына. Но Кобра улыбался. Черт возьми, как хорош... Он вернулся к Ренэ один и встретил молодую высокую девицу, мать которой когда-то ему сразу и недвусмысленно отказала. Дочка через три глотка «покрепче» с той же решительностью поступила наоборот.

Дитрих Хольц никак не мог пожаловаться на судьбу. В его партийной характеристике не зря была сделана запись: «Отличный администратор». Эту запись сделал своей рукой его бывший партайгеноссе, который сделал головокружительный карьерный рывок и теперь почти каждый месяц беседовал с самим фюрером! Как же умна Гертруда! Труды с самого начала, как только увидела этого выскочку, начала строить ему глазки, приглашать в дом, устраивать их совместные семейные праздники, заставляла дарить ему по поводу и без повода дорогие подарки. На это уходила десятая часть семейного бюджета. Хольц ревновал, однажды даже ударил жену, но та неожиданно безропотно ответила ему: «Бей меня, Дитрих! Побей, но потерпи... И не трогай лицо! Если бы ты разбирался в людях, ты бы понял, что я для нас с тобой делаю!»

Глупый еще и молодой Хольц дал себе слово: как только у его женушки появится хоть один дорогой подарок от любовника, он ее изобьет. Так, как она в жизни еще не была бита, а потом прикончит. Но подарков не было (то есть они были, но умная Труды прятала их очень ловко). А через полгода он вдруг начал расти по службе. При его неблестящем уме и среднем образовании рассчитывать было, казалось, не на что, но он досрочно получал и звания, и должности, и даже железный крест, хо-

тя ни разу и близко не был от мест, где стреляли. А вот что правда, то правда — он стал действительно образцовым администратором. Все бумаги у него были в идеальном порядке, и все слова в голове были уложены так, что лишнее просто не могло вырваться наружу, а память цепко держала все и обо всех.

Иногда жена уезжала «навестить тетушку», и оба они знали, что «тетушка» носит усики а-ля фюрер и имеет солидный чин. Но Дитрих молчал. Даже когда на бурной пьянке в честь капитуляции Франции «геноссе-тетушка», не заметив его, доверительно сообщил второму человеку в Германии после фюрера, что «лучшая баба — у этого придурка Хольца! Вытягивает всеми способами и умеет выжать все до капельки!».

И это молчание оказалось дороже золота. Труды пару раз съездила «отдохнуть в замок» к тому самому второму лицу. И к другим, когда надоела второму лицу. Но зато Дитрих, когда большинство знакомых офицеров уже мерзли под Москвой и Ленинградом, преспокойно сидел в парижской комендатуре и выписывал ордера на мундиры, на шинели, на отдых на побережье, на квартиры для постоя и еще пропуска. Пропуска в рай перед адом.

А свою умную Труды он даже сильнее полюбил. Ему доставляло странное, ни с чем не сравнимое удовольствие взять ее сразу после возвращения от «тетушки», а потом они обсуждали, какие новые горизонты она раскрыла перед своим мужем в постели его почти всевластного друга. Это стало чем-то вроде их семейного предприятия. Кроме званий и должностей, безопасной службы и великолепного жилья в центре Парижа, появились и деньги! А когда с Восточного фронта повезли первые эшелоны калек, Дитрих начал даже беспокоиться, не слишком ли редко посещает «тетушку» его жена. Еще раньше, когда Труды сообщила, что «тетушка» сбрила ставшие вызывающе нескромными усики, он сразу, не закончив еще и разговора с ней, без мыла отполировал бритвой верхнюю губу. Скромность! Великая молчаливая скромность! И главное — не хотеть слишком многого. Не взлететь слишком высоко! Лучший сыр — в середине круга...

Между тем супруга его проявила удивительное для дочки торговца сыром по-настоящему

мудрое благоразумие. Она сама чуть не силой заставила его (конечно, с соблюдением стражайшей тайны и осторожности) завести француженку-любовницу, чтобы та обучила его новым «штучкам», а он передавал бы ей эту «науку» — «тетушку» нужно было привораживать все новыми и новыми «гостинцами», чтобы не потерять ее расположения.

И теперь довольно часто он переодевался в штатский костюм и с подобранной Труды опытной любовницей осторожно посещал разные парижские притончики и веселые кафе, кабаре и варьете с программами «не для всех». Вскоре через Труды он получил поручение от «друга семьи» — устроить небольшой пикантный вечерок в одном из таких заведений для... Фамилии Труды даже дома не назвала, но показала мужу фотографию из «Народного наблюдателя». Недели не прошло, а он получил в подарок несколько картин, продай которые — и хватило бы на обеспечение старости. Но продавать рано! Да и не нужно! Благополучие семьи росло и так — деньги приносила жена. Ей-то можно было брать без опаски и сколько угодно. Правда, два раза она сама отнесла свой «гонорар» одному невзрачному человеку на квартиру, где тот встречался с такими же, как она, и там без утайки все рассказывала. Зато Дитрих неожиданно получил приказ раздобыть несколько редких вещей и оставить себе... м-м... комиссионные. Потери были перекрыты в несколько раз.

Очередная вылазка в кафе с «дикарской» музыкой и «галльскими курочками», если бы о ней узнали недоброжелатели, стоила бы карьеры (а то и головы) кому угодно. Но не Дитриху. Он частенько встречал на аэродроме самолеты, которые в воздухе сопровождали несколько истребителей. С места пилота выпрыгивали люди, которых корреспонденты «Народного наблюдателя» в Берлине фотографировали рядом с самим фюрером! О том, чего ради эти важные «геноссе» прилетали в Париж, молчали все. Главное было не ошибиться. Труды предупреждала, у кого дела идут плохо, и если такие давали знать, что приедут, и просят «устроить экскурсию», немедленно Дитрих оказывался сверхурочно занят по

службе. А со временем и у него самого появилось удивительно точное чутье. Далеко не все могли обратиться к нему с просьбой об «услуге». Он в своих походах в парижские «заведения» чувствовал себя выше самого начальника парижского гестапо (который, разумеется, был в курсе его походов и с которым Дитрих делился многим, хотя и не всем). Долго нужно учиться быть полезным, еще дольше — понимать, кому можно, а кому не следует быть полезным, и уж совсем высший пилотаж — аккуратно и вовремя переменить отношение к тем, кому быть полезным становилось опасно. С такой женой, как Труды, все оказывалось проще во много раз, а потом он и сам стал не глупее супруги.

Очередная «вылазка» с протеже Гертруды в маленький ресторанчик не должна была стать чем-то особенным. Несколько бокалов вина (о, Дитрих мог выпить хоть ведро, не утратив своего уникального чувства опасности!), вульгарные, но очень приятные танцы. Оркестрик играл ту самую «дикарскую» музыку. Все как обычно. Проверил по пути, надежно ли скрыто от недоброго глаза очередное заведение, щедро оплатил знакомого стукача (ох, французы! А еще говорят, что это немцы самые исправные доносители!). И тут что-то случилось с мозгами у такого осторожного человека. Он потерял контроль над собой и понимал это, но не мог разобраться в причине. Нет, он ничего такого неосторожного не сделал, это было исключено! Но вдруг пот прошиб, круглые аккуратные капельки вылезли на наметившуюся плешь. Он чувствовал, что может сделать. И даже хочет.

Может быть, дело все-таки в вине? Нет, голова ясна. Любовница-француженка хороша, конечно, но не настолько, чтобы лишиться из-за нее рассудка. Откуда тогда появилась эта странная веселая тоска? Почему вдруг стало в одно и то же мгновение так весело и так больно? Откуда обрушилась эта непристойная страсть и в утехх с любовницей, и в желании пить? И почему стало вдруг совершенно все равно, что будет завтра? И неясно стало, будет ли у него вообще это «завтра»? Только вернувшись домой, в супружескую кровать, он понял, кто был виноват в его умственном помра-

чении. Ехидный черноглазый гитарист с сомнительной внешностью. Уж не еврей ли? Хотя тут поди определи. Французы все на одно лицо, зашелся он хохотом, понимая, что сморозил глупость, но ему все равно было весело. И вдруг набросился на Труды с такой энергией, что через час она застонала, что больше не может, а придя в себя, вдруг заметила: «Как давно у нас с тобой это не получалось так отлично! Может быть, тебе стоит пить в день по три бокала красного вина?» Вина он выпил. Но повторения этого Труды от него уже в этот день не дождалась. Ему не хотелось. Впрочем, Труды не рассердилась. «Любое животное после совокупления печально!» — отчеканила она как по учебнику, и образцовому администратору стало еще печальнее.

Редкий инструмент работы Джузеппе Гварнери, один из последних, сделанных мастером, совсем не выделялся красотой внешней отделки. Никакого лишнего декора, ничего, кроме звука... Гварнери торопился его доделывать, хотя и не настолько, чтобы испортить. Ему уже не нужны были сотни мелких промеров, дюжина лишних инструментов. Уж тем более не требовались никакие чертежи или эскизы. Он заполнял деревом пространство, зная, где это пространство должно искривляться, где возвращение к той точке, откуда все начинается, как звук соскользнет по верхней деке и даст исключительный звонкий обертон и, забившись внутри скрипичной утробы, заставит кричать не верхнюю, а нижнюю деку. Вот та и даст ровный гул, вот это то гул и понесет звук, образовавшийся снаружи, заставит воздух затрястись нервной дрожью. Торопливость заключалась только в том, что он частенько опускал на верстак руки и думал, пока отдыхали усталые мышцы. Важно было уже не скорее сделать, а успеть... Он сделал деки плотнее и толще, а форму оставил «свою» — вытянутую, полную. Иногда он пробовал скрипки на улице — если зазвучит на открытом воздухе, то не подведет нигде.

Рыцарь смотрел на чудо, лежавшее перед ним, и вспоминал, как впервые прикоснулся к ней — еще не смычком, слегка потерев стру-

ны нежным пиццикато. Как впервые попробовал ее «на голос». И как в тот день ему стало невыразимо грустно. Скрипка отозвалась, как и любая другая. Ничего необычного не было в ее звучании.

Но это, без сомнения, была та самая ex-King Saltar de Londres, позже прозванная «Вьетан». И он знал, кто прежде играл на ней, кто ее слышал... Этот инструмент в свое время принес славу Эжену Изаи... А до него — чаровал ею каждого, у кого были уши, Андрэ Вьетан, по фамилии которого инструмент получил новое собственное имя... До Вьетана, который играл на ней в последние одиннадцать лет жизни, скрипкой владел французский мастер Жан-Баттист Вийом, купивший ее у некоего Бенцигера из Швейцарии в 1858 году. Вийом пытался раскрыть ее тайну, но так и не преуспел, хотя и построил точную, казалось бы, копию.

Рыцарь слышал, как звучат другие инструменты Гварнери — The Emilian, Lord Dunn-Raven, не говоря о принадлежавшей самому Паганини Il Canone, у него самого есть «Lord Wilton». И вот несколько лет назад в его руках оказалась эта скрипка. Не сразу с ней удалось поладить. И только спустя три недели он вдруг почувствовал даже подошвами туфель, как внезапно, полностью, без остатка раскрылась ему душа скрипки — и души тех, кто хоть раз сумел добиться от нее такого же доверия...

Может быть, только сам Гварнери знал, что именно этот голос потребуется через полтора с лишним века полноватому человеку с вечной болью в правой руке. И что этот голос заставит любую боль замолчать, унять, как пустую суетность... Или даже знал, кто унаследует скрипку, которой сам он не дал названия, это люди уже после дадут его по имени одного из владельцев — «Вьетан»... Нет. Нет, конечно. Не мог мастер знать всего этого. А кто-то другой мог знать. Сказал ведь даже сам Альберт Эйнштейн, что, слушая игру Рыцаря, снова начинает верить в Бога...

А сейчас ему самому предстоит выбор. Пройдет несколько лет, и нужно будет сказать владельцу: «Передай ее...» И назвать имя. Несколько минут он сидел и перебирал три или четыре таких имени. Но выбора так и не сделал. Но ничего. Пока это может подождать.

Он подошел к дороговому проигрывателю, включил его громко, как всегда делал. Не потому, что плохо слышал, а потому, что прислушивался не к тому, к чему все.

Коридорный, услышав, что звучит из номера прославленного на весь мир, уже давно и без всяких сомнений великого человека, замер. И вдруг довольно подумал: «А ведь у нас с ним общие вкусы! Я всегда думал, что в этом есть нечто большее, чем все думают!» Ухмыляющийся портье, с которым коридорный поделился этими соображениями, так и не понял, что коридорный был в общем-то прав!

Акробатка, то есть мадемуазель Пира, удивилась, с какой неожиданной легкостью Кобра вдруг поднялся и направился в ванную комнату, откуда явился побритый и свежий. Затем он оделся в свой обычный, уже слегка потрепанный костюм и стал чистить туфли.

— Ты куда собрался? — спросила она, еще напуганная его утренней внезапной слабостью. — На концерт тебе еще рано!

Он поманил ее к себе и обнял. Пропустил пальцы сквозь волну ее волос, прижался лбом к ее лбу и вдруг спросил, будто бы просто так:

— Тебе нравится этот дом?

Она поняла.

— Ты все-таки не шутишь...

Она смотрела на человека, который не мог бы дать ей ничего такого, чего у нее не могло бы быть без него. Да у него и нет многого из того, что она давно имеет. Она могла бы больше потерять с ним, чем... чем... И тут она сказала, словно так и должно было быть:

— Я привезу вещи сегодня же. Черт побори тебя, Коб... Роби! Как ты это сделал? Почему мне плохо даже от мысли остаться без тебя?

— Этого никто не мог сделать, кроме тебя самой... Но вещи перевезти ты успеешь и завтра. А сегодня ты пойдешь на концерт. И у тебя будет очень важное поручение!

— На концерт... по уговору? Вместе с тобой?

— Нет. Вместо меня. И еще, тебе нужно будет выполнить очень важное поручение. Знаешь, у меня есть еще полчаса. Свари-ка нам кофе!

И что вдруг стряслось с тобой, чертова акробатка, потаскушка с высшим образованием, председательница трех дурацких комитетов и

продюсер не менее дурацких прожектов в области трех различных искусств?

— Роби! Я согласна на все, что ты скажешь. Все, чего захочешь. Но вот что: во-первых, никакого кофе! Никаких «покрепче»! И дай сюда свой ужасный пиджак! И штаны тоже!

Пришлось развязывать шнурки на ботинках, подвергнутых беспощадной критике, плестись за ней в почти голом (и далеком от совершенства) виде, а потом, лежа на кровати под пледом, поскольку «мадам Кобра» распахнула окно, смотреть на такое, от чего можно было повредиться в уме. Или заподозрить, что это уже случилось.

Вчерашняя «Акробатка» колдовала над рубашкой, пиджаком и брюками с утюгом. Не желая спорить, он дал ей завершить эту затею, оделся и посмотрел на себя в зеркало. Ну да. Конечно, это совсем неплохо.

— Но запомни! Ты делала это в первый и последний раз.

В ответ Акр... Жюльетт показала ему металлический футляр с сигарой и с вызовом выпалила:

— Ладно. Но ты обязан доказать мне, что ты мужчина! Этой гадости я терпеть больше не буду!

Он нахмурился. Очень хотелось показать зарвавшейся девчонке ее место. Но вместо этого он просто сказал:

— Конечно, милая. Я и сам собирался бросить.

— Ой, Роби! Не ври мне. Ничего ты не собирался.

— Ну, врал... Немножко. Просто без тебя бы у меня не получилось...

— Это точно. А завтра мы наведем порядок на этом ужасном антикварном складе!

— Ну... Впрочем, теперь хозяйка здесь ты... И все-таки никогда больше не говори мне «не ври»!

— Прости меня... Я не буду...

Странные объяснения в любви бывают на свете...

Кобра стал объяснять, что именно нужно сегодня сделать его любимой Жюльетт, и с тоской посмотрел на сигару в футляре, теперь лежав-

шую в корзине для бумаг. Но потом перестал о ней жалеть. В конце концов, можно даже бросить курить. Если есть для кого.

Рыцарь вспоминал в тот вечер, как впервые увидел веселую физиономию скрипача с ехидцей в глазах. Это было в коридоре телестудии, где он должен был играть на каком-то благотворительном концерте. И первое впечатление от этого не то итальянца, не то француза у него было препакозное. Впрочем, виной тому был не сам «коллега», игравший веселенькие развлекательные мелодии, а чувство страха, которое внушил ему «экс-Вьетан». С утра капризный инструмент не желал держать строй.

Это выводило из себя, на студию он приехал в отвратительном настроении, попытался привести инструмент в чувство, но вторая струна все время уходила примерно на одну тридцать вторую тона, и если это не прекратится, он будет вынужден играть на другой скрипке. А вся его, пусть даже короткая, сегодняшняя программа была придумана именно для этого Гварнери. Он чувствовал себя как профундист, которому вдруг сказали, что придется петь теноровую партию.

И тут-то он и увидел насмешливое лицо. «Чтоб ты провалился!» — подумал Рыцарь и, понимая, что тот никуда не провалится, отвернулся и попытался еще раз настроиться. И вдруг из-за спины раздался звук другой скрипки. Такой же проказливый, как лицо ее хозяйки. Звук немного развязный, не без нахальства и при этом незлой — даже пригласительный. Первые несколько нот музыкальной фразы, известной каждому. Его провоцировали ответить. И времени не отвечать уже не было. Он ответил пиццикато, и вторую фразу из известной темы нахал уже сам начал пиццикато, это был настоящий вызов! «А смычком ответишь?» Ах так? Ну вот тебе!

И тут капризный «экс-Вьетан» перестал показывать характер и выдал завершение второй фразы в своем лучшем голосе, и никуда не поползла струна, и получилось очень даже забавно! Снова заиграла вторая скрипка, и тоже голосом удивительным, и умным, и остроумным, и совершенно беззлобным и беззаботным!

Два старых музыканта из разных музыкальных миров сперва обменивались репликами в этом бессловесном, а потом куда более значительном разговоре, отвечая друг другу шуткой на шутку, комплиментом на комплимент, и вот уже заговорили вместе, как приятели, не боясь перебить друг друга и прекрасно друг друга понимая.

— ...Ну, привет. Что, не ладилось с утра?

— Да, это точно ты подметил, но, похоже, теперь пошло на лад.

— Ладно, брось!

— А давай-ка эту вот.

— В манере тридцатых?

— Ну да!

«Heaven, I'm in heaven

And my heart beats so that I can hardly speak...»

И четверть часа пролетели, а вокруг собралась уже почти вся студия, а они не замечали никого, и только когда тема им наскучила и они захотели перейти на другую, их прервал прибежавший из-за пульта режиссер и закричал: «Умоляю! Господа! Это взорвет аудиторию! Скорее в студию! Вдвоем! Это...» — и сбросил слезу на ковер.

После телевидения они отправились в кабачок, где-то недалеко от дома, где когда-то жил Онеггер, и играли, и изрядно выпили, но не хмелили... К ним присоединились еще несколько музыкантов, а в кабачке, казалось, не было «посетителей», а были только участники этого чудесного загула, и разошлись только к утру.

Это было в пятницу, а днем в субботу, ближе к обеду, жена подала Рыцарю мокрое полотенце, чтобы обмотать вокруг головы, и неожиданно, вместо того чтобы рассердиться, рассмеялась.

— Знаешь! А это было действительно прекрасно! Я никогда не видела тебя таким веселым!

— Ох... Сейчас мне тоже хочется смеяться, но очень уж отдает в голову... — улыбнулся Рыцарь. — Жалко, что это место я уже не найду... И даже телефона у Стефана не взял.

— Боже мой, ну как ты мог! Это было... Ты знаешь, на твоих концертах то, что ты делаешь, понимает от силы четверть тех, кому достаются билеты... А с ним — с ним каждому понятно, что ты гений и что тебе все равно что играть...

— Нет, милая... Гений — уж очень высокопарно звучит. А главное, Стефан — виртуоз, он мастер, и не меньший, чем я. Я дал сотни концертов для солдат во время войны. Если бы можно было сыграть их с ним — от них было бы гораздо больше пользы.

— Ну, ты не очень тут скромничай. Все-таки...

— Все-таки, когда играешь перед тем, кто завтра пойдет на смерть, нужно играть не то, что вызывает придыхание у критиков, а то, что напевала этому солдату мама...

— Ты часто так и делал...

Они помолчали. Точнее — немного поговорили молча, не перебивая друг друга.

А потом Рыцарь сказал:

— Если бы я сидел на одном из этих огромных пароходов перед десантом... Я бы просто хотел услышать твой голос...

А она ответила:

— По-моему, вам стоит записать пластинку! Не для умирающих. Для живых. Долга плачущим никогда не вернуть. А смеющимся его вообще никто не возвращает — им ведь и так хорошо...

И снова они помолчали.

А она настойчиво повторила:

— Запиши с ним пластинку!

Он улыбнулся. Повезло ему. Жена, которая почти всегда права. Это ли не счастье! Впрочем, счастье и в том, что «почти всегда».

— Только... — тихо ответил он.

— Что «только»?

— Только не сегодня! — И он расхохотался, держась за голову, обмотанную полотенцем.

— Да уж... балбесы! — улыбнулась жена.

Только вот как его найти? Позвонить на телевидение? Только и всего... Но звонить не пришлось.

Дитрих в обычном своем состоянии сразу почувствовал бы опасность. Но три бокала вина он проглотил еще перед выходом из дома. Женевьев, его любовница, подлила еще, а потом и вовсе заставила забыть обо всем на свете. И вот они снова в кабачке, и играет этот цыган... Он мог смотреть только на изуродованную руку, которая двумя пальцами создавала то, чего он не мог бы создать, будь у него на каждой руке по десять пальцев. Мануш...

А за Дитрихом уже следили два бесстрастных глаза, и заряжен был пистолет, и не прийти бы Дитриху сегодня домой, если бы вдруг он не подозвал человека в мятом пиджачке и не сказал вдруг:

— Вы знакомы с этим... Манушем?

— С ним тут все знакомы.

— Тогда передайте, что завтра сюда нагрянет полиция с облавой. Тогда его ждет лагерь. И... стойте! Вот. Возьмите! Отдайте ему. Дайте еще кому-нибудь, кому нужно. Это пропуска с печатями и подписями... Только впечатать имя на машинке... Он сможет уехать из Парижа. На любом поезде...

Человек в мятом пиджаке взял бумаги и вышел в уборную. Там он разглядел их при свете лампы и спрятал в карман. Снова вернувшись в зал, он дождался, когда музыканты сделают перерыв, чтобы выпить и перекурить, и сунул трем из них эти бумаги, что-то пробормотав на ухо.

Когда Дитрих Хольц вышел на улицу, кто-то из-за угла тихо сказал ему:

— Спасибо. Не ожидал. У вас сегодня очень счастливый день.

— Вы думаете?

— О, я не думаю... Я это точно знаю. — И собеседник усмехнулся. Дитрих «до Мануша» немедленно подал бы сигнал какому-нибудь осведомителю, а были их сотни, даже тех, кого знал он в лицо, и приказал бы... Но уже звучала в ушах его эта музыка. И странным образом возникли в нем странные слова: «Будем честны, Дитрих... Ты дрянной человек. Ты трус среди негодяев и убийц. Только поэтому и сам еще не стал убийцей. Но тебе стыдно. Тебе мерзостен ты сам. А значит, еще не все потеряно...» И сегодня он сделал первый шаг на дорогу, с которой уже не будет возврата.

— Ты уверен, Кобра, что ему можно верить?

— Нет, Ренэ, не уверен. Но это единственный шанс для Мануша и его брата. И для...

— А если это какая-то хитрость? Если...

— Тогда для этого Хольца никаких «если» не останется. И это будет не просто еще один немец, которого я убил. Этого я отыщу где угод-

но. Мне важно, чтобы он узнал, что это сделал я — и за что.

Пропуска оказались самыми настоящими.

Дитрих передал незнакомцу еще десятки таких. Больше было просто невозможно. Он и так уже ходил по краю. Они оба ходили по краю.

— Ты ходишь по краю! Это уже совсем не то! Так просто нельзя играть! — возмущался Юг, слушая «Ко-Ко» Чарли Паркера в десятый раз. — Это просто конец... Мануш, это просто нельзя играть в Париже!

Мануш прошелся по комнате, выкурил подряд две сигареты. Расстроенный Юг ожидал, что Мануш сейчас скажет: «Увы, дружище... Они сами не понимают, что делают. Они просто убили джаз своими ловкими трюками! Превратили искусство в балаган! Мы не должны...»

Мануш прошелся по комнате, затем снова поставил пластинку и вдруг улыбнулся:

— Черт возьми! Как до него никто не додумался в этом месте переходить в другую тональность? Уж не говоря о том, что он играет на саксофоне почти так же, как я на гитаре! Это же просто великолепно! Я хочу с ним играть!

— Только не в моем клубе!

— Мне все равно где. Он может не согласиться, вот что обидно. Если сейчас, после того что он сделал, я попытаюсь остаться прежним, можно превратиться в старый, скисший гриб с корявой клешней! Это великое будущее... Если б понять, что будет после него! Ведь где-то уже есть такой парень, который знает, как это будет. Или еще не знает, но ищет и найдет!

Юг раздосадованно плюнул в угол.

— Ты сам не слышишь, что это твой похоронный марш?

— Юг, — ответил ему цыган, — ты сказал чушь. Похоронный марш не бывает таким веселым! А кроме того, никто еще не умудрился услышать музыку на своих похоронах! Я бы это поиграл. Вот только как — пока не знаю.

Великий Мануш редко играл в последние месяцы своей жизни. Но если играл, то часто играл именно би-боп.

В 1949 году он слышал, как играет трубач, вызвавший просто переполох в джазовых клубах Парижа. Они не поняли друг друга. И не заинтересовали. Трубач больше всего интересовался своей подругой Жюльетт. Он еще не придумал в то время, какой музыка будет дальше. Хотя уже опередил тех, кто создал би-боп...

* * *

Когда к дому Дитриха Хольца подогнали машину, чтобы вывезти его и супругу туда, что осталось от Третьего Рейха, его жена Трудит пронумеровала чемоданы и ящики. Она тщательно пересчитывала их в квартире, на лестнице, на тротуаре и в кузове. Все было на месте. Исчез только... муж.

Дитрих уже прекрасно говорил по-французски. Он прекрасно знал ситуацию, мог выбрать самый безопасный маршрут для эвакуации. Вовремя распорядился насчет грузовика. Предоставил в помощь Трудит трех солдат. Но вдруг исчез.

Трудит все поняла. Но не стала искать мужа, а дала команду срочно отъезжать.

Дитрих тем временем спустился — сначала на ногах, а потом на спине в винный погреб ресторана, где Ренэ встал над ним и без всяких реверансов высказался:

— Нажрался свинья свиньей и является сюда! Что вы от нас хотите? Уезжайте! Все ваши давно убрались из города, и правильно сделали. Вы что, хотите, чтобы вас повесили?

— Ну и пусть! — хихикнул немец. — Но чур на набережной!

Ренэ чертыхнулся, и ему пришлось уложить совершенно пьяного немца на деревянной скамейке, укрыть старым пальто и ждать, когда же объявится Кобра. «Что с ним делать? Он, конечно, немец. Но, кажется, смерти не заслужил... Пусть разбирается Кобра. В конце концов, это его немец».

* * *

Телефонный звонок застал Рыцаря в ванной. Но этот звонок был настолько долгожданным и таким важным, что жена постучала к нему в дверь и сказала, о чем звонят, но не смогла сказать — кто. И принесла аппарат.

— Здравствуйте, месье! Я надеюсь, что не оторвал вас от важных дел?

— Отнюдь нет, я говорю с вами в совершенно комфортных условиях! Как Марат с Шарлоттой Корде!

— Ну, у меня не такие кровожадные намерения! Позвольте представиться, мое имя Роббер, и я друг Стефана еще с довоенных времен. Стефан стесняется позвонить вам сам...

— Боже мой, да я собрался только что взять штурмом это телевидение, чтобы хоть у кого-то найти его телефон...

— Телефон я уже дал вашей супруге, она поверила, что он не потеряется...

— Если ей — то уж точно не потеряется.

— Стефан приготовил вам сюрприз. Он хотел сегодня зайти за вами после концерта...

— Я немедленно позвоню и оставлю ему билеты на лучшие места!

— О, не стоит. Нас будет довольно много. Трое. И один из нас...

— Мне совершенно все равно, сколько вас будет! И слышать ничего не хочу. Это будет наш уговор.

— Дело вот еще в чем... Событие, на которое мы имеем честь вас пригласить, состоится через пятнадцать минут после концерта...

— Ну, я закажу такси...

— Машина будет, и не одна — ваша супруга, разумеется, поедет с вами, и если вы захотите взять своего концертмейстера и еще кого-то — то будут и еще машины...

— А вы еще волнуетесь о таком пустяке, как билеты! С радостью!

Суд над Дитрихом Хольцем мог привести только к одному финалу. Закончиться только одним приговором. В те дни француженки, спавшие с немцами, боялись выйти на улицу — им обривали головы и мазали щеки нечистотами, коллаборационисты еще пока полу-

чали по заслугам, а французы, вступившие в СС, готовились биться за каждый этаж Рейхстага — и этим-то уж точно некуда было отступать. Тем удивительнее было, что Дитриха Хольца никто не судил. Человек в помятом пиджаке сходил в несколько кабинетов, в которые вход был открыт далеко не каждому, — и суд отменили. Этот человек был также единственным, кто пожал руку Дитриху. Не сразу... Но сделал это. Хольц получил из его рук паспорт на непонятное имя жителя Эльзаса, не то немца, не то француза. И уехал жить в Швейцарию. Впрочем, друзей у него и там не завелось.

Спустя девять лет он зашел в неприметную дверь на одной из улочек в Женеве, сказал что-то непроницаемому человеку в очках и черном, как у гробовщика, костюме, и через полчаса курьер доставил из надежного хранилища несколько черных тубусов. Человек, живущий под странным, не французским и не немецким именем, отправился в здание французского посольства.

— Это мне не принадлежит... Это собственность французов. Чья именно — даже не знаю. Просто я понимаю, что это необходимо вернуть.

— Кто вы такой, месье? — спросил атташе по культуре, с любопытством и подозрением оглядывая то посетителя, то картины, которые давно считались безвозвратно потерянными.

— В Париже меня помнят многие... Я Дитрих Хольц.

Атташе по культуре тоже помнил. Еще как помнил.

— Жест, конечно, красивый... Но я вынужден немедленно сообщить, что...

— Очень обяжете. У меня просьба. Одна. Я хочу, чтобы меня расстреляли в Париже...

— Мы не настолько кровожадны и мстительны... (в этом месте атташе явно хотел сказать «как вы и вам подобные», но сдержался). И республике совершенно не нужны расходы по вашей казни и захоронению. Равно как и содержать вас в тюрьме — только лишний расход. Но все же я дам знать по инстанциям, что...

— Вот мой адрес. Я никуда не убегу. В сущ-

ности — я никто, я мертвец. Но хотел бы еще побывать в Париже.

— Только не говорите, что вы хотели бы там умереть!

— Я хотел бы там жить... Хотя понимаю, что это невозможно.

Но через месяц он уже ехал в поезде мимо знакомых станций. Атташе по культуре в толк не мог взять, кому понадобилось пускать во Францию этого фашистского мерзавца. Но он ничего не сказал. За его дядей по части коллаборационизма тоже имелись грешки. Война войной, а деньги деньгами. Нет, конечно, дядя это одно дело, а немец — другое... Но, может быть, и он чей-то «дядя». «В конце концов, это не мое решение», — успокоил себя атташе вечным утешением всех бюрократов мира.

* * *

Акробатка не может превратиться в Жюльетт за одни сутки. Тем более что и суток еще не прошло. И, оглядывая пару влюбленных у билетных касс, она смотрела на молодого человека — как на мужчину, а на его девушку — как на недоразумение. Если бы молодой человек был неинтересен или глупее, чем позволительно, она бы вела себя по-другому. Но он был очень хорош. Не то чтобы Акробатка не понимала, что нужно быть совсем другой, что ей дано поручение и что... Да, черт возьми, и не в парне дело! Ей предстоит так изменить свою жизнь, что напоследок нужно пофлиртовать хоть с обезьяной! Поэтому она и успела заехать домой, чтобы совершенно в духе предпринятой Кобра мистификации — и в связи с «последней возможностью» — придала себе предельно загадочный вид. Распушенные длинные волосы, умелый, хотя уже весьма обильный, макияж, длинный плащ и шелковые перчатки, множество деталей, не слишком заметных сами по себе, но смертельно опасных в совокупности...

Плащ мог распахнуться неожиданным и отработанным движением. Ресницы одним взмахом могли заставить не только глупого мальчишку, а искушенного мужчину потерять

равновесие. Посмотрев на парочку издали, она почувствовала, что Он ощутил ее присутствие, что ей достаточно просто поманить — не пальцем, не жестом, а просто подумать: «Иди ко мне!» — и он пойдет. На все пойдет. Куда угодно пойдет! О, женщина, имеющая такую власть... Есть ли на свете человек более жесткий и безрассудный! Бедные девушки, прячьте своих молодых любимых. Не со зла, не оттого, что разлюбили вас, могут броситься они в этот омут, не этих женщин любят они, и уж тем более — никогда не будут ими любимы... Впрочем, кто сказал «никогда»? Ох, чего только не бывает на свете...

И ведь ни вас, ни любимых ваших не пожалеет женщина на излете своей красоты и власти. Никакой довод не услышит она, если понимает, что еще немного — и не сумеет она больше разрывать пары и превращать мужчин в безвольных мальчишек. Такая женщина хуже чумы, хуже яда, страшнее внезапно вылетающей из-за угла машины с пьяным шофером, обуянным веселой лихостью. Она не думает «а потом — хоть потоп!», она знает о неизбежности этого потопа для себя и не пощадит никого. И ничего. А уж чувств девчонки — ни за что... «Ничего! Полезно знать цену мужчинам!» — думает такая дама совершенно искренне.

Акробатка появилась перед парой внезапно, неожиданно. И отнюдь не без театральности — при других обстоятельствах она бы ни за что не стала действовать настолько просто, придумала бы немало изысканных каверз и коварных деталей. Но увы. Кобра своей невинной шуткой сам проделал за нее всю работу. «Таинственная посланница» — это ли не то ампула, о котором мечтает каждая подобная *femme fatale*! И ресницы взмахнули, и плащ распахнулся вовремя, и камни украшений блеснули всей своей подлинностью, и голос прозвучал, как будто и не человеческий вовсе. Как хорошо знает цену ему множество мужчин, уже заплативших по самой высокой...

— Итак, вы и есть те двое, которым нужно быть здесь, чтобы соблюсти уговор? — (Ресницы, плащ, улыбка...)

И что против них жалобный, умоляющий голос совсем еще девочки:

— А где же тот милый месье?

— Милая, вам уж должно бы быть понятно, что этого месье просто нельзя встречать каждый день! — (О, этот голос умеет поставить на место... Бесполозно его умолять, невозможно ничего противопоставить ему, остается только заплакать и признать свое полное поражение. Этот голос будет беспощаден, потому что знает его обладательница, что очень скоро услышит она сама от твоего парня. Знает всю разрушительную силу своих страстей она лучше, чем кто угодно другой, и чем это все кончится, тоже знает. Именно потому беспощадна, бесстрашна и бесчувственна она.)

— Сегодня я буду вашим Вергилием!

— А что, мы идем в ад? — весело спросил юноша. — Если он так же красив, как наш Вергилий, то я согласен!

Отчего же ты, дурачок, не видишь, как беспокройны и робки глаза твоей любимой! Почему ты не можешь понять, что сейчас ты рискуешь навсегда ее потерять, даже если ровным счетом ничего не случится! И почему ты уже готов к тому, что может произойти, и даже рад этому? Ах, если бы умели люди учиться на чужих ошибках. Но чужие ошибки — как чужие вещи. Бедные воспитанные дети с детства приучены «не трогать чужого». И из-за этого в роковые минуты готовы присваивать чужое несчастье.

Не смотри на него, милая девушка. Не обижайся, ни за что не показывай своей ревности, укуси себя за язык и попытайся перетерпеть, не дать повода — и, может быть, все обойдется! Но девушки тоже ничего не знают, пока это «что» не случится именно с ними. В этом весь бесхитростный секрет мелодраматической (в самом хорошем смысле этого слова) литературы. Ее читают не те, кто рискует обжечься, а уже обожженные. И пишут — тоже...

* * *

Двое шли по набережной и вполголоса говорили. На кладбищах вообще громко не говорят.

— Как это было, Кобра?

— Он приехал после концерта, заказал себе выпить... А потом упал — и умер. Пока искали врача, который не мог приехать, потому что была суббота, пока... в общем все случилось так, как случилось.

— Брат забрал его гитару?

— О, нет. Она в музее музыки. Рядом со скрипкой Паганини и фортепиано Шопена...

— У них получилось бы прекрасное трио.

— Может быть, где-то так и есть.

— А я думал, что ты неверующий, Кобра!

— Да так и есть... Впрочем, когда имеешь дело с цыганами, разве можно быть в чем-то уверенным?

— Ты и шутишь так же, как он...

— Это правда. После войны именно он вернул мне чувство юмора. Да и не только мне. После этой войны только он мог вернуть людей к жизни. Пойдем отсюда. Не люблю кладбищ. На кладбище придется провести очень много времени, Дитрих.

— И откуда у тебя такое странное прозвище...

— Эх... Встречи со мной для немцев кончались, как встречи с коброй. Только против меня не придумали сыворотки.

— И все же ты — первый человек, который после войны пожал мне руку! Я никогда не забуду этого!

— Ну, ведь не последний. Знаешь, я бы никогда не узнал в тебе того жирненького трусливого подонка, который заходил в наши кабачки...

— Я надеюсь, что он давно умер.

— Это так и есть. Он должен был умереть в день нашей первой встречи. Я пришел тогда именно с целью убить тебя.

— Джанго тебя опередил.

— Он сделал это самым лучшим способом. Убить негодяя и оставить в живых человека — это... Кстати, и того Кобра, с которым ты встретился, он тоже убил. Тот Кобра просто забрал бы бумаги и избавился от тебя двумя выстрелами. Так ведь было удобнее, никаких следов. Но Мануш на меня посмотрел — и я не смог. Он понял, что я собираюсь сделать...

— Когда имеешь дело с цыганом — будь готов к чудесам! Я уже много лет живу в деревне, возле цыган. Ловлю с ними рыбу, сижу у костра по вечерам, начинаю понимать язык...

– Они знают, кто ты?

– Да. Я сам рассказал им. Не про Джанго, конечно. Просто сказал – я был вот таким-то когда-то.

– И что?

– Спросили, убивал ли я. Я честно сказал, что нет. Они побили меня крепко. А потом вдруг остановились. Сказали, что Бог мне судья. И не прогоняли потом.

Никто из этих цыган действительно не знал о пропусках, которые воровал в комендатуре Дитрих, ни о том, что однажды не выдержал отвращения к себе этот «администратор» и спас несколько сотен человек. Просто есть что-то в цыганском взгляде. Они что-то увидели такое, за что оказалось возможным простить Дитриха Хольца. Впрочем, действительно умер давным-давно трусливый «администратор». Не сразу... Но умер. И Робер – «Кобра» – тоже не сразу умер. Но улыбаться он начал раньше Дитриха Хольца. Дитрих думал о себе. Кобра вообще редко думал о себе в те годы. Но нужно было вспомнить, как прощать людей. Не только немцев, но и французов. Он снова улыбнулся, как только стало можно прощать...

Спустя годы Рыцарь сидел в кабачке у Ренэ со своим другом Стефаном, тем самым, которого встретил в телестудии после записи новой пластинки. Они отмечали это событие с другом покойного Мануша. И этот друг со странным прозвищем Кобра представил им седого немца с невесть откуда взявшимися благородными чертами лица, худошавого и грустного. И Кобра вдруг сказал:

– А ведь если бы не Дитрих... Мануш, в честь которого устраиваются эти вечера, погиб бы еще до освобождения. Дитрих и потом два года страшно рисковал. А однажды пришлось ему застрелить своего начальника – и это спасло пятьсот человек. Испугался он тогда. Впервые убил человека. Удалось представить так, что его начальника убили мы. Но... В общем, досталось ему... Людям ведь ничего не докажешь, если они чувствуют себя правыми. И немцы не простили, и французы. Я и сам долго не мог понять, как можно оставлять в живых немца.

И тогда сам Рыцарь без сомнений пожал руку Дитриху Хольцу. А кто-то из туристов в ресторане тихонько щелкнул затвором фотоаппарата и принес обоим немало огорчений.

Мануш так и не смог угнаться за тем черным саксофонистом. И дело было не в технике, не в темпе, не в скорости и причудах ритма. Он привык к другим слушателям. Он привык к тем, кто мог расплакаться, привык к тому, что внезапно из толпы бросалась навстречу какому-то мужчине какая-то женщина и они не танцевали, а плакали, уткнувшись друг другу в плечи. Он привык, что люди, от которых уже никто и никогда не ждал веселья, вдруг начинали улыбаться. Теперь его слушали и сравнивали, ловили фразы, проверяли «на соответствие». «Борьба за чистоту жанра...» Этим и убивают любой жанр.

После очередного концерта он заглянул в магазин и купил на все деньги красок и кисточек, несколько картонов и холстов и на следующий день начал рисовать. Обнаженную рыжую цыганку, лошадей, восходы и закаты. Что-то подсказывало, смутно и тревожно, что впереди осталось очень немного. Ему хотелось, чтобы где-то там, во взлетевшей в дыму к небесам кибитке были картины, которые напоминали бы о мире, связь с которым так не хотелось терять...

– Покрепче и сигару?

– Увы, Ренэ. Сегодня я бросил курить.

– Что, укатала Акробатка?

– Перестань. Просто решил побережь здоровье.

– Что? – Ренэ чуть не уронил на пол далеко не дешевую бутылку. – Ты начал беречь здоровье? А... я, кажется, понял. Наш Кобра добегался!

– Отстань!

– Ну-ну-ну! Я так... Кстати, она совсем не такая плохая, как о ней говорят. Сердце у нее доброе. Она умеет любить.

– Что на тебя нашло, Ренэ? Еще сплетничать начни!

– Как ни странно, начну. Она была страшно влюблена в одного художника, но его у нее увела одна дамочка – при деньгах была и с темпераментом.

– Заткнись! Лучше скажи, ты готов к вечеру?

Ренэ засмеялся. Ох, Кобра, ну если кто и

удивится, что ты можешь стать с годами моложе, то только не Ренэ. Уж он-то знает тебя лучше всех. Он-то побывал с тобой и в подполье, и в лагере, и под пулями.

— Я рад за тебя. Она правда хорошая девочка.

— Если ты сейчас скажешь, «только за ней нужен глаз да глаз!», я...

— Глаз да глаз нужен за тобой!

— Ты о чем это?

Но Ренэ только рассмеялся снова.

— Мадам, одолжить вам программку?

«...Ну, вот ты и попался, мальчик. Ты уже забылся только о ней, эту бедную девчущку ты и забыл... И как быстро! Так поделом вам обоим. Тебе — за то, что так быстро забываешь о ней. А твоей дурочке — за то, что дурочка. Как можно так влюбиться, настолько терять голову, не думать ни о чем... Но будь умнее. По большому счету, ты должна мне быть благодарна. Женщиной становятся не после того, как в тебя проникнет мужская конечность без костей. Вот когда тебя в первый раз бросят как окурочек, даже как следует не докурив, вот тогда. Тогда ты — женщина. А до тех пор — это все еще детство. Глупое, слезливое и дурацкое...»

«...Как он все-таки еще нелеп. Сейчас начнут шутить, говорить чепуху, будет притворяться, что это безобидный разговор, не более того. Не зли сразу двух женщин, мальчик. Из нас троих только один не понимает, что происходит на самом деле».

«...Да, моя милая. Увы. Он еще даже не мужчина, он мальчик. Такие должны годик побарахтаться в услужении. Он ведь даже пощечину дать тебе не может. На место тебя поставить. Он может только сбежать, бросить тебя одну. И это потребует от него всей храбрости, что в нем есть. Он еще ничего не знает и не видел, просто не зная, что теперь должен платить за все взрослую цену. Найди себе другого... Который уже знает». А Он тем временем увидел, что в программке первый номер перечеркнут и по зачеркнутому написано «Pablo de Sarasate. Gipsy Airs Zigeunerweisen».

— Смотри! Это для нас! — воскликнул Он, об-

рачаясь к Ней, еще не пришедшей в себя, сжавшейся, готовой расплакаться. И Она увидела — что смотрит он только на нее, и не просто смотрит — ничего кроме нее не видит, не хочет видеть... И Она вдруг успокоилась и, забыв, где она и что вокруг сотни глаз и ушей, бросилась к нему в руки, прижалась к его шее, а он растерялся и зашептал: «Что ты? Что ты?»

А она и говорить ничего не могла. Неловко выпрямила ноги и попала каблуком по чему-то твердому и услышала «Ой!» Рядом сидел совсем молодой человек, аккуратно сложивший у перил своего кресла костыли. Чтобы загладить неловкость, молодой человек попросил у хозяина костылей программку:

— Простите нашу неловкость! Не могли бы вы показать нам свою программку — в нашей, кажется, опечатка...

Тот взял, посмотрел внимательно и, вдруг улыбнувшись, сказал:

— О, нет. Опечатки в вашей быть не может. Опечатки во всех остальных.

— Как же это может быть? — пролепетала она.

— Я слишком хорошо знаю этот почерк. Да и вы, судя по местам, которые занимаете, — должны его знать!

Тот, кто это сказал, сам еще не знал, что пройдет время и он будет стоять на этой сцене, держа в руках ex-King Saltar de Londres... И что тот, кто выйдет сейчас на эту сцену, сам решит так, и без единого колебания.

Когда Рыцарь вышел на свое место, сразу бросилось в глаза, что под фракком, кожей и мускулами — нечто потверже обычных костей. Так выглядят люди, которые победили в бою. Здесь — не место для боя, тут праздник, где восхищаются победителем. Бой был там, где не получалось, где было место страху, где казалось, что не получится, где выносили приговоры врачи. Он прошел перед залом такой же походкой, какой выходили на поединки рыцари тысячу лет назад, с тяжелыми двуручными мечами, обретая с каждым взмахом все больше ловкости, и подчиняли себе движения тела и оружия. Он уже скользнул по трем самым важным местам в зале робким взглядом. А когда затихли

звуки Сарасате — все пошло по программе. Bruch. Violin concerto no 1. Это был особый концерт. Рыцарь даже не играл — он вспоминал тех, кого сегодня не могло быть в зале.

Акробатка затихла в своем кресле. Она почему-то представила себе комнату, кровать, ночник и радиоприемник, старика с насмешливыми глазами, который погрозил ей пальцем. Ресторан, в котором Ренэ потянулся было за бутылкой «покрепче», но виновато отдернул руку и ушел за легким вином, и, как бы извиняясь, попросил Кобра подойти к нему «кое-что уточнить»... Знала она, что они там будут «уточнить»... Но пусть. Пусть! Вчерашнее счастье вернулось к ней, и пропал сегодняшний мальчик, пропал и тот, которого она давным-давно так любила, как ей казалось, и незаметно сняла она с шеи и из ушей дурацкие блестящие игрушки... Они нужны тем, кто не любит, а главное — тем, кого не любят... Она смотрела на двух счастливых детей. Потом вдруг вспомнила, что когда-то умела довольно сносно готовить...

В антракте она подошла к Ней, поцеловала ее в щеку и прошептала: «Береги его! И если что — звони. Вот тебе номер! — и написала прямо на программке. — Спроси Жюльетт. Или попроси Кобра позвать жену... Или просто приходи, вот и адрес тебе...»

— Кого спросить...

— Ты его знаешь! Он дал вам вчера билеты...

— Мадам... А кто он?

— Кто он? — Она улыbnулась так, что равна эта улыбка была глубокому и свободному вздоху. И легче стало после нее, и счастье окружило ее теплым облаком. — Это Робер! Это мой муж. Это самый лучший на свете человек. Таким для тебя станет твой мальчик... И не бойся стареть. Вместе это совсем незаметно. И совсем не страшно.

Акробатка умерла. Без сожалений и попыток уцепиться за жизнь. Жюльетт, жене и надежнейшей подруге, было бы уже не до нее.

После концерта, коротко поклонившись в последний раз, Рыцарь вышел в свою примерную и, быстро сняв фрак и черные брюки с поясом, переоделся в штаны с пузырями на ко-

ленях, клетчатую рубашку и пиджачок. Потом он взял бесценный ex King Saltar de Londres и спустился к невзрачному подъезду, у которого уже стояла старая, когда-то очень дорогая машина. За рулем сидел Ренэ. На переднем сиденье Кобра.

— Здравствуй, дружище! Пришлось чуть-чуть задержаться. Я изменил программу. В этом зале тоже нужно было сыграть...

— Я понимаю.

— Он... Давно?

— Неделю назад. Рыбачил на берегу Сены. Я все понял, когда не увидел его на обычном месте. Инфаркт... Он ничего не почувствовал — так сказал врач.

— Сегодня я пожал бы ему руку перед всеми кино- и телекамерами, какие нашел бы...

— Нет, он бы не захотел. Он мечтал просто жить в городе, где нашел покой и прощение... Так он говорил. Но нас ждут.

— Так поехали?

— Нет! Нам нужно дождаться одну машину...

— А, эти милые дети...

— А говоришь, глаза подводят!

— Но ведь не уши!

— Прости! Вот они!

Подъехала и вторая машина, оттуда помахали рукой, и оба автомобиля понеслись куда-то в не слишком презентабельный кабачок. А там — старые и молодые музыканты собрались под фотографией двух музыкантов: скрипача и гитариста, в полный рост, но фотография была черно-белая, старая, и уже никто не знал, почему кажутся не очень подходящими носки, торчащие из-под брюк гитариста... Зато скрипач присутствовал в зале сам. Точнее — два скрипача.

И хотя заведение было не фешенебельным, сюда мог попасть далеко не всякий. Стоявший у входа совсем не похожий на швейцара человек пускал тех, кого знал — и за кого могли поручиться приходящие. А потом дверь и вовсе закрыли изнутри.

А вокруг звучала новая музыка. Она была совсем не похожа на прежнюю...

* * *

Человек в дорогом кашемировом пальто, несмотря на довольно теплую погоду, стоял возле касс, опираясь на костыли, и с любопытством и грустью смотрел на неудачников. В кармане у него лежало то, чего здесь так жаждал каждый. Он знал, что сегодня впервые выйдет на сцену в качестве Рыцаря. Никто не ожидал, что именно он может тут находиться, хотя он смущался. Риск быть узанным оставался. Тогда дело можно считать проваленным. Но особенные билеты непременно нужно кому-то отдать — и ни за что не ошибиться. Он поерзал на костылях и стал внимательно вглядываться в лица людей. Увидев парочку: красивую девушку и молодого парня с лицом, выдававшим арабскую кровь, он инстинктивно сжался, но вдруг услышал:

— ...Я не верю, что человек такой сильной воли может бросать работу на полчаса раньше только потому, что ему тяжело стоять на костылях! Я слышала его! Он просто не мог бы признать, что болезнь может победить... Тут какой-то секрет!

И тогда человек в пальто сказал, как бы ни к кому не обращаясь:

— Костыли, если ты с ними с детства не растаешь, это как пара ног или рук. Нечто среднее, как у обезьяны. — И рассмеялся сам себе. — И даже абсолютный слух ни при чем.

Дело именно что в секрете. И вдруг добавил: — Мне интересно, зрячие ли у вас души... Позвольте кое о чем вас спросить?

Мужчина, женщина и еще одна женщина, старенькая уже, наблюдали за сценой из автомобиля, на котором они привезли Рыцаря сюда. Они ничего не говорили. Как-то само собой было понятно, что теперь только сам Рыцарь может сделать выбор. Они не хотели помешать. Да и помолчать всем троим было о чем. А в ресторанчике, который уже вам известен, пятидесятилетний официант открыл старым ключом шкафчик с посудой, из которой ело и пило больше знаменитостей, чем лежит на парижских кладбищах. И улыбался, глядя, как на экране телевизора разлагольствовал перед журналисткой и строил ей глазки толстяк с широченными плечами. Официант улыбался, вспоминая, какие слова он когда-то нацарапал гвоздем на крыле спортивной машины этого господина, который с горя подался через месяц в политику. Но тут же забыл о нем, потому что нужно было приготовить столик — как в старые добрые времена. Рядом стоял молоденький гарсон, которого он подобрал недавно в одном из соседних кафе. Веселый парень, смысленый. А главное — его зовут Ренэ. Это огромное везение — иметь к подходящим качествам подходящее имя. Через какое-то время и его можно будет посвятить в Уговор... □

Андрей Юрьевич ЦУНСКИЙ

родился в 1967 году в Петрозаводске.

Окончил факультет журналистики Ленинградского университета.

Лауреат литературных конкурсов «Art-Teneta-97»,

«Art-Teneta -99»,

автор двух книг, выпущенных издательствами «Геликон +»

и «Амфора».

Рассказы вошли в антологию Макса Фрая.

Член Союза писателей России.

Анна СОСНОВА

г. Кондопога,
 Республика Карелия

Анна Васильевна СОСНОВА

родилась 28 декабря 1978 года
 в г. Кондопоге Республики Карелия.
 Работает в ОАО «РЖД» дежурным по станции.
 В 2013 году стихи были напечатаны
 в журнале «Север» в рамках материалов,
 посвященных 75-летию города Кондопога.
 Лауреат литературного конкурса
 «Северная звезда»-2014.

* * *

На озерном берегу сяду тихая.
 И не грустно мне опять, и не весело.
 Мне кукушка за спиной, словно тикая,
 В сотый раз судьбу сочла, перевесила.
 Я смотрю на дальний лес, на закатный круг —
 От величия Руси все же много в нем.
 Где ты? Что тебя манит, мой вчерашний друг?
 И душа твоя болит для кого, о ком?
 Время быстрое бежит, как лихой ручей —
 У одних вода жива, у кого-то — нет.
 Сколько ж сказано пустых, да и злых речей!
 Нам за них еще держать в небесах ответ.
 Не забыть ошибок тех, что разбили в хлам
 Не обиженных сердца, а свои, увы.

«На озерном берегу
 сяду тихая...»

За спасением идут Человеки в храм,
 В Бытие не прочитав ни одной главы.
 По Руси растут кресты, только вот вопрос:
 И убранствами церквей, да все больше в прах.
 Для того ли чей-то сын подле мамки рос,
 Чтобы в мир иной уйти на ее руках?
 Ты прости мне этих строк заунывный звук —
 Думы топчутся внутри, душу к стенке жмут.
 Где ты? Что тебя манит, мой вчерашний друг?
 И куда тебя мечты за собой ведут?
 На озерном берегу я одна сижу,
 И не грустно мне опять, и не весело.
 Мне кукушка наперед отвела между,
 В сотый раз судьбу сочла, перевесила.

* * *

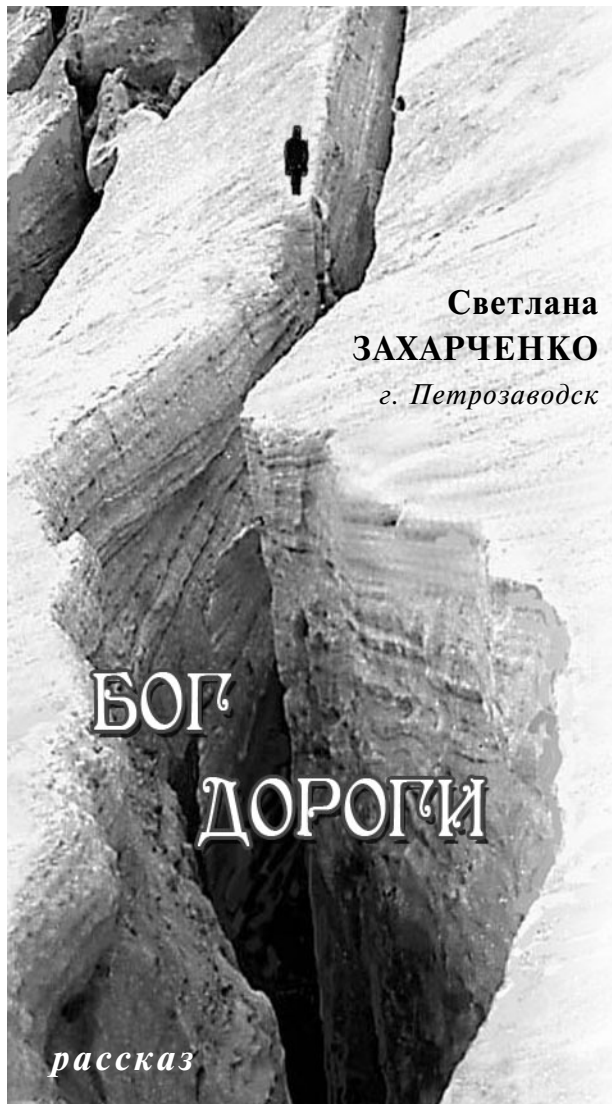
На заболоченном окне
 Снуют остатки снега.
 Ложатся мысли в голове
 Детальями от «Лего».
 Зима сворачивает даль
 Небрежно и лениво.
 Округу ветреный февраль
 Целует неучтиво.
 Впадает небо в акварель.
 Лишь синевую редкой
 Зовет, зовет к себе капель
 Шумливую соседкой.
 И одеяла у озер
 Все тоньше и все легче.
 К себе притягивают взор
 Воды смущенной плечи.
 Деревья кажутся стройней.
 К ногам роняя шубы.
 «Весна! Приди же к нам скорей! —
 Невольно шепчут губы. —
 Приди, ворвись в скупую суть
 Заиндевелой жизни,
 На серостью укрытый путь
 Цветной гуашью брызги.
 Беги прозрачностью ручьев
 В три силы лошадиных
 И будоражь повсюду кровь,
 Гори в глазах игривых.
 Волнуй, волнуй внутри сердца
 Своей душевной песней.
 И от начала до конца
 Будь краше и чудесней».

* * *

Утро раннее, сумрак осени.
 Полно дышится, словно маями.
 Ветры под ноги листья бросили
 Кружевными цветными стаями.
 Птицы воздух пронзают клиньями —
 Пишет голос письмо прощальное.
 Ночи снова стежками длинными
 Будут небо сшивать печальное.
 Солнце греет с натужной скупостью,
 Словно хочется, да не велено.
 Все вокруг серебристой хрупкостью
 Дальним вздохом зимы застелено.
 Гладь озерная мнется, ежится,
 От усердия пеной брызжется.
 Что-то осень внутри не можется!
 Что-то осень внутри не видится!

* * *

Темно-синее небо с проседью,
 Затаившихся звезд сплетение.
 Ночи в августе пахнут осенью —
 Искраженное впечатление.
 Градус мечется между строками,
 Словно падает от усталости.
 Время снова играет сроками:
 День прошел — не хватает малости.
 Фонари расцветают гордостью,
 Ненадолго еще, но важно ли?
 Скоро лето раскиснет полностью
 В эпицентре дождливой скважины.
 Переменится окружение,
 Акварелью рисуя видимость.
 Все! Осеннее обострение!
 Снова тихо уйдем в обыденность.

**Светлана
ЗАХАРЧЕНКО**

г. Петрозаводск

БОГ ДОРОГИ

рассказ

Эта история произошла со мной несколько лет назад, когда мой возраст ещё позволял путешествовать неформальным образом, то есть с попутками.

У моей девочки Сони был тогда день рождения. Жила она в Марциальных Водах, куда я приехала на рейсовом автобусе в субботу. Мы провели с ней вдвоём замечательный вечер с прогулкой по дороге к минеральным источникам, к озеру и к церкви Петра и Павла. И вот настало воскресенье, когда нужно было возвращаться в Петрозаводск. Мы с Сонечкой вышли к автобусной остановке заблаговремен-

но, но автобуса не было. Не пришел он и через полчаса. Сонечка вспомнила, что в выходные дни автобусы ходят как-то иначе, но расписания у неё нет. А мне нужно было попадать в город, тем более что следующий день — рабочий.

И тут возле нас останавливается «Газель». Водитель, мужчина за 50, спрашивает:

— Едете?

Сонечка сразу откликнулась:

— Да, моя подруга едет. А я номера ваши запомню, так что довезите до места.

Как только я забралась в кабину и устроилась, водитель завел машину и вдруг спрашивает меня, — а машина уже едет:

— Ты веришь в любовь?

Вопрос, что называется, ребром. Да и сама манера: сразу на «ты». Первое моё желание было — выскочить из машины прямо на ходу. Не помню, была ли я тогда влюблена в кого-то. Хотя чувство это было мне знакомо не понаслышке. И девочки мои часто выбирали меня в качестве «жилетки».

— Как вас зовут? — Я решила выиграть время. Тем более, обращение по имени всегда психологически располагает к себе человека.

— Давай на «ты»? Я Иван.

Я тоже назвалась.

— Да ты не бойся. Я хочу рассказать тебе историю своей любви. — Иван смотрел на дорогу, словно видел что-то, что находится за чертой горизонта: — Мне было 42, семья была, конечно: жена и двое детей, жили мы в Питере. Дочь старшая замужем уже была, а сын школу заканчивал. А я встретил Нину. Когда я её увидел, то все остальные женщины перестали для меня существовать. Ну, я честно сказал жене, что ухожу. Всё нажитое имущество оставил ей: трёхкомнатную квартиру, дачу, машину. Даже тапочек не взял. Жена плакала, грозила, ругалась...

Я ушёл жить к Нине. Работал: у меня был свой бизнес. Через девять месяцев накопили на свою квартиру. Мы собирались венчаться и уже первый взнос внесли за коттедж. А тут мне нужно было отъехать в Москву по делам на пару дней. Ну зачем я уехал? Зачем? Вернулся я уже в другой мир, в котором нет Нины...

Иван замолчал. Потом собрался с духом и проговорил такую страшную для него фразу:

— Её убил сосед. Он подростком ещё был в неё

влюблён, потом залетел по малолетке на десять лет, а вышел из зоны аккуратно в день моего отъезда. Увидел он Нину возле подъезда, стал к ней приставать, а она даже слушать его не стала. Тогда он напился и подкараулил её. 46 ножевых ранений. Но она раньше умерла. Не мучилась. Двадцать семь лет ей было. И теперь всегда 27. Я жить не хотел. То есть что там «хотел — не хотел». Не было меня. Сначала всё пытался изменить ситуацию: если бы мы уже переехали, если бы я тогда не уехал... и не встретился бы ей этот экз. Потом запил. Чёрный стал. Друзья отговаривали, а я никого не слышал и не видел. Через полгода в церковь пошёл. Обидно было. Девять месяцев безоблачного счастья. Кому она что плохого сделала? Она ангелом была. А поп говорит: «Ну, она ангелом и стала, а ты ещё живой и должен свою жизнь жить». А как жить?

Жена бывшая говорит: «Возвращайся домой». А мой дом — это Нина. Без неё я бездомный. Жена: «Мы с тобой двадцать пять лет прожили, ничего, и это переживём». А я для всех остальных после встречи с Ниной умер словно.

Раздал я всё, что было, вот, «Газель» эту купил и поехал на край света. Знакомый узнал, что я в дорогу собрался, попросил груз один до Архангельска подбросить. Так и направление пути образовалось. Потом ещё груз попросили отвезти. Так вот и езжу несколько лет. — Иван спокойно говорил. Я сидела словно оглушённая. Забыла даже, где и зачем еду. Весь мир сузился до кабины «Газели», которая была теперь домом Ивана.

— Попутчики разные попадают. — Иван усмехнулся. — Жалеют, предлагают работу, жену советуют завести... Один мужик мне сказал: «Радуйся, что у вас с ней детей нет». А чего в этом радостного? Был бы малыш, Нинино продолжение, был бы смысл жить. А так... — Мой водитель покачал головой, — пустота одна тут, — он показал на грудь. — Болело сильно сначала, а потом как выжгло. А многие не понимают, что такое любовь. Есть крыша над головой, есть кусок хлеба — и ладно, что, мол, ещё надо-то? Или дураком называют, что к первой жене не вернулся. Были и такие, кто не верил, что бизнес я свой отдал другу. Как, мол, отдал? Не продал? Нет? Это в Питере-то, мол, бизнес подарил? Да жил бы в своё удовольствие... А как жить, если душа болит...

Ребятки одни попутчиками были как-то, до Владика мы с ними ехали от Новосибирска. Молодые, сразу видно было, что парочка влюблённых: не успеешь отвернуться, они уже целуются или обнимаются. Я так обрадовался, вот, думаю, эти меня поймут. А паренёк на одной из стоянок, когда девушка в туалет отлучилась, откровенно так заявил: «Не, я жениться не собираюсь. Вообще никогда. С бабами этими сплошная головная боль. Переспать куда ни шло, а жить, да ещё с одной и той же всё время — я пока в своём уме».

Меня тогда торкнуло сильно: ведь не знают даже, что такое любовь. А я-то думал, что она есть у всех, только разная. После этого я стал прямо спрашивать, с первых же минут: знаешь — не знаешь? Поняла, почему я так? — Иван качнул головой назад, будто показывая на ту остановку, откуда он меня забрал.

Мне было уютно рядом с Иваном. Мы ехали и разговаривали о любви. О том, что она никуда не исчезает. Даже если умирает один из возлюбленных, любовь живёт в сердце другого и согревает других.

— Я раньше этого не понимал, чувствовал, что любовь никуда не ушла, но было очень больно носить в себе неразделённой. И я езжу и рассказываю о том, что такое любовь, — Иван объяснял, а у меня болела за него душа.

Мы уже доехали до кольца, где трасса разделялась. Ему нужно было на Мурманск, а я уже добралась до своего города. Иван остановил машину, но я не выходила: наш разговор продолжался. И вдруг я увидела, что он не один.

— Иван, ты не один, — выдохнула я.

— Знаю, — он улыбнулся мне спокойно, — Нина всегда со мной. Теперь иначе, чем раньше. Но смерть нас не разлучила. Она скорее дала мне понять, как же сильно я люблю свою Нину. И я езжу и рассказываю о ней. Вот такой мой смысл в жизни: рассказать, что же такое любовь... Ну что, поехали со мной на Мурман? — пригласил он скорее в шутку.

— Я уже доехала. Спасибо!

Мы попрощались с Иваном. И он поехал дальше делиться своим чувством. И если он встретится вам, знайте, что это Бог дороги, любящий своих попутчиков и никого не обижающий...

РОЖДЕСТВО.

Дорога домой

рассказ

Конечно, рассказ о Рождественском празднике нужно начинать с Богослужения. Но мое повествование будет о том, как мы с внуком возвращались из монастыря домой.

День уже перевалил за середину. Через час-другой будет уже темно, а мы с девятилетним Глебом еще не знали, как попадем в город, до которого было 112 км, а 12 из них были по лесному тракту, где автобусов сроду не ходит. И вдруг паломница одна говорит:

— Паренек едет. Один он в машине, я уже договорилась, он и вас возьмет.

Через полчаса мы все сидели в джипе. Антон, так назвался наш спаситель, оказался молодым тридцатилетним невысокого роста темноволосым мужчиной. Но как только он повернулся и посмотрел на нас, мы уже ничего не замечали, кроме его счастливых, сияющих спокойным ровным светом глаз.

— Я сидел, — это было первое, что он нам сообщил. Мы по-женски заохали и стали спрашивать, как там ему пришлось, а главное, как удалось не сломаться там.

Антон улыбнулся и стал рассказывать про то, что в тюрьме он считался злостным нарушителем (по мнению администрации, конечно), потому что через своих адвокатов на воле помогал другим заключенным. И за это его несколько раз помещали в СУС (это аббревиатура: строгие условия содержания). Строгость заключалась в том, что там нельзя было ни передачек получать, ни писем, ни свиданий.

— Формально в СУС сажали на 9 месяцев, — говорил Антон, уверенно ведя машину, — но если ты что-нибудь нарушишь, то кидали в ШИЗО на 15 суток и отсчет начинался с нуля. Некоторые до конца срока из СУСа не выходили. Находились такие зэки, которые из подлости подстраивали так, чтобы ты опять и

опять ни за что попадал в ШИЗО. ШИЗО — это как затвор: кровать, тумбочка, пища раз в день (жидкая, разведенная водой каша), никаких книг и постоянная вентиляция, так, что в камере больше 8 градусов не бывало.

— Молитва Иисусова от мороза даже спасает, — поделилась я.

— Так я молитвами только и согревался, — подхватил Антон, — поленишься, не прочтешь, к примеру, вечернего правила, и посреди ночи от колотуна просыпаешься, зуб на зуб не попадает.

Глеб во все глаза смотрел на водителя, вспоминая что-то свое.

— Еще когда я в предвариловке был, до суда, встретился мне один человек. Теперь-то я знаю, что ничего случайного нет, — Антон вздохнул, хотел что-то сказать, но замотал головой и повторил, — нет ничего случайного. Он мне про Богато и сказал. А еще про книги, в которых я могу найти полезное для себя... Я там Евангелие читал. Не сразу, конечно, и не все: книгу Сираха, сына Сираха читал и еще притчи Соломона. Но больше всего мне понравилась книга Василия Кинешемского «Беседы на Евангелие от Марка». Такая хорошая книга. У меня как глаза открылись. Знаете, когда вокруг нет никого, кому можно было бы довериться, когда любой может предать, невольно приходишь к вере. Надо всех преступников в затвор сажать, чтобы они Бога узнали. Я ведь именно аккурат на Рождество голос услышал. Он со мною разговаривал так, не передать. Я сначала подумал, что схожу с ума. А я тогда в ШИЗО сидел. Но после этого разговора у меня на душе стало легко и вообще полегчало, как на воле даже не бывало.

Антон говорил с нами, словно мы были знакомы всю жизнь. Хотя так бывает среди участников одной чаши. Глебка, который спал этой ночью только 5 часов, просунул голову между передними сиденьями и впитывал в себя рассказ Антона. Так всю дорогу он и просидел. А Антон делился трудным своим жизненным путем к Богу.

— А второй раз было на страстной неделе уже, перед Пасхой. В пятницу мне стало тошно так: жена развод требовала, жить не хотел. И тут опять Он мне говорит: потерпи, скоро будет легче. Я тут и вспомнил, что ведь распяли Его сегодня, а Он меня утешает, и стыдно мне стало. А в ночь на воскресенье без часов в полночь прос-

нулся от несказанной радости внутри меня: воскрес! Христос воскрес! И я воскрес.

— Я же в монастырь почему поехал? — спрашивает у себя Антон. — Тоже ведь промысел. Слышал, что отец тут один есть, очень на Илию Оптинского похож. В Оптину я все хотел поехать, да туда дорога длинная, на сутки, а тут два часа и ты в святом месте. Ходил вчера по монастырю и поймал себя на том, что ни о чем, кроме молитвы, не думаю, ни о бизнесе, ни о делах домашних. А в мирских храмах — я же все их обошел, городские-то — там батюшкам некогда, да у них уже есть свои любимцы из прихода, не пришелся я там, значит. Да и суета в городе: все время что-то отвлекает, канонов толком не вычитать. Да, я про отца начал. Уж вот так он на оптинского старца похож, и душа моя к нему тянется. Я его еще летом приметил. Но тогда довелось только со схимником пообщаться. Велел он мне семью заводить. Моя-то жена меня не дождалась, — Антон вздохнул и легонько так повел рукой в сторону, как бы отдаляя грусть в такой радостный день. — А я со знакомой одной тогда приехал. Она меня старше, вдовствует с двумя детьми. — С нею, говорю, семью? — Нет, ты ровню ищи, — мне схимник сказал. Да я и сам семью хочу. Денег-то я заработаю. На двух работах сейчас. Генеральным директором в фирме, мы сейчас создаем предприятие по производству плит. Ну и чтоб смирение иметь, банщиком в санатории «Кивач» еще.

— Как банщиком? — удивились мы.

— А вот, — заулыбался Антон, — там приходят такие воротилы, парку поддать просят да веником березовым обходить, а потом как узнают из беседы-то — по разговору все можно понять — что я тоже не лыком шит, тоже удивляются. Там ко мне все клиенты с почтением относятся. Им и самим нравится, что у них такой банщик.

Мы разговаривали всю дорогу. Уже стемнело, Антона дома ждали родители, а он терпеливо развозил нас в разные концы города.

— Да, про монастырь-то я так толком и не сказал, почему приехал, — напоследок произнес Антон, когда мы с внуком уже выгрузились возле своего старенького деревянного двухэтажного дома. — Я ведь ехал духовника себе найти, а нашел того самого человека. Вы же знаете Семена, ну, просфоры он в монастыре печет, так вот это

он, тот самый человек, которого мне Бог в КПЗ послал и который мне о Боге возвестил...

Перед сном читали молитвы с внуком, и вспомнилось почему-то, как Антон несколько раз про Василия Кинешемского книгу говорил тепло так, душевно. Нашла, открыла и с самого начала словно голос Антона услышала, читающего:

«Евангелие — слово греческое. В переводе на русский язык означает «благая весть».

Благая весть! Как это оценить?

Где-нибудь далеко-далеко в холодной, негостеприимной чужбине, быть может, в суровом вражеском плену, томится дорогой вам человек. Вы ничего о нем не знаете. Пропал — как в воду канул. Где он? Что с ним? Жив ли? Здоров? Быть может, обнищал, нуждается во всем... А кругом холодные, равнодушные чужие люди... Ничего не известно. Томится сердце, тоскует. Хоть бы одно слово: жив или нет? Никто не знает, никто не скажет. Ах, какая тоска! Господи, пошли весточку!..»

Вот она, молитвочка-то, мольба: пошли Господи весточку! И Господь откликается и не оставляет в беде... И рождается человек младенческой душою своей для добрых дел, для заботы о ближних, для любви.

СВЕТАЫЙ АНГЕЛ

рассказ

— Под шубой? Мам, не нужно салатов, — Светлана стояла у окна своей квартиры, расположенной на первом этаже, и разговаривала с мамой, которая жила в другом районе города. Мама наготовила салатов, звала ее к себе, но Светлана, как всегда, не соглашалась.

Стоял канун Нового года, а за окном чернела земля.

Четыре года... вот уже четыре года Светлана

была одна. Именно была, потому что в тот сентябрьский день, когда байк сына забрал его жизнь, она осталась совсем одна. Друзья сына, которые помогали в первое время, стали забывать. Да и что их винить: для них жизнь не стояла на месте, они женились, рожали детей, уезжали за границу. А Филипп, ее сын, так и остался двадцатилетним. Больше у нее никого не было.

Светлана перевела взгляд от черноты за окном на фотопортрет сына, висевший в центре стены: светловолосый, голубоглазый, родной до боли...

Кто-то из друзей Филиппа на похоронах назвал его светлым ангелом, потому что он был чистоплотным во всем: и в одежде, и в отношениях, и по характеру был очень светлым человеком: отзывался на любую беду. От него исходил свет.

Светлана опять перевела взгляд в окно и в который раз убедилась, что там по-прежнему черно и снег не предвидится.

«Зачем он купил этот байк? — в сотни тысяч раз подумала Светлана, — зачем этот?» — После гибели сына она узнала, что этот мотоцикл — убийца. Оказалось, что на нём уже разбился один байкер, а вдова погибшего ничего не сообщила об этом при продаже. Друзья Филиппа советовали ей разобрать байк-убийцу на запчасти, но она решила уничтожить эту машину, чтобы больше никто не пострадал из-за нее. 200 тысяч рублей — это не цена за человеческую жизнь.

Светлана тогда наняла людей, которые на ее глазах сначала спрессовали байк, а потом уложили его в грунт на одной из обочин. Светлана опять представила рыжий песок и мокрый чёрный жалкий металл на фоне серого неба, — картина была слишком схожей с той, которая была на кладбище в день похорон Филиппа. Нет, на кладбище было всё мертво, а байк умирать не хотел. Обычным прессом крепкую металлическую конструкцию кардинально изменить не удалось. От соприкосновения с другим металлом байк, наоборот, взбодрился. Пресс содрал эмаль, и байк заблестел своим голым оскалившимся остовом. Рабочие оттащили его лебёдкой к машине пневмопресса и давили до тех пор, пока байк не превратился в бугристую сверкающую лепешку.

От этого воспоминания Светлану затрясло. Она потянулась к пачке сигарет и автоматически закурила. Огонёк отразился в оконном стекле, словно курили двое.

— Сыночек, ты со мной. Ты всегда со мной, — заплакала Светлана.

Курить уже расхотелось. Она затушила сигарету. Нужно попробовать уснуть. После смерти сына, с того самого сентября, когда Филипп не дожид недели до своего дня рождения, сон был редким явлением. Мозг отказывался отключаться, бесконечно прокручивая картины, одну страшнее другой.

Они тогда собирались праздновать оба дня рождения, ее и Филиппа, потому что Светлана была тогда в плавании, — она работала коком. И Филипп не хотел отмечать свой без нее...

Светлана воспитывала своего сына одна. Брак был неудачным, и про отца Филиппа она ничего не знала и даже не вспоминала. Сын был для неё всем. Она жила для него, зарабатывала для него.

Филипп рос, на удивление, неэгоистичным. Уже в старших классах, когда его одноклассники стали ухаживать за сверстницами, он ревниво оберегал мать. Становясь мужчиной, он начал ценить то, чем она для него пожертвовала.

Пять лет идиллии пролетели быстро. Светлана разумом понимала, что скоро кончатся времена, когда её, сорокалетнюю, считают подругой Филиппа. Но ревностное материнское сердце не могло и не желало представлять кого-то рядом с сыном. Как-то так сложилось, что они стали праздновать свои дни рождения вместе, хотя разница между датами была в две недели...

В тот роковой год день рождения они так и не отметили и не отмечали с тех пор. Словно в тот год умерли оба...

Светлана долго лежала в темноте и старалась думать о хорошем.

«Мама, ты мой свет», — вспоминала она слова сына и как она сама говорила ему в ответ: «Это ты мой светлячок...» Но с тех пор свет погас. Его не было внутри. Его не было в мире.

Ей очень хотелось, чтобы Филипп приснился. Потому что она не верила, что его нет, и не хотела в это верить.

Филипп не снился долго. То есть он снился сначала, а потом перестал. Больше года никакого намека во сне. И тут в канун Рождества явился и молчит.

— Сыночек, это ты? — Светлана умоляла его: — Скажи что-нибудь.

Молчит и смотрит, так смотрит спокойно, что душу выворачивает.

— Живи, — выдохнул и опять замолчал.
 — Филипп!!! — И уже ярость в голосе и страх.
 — Что? Что??? Не понимаю... Зачем... Зачем мне жизнь без тебя?
 — Мама, а у меня ведь кроме твоей жизни нет другой возможности существовать.
 — Но как? Что же делать?
 — Мама, помнишь, я хотел брата?
 — Нет, ты никогда такого не говорил, наоборот, ты не хотел, чтобы кто-то нарушал наши отношения. Ведь мы научились понимать друг друга и чувствовать друг друга на расстоянии. И нам было хорошо вдвоём в нашей маленькой семье.
 — Это я сначала не хотел. А помнишь, я спросил тебя, как бы ты меня любила, если бы у меня был брат, больше или меньше? Я тогда подумал почему-то, что было бы здорово поделиться вот этим чувством общности нашей, радости от понимания с кем-нибудь, но только родным и близким. И впервые тогда пожалел, что у меня нет младшего брата, потому что мне тогда очень хотелось рассказать, как это важно — любить.
 — Нет, нет, я не буду больше рожать, — Светлану прошиб холодный пот, — нет, я не предаю память.
 — Ма, я есть, пока жива ты, пока ты помнишь меня, чувствуешь меня... Я давно хотел спросить тебя, — а если бы не я, а ты ушла первой, ты бы хотела моей смерти, чтобы быть со мной? Ты бы меня тогда тоже бы не отпустила

от себя? Мам, я тебя очень-очень люблю и не хочу, чтобы ты умирала. Ты же знаешь, что у меня никого больше нет, кроме тебя. И кто, кроме тебя, будет жить за меня?

— Ксения Петербургская жила за своего мужа, потому что у них не было детей.

— Мам, не сходи с ума. Лучше роди или усынови малыша, которому ты будешь рассказывать о его старшем брате, которого будешь воспитывать на моем примере. Может быть, когда-нибудь потом он захочет назвать своего сына моим именем. И на свете опять будет жить во плоти Филипп Сашурин.

Светлана так долго ждала, чтобы Филипп ей приснился, что вся измучилась и не знала уже, как это понимать. А тут сын пришел, но говорит вещи, не укладывающиеся в ее голове.

Она не помнила, как заснула.

А утром на душе ее было спокойно, впервые за долгое время.

— Сыночек, Филиппушка, ты не оставил меня, ты со мной, — улыбалась она.

В комнате было светло, и свет шел из окна.

Светлана встала с дивана и подошла к окну. Везде, где хватало взгляда, лежал снег: на земле, на машинах, на крышах, на деревьях.словно светлый ангел слетел на землю и укрыл своим заботливым крылом раны многострадальной матушки.

□

Светлана Олеговна ЗАХАРЧЕНКО

*родилась в Челябинске,
 окончила Витебский институт лёгкой промышленности
 и Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ).*

Поэт, прозаик, ученый-филолог.

*Публиковалась в региональных и российских периодических изданиях.
 Автор ряда книг поэзии и православной прозы, а также научных работ
 об эпистолярном наследии Оптинских старцев.*

Лауреат многих литературных конкурсов.

Отмечена премиями правительства Республики Карелия.

Кандидат филологических наук.

Доцент кафедры туризма ПетрГУ.

Член Союза российских писателей.

Живет в Петрозаводске.

Алексей КУДРЯШОВ

г. Сокол

Вологодской области

**Яленник
«Святой Анны»
(очерк-расследование)**

*Полярная экспедиция,
остатки которой нашел
Саня Григорьев
в романе Вениамина Каверина
«Два капитана»,
в реальности исчезла
бесследно, «потеряв» во льдах...
плотника из Вологды.
Романтическое путешествие
по северным морям,
начавшееся более ста лет назад,
стало роковым
не только для вологжанина,
но и для всей команды
шхуны «Святая Анна»:
из 24 человек
лишь двое вернулись живыми.*

Три капитана

В 1912 году сразу три русские экспедиции ушли в Арктику.

Выдающийся полярный исследователь Владимир Русанов, «застолбив» право России на часть угольных разработок острова Шпицберген, на обратном пути на шхуне «Геркулес» самовольно отправился вокруг северной оконечности Новой Земли в Карское море, намереваясь пробиться в Тихий океан. Неприспособленный «Геркулес» не выдержал натиска льдов. О судьбе путешественников мало что известно и по сию пору, хотя кое-какие их следы все же отыскивались...

Старший лейтенант Георгий Седов на шхуне «Святой великомученик Фока» попытался добраться до Северного полюса. Тщетно – шхуна вынуждена была повернуть обратно без Седова: отчаянный путешественник, уже больной, с двумя матросами отправился к полюсу пешком и вскоре умер, так и не достигнув своей мечты. Поскольку ушедшие с ним спутники вернулись

невредимыми и даже весьма упитанными, а указанная ими могила Седова оказалась пуста, над ними позже учинили следствие, заподозрив несчастных в том, что они попросту съели своего руководителя...

И, наконец, третью экспедицию по северным морям возглавил лейтенант Георгий Брусилов, специально для этого взявший на службе годовой отпуск. На шхуне, оборудованной для плавания в Арктике и названной «Святая Анна» в честь родственницы, ставшей главным спонсором предприятия, Брусилов вознамерился, как и Русанов, пройти Северным морским путем во Владивосток, промышляя охотой...

Писатель Вениамин Каверин, работая над романом «Два капитана», признавался, что характер своего Ивана Татаринова он списал с Георгия Седова, а злоключения шхуны «Святая Мария» в точности повторяют дрейф Георгия Брусилова на попавшей в ледовый плен «Святой Анне». Более того: найденный Саней Григорьевым дневник штурмана Климова дословно совпадает с дневниковыми записями реального штурмана «Святой Анны» Валериана Альбанова, который, в отличие от книжного, выжил и в конце 1917 года даже выпустил брошюру «На юг, к Земле Франца-Иосифа», где подробно описал свои приключения. Но Каверин ни словом не обмолвился о других членах команды – он старательно вымарал их имена из текста дневников Альбанова.

Так и исчез из романа вологжанин Александр Архиреев, нанявшийся на шхуну «Святая Анна» плотничать.

Потерявшийся в сноске

О том, что член команды «Святой Анны» Александр Архиреев – плотник из Вологды, упомянуто лишь в одной сноске в самых последних изданиях дневников Валериана Альбанова. Стоит отметить, что сноски этой нет ни в первом издании дневников, ни в более академичном томике 1934 года под названием «Затерянные во льдах», где, в частности, опубликован текст выписки из судового журнала Георгия Брусилова, принесенной Валерианом Альбановым. Не было этой сноски и в поздних советских изданиях 1980-х годов, когда дневник штурмана после долгого пе-

рерыва был вновь напечатан. В иностранных переводах, кстати сказать, этой сноски тоже нет...

Многочисленные исследователи уделяют больше внимания другим членам экспедиции – самому Брусилову, штурману Альбанову, сестре милосердия Ерминии Жданко и матросу Конраду, второму выжившему. Вообще, информация о команде «Святой Анны» до сих пор более чем скудная: кроме имен-фамилий да сведений о вышеперечисленных, в архивах сохранились разве что прошения о материальной помощи жены архангельского помора Прохора Баева, тоже вошедшего в команду «Святой Анны». Супруга, между прочим, была не в курсе, на каком судне и с кем плывал муж; она писала, что он отправился вместе с Седовым...

...До последних дней июля 1912 года на белоснежную красавицу «Святую Анну», стоявшую на якоре на Неве в Петербурге, грузили снаряжение и провиант. Продовольствие, как отмечают историки, брали с расчетом на полтора года на 30 человек: пять сортов мяса, пять сортов масла, десять сортов муки и крупы, много консервированных фруктов и овощей... В газетах была организована широкая рекламная кампания – репортеров даже приглашали на борт.

Но перед самым выходом в плавание неожиданно возникли трудности с экипажем.

Команда

По первоначальному замыслу, Брусилов намеревался иметь две группы вахтенных офицеров, как на военно-морском флоте. Штурманами в экспедицию были приглашены Альбанов и Бауман. Первую вахту Брусилов собирался стоять сам, рассказывает в книге-исследовании «Загадка гибели «Святой Анны» (1981) Михаил Чванов, на вторую был приглашен его друг детства – лейтенант Андреев, который согласился на участие в экспедиции с условием, что станет пайщиком акционерного зверобойного товарищества. Но Анна Брусилова, являвшаяся полноправной владелицей судна, вдруг потребовала, чтобы мелкие акционеры вышли из дела, и Андреев к отходу шхуны из Петербурга просто не явился. Бауман же не смог отправиться в экспедицию по болезни. Зато были две пассажирки, которым реко-

мендовали морской воздух, – они собирались на шхуне «прогуляться» до последней остановки на Большой земле – городка Александровск-на-Мурмане (ныне город Полярный).

Как Александр Архиреев попал к Брусилову в плотники? Хотелось бы думать, что молодого, не обремененного семьей и не имевшего опыта морских путешествий вологжанина просто потянуло на приключения. Но, скорее всего, причина куда меркантильнее. Архиреев, по-видимому, приехал в Петербург на заработки, а тут такая вакансия: поскольку одной из задач экспедиции являлась охота на морского зверя, по условиям найма матросы, кроме основного жалованья от 10 до 30 руб. в месяц, получали каждый 0,5% с валовой выручки от промысла.

В общем, дело обещало быть прибыльным, само путешествие – легкой морской прогулкой (что такое плавание во льдах, представляли себе разве что Брусилов да Альбанов), а компания – молодой (самому старшему из команды, матросу Гавриилу Анисимову, было 54 года) и приятной.

28 июля (10 августа по новому стилю) 1912 года «Святая Анна» вышла из Петербурга. Огибая Скандинавию, она заходила в датские и норвежские порты для приобретения недостающего китобойного снаряжения и для экскурсий пассажирок-туристок. В Дании на борту судна побывала вдовствующая императрица Александра Федоровна, мать императора Николая II. А еще в одном из портов кто-то из матросов (сообщившая об этом в письме пассажирка Ерминия Жданко не называет имени) напился до такой степени, что свалился за борт, и Брусилову пришлось «выкупать» его из полиции (впрочем, в судовом журнале лейтенант не упомянул об инциденте). Уж не Архиреев ли это был?..

По приходе в Александровск-на-Мурмане с членами команды стали подписывать новые контракты с отказом от участия в прибылях, но не все матросы согласились на такие условия. На замену из-за нехватки времени пришлось брать первых встречных прямо в порту. Обновленная команда перед отплытием по традиции надралась до чертиков...

«Святая Анна» отправилась в свой последний путь вечером. В состав команды окончательно вошли 24 человека (причем лишь 7 из них были профессиональными моряками): Георгий Бру-

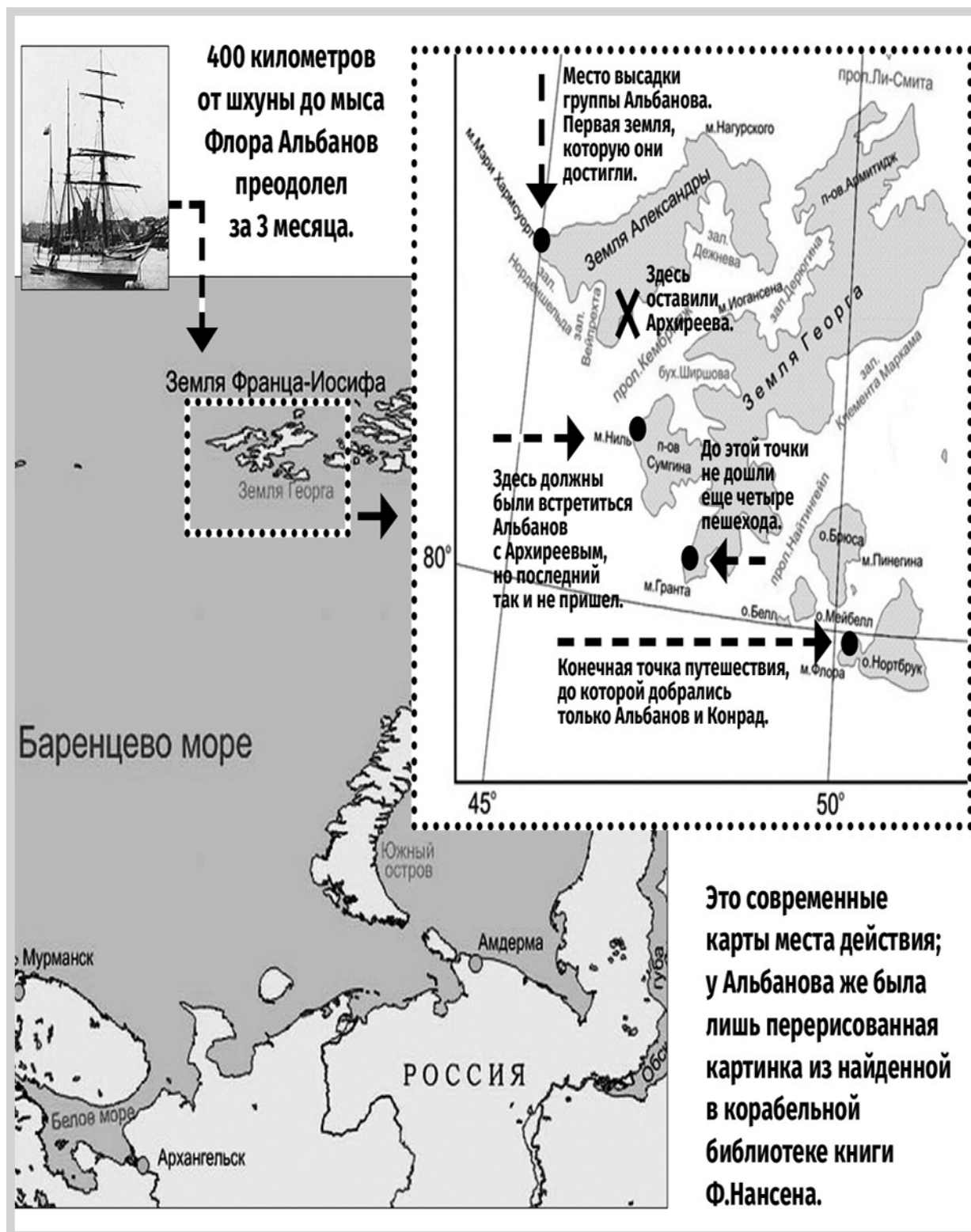
силов, штурман Валериан Альбанов, гарпунеры Вячеслав Шленский и Михаил Денисов, боцман Иван Потапов, старший рулевой Петр Максимов, матросы Александр Конрад (в прошлом печник), Густав Мельбард, Иоганн Параприц (эти двое – совсем молоденькие учащиеся мореходки), Евгений Шаповский, Ольгерд Нильсен («талиман» шхуны; она меняла хозяев и названия, а он всегда оставался в ее экипаже), Иван Луняев, Прохор Баев, Иван Пономарев, Александр Шахмин, Павел Смиреников, Гавриил Анисимов, Александр Архиреев; машинисты Яков Фрейберг и Владимир Губанов, кочегар Максим Шабатура, повар Игнатий Калмыков, стюард Ян Регальд и... туристка Ерминия Жданко, пожелавшая исполнять обязанности не явившегося к отправлению врача.

Последняя, кстати, выдала каждому члену команды собственноручно подписанную тетрадь для ведения дневника. До нас дошел только один оригинал (вернее, отрывки из него) такого дневника, найденного в 2010 году экспедицией Олега Продана, пытавшегося отыскать следы брусиловцев на острове Земля Георга. Дневник принадлежал машинисту Владимиру Губанову. Существует еще дневник матроса Конрада, но в Музее Арктики и Антарктики хранится не оригинал, а надиктованная им дочери отредактированная копия. Дневника штурмана Альбанова тоже нет – есть только основанная на этих записях его брошюра...

Ледовое побоище

Из-за того, что «Святая Анна» слишком поздно отправилась в путь, Арктика встретила ее недружелюбно: в районе полуострова Ямал судно затерли льды. 28 октября 1912 года под сильным южным ветром оторвавшееся от берега ледяное поле начинает свой дрейф вместе с вмержшей в него шхунной. С этого момента вместо намеченного пути на восток шхуна неуклонно продвигается на север, превратившись для экипажа в дрейфующую тюрьму.

Во время зимовки чуть ли не все члены команды, включая капитана, переболели то ли цингой, то ли трихинеллезом (отведав непрожаренного мяса белого медведя). В связи с этим 18 февраля

ля 1913 года в первый и последний раз в выписке из судового журнала встречаем упоминание о вологжанине: «Здоровье плотника Архиреева внушает опасение: он все время жалуется на сильную головную боль, и у него побелели и вспухли десны. Ему дается отдельное питание». Впрочем, вскорости все, в том числе и наш земляк, пошли на поправку.

Пока капитан почти три месяца не вставал с постели, его обязанности выполнял штурман Альбанов. А когда Брусиллов выздоровел, то попытался задвинуть Альбанова на второй план, от чего тот отвык. Начались свары между ними, да такие, что матросам приходилось оттаскивать их друг от друга. В конце концов Брусиллов в сентябре 1913 года отстранил штурмана от должности, и тот оказался на судне на правах простого пассажира.

Между тем шхуна продолжала дрейфовать, началась вторая зимовка, часть переборок пришлось извести на дрова, и энтузиазм путешественников понемногу угасал. В начале января Альбанов, не в силах больше находиться рядом с Брусилловым, испрашивает у того разрешения пойти весной пешком по льдам на юг, к Земле Франца-Иосифа. Капитан не возражает, и штурман начинает готовиться к походу – мастерит самодельные сани-нарты и лодку-каяк.

Команда же разделилась: половина захотела отправиться со штурманом, не видя смысла в дальнейшем дрейфе. Брусиллов заявил: «Идите хоть все!» Среди бунтарей оказался и Александр Архиреев, которому, как плотнику, мастерить из дерева сани было привычнее, чем нести матросские вахты.

10 апреля 1914 года Валериан Альбанов оставляет шхуну вместе с тринадцатью (чуть позже трое испугались трудностей и вернулись) членами команды, решившимися покинуть корабль, чтобы пешком достичь обитаемой земли.

Вологодский характер

Сразу стало понятно, что провиант, состоявший в основном из сухарей, был явно недостаточным для длительного ледового перехода, а полозья самопальных нарт – слишком узки для перемещения по глубокому снегу. Вес

нарты с каяком составлял 40-60 килограммов. Вес продовольствия и снаряжения, грузившегося на каждые нарты, достигал 120 килограммов. Нередко приходилось перетаскивать нарты по очереди, впрягаясь в одну вчетвером, а затем возвращаться за следующей. К тому же нарты часто ломались, и чинить их оставляли, разумеется, плотника – вологжанина Архиреева. Кроме того, уже в начале перехода он рекомендовал себя как неплохой охотник – подстрелил не одного тюленя.

3 мая в отряде Альбанова первая потеря: матрос Прохор Баев ушел на разведку более ровной дороги и не вернулся. Поиски, продолжавшиеся вплоть до 6 мая, результата не принесли: следы моряка обрывались у края свежей промоины...

Между тем начали показывать характер другие члены отряда. Так, 14 мая праздновали первые сто верст пути: сварили компот из черники и вишни, а к нему дали молока. Праздник испортил... правильно, вологжанин Архиреев: матрос Конрад сообщает в своем дневнике, что наш плотник «оскорбил и обругал» штурмана, за что был наказан – простоял ночь на вахте.

Надо отметить, что это «выступление» Архиреева было не последним: судя по дневникам Конрада и Альбанова, он и потом чаще и громче всех предлагал бросить нарты и каяки и идти налегке...

29 июня больные и изможденные, потерявшие уже всякую надежду на спасение путники вышли на ледник Уорчестер, а оттуда – на южный берег мыса Мэри Хармсворт острова Земля Александры. Но силы были уже не те. Вот что пишет в своей брошюре Альбанов: «Упорнее всех не желает идти Архиреев. Он до того опустил за последнее время, что на мысе Мэри его нельзя было заставить сходить и принести плавнику для костра или воды для варева из ближайшего ручья. Только под угрозой, что он не получит обеда или ужина, он нехотя поднимался и, ворча, отправлялся делать что надо. Ни с одним из спутников он не говорит иначе как ругаясь и от всех огрызается».

Отсюда путь лежал через пролив Кембридж к следующему острову архипелага – Земле Георга. Спасение уже было совсем близко, если бы не одна существенная проблема: к этому времени сохранилось лишь два каяка. Отряд вынужденно

В. Альбанов

Г. Брусилов

А. Конрад. 1912 г.

«Святая Анна» на Неве. 1912 г.

Выписка из судового журнала

Команда «Святой Анны»

разделился на две партии по пять человек, одна из которых с грузными походным скарбом и нартами пошла на каяках по морю, а другая – на легке – на лыжах по льду. Берегом пошли Архиреев, Регальд, Смиреников, Губанов и Луняев.

Воссоединились обе группы 1 июля на мысе Ниля острова Земля Георга. Альбанов, ушедший с каячной группой, достиг берега раньше. К удивлению штурмана, вместо пятерых человек из пешей группы к месту назначенной встречи пришло только четверо: Архиреева с ними не было.

Брошенный

О том, что произошло с плотником из Вологды, мы можем судить лишь по дневнику матроса Конрада и брошюре Альбанова. Но оба автора приводят свои версии, весьма отличающиеся друг от друга.

Предоставим слово штурману: «Прибывшие рассказали следующее. Со вчерашнего утра с Архиреевым началось что-то неладное. Он по минутно отставал, а иногда и совсем не желал идти, садясь или ложась на лед. Сначала ему не особенно доверяли, предполагая, что это одна из его проделок. Когда его поднимали и вели

силой, то некоторое время он шел, но потом опять ложился, говоря: «Хоть убейте, а не пойду с вами». На вопросы товарищей, что у него болит и почему он не хочет идти, он отвечал, что у него «болят глаза и легкие». Утром перед отправлением в путь у него не было заметно ничего особенного, кроме обычного нежелания идти... Appetit у него был, и он завтракал вместе с нами. Не придавали значения жалобам Архиреева на болезнь «глаз и легких» и спутники его, но потом пришлось поверить, что он действительно заболел. К вечеру у него совершенно отнялись ноги, как бы парализованные, и он лежал без движения, перестав даже отвечать на вопросы или бормоча что-то непонятное. Человек положительно умирал. Тащить его на лыжах было тяжело, и потому все решили остановиться на ночлег... Утром Архиреев еще подавал очень слабые признаки жизни, но ни двигаться, ни говорить не мог. Просидев около умирающего до 10 часов утра, спутники его пошли к мысу Ниль, так как опасались, что мы уйдем далее, не найдя и не дождавшись их...»

Архиреева оставили в 12 верстах от мыса. Далее Альбанов пишет: «Когда пришедшие поужинали и отдохнули, я отправил их обратно, сказав им, чтобы привезли Архиреева сюда, если он еще жив. Нельзя оставлять умирающего одного на льду, где, по их же словам, много медвежьих следов... Сначала меня очень поразило такое отношение к умирающему спутнику: они должны были привезти его и, конечно, могли это сделать. Но с другой стороны, если умирающий действительно находился в таком тяжелом и, по виду, в безнадежном положении, то он не выдержал бы этой дороги. Это, пожалуй, было бы только лишним мучением для него...»

Вернулись они ни с чем: по их словам, они нашли лишь труп Архиреева.

Между тем матрос Александр Конрад в своем дневнике описывает это событие несколько иначе: «Придя туда, где остался Архиреев, они его не нашли: лед, на котором он лежал, ветром оторвало от берега и унесло в море вместе с ним».

Как все было на самом деле, мы, вероятно, уже никогда не узнаем. Но факт остается фактом: брошенный всеми, 30 июня 1914 года окончил свой путь, возможно, первый вологжанин, побывавший на 82-й параллели...

Отряд не заметил потери бойца...

Александр Архиреев стал второй после Прохора Баева жертвой экспедиции, но далеко не последней.

Следующей точкой встречи двух групп, каячной и пешеходной, был назначен мыс Гранта на том же острове. Пешком по берегу пошли четверо, старшим был назначен Петр Максимов. Пять человек во главе с Альбановым на каяках прибыли в условленное место 3 июля, долго ждали пешеходов, но так никого и не дождались. О судьбе группы Максимова ничего не было известно почти столет – вплоть до 2010 года, когда экспедиция Олега Продана наткнулась на останки одного из них, как показала экспертиза – стюарда Яна Регальда. При нем были ложка и часы Павла Смиреникова, а неподалеку – остатки дневника Владимира Губанова. Как выяснилось, ледник, по которому должны были пройти несчастные, прорезали не преодолимые даже профессиональными альпинистами расселины...

Оставшиеся в живых продолжили путь. Вскоре умер давно недуживший старожил «Святой Анны» Ольгерд Нильсен. 7 июля последние четверо путешественников на двух каяках направились к конечной цели своего похода – мысу Флора на острове Нортбрук, но внезапно разыгравшийся шторм на глазах у Альбанова и Конрада унес в море каяк с матросами Луняевым и Шпаковским, к тому времени уже совершенно больными и не способными сопротивляться взбесившейся стихии...

Лишь 9 июля Альбанов и Конрад добрались так до мыса Флора, где в 1895–1897 годах находилась база экспедиции Фредерика Джексона, оставившего после себя постройки и склад продуктов. В таких условиях вполне можно было надеяться на еще одну благополучную зимовку, не боясь погибнуть голодной смертью или замерзнуть. Почти четыреста километров и три месяца тяжелейшего пути по льдам остались позади.

Но Альбанову с Конрадом и тут повезло – вскоре их подобрал возвращавшийся уже без Седова «Святой великомученик Фома». 16 августа они наконец увидели Большую землю...

Бороться и искать

А что же «Святая Анна»? Поискам пропавшей экспедиции помешала Первая мировая война. Ни царское, ни советское правительство не озаботилось этой проблемой. Для справки: на поиски пропавшей в 1845 году экспедиции Джона Франклина, собиравшейся открыть Северо-Западный проход из Атлантического океана в Тихий, было снаряжено более 50 (!) экспедиций...

Много позже советские историки выдвинули гипотезу, согласно которой шхуна освободилась-таки из ледового плена, вышла в Атлантический океан, не подозревая, что идет война (радио на борту не было), и... была потоплена германской подводной лодкой. Говорят, в одном немецком кабачке до сих пор висит на стене штурвал «Святой Анны»...

После возвращения штурман Альбанов встречался с родственниками Брусилова, подробно и охотно рассказывал о походе, выпустил брошюру. В отличие от него, матрос Александр Конрад наотрез отказывался говорить о путешествии. Зато они с Альбановым вернулись на флот и вместе походили еще по морям... Правда, в поисках остатков экспедиции принять участие почему-то не захотели. А в 1919 году Альбанов то ли умер от тифа, то ли стал случайной жертвой взрыва снарядов на полустанке, то ли переметнулся на службу к Колчаку и погиб там, в Сибири.

Александр Конрад пережил его на 20 лет – он

умер в 1940 году от плеврита. Но до конца своих дней не рассказывал даже близким о том, что ему довелось пережить. Из-за этих недомолвок пошли слухи, будто бы это все неправда, на самом деле Альбанов с Конрадом весь экипаж перестреляли и лишь поэтому спаслись...

Сейчас, когда всего за 330 тысяч рублей можно отправиться в круиз вокруг Земли Франца-Иосифа на комфортабельном ледоколе, например из Мурманска, многие состоятельные граждане (в основном, конечно, иностранцы) уже побывали в тех местах, где пробиралась по льдам, теряя людей, группа Альбанова. Но по-прежнему о судьбе экспедиции мало что известно. Хотя и говорят, что северные моря рано или поздно обязательно выбрасывают на берега архипелагов остатки погибших судов и экспедиций.

А значит, еще есть надежда, что современный Саня Григорьев, подобно каверинскому, когда-нибудь наткнется на дневник брошенного товарищами вологодского плотника.

Бороться и искать, найти и не сдаваться!..

Фото предоставлены автором

Алексей Анатольевич Кудряшов

родился в 1969 году

в городе Соколе Вологодской области.

Окончил факультет журналистики СПбГУ,

с тех пор работает в областной прессе.

В настоящее время – ответственный секретарь вологодской областной газеты «Премьер – новости за неделю».

Член Союза журналистов России.

В 2015 году в «Севере» опубликовал очерк-расследование

в двух частях «Пароль – «Пелагея»

и «Ее подлинное имя».

Геннадий
РЯЗАНЦЕВ-
СЕДОГИН

г. Липецк

Илюша и доктора

Меня пропустили через приемный покой. Пахло гречневой кашей и чем-то кислым. Дети сидели по палатам, дежурная медсестра на посту под настольной лампой что-то писала. Я тихо вошел, она подняла голову. Поклонился ей и жестом показал свое намерение пройти к Илюше. Она согласно махнула рукой. Я шел почти на цыпочках до самой двери. Мне никто не встретился. Тихонько постучал. Открыла Наталия и, увидев меня, заплакала.

— Анализы плохие, лейкоциты зашкаливают. Он ничего не ест, плачет. — Наталия вытирала платком слезы, которые бежали по её впалым щекам. — Помолитесь, батюшка. Когда вы молитесь, нам становится легче. Конечно, я вас совсем, совсем замучила. Но я не знаю уже, к кому мне обращаться за помощью. Я никому не верю. Говорю врачам: «Отправьте нас в Москву», — а они сперва отвечали, что схема лечения там, в Москве, точно такая же, как и здесь. А теперь говорят, что он нетранспортабельный, «мы его не доведем». А ему всё хуже и хуже. Получается, что здесь его неправильно лечат? Но врачи не признаются.

Мы прошли к Илюше.

— Илюша, батюшка пришел полечить тебя. — Наташа встала перед кроватью на колени и поглаживала беспомощно его обнаженные ручки.

Он не шевелился. Его бледность и сухость посиневших губок поразили меня. Казалось, что вокруг него ничего не существовало. Ни матери, которая гладила его припухшие руки, ни меня, смотревшего на него как сквозь слюду.

В палате было сумеречно. По углам от тусклого света залегли размытые тени, предметы потеряли свои очертания. Все вокруг казалось бессмысленным и ненужным.

Вдруг мальчик неожиданно всхлипнул и как будто заплакал. Но это продолжалось одно мгновение.

Земля живых

роман
(журнальный вариант)
окончание

— Я рядом, с тобой, Илюша, я здесь, — шептала сквозь слёзы мать.

И он затих. Я облачился в епитрахиль с поручами, встал на колени рядом с матерью и начал молиться.

Я хотел бы быть божьим присутствием в такие минуты, чтобы животворящая сила полилась через меня, коснулась болезни и уничтожила её. Но я снова и снова задаю себе вопрос: «Кто я в такие минуты? На что я способен?» И отвечаю: я препятствие для животворящей божественной силы. Во мне нет чистоты, я составлен из вещей этого падшего мира, который во зле лежит. Я состою из привязанностей и страстей, двоящихся мыслей и странных желаний.

Я увидел себя как бы со стороны, стоящим на коленах рядом со страдающей женщиной перед кроватью, в которой лежит брошенный всем миром одинокий маленький человечек. А другой «я» стоит в стороне и наблюдает за происходящим, думая о своем месте в чужой жизни и чужой судьбе. Что я делаю здесь, где происходят события, определенные не естественным ходом вещей, а дьявольской силой, способной вносить хаос в установленный порядок? И я своим присутствием должен объяснить этим людям, что Бог не ошибся, что гармония существует, даже несмотря на страдания ни в чём не повинного ребенка. Просто произошла досадная ошибка, сбой в программе человеческой жизни. Но не Бог виноват, виноваты сами люди. Это мой взгляд на происходящее, согласный с опытом церкви. Опыт говорит, что принять страдание ребенка можно лишь тогда, когда ты веришь верой всей церкви, что душа человека бессмертна. Что этот малыш, спасенный от страданий жизни, забирается Богом в лучшую жизнь, где нет ни печалей, ни воздыхания. И эта вера оправдывает любые события жизни, даже самые трагические, неуправляемые события, напоминающие стихийные бедствия. Это войны, в которых гибнут миллионы людей. Убийства, болезни, несчастные случаи. Первое моё «я» принимает этот опыт на веру, а второе «я» говорит: ты не знаешь этого опыта, потому что сам его не проходил. И это второе «я» уличает первое во лжи, потому что это всего лишь оправдание беззаконий, которыми наполнен мир. Бог молчит, потому что Он уже всё сказал челове-

ству. А оно его не расслышало, и этот голос всё больше теряется в пространстве и, кажется, скоро исчезнет совсем. У меня нет сил сказать, чтобы безутешная мать смиренно отпустила ребёнка в лучшую жизнь. Потому что для неё эта «лучшая жизнь» всего лишь смерть. И она, и многие подобные ей люди никогда не бывают готовы встретить трагические события жизни, которые приходят внезапно и застигают человека врасплох. И я не могу сказать людям, что эта болезнь не к смерти, а к славе Божьей, потому что через страдания одних обретают жизнь другие. Потому что жизнь и смерть в промысле Божиим — это одно и то же. И рождение в бессмертие достигается страшной кровавой жертвой. Иногда смертью младенца.

— Расскажи, объясни это матери, — говорит мне мой двойник и смотрит, смотрит на нас, стоящих у кровати ребёнка и произносящих механически слова молитвы, высказанные другими людьми несколько веков назад, — вот сейчас расскажи ей, когда она плачет и поглаживает тонкие бледные ручки своего младенца. — Зачем я оказываюсь в обстоятельствах, когда с людьми происходит самое важное и самое главное? Жизнь, любовь, страдание и смерть. Когда в этих обстоятельствах место только Богу, а не человеку, потому что у человека нет сил что-либо изменить.

— Вот ты и должен быть Божьим присутствием, — укоризненно говорит мне второе «я». — Почему же ты не скопил эти силы? Почему ты идешь неуверенной походкой и за тобой не следует бездна по пятам? Почему ты, следуя вперед, дав обеты Богу, трусливо убегаешь назад, в жизнь, чтобы насладиться её благами? Почему, почему?

Илюша уснул. Он лежал в том же положении, в котором я застал его. Мать, склонив голову на подушку рядом с сыном, тоже, казалось, спала. Я не знал, сколько времени продолжалась молитва. Дыхание у них было ровное. Я пошевелился, чтобы встать на ноги, Наталия приподняла голову.

— Хочу лечь, простите, — сказала она, — я очень устала.

Облокотившись о край кровати, она осторожно приподнялась, поправила одеяло на Илюше и сказала:

– Спит, и щеки его порозовели. Спасибо вам.

Я попрощался и вышел в коридор отделения. Он был пуст. Бедная его обстановка удручала: стены обшарпаны, на полу отсутствовали целые куски линолеума, зияли проплешины холодного бетона. Из ярко освещенной двери процедурного кабинета выглянула в полутемный коридор заспанная дежурная медсестра и скрылась. Я прошёл к выходу, не встретив больше ни души.

Сыну. Быть или не быть?

Дорогой мальчик! Как-то я для себя вывел формулу, которая объясняет, по крайней мере для меня, процесс деградации всего человечества. Она строится на известном выражении принца датского Гамлета. Ты, конечно, знаешь эту трагедию Уильяма Шекспира. Так вот принц датский, сын короля, узнаёт о том, кто является убийцей его отца. И перед ним стоит выбор, который заключается в следующем: отомстить за смерть отца или оставить убийцу суду Божьему. Надо понять, в какое историческое время происходят события, описываемые в трагедии. Это время в культуре называется Возрождением. Для него характерно то, что человек начинает сомневаться в бытии Бога. Это происходит потому, что, достигнув огромных успехов в области философии, медицины, искусства, он начинает возвеличивать себя и ставить чуть ли не выше Творца. Провозглашает себя мерилем всех ценностей. Средневековый человек верил в Бога, доверял Ему и был Ему верен. И он не сомневался, в отличие от человека Возрождения, в бытии Бога и во всех Его обещаниях. Гамлету приходит мысль о том, что, возможно, неотвратимость божественного наказания – это всего лишь метафора, придуманная для воспитания людей. И в таком случае преступление, связанное с убийством его отца, окажется неотмщённым. Тогда ему нужно осуществить это отмщение. Но в его генетической памяти заложена мысль о том, что если все обещания Бога – правда и наказание не метафора, а суровый Божественный суд в вечности, то он, Гамлет, будет осужден этим судом после совершения убийства Клавдия. Вот

Гамлет и ставит перед собой этот сложный вопрос: быть или не быть? Оставить суд над преступником Богу, который говорит: «Мне отмщение и аз воздам» (то есть за нас есть кому мстить), и тогда остаться живым в вечности, не погибнуть. Или, совершив преступление убийства, погибнуть в вечности. В этом вопросе сомнения человека эпохи Возрождения. Союз «или» в этой формуле говорит именно об этом.

Почему я привожу эту формулу первой? Потому что она более всего понятна. До этой формулы существовала другая формула, то есть другое содержание сознания человека. Это средневековое сознание. Что для него характерно? Вера в существование Бога. Вера в загробную жизнь после смерти, в неотвратимость наказания. Существует большое количество произведений, в которых осмысливается то, как взаимодействуют друг с другом эти два мира. Мир реальной жизни и мир загробный. Они буквально пронизывают друг друга с пугающими подробностями явления умерших людей и так далее. В таком случае известная формула выглядит так: быть и быть. Союз «и» говорит в ней об отсутствии сомнения средневекового человека. Он был здесь и будет там, в другой жизни, после смерти.

Далее появляется человек уже не с сомнениями, как в эпоху Возрождения, а с отсутствием веры. Человек, несущий в своем сознании нигилизм. Отрицание Бога. Иван Сергеевич Тургенев впервые использовал это словечко в русской литературе. И прививка оказалась столь сильной, что прижилась и пустила корни. Изображая нигилиста Базарова, он говорит его устами: «Вот ты умрешь, тебя в могилу зароят, лопух на могиле вырастет и ничего больше не будет».

Базаров утверждает, что Бога нет и загробной жизни тоже нет. Человек бесконечно смертен. Подлежит естественным законам живой природы: смерть, разложение, тление. И формула, характеризующая сознание человека того времени, выглядит так: быть и не быть. Союзы «и» и «не» выражают отсутствие веры в сознании человека.

Наконец в двадцатом веке появляются люди, которые несут в своем сознании не только отрицание Бога, но и отрицание самой жизни.

Они создали философию экзистенциализма (философию существования), утверждая, что жизнь, наполненная страданиями, болезнями и смертью, не является привлекательной. Жизнь для них — кем-то поставленная трагикомедия, в которой они категорически не хотят участвовать. Они задавались вопросом, почему родители без их на то позволения дали им жизнь. Там, на том свете, — говорили они, — нет никакого Бога и никакой загробной жизни, но и от этой жизни их мучит метафизическая тошнота. И формула, которая выражает последнее состояние человечества, такова: не быть и не быть, где союзы отрицают не только Божество, но и самую жизнь.

Я знаю людей, которые являются носителями подобных убеждений. А искусство лишь выражает глобальные процессы, происходящие с сознанием человека.

Убийственная красота

Она позвонила мне, когда тело забрали из морга. В голосе слышна была эта угнетающая атмосфера смерти.

Я выехал, чтобы успеть к покойнику. Отпевание планировали на улице.

Волновался ли я? Нет, не волновался. За двадцать лет священнического служения я видел много умерших людей. Это были мужчины и женщины разных возрастов; юноши и девушки, дети, скончавшиеся от болезни, утопленники, люди, погибшие в автокатастрофах. Не люблю читать на службах записки об упокоении, в которых пишут «убиенный такой-то», «младенец такой-то». Противостоит естеству: забивают скот, а не людей. Нарушается порядок вещей, распадается гармония мироздания, попирается справедливость. Попробуйте сохранить веру, когда вы отпеваете младенца, а его молодая мать, обидевшись на Бога, не стоит у гроба, не молится, а сидит окаменевшая, бледная и опустошенная на кухне, где пахнет приготовленной едой для поминальной трапезы.

Я знал этот двор. Четырехэтажные хрущевки полинялого желтого цвета. Гроб стоял у подъезда. Несчастливая отделилась от толпы и вышла мне навстречу. В черном платке, исхудавшая и сильно постаревшая за одну ночь.

Мы остановились друг против друга.

— Здравствуй, — как можно спокойнее сказал я. — Как ты?

— Все дрожит внутри. Я хочу, чтобы это скорее закончилось. Я здесь никому не нужна. Его нет уже. А они все меня не видят, не замечают. Так трясет, что душа готова выскочить.

— Ты подойдешь ко мне после службы, ладно? Проводишь меня?

— Хорошо.

Я пошел вперед, к толпе. Вокруг гроба стояли женщины и один мужчина. Мать присела на табурет у гроба. Она не плакала, а просто не отрывая глаз смотрела в лицо умершего сына. Единственный мужчина, ее муж и отец покойного, был рядом, как мог, поддерживал ее.

Другие мужчины стояли поодаль, в стороне. Все, казалось, что сейчас будет происходить, их не касается. Это дело женщин — молиться, плакать. Эта «лирика» со службой, священником не для них. Они в своем суровом братстве. Курят, переживают. Дальше, у палисадника, большая стая ребят в черных коротких куртках. Руки в карманах, сутулятся, бросают взгляды исподлобья. Это друзья, сверстники. Стоят отстраненно, поглядывают одичало в сторону гроба. Есть в этих взглядах что-то геройское, залихватское и гордое. Как будто говорят: на его месте мог быть каждый из нас, но нам совсем не страшно. Живут так, как им нравится с молчаливого согласия либеральной власти. Они никому не нужны: ни государству, ни обществу, — ими никто не занимается. Это молодые волки, которые пытаются выжить в толкотне наших серых городов. Большевики знали, как воспитывать подрастающее поколение. Октябрята, пионеры, комсомольцы — братство, сплоченное продуманной идеологией. Ускользали только самые дерзкие, свободолюбивые. Одних ждала тюрьма, других — семинария, но это явление было редким и расценивалось как ЧП местного масштаба. «Идите узкими воротами, ибо широки врата, ведущие в погибель...»

— Как зовут покойного? — спросил я.

Мать очнулась от оцепенения и медленно повернула голову в мою сторону. Она горько заплакала.

— Евгений, — сухо сказал отец.

— Тезка, — тихо и грустно произнес я.

Евгений казался юным мальчиком. Черты лица его обострились, темные, почти черные волосы на голове и бакенбарды вдоль щек подчеркивали белизну и утонченность молодости. В этом безжизненном, застывшем покое было что-то пронзительно благородное. Он как будто замер и уснул. Евгений был красивым юношей. Но это была убийственная, может быть, демоническая красота. Как страшна может быть красота! Бедная, бедная девочка! Не могла устоять.

«И приходил к ней Змий в естестве человеческого, зело прекрасном». Бедная, не смогла сопротивляться, даже перед лицом смерти не включился инстинкт самосохранения.

Вспомнились слова Пушкина: «Все, все, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслажденья. Бессмертья, может быть, залог...» О каком бессмертье говорил Пушкин в «Пире во время чумы»?

— Господи! — шептал я. — Будь милостив к ним, не ведают, что творят.

Я вновь посмотрел на его друзей. В легких курточках, джинсах, руки в карманах. Жмутся, покуривают. Взгляды непреклонные. Ни страха, ни раскаянья в глазах нет. Донесся этот специфический запах аптеки. Так пахнет сейчас во всех подъездах, особенно по вечерам.

«Я должен сказать им что-то важное после отпевания. Предупредить об опасности, научить». Но мой опыт подсказывал: «Это бесполезно, они не услышат». А другой голос говорил: «Если услышит один, хотя бы один человек — это уже много». Слова Пушкина звучали у меня в голове: «Все, все, что гибелью грозит...» Какая русская мысль!

И вдруг меня осенило. Русскому человеку нужны такие обстоятельства, при которых необходимо «положить душу свою за други своя». Этот подвиг, этот порыв всегда готов исполнить русский человек. Это в его ментальности, в его глубинах, в его корнях сокрыто. Сколько раз провокаторы использовали это свойство русской души — способность к жертвенности! И эта сила уходила в песок. Русская история, новая история, знает множество примеров.

Второго августа, в день ВДВ, еду в машине и вижу двух десантников, идущих навстречу друг другу. Однополчане. Один снимает гимнастерку, крутит ее в руке, потом бросает в сторону,

оставаясь в одной тельняшке. Сходятся и обнимаются, обхватывая друг друга ручищами. Таких не победить. «Положить душу за други своя». Исполнят интернациональный долг, умрут за целостность, суверенитет России.

Я зажег уголь, положил его в кадило, присыпал ладан и произнес:

— Зажигайте свечи. Давайте молиться, давайте отпевать, — и возгласил громко: — Благословен Бог наш...

Было ветрено и влажно. Ветер уносил голос, и он терялся в пространстве. Свечи гасли, и, казалось, все были озабочены и заняты только тем, как вновь зажечь свечу и уберечь ее от внезапного порыва ветра. Но те, кто был придавлен горем, даже не пытались этого делать. Стояли с погасшими свечами и были далеки от понимания службы. Только слова «Со святыми упокой и вечная память» пробуждали их и застигали в одиночестве этого страшного мира, от которого, как им казалось, отвернулся Господь Бог.

Едва я закончил чин погребения, как послышались рыдания матери и близких.

— Да сыночек!.. Ты мой сыночек, зачем нас оставил?..

У многих глаза наполнялись слезами.

Я почти дошел до машины, когда услышал шаги и всхлипывания за спиной. Его возлюбленная, вытирая слезы, догоняла меня.

— Знаете, я так решила. Я уеду на Украину к маме. Я не скажу его родителям, что ношу ребенка, его ребенка.

Она была не в себе, слезы катились по ее щекам, она ладошками стирала их.

— Может быть, это неверно... Может быть, им надо сказать, что ты носишь частицу их сына. Они будут утешены тем, что он не умер до конца, что он будет похож на их мальчика, на своего отца. Понимаешь?

— Это невозможно. Они чужие люди. Они даже на меня не смотрят. Они не признают меня.

— Это потому, что они не знают, что вы были как бы мужем и женой, и что у вас было намерение венчаться, и что ты беременна.

— Это ничего не изменит, потому что они не поверят мне.

— Поверят. Как тебя зовут?

— Катя.

— Катя, поверят. Поверят. Знаешь, я просто

уверен в этом. Даже если могут в своем сознании допустить, что, не дай бог, это не ребенок их сына. Ситуация такова, что они все равно поверят, потому что это надежда для них и новый смысл жить, понимаешь? Особенно это важно для матери. Я тебе скажу страшную вещь. На кладбище, куда ты сейчас поедешь, ты обрати внимание, там захоронено очень много молодых людей. Присмотришься к их могилам и рядом ты обязательно увидишь еще могилу, в этой же ограде, и это обязательно любящая мать лежит. И если ты посмотришь на даты смерти, то будешь очень удивлена. Мать переживает сына на год, полтора, не больше. Она не может дальше жить, понимаешь? Точно так же может произойти и с матерью Жени. А ты дашь надежду, ты дашь ей смысл жить.

— Она мне не поверит, — немного успокоившись, произнесла Катя.

— Катюша, не делай скоропалительных выводов. Хочешь, я поговорю с ними, помогу тебе.

— Я не знаю, нужно ли это мне...

— Ты подумай, подумай. Ведь это жизнь. Но я хотел сказать тебе, чтобы ты прошла обследование. Сдала специальный анализ. Понимаешь, о чем я говорю?

— Понимаю.

— Пообещай мне, что это сделаешь.

— Хорошо, — она вздохнула, — ладно, я пошла. Спасибо вам за все.

Я кивнул головой.

— Береги себя.

Она скрылась за углом дома. Больше я ее никогда не видел.

Дьявольский проект

Сын вошёл в кабинет, увидел меня сидящим за столом с книгой.

— Пап, хотел спросить у тебя про эту девочку и наркомана. Ты повенчал их?

— Нет, парень умер, — ответил я. — Вместо таинства венчания совершил обряд погребения.

— Жаль, — грустно произнёс Иван, — в любом случае жаль. А что с ней?

— Она носит его ребенка.

— Она беременна? — искренно удивился Иван.

— Да, беременна. Родом с Украины, живёт

здесь у бабушки, родители там, на Украине, ничего не знают.

— Вот будет подарочек, — Иван усмехнулся.

— Знаешь, — сказал я, — смотрел на его друзей, когда отпевал, и думал о том, что современные люди потеряли критерии добра и зла. Они сейчас заключают сделку с дьяволом и даже не понимают этого. К примеру, люди девятнадцатого века определённо знали, когда они отступали от Истины и продавали душу дьяволу, потому что христианство пронизывало жизнь общества. И этим пониманием люди были защищены. Нравственные представления были растворены в атмосфере жизни. Они были нормой общественной жизни. А теперь этого нет. Понятия добра и зла настолько условны, что люди переходят от одного состояния к другому и даже не замечают этого. А это означает, что они открыты для влияния темных сил, совсем от них не защищены. А между тем чёрт — это личность. Самая реальная личность. Он рыскает как волк и ищет, кого поглотить. Я наблюдаю за современными преступниками, которых ежедневно показывают по телевизору, и всё более утверждаюсь во мнении, что в их преступлениях им помогает дьявол, чёрт. Он вселяется в этих людей и их руками совершает злодеяния.

— Значит, они тоже жертвы? — удивился Иван.

— Да, жертвы. В каком-то смысле жертвы.

— То есть они ни в чём не виноваты? — изумился Иван. — А виноват чёрт, который совершает убийства, насилия?

— Виноват чёрт, но его никто не видит, — утвердительно сказал я, — а этого-то ему как раз и надо.

— Пап, по-моему, ты сходишь с ума со всеми своими рассуждениями.

— Это не я схожу с ума, это мир сошёл с ума, сынок. Ты послушай меня, присядь.

Иван послушно уселся напротив меня.

— Преступника привозят на место преступления и проводят следственный эксперимент. Ему дают куклу, которая исполняет роль жертвы, и он хладнокровно повторяет те действия, которые совершил над человеком во время насилия и убийства. Шаг за шагом он рассказывает и показывает всё до самых шокирующих мелочей. Его спокойствие в этом процессе поражает. Я наблюдаю за ним и понимаю, что то, что

он показывает, человек совершить не может. Потому что это несвойственно человеку. Значит, это совершил кто-то другой, кто не является человеком? Но я вижу перед собой человека. У него такие же руки, голова, туловище, как у всех людей. У тебя, у меня. Но при этом в нём есть что-то внутри, какая-то сила нечеловеческая, которая управляет руками, головой, туловищем, и он совершает злодейство, в котором впоследствии или раскаивается, или удивляется тому, что сделал. Вот эта тёмная сила и есть чёрт. Вот этой чертовщиной и совершаются все злодеяния. Люди тотально не защищены от этой смеющейся, бессовестной силы. И это трагедия нашего времени. Подлинная трагедия. Бесчувственность к силам зла — вот примета нашего времени, а не только экономические или политические проблемы. Подобным образом действует человек и в другом случае. Эгоистичный человек вдруг совершает жертвенный поступок по отношению к другому человеку. Удивительно? Удивительно. В этот момент человек перестаёт думать о себе любимом, он думает о другом. Что движет человеком в минуту совершения жертвенного поступка? В нём проявляется другая сила. Но какая? В нём действует сила Божественной природы. Я абсолютно в этом убеждён. Сам человек не способен творить добро. Равно как он не способен творить и зло.

— На что же он тогда способен? — воскликнул в изумлении Иван.

— В том-то всё и дело, в том-то и загадка... — я искал слова, чтобы выразить то, что на меня нашло каким-то удивительным чувством. — В том-то и загадка, что человек зависит от сил, которые на него действуют. Если на него действует дьявол, он может подчиниться дьяволу. Если на него действует Бог, он может подчиниться Богу. И именно эти две противоположные силы влияют на человека всю его жизнь. Какой силе человек скажет «да», той силе он и подчинится. Другого выбора у него нет. Нет перевалочной станции, где бы он мог остановиться и отдохнуть, то есть не действовать. Он каждую секунду своей жизни подчиняется и служит либо одному началу, либо другому.

Я замолчал и внимательно смотрел на сына:

— И я хочу тебя спросить, кому легче подчиниться: Богу или дьяволу?

— Конечно, Богу, — поспешил ответить Иван. — Бог же это всё доброе, всё разумное, понятное человеку.

— Тут ты ошибаешься, — поправил его я, — должно быть так, как ты говоришь. Но на самом деле Бога понять, а тем более вместить в себя гораздо сложнее, чем дьявола.

— Почему?

— Потому что Бог сложен, а дьявол прост. Потому что изначально человеческая природа была ближе к Богу, но после грехопадения всё изменилось. Человеческая природа стала ближе к дьяволу, чем к Богу. Зло укоренилось в человеке, пустило ростки. И чтобы понять и принять Бога, человеку надо над собой усилие сделать. Надо трудиться над собой, менять свою греховную природу. А человек ленив. Особенно русский человек.

— В твоём прикладном богословии, — успокаивая меня, сочувственно сказал Иван, — пап, прости, я ничего не понимаю. Думаю, что и люди тебя не поймут, скорее примут за сумасшедшего. Я надеюсь, что ты не говоришь проповеди на эту тему? Хотя, — Иван улыбнулся, — есть человек, который верит тебе и понимает. Это Вера.

— Видишь, — улыбнулся я ему в ответ, оставив без внимания ироничный комментарий, — и ты не веришь в существование дьявола. Общество двадцать первого века считает себя слишком развитым, чтобы придавать значение религиозным пережиткам. Я же, напротив, думаю, что общество слишком отстало, привязавшись к земному существованию и только земному. Оно забыло о вечности, а лучше сказать, о бездне, в которую оно стремительно направляется.

— Пап, я тебя прошу, кроме меня, и в крайнем случае Веры, никому подобное не рассказывай.

— Дьяволу этого только и надо.

— Пап, я тебе всё сказал.

И Иван вышел из кабинета. Через некоторое время хлопнула входная дверь.

Я попробовал читать книгу, но мысли убежали прочь. Я прилег на диван в кабинете и задумался. Главный грех человеческой цивилизации — это грех гордыни. Опаснейший грех, который ведет к гибели не только самого человека, но и всю цивилизацию. Непризнание авторитетов,

отказ от всего священного, попрание преданий, неуважение к духовному опыту отцов и великих учителей, забвение уроков истории — вот характерные черты современности. Но человек без души не живет. И народ не может существовать и развиваться без созерцания Идеала. В противном случае из народа он превращается в некое население, механически управляемое обезличенными законами бесчувственной государственной машины. Нет больше ни глубины, ни высоты, ни тайны в человеческом существовании. Особенно раздражают разговоры о тайне.

Рационализм сознания и реализм действительной жизни давно направляют Европу и Америку к новой религии, которая легла в основу укоренившегося капитализма. Долгое время Европа была хранительницей истинных христианских ценностей, христианских идеалов. Но она предала Христа, отказалась от Него ради новых ценностей и ложных идеалов, лукаво освятив капитализм религиозными корнями и даже христианским авторитетом! Одни люди предопределены к спасению, говорят идеологи религиозного капитализма, другие — к гибели. Первые должны наслаждаться и господствовать, удел богоотверженных — страдать и обслуживать первых. Критерий богоугодности в этой новой религии — жизненный успех и прежде всего — материальный достаток. Вот она, американская мечта! Религия денег.

Есть ли упоминание о ней в Священном Писании? Есть.

Я встал с дивана и открыл Евангелие от Матфея. Вот: «Никто не может служить двум господам, — говорит Христос в Нагорной проповеди, — не может служить Богу и мамоне». Служить, поклоняться, верить — черты религиозного сознания. Нет сомнения, поклонение золотому тельцу — это религия.

Я поискал место, где говорилось о мамоне. «Мамона — сирийский демон наживы, алчности». Христос указывает на несовместимость христианства с религией ростовщиков, банкиров, православной цивилизации — с рыночным обществом потребления.

Европа и Америка выбрали религию денег. Это не новая религия. В древности знали угрозу, исходящую от этой религии, и вели с ней непримиримую борьбу, понимая, что религия

золотого тельца постепенно вытесняет из чело- века не только все святое, но даже и человеческое. Добродетели в таком обществе умаляются, что приводит его к разрушению.

Я снова прилег на диван. Комнату освещала настольная лампа. В углах было темно. Закрыв Евангелие и положив его на грудь, я взял в руки раскрытую отложенную книгу и углубился в чтение:

«Церковь называется единою, святою, соборною (кафолической и вселенской), апостольской, потому что она едина, свята, потому что она принадлежит всему миру, а не какой-нибудь местности, потому что ею светится все человечество и вся земля, а не один какой-нибудь народ или страна; потому что сущность ее состоит в согласии и в единстве духа и жизни всех ее членов, по всей земле, признающих её, потому, наконец, что в писании и учении апостольском содержится вся полнота ее веры, её упований и её любви.

Каждое действие церкви, направляемое Духом святым, духом жизни и истины, представляет совокупность всех его даров — веры, надежды и любви; ибо в Писании проявляется не одна вера, но и надежда Церкви, и любовь Божия, и в деле благоугодном проявляется не любовь одна, но и вера, и надежда, и благодать, и в живом предании Церкви, ожидающей венца и совершения своего от Бога во Христе, проявляется не надежда одна, но вера и любовь. Дары Святаго Духа неразрывно соединены в одном святом и живом единстве: но как богоугодное дело наиболее принадлежит надежде, так богоугодное исповедание наиболее принадлежит любви, как богоугодная молитва наиболее принадлежит надежде, так богоугодное исповедание наиболее принадлежит вере и неложно называется исповеданием Церкви, исповеданием или Символом Веры.

Поэтому должно понимать, что исповедание, и молитва, и дело суть ничто сами по себе, но разве как внешнее проявление внутреннего духа. Поэтому еще не угоден Богу ни молящийся, ни творящий дела, ни исповедующий исповедание Церкви, но тот, кто творит, и исповедует, и молится по живущему в нем духу Христову. Не у всех одна вера, или одна надежда, или одна любовь, ибо ты можешь любить плоть, надеять-

ся на мир и исповедовать ложь; можешь также любить, надеяться и веровать не вполне, а отчасти; и Церковь называет твою надежду надеждой, твою любовь любовью, твою веру верой, ибо ты их так называешь и она с тобой о словах спорить не будет; сама же она называет любовь, и веру, и надежду дарами Духа Святого и знает, что они истинны и совершенны».

Я с внутренней тихой радостью, «которую никто не отнимет ни в этом веке, ни в будущем», отложил книгу. Чтение вдохновляло меня, придавая смысл моим усилиям при строительстве храма. Оно заставляло мыслить и действовать в служении главной идее моей жизни — созиданию «Становящегося смысла», пониманию того, что мир создан ради Церкви!

«Не у всех одна вера...»

Ивана все ещё не было дома. Я поднялся с дивана, положил Евангелие на письменный стол и зажег лампаду перед образом Спасителя. Раскрыв молитвослов, начал читать вечернее правило.

Тревога не покидала меня несколько последних дней. Природа её была разная. Она исходила от людей, которые окружали в церкви, от трудностей, связанных со строительством, от внутренних неудач. Но более всего меня тревожила неприкаянная судьба моего сына. Я произносил слова молитвы и прислушивался, не стукнет ли металлическая дверь нашего подъезда.

Вспомнил Веру и невольно улыбнулся в темноте.

Рубин

Я встретил его на улице.

— Рад вас видеть, Рубин Алшеевич. — Я протянул ему открытую ладонь для приветствия.

— Здравствуй, Евгений Владиславович. — Он любил поговорить со мной, блеснуть эрудицией, независимостью и непреклонностью. — Как ваша жизнь? Все в непосильных трудах? Подождите, подождите, — он что-то вспомнил, достал телефон и принялся набирать номер.

— Валя, ты меня слышишь? — он звонил своей русской жене. — Передо мной отец Евгений, твой любимый батюшка. Поняла? Хорошо. Ты говорила мне, что хочешь пожертво-

вать на строительство храма. Да, да, как хорошо, что я вспомнил. Так вот, я тебе говорю, — он полез при этих словах в карман пиджака, — я отдаю батюшке тысячу рублей. Когда приду домой, ты мне их вернешь. Договорились? Да, да. Я уже пожертвовал, — он протянул мне тысячную купюру. — Как хорошо, что я вспомнил, ей будет приятно.

— Благодарю и вашей жене благодарности.

Положив деньги в карман подрясника, я обратился к Рубину с предложением, которое стало притчей в наших разговорах:

— Рубин Алшеевич, я уже пятнадцать лет уговариваю вас принять православие.

— Мы что, уже пятнадцать лет знакомы?

— Представьте, да. Помните, мы ездили в Набережные Челны за машинами «Ока». И попали на Страстную неделю. Отказаться было нельзя, потому что машины нам продавали по льготной цене. А когда приехали на завод КамАЗ, там в эту ночь случился пожар, и мы вернулись назад ни с чем. Господь не допустил. Я был немало удивлен этим событием и, насколько помню, вы тоже. Тогда и состоялся первый разговор на тему крещения.

— Неужели прошло пятнадцать лет?

— Да, Рубин Алшеевич, а вы до сих пор не покрестились. За вас даже нельзя молиться.

— Почему?

— У вас нет имени.

— Да, я помню. Когда я сказал Петру из скита о моем диабете, то он мне ответил: «Я тебе помогу, только дай мне твое имя». Я сказал тогда, что я не готов. Он послал меня лечиться к докторам. И они меня сделали инсулинозависимым.

— Покреститесь, мы вас с Валентиной вымолим.

— Евгений Владиславович, я еврей. Меня зовут в синагогу. Но у меня слишком много работы, нет времени принять решение. Давайте я вам лучше расскажу анекдот. Вам понравится, там про ваших есть тема:

«Приходит старый еврей к раввину.

— Мойша, я влюбился в молодую девушку.

— Так женись на ней, — говорит Мойша.

— Если я на ней женюсь, она будет изменять мне.

— Тогда не женись на ней.

— Но я не могу без нее, я каждый день думаю.

— Тогда женись на ней.

— Но я стар, она молода. Я умру, она завладеет всем моим имуществом.

— Тогда не женись на ней.

— Но я не могу без нее. Она не оставляет меня даже во сне.

— Тогда женись на ней.

— Но я... — хотел продолжить старый еврей.

Раввин остановил его.

— Знаешь, Абрам, иди к православному священнику и морочь ему голову. Хорошо?»

Мы рассмеялись.

— У вас тот же номер телефона? — спросил меня Рубин.

— Да, тот же.

— Я рад был вас видеть. — И мы попросились.

Он создал фирму по продаже металла. Как водится, покупал подешевле, продавал подороже. Ему позволялось это, так как у него были связи и его ценили за ум. Компаньон по фирме называл его гениальным:

— Представляешь, он помнит все цифры, все договора, все накладные, сколько бы много времени ни прошло. Рубин просто феномен.

А болезнь трепала его, и он создал центр инсулинозависимых диабетиков. Тратил деньги на лекарства, на материальную и моральную помощь этим несчастным людям, к которым и сам принадлежал. Но болезнь усиливалась. Вскоре он стал приходить на работу всего на пару часов и возвращался домой. А через несколько месяцев уже не мог выходить из квартиры.

Мне позвонила его жена Валентина.

— Вы можете посетить нас? Рубин вас зовет.

Я приехал вечером для разговора. Его было трудно узнать. Вообще, он был высокий, очень статный мужчина. В нем чувствовалась порода. Волосы темные, открытый, умный взгляд, походка стремительная.

То, что я увидел, обескуражило меня: опухшее, одутловатое лицо, верхняя часть туловища выглядела крупной, а ноги были худые и белые.

Я сел на стул перед кроватью.

— Помоги мне, — обратился он ко мне на ты.

— Мне нужно твое имя.

— Я готов. — Он помолчал. — Если можешь, приезжай завтра, потому что послезавтра меня положат в больницу.

— Хорошо. Я приеду завтра и перекрещу тебя.

— Знаешь, приходили мои. Но я не хочу. Им нужны только деньги. А ты никогда не попросил. Ценю и еще раз ценю.

Он молчал, я сидел рядом и тоже молчал.

— Знаешь, бывает плохо с сердцем. А я так этому рад. Я бы хотел умереть от сердца. Чтобы сразу, без мучений.

— Ты будешь жить, Рубин.

— Приходи завтра, — он закрыл глаза.

На другой день я перекрестил его с именем Антоний. Прощаясь, Валя сказала мне:

— Я так рада, что он через болезнь принял веру и теперь мы там, за гробом, будем вместе. Неужели людям так надо страдать, чтобы обрести Бога, батюшка?

— У всех разные пути. Кому-то надо и страдать.

После больницы ему стало легче. Он приободрился и позвал меня.

— Отец Евгений, это Рубин, — голос его звучал как прежде. — Я звоню с мобильного и вам звонок бесплатный. Я тебе верю. Что нужно еще сделать новому христианину?

— Рубин, надо поисповедоваться, причаститься и пособороваться.

— Я готов. Приезжай.

— Только с утра ничего не ешь. Я приеду пораньше, часов в семь, перед службой, причащу тебя.

— Я и так ничего не ем, — бросил Рубин, — нет аппетита.

Утром мне открыла дверь Валентина. Она была заспанная, в халате.

— Он ждет вас. Так верит и надеется.

Рубин приступал к Причастию святых Христовых тайн торжественно и серьезно, с глубокой верой.

Раб божий Антоний. Жизнь и болезнь смирили его, и он преклонил колено перед Господом.

Через три дня мы должны были пособороваться дома. Но этому не суждено было случиться. Через два дня он почувствовал себя плохо, его по скорой забрали в больницу, и он впал в кому. Я должен был прийти к нему в реанимацию и совершить последнее таинство Святого елея.

Меня пропустили к нему. Положение было безнадежным, но Рубин был еще жив. Я готовил

масло и вино, ставил свечи, облачался в епитрахиль и поручи, а сам смотрел в неподвижное лицо и говорил тихонько (мы были одни):

— Рубин Алшеевич, дорогой Антоний. Я верю, что твоя бессмертная душа будет спасена для Рая, потому что Крещение, вода Иордана омыла тебя и очистила от всех прегрешений. Твои страдания, твое смирение, покаяние и огонь Причастия довершили очищение твоего сознания, и Господь готов принять твою душу. Нужно только вымостить ей дорогу елеем и молитвой. К этому мы сейчас и приступим.

— Благословен Бог наш, — возгласил я в эту минуту и увидел, что шевельнулись ресницы на его глазах.

Я молился вдохновенно и спокойно. Творилась подлинная тайна и таинство. Логос, Слово, Сам Спаситель участвовал, погружаясь во Ад человеческого существования с самим человеком, не оставляя его в самые трагические минуты жизни.

Через несколько часов раб божий Антоний умер...

Панагия

Пасха пришла вместе с весной. Стены нашего нижнего храма, оштукатуренные известковым раствором и побеленные известкой, изрядно потемнели от копоти, исходящей от горящих свечей и кадила. Нижний храм был похож на кузницу, но никто не замечал этого. Все радовались, мыли окна, вновь, как и в прошлом году, белили известкой стены, смахивали пыль с икон. Мы знали, что придет время, когда мы войдем в верхний придел храма, который будет сиять чистотой и новизной. А в нижнем храме наконец сделаем настоящий ремонт. А пока нужно было служить, чтобы народ приносил свои лепты на затянувшееся строительство.

Я вспомнил, что не отнес мальчику просфору с Пасхальной службы. Вспомнил к вечеру. Прием посетителей давно закончился. Закрыты все двери детской больницы кроме приемного покоя. Отделение гематологии находилось в другом крыле, на втором этаже.

Я решил идти. Илюше будет радость, а радость всегда настраивает на выздоровление. Я

проехал в ворота, показав охранникам в окно автомобиля вместо пропуска протоиерейский наперсный крест. Пропустили, и я подъехал к больнице, к приемному покою. На улице было по-весеннему прохладно, пахло свежестью. На черных клумбах распустились нарциссы и тюльпаны.

Дверь была не заперта. Я вошел на стеклянную веранду, а затем в коридор. Больница не дежурила в этот вечер, поэтому было мало персонала. Когда я шел по коридору по направлению к нужному мне отделению, из лаборантской вышла молодая женщина.

— Христос Воскресе! — радостно произнес я.

— Воистину Воскресе! — ответила она, разглядывая меня: — А вы к кому?

— Мне надо пройти в отделение гематологии.

— Но все двери закрыты на втором этаже.

— А что же мне делать? Там больной мальчик Илюша. Я должен, понимаете, должен его увидеть и передать это.

Я развернул платок и показал медсестре Богородичную большую просфору.

— Это Панагия, понимаете? С Пасхальной службы.

Она внимательно смотрела на меня.

— С такой Панагией, с такой просфорой монахи Афонского монастыря после совершения службы идут все вместе в трапезную. Они ее несут торжественно, в специальном сосуде, чтобы начать трапезу с благословения Божьей матери. Панагия — это как бы Богородица, понимаете? Мне надо...

— Подождите здесь.

Она побежала по узкому коридору и через минуту вернулась с охранником, который нес ключи от двери на второй этаж.

— Я очень быстро, — радостно, торопливо говорил я, обращаясь то к сестричке, то к охраннику.

— Столько, сколько нужно, — сурово сказал охранник.

Я юркнул за дверь, светившуюся матовым стеклом, и побежал наверх, схватив в охапку полы подрысника.

В отделении слышался детский смех. Я приоткрыл дверь и заглянул в коридор.

Трое бледных ребятишек играли, запуская бумажный самолетик. Он то взмывал вверх, то на-

тыкался на крашенные стены, то пикировал вниз, в пол с разодранным линолеумом. Увидев меня, дети сбились в стайку.

— Христос Воскресе! — шепотом, улыбаясь, проговорил я, оглядывая коридор.

— Здравсьте! — смущенно ответили дети. Они знали, к кому я пришел.

— Они там, у них открыто, — показала пальчиком старшая девочка.

— Отлично, — сказал я и пошел в Илюшину палату.

Она находилась в десяти шагах. Я тихонько постучал. Мама Илюши сразу мне отворила. В комнате было светло. Илюша сидел на своей кровати и, как всегда, был молчалив и серьезен для своих двух с половиной лет.

— Христос Воскресе! — радостно сказал я Наталии. — Простите, что так поздно приехал к вам.

— Где же вы прошли?

— Это все Богородица, — ответил я и подошел к Илюше.

— Христос Воскресе, Илюша!

Он смотрел на меня темными серьезными глазами.

— Смотри, что я тебе принес.

Я неторопливо разворачивал платок.

— Скушаешь и будешь поправляться, выздоравливать.

— Илюша, смотри, батюшка принес тебе святой хлебушек.

Илюша смотрел, казалось, безучастно.

Я протянул ему просфору на платке.

Он не шевелился.

— Бери, бери смелее!

Он лишь моргал длинными ресницами.

— Илюша, бери хлебушек, — Наталия подсе-
ла к нему на кровать.

Илюша протянул свою припухшую, бледную, всю в метках от укулов руку, аккуратно взял просфору и положил ее рядом на постель.

— Спасибо вам большое, — проговорила Наталия.

— Как он?

— Не очень хорошо.

— Я молюсь за него и за вас. Держитесь. Уже поздно. Пойду, а то закроют меня здесь. Илюша, до встречи.

— До встречи, — чуть слышно произнес он,

все-таки заразившись от меня Пасхальной радостью.

— Спасибо вам, — повторила мне в дверях его мама.

— Звоните, хорошо?

— Хорошо.

Охранник внизу сидел на стуле в ожидании меня.

— Благодарю вас.

— Не на чем.

Я выскочил на улицу. На душе было тревожно, беспокойно.

Почему дети заболевают лейкозом? Этот мальчик едва стал сознавать себя и ничего, кроме страдания, не испытывал. Он думает, что жить — это означает страдать. Страдание и жизнь для него неразделимы.

Может быть, это так и есть. Но только не в два с половиной года. В эту пору дети неосознанно счастливы. Все дети, кроме тех, которые страдают тяжелыми недугами и думают, что жить означает страдать. Чаще они уходят из жизни, оставляя пустоту в сердцах тех, кто им дал эту жизнь — страдание и недоуменный вопрос: «почему?»

Если болеют дети, нет справедливости в этом мире. Зачем родиться, страдать и умереть? Кому нужна эта жизнь-страдание? Кому нужна эта жертва — Богу? Любящему всех Богу?

Силуан Афонский говорил: Бог любит милующее сердце. Растет на веточке листочек. Можно сорвать. Ничего в мире не изменится. Но зачем? — спрашивает Силуан. Ползет по земле букашка. Можно раздавить. Ничего в мире не изменится. Но зачем?

Но человек не веточка от дерева и не букашка. Кто его может сорвать или растоптать? Человеческий грех, порок, проклятие?

Силуан в юности был недюжинной силы. Мог выпить четверть после трудового дня и идти домой не шатаясь. Однажды проломил ударом грудь односельчанина, после чего оставил мир, уйдя в монастырь.

Он понял, что гармония в мире поддерживается не человеком, а Богом в его мире первозданной красоты. И ничего нельзя менять снаружи. Менять нужно только себя, внутри себя, изучая судьбы божьи и человеческие.

«Бог любит милующее сердце». Бог жалеет

листочек, исполненный жизнью, и букашку — воплощенную жизнь. Зачем страдает ребенок? И, страдая, умирает. Если это так, значит, невозможна гармония? Насколько Человек ценнее в глазах Божиих листочка и букашки?..

Смерть мамы

Мама отличалась сильным характером. Она управляла всем домом, никому не давая расслабиться. Когда заболела, то никто этого не заметил. На своем дне рождения, когда приехал из Москвы мой старший брат (он всегда приезжал на ее день рождения, первого апреля), она выглядела просто уставшей. Конечно, ей исполнилось восемьдесят два, но она никогда не выглядела бабушкой, отличаясь острым, живым умом, способностью к анализу всего происходящего.

Но позже, просматривая фотографии с последнего дня рождения, я обратил внимание на ее глаза. Во взгляде была не повседневная усталость, а утомленность от жизни. Выцветшие глаза уже не здешние, а потусторонние. Она готовилась. Некоторое время назад она, уже несколько месяцев не выходящая из дома, вдруг ушла куда-то, удивив всех, и заблудилась. Она собиралась в долгий путь и как бы испытывала дорогу.

Брат уехал, попрощавшись с ней, а она начала слабеть. Пропал аппетит, она почти не вставала. Я приехал ее пособоровать и причастить.

Она села в ночнушке на диване, на котором всегда спала, взяла в руки свечку и со всей серьезностью сконцентрировалась на Боге. Молилась с покорностью, собрав последние силы.

Когда таинство было закончено, она легла и закрыла глаза. Я попросил ее покушать. Она отказалась. Но, спохватившись, из уважения к сану священника она ради послушания взяла тарелку, ложку, начала есть и сказала:

— Хочешь меня заставить жить? — И посмотрела на меня, ничего не понимающего в жизни.

И я, как всегда без меры веря в свои силы, сказал:

— Хочу и заставлю.

Она промолчала. Отставив тарелку левой рукой в сторону, легла.

— Не могу. Нет сил.

Потом я уехал, а через несколько часов мне позвонила сестра и попросила срочно приехать. Это было 28 апреля. Мама была очень слаба и бледна. Всегда чувствуешь приближающуюся опасность.

— Надо срочно в больницу, — твердо сказал я. Мама тоже была в страхе. На какое-то мгновение паника овладела ею.

Я позвонил знакомому врачу и попросил устроить маму в больницу, которую как раз окормлял духовно.

Приехала скорая. Носилки не проходили в двери квартиры и узкого маленького лифта. Нужно было спускаться с девятого этажа по лестнице.

Я попросил санитаров помочь мне. Мы посадили маму на стул и, приподняв его вместе с ней, понесли из квартиры. Все делалось в суматохе, неловко, грубо.

Она последний раз проявила свой непреклонный характер, сказав мне прямо в ухо, когда я нес ее:

— Все у вас остаётся на потом. Какая беспечность. Не можете вы по-другому.

В машине скорой помощи она не говорила, а у приемного покоя больницы произнесла:

— Бедная, бедная Наталия! — Она имела в виду мать моих детей.

А потом она замолчала. Навсегда.

Ее отвезли на коляске в палату интенсивной терапии. Она впала в беспамятство. Но я думаю, что она просто замолчала, терпела, потому что, когда ставили уколы или брали анализы, она вскрикивала от боли, как человек, который все чувствует и все понимает. Позже я очень жалел, что подверг её последние часы жизни таким испытаниям. Видимо, из эгоизма, чтобы снять с себя ответственность за будущее мамы. Дескать, сделал всё, что мог для её спасения, вручив в руки врачей, которые, кроме боли, ничего ей не принесли, когда надо было возложить упование на Бога и Его милосердный промысел.

Она все время зачесывала свои волосы пальцами наверх и поправляла белую простыню, которой мы с сестрой ее поминутно укрывали. Анализы показали острый лейкоз. Болезнь развивалась стремительно, и в следующую ночь, под утро, сердце ее остановилось.

Когда я глядел на нее в эти последние часы жизни, я понял, что смерть не страшна. Нужно просто немного потерпеть, как мы терпим лишения, страдания, боль, и этот переход случится.

Дальше началось самое постыдное в моей жизни.

В обиходе среднего персонала больниц есть слово «труповозка» — гадкое, унижительное название автомобиля, старого, заржавевшего от времени. Придумал это название какой-нибудь остряк-даун, слабоумный. Я видел одного такого, сказавшего о бродящих по территории больницы собаках:

— Давай их убьем. Чё ими делать?

И подхватили все это название — от санитаров до врачей. Труповозка.

Я шел за мамой, которую везли на каталке к выходу через приемный покой. Наверное, про меня все забыли. А жизнь, их жизнь, шла своим чередом. Каталку подвезли к другой, и маму привычно, равнодушно переложили на простыне два здоровых детины. Потом тот, который стоял в головах у мамы, нажал какую-то педаль, и каталка рухнула вниз, а с ней тело мамы.

Сестра реанимации вытянула из-под мамы застиранную, всю в застарелых пятнах простыню. Может быть, она ее пожалела, эту простыню, может быть, это была собственность палаты интенсивной терапии с инвентаризационным номером, но мама осталась лежать на металлической каталке, превратившейся в носилки, которые тут же впихнули в «труповозку». Все произошло быстро, я был потрясен от увиденного. И ничего не успел понять.

Я только жалею, что не дал в морду этому водителю «труповозки» в тот самый момент, когда он нажал на педаль каталки. И я буду с этим жить.

В очередной раз я твердил себе: «Когда же ты научишься реагировать правильно на обстоятельства жизни и давать им мгновенную оценку? Теперь ты понимаешь, что эта оценка исходит из твоих принципов и убеждений, из твоей веры и твоей принадлежности к священным понятиям, которые нельзя переступать и отменять.

Когда ты наконец поймешь, что жизнь — это хорошо. Но есть вещи, которые выше жизни.

Это верность, служение, достоинство, честь. Если у тебя в доме стоит рояль, а ты не умеешь на нем играть — на кой черт тебе этот рояль?! Если ты имеешь жизнь и не умеешь ею пользоваться, то зачем тебе эта жизнь?!»

После этого ужаса я ехал сзади на своей машине и от слез едва различал дорогу. Ехавшая впереди «труповозка» была покрыта как бы слюдой от слез, которые застилали мне глаза. Она летела как сумасшедшая, какими-то ей одной известными дорогами к моргу. Наконец я потерял ее из виду, но был даже доволен этим. Я знал, где находится морг, и когда подъехал к нему, то маму уже вынесли из машины и внесли в здание морга, стоящее отдельно от больницы. Я вошел в одноэтажное здание и спросил доктора:

— Я могу вас попросить не вскрывать Седогинову, мою маму, ее только что привезли?

— Не положено. У нас для всех без исключения проводятся исследования.

— Дело в том, что мама была верующим человеком. А это оскорбление чувств верующего.

— Какие чувства, ей уже все равно.

— Это неправда, мама все видит и слышит. Я документ, справку привез, вот, подписано главным врачом медсанчасти Кондратьевым.

— А-а-а, тогда хорошо, хорошо. Нам меньше работы.

Я вышел на улицу, вдохнул свежего воздуха.

Мама очень боялась вскрытия и неоднократно говорила об этом. Она всегда рассказывала папе о том, как однажды человека, погибшего в автокатастрофе, из морга отдали родственникам в гробу, а потом, на другой день, нашли в морге под столом его руку. Куда ее девать? Тело, которому она принадлежала, уже похоронили. Тогда руку засунули в живот другого тела, которое по случаю вскрывали на этом же столе, и зашили: ему же все равно, этому телу.

Маму помыли и одели в одежды, которые привезла сестра. А на ночь маму уже в гробу привезли в храм, наш храм. И я готовился остаться с ней на всю ночь, чтобы вычитать Псалтирь.

Время разделилось на отрезки. Полной картины в моём сознании не существовало. Один отрезок был ярче, другой тусклее. Но это были только отрезки, которые выхватывало созна-

ние из как будто замедлившегося хода жизни. Мама стояла у канона против распятия. Вечерняя служба продолжалась. Я находился в алтаре и ждал, когда допоют и дочитают последние молитвы, все разойдутся и я начну заупокойную панихиду.

В храме было особенно тихо. Люди сочувствовали мне, поддерживали словом, взглядом. К моему удивлению, после отпуска никто не ушёл. Когда я вышел из алтаря с кадиллом и направился к канону, то увидел, что все стоят с зажжёнными свечами — остались, чтобы помолиться вместе со мной у гроба моей мамы.

Слез не было. Покой вошел во все мое существо. Я читал девяностый псалом, совершал каждение и думал о том, сколько людей за свою священническую жизнь я отпел. Теперь пришла очередь той, которая дала мне жизнь. «Да молчит всякая плоть человека», — пронеслось в моей голове, и я ощутил пустоту и одиночество. Её тело было успокоено. Это было другое тело, из которого ушло тепло, ушла жизнь. Оно было холодное и чужое. Прикосновение к нему было пугающим. Совсем недавно родное тепло исходило из этих рук и согревало участием и заботой. А теперь тело окоченело и застыло, всё в нём было овеяно присутствием смерти. Дальше мысль останавливалась. «Да молчит всякая плоть человека».

Люди расходились, скорбно поглядывая в мою сторону. Храм опустел.

Я вышел на улицу и увидел вдалеке Веру, которая сейчас же спряталась за близстоящее строение школы. Я смотрел в её сторону и ждал, когда она выглянет. Через минуту Вера по-детски высунулась из-за угла. Я сделал ей знак рукой. Она, застигнутая врасплох, пошла ко мне.

— Простите меня, — говорила Вера, подходя ближе, — я очень испугалась всего происходящего. Я испугалась за вас. Как вы себя чувствуете? Вы будете здесь ночью, мне сказали?

Она вглядывалась в моё лицо и говорила, говорила:

— Вы очень переживаете, конечно. Я знаю, знаю, как больно, когда отец или мама умирают. — Вера была взволнована и как бы не в себе. — Как же вы будете здесь один? Я пришла, чтобы быть с вами. Вы разрешите побыть с вами, ночью, когда вы станете молиться?

— Нет, Вера, что вы, — остановил я её, — я должен быть с мамой наедине. Это последняя ночь, когда я могу что-то ещё успеть сделать для неё.

— Я понимаю, понимаю, — говорила разочарованно Вера. — Но, может быть, вы голодны, а я принесла вам чай в термосе и бутерброды. Вот, — она протянула мне сумку.

Я хотел отказаться. Но Вера предлагала с такой нежностью и заботой, что я взял пакет, зная при этом, что он мне не пригодится.

— А можно мне завтра прийти? — спросила Вера.

— Приходите.

— Берегите себя, — сказала Вера, взяв меня за руку, — вы мне очень дороги, я вас очень люблю.

Она развернулась и побежала прочь.

Темнело стремительно. Вечер был тихий, не шевелилась ни одна ветка. Покой царил в природе и в моей душе.

Я вошел в храм, где лежала моя уснувшая мама, запер дверь, включил дежурный свет. Стояла пронзительная тишина. Лики икон смотрели со всех сторон торжественно и бесстрастно. Я остановился и почувствовал, как по полу потянуло холодом.

Надо читать, читать и ни о чём не думать. Маме нужна молитва.

Я ходил по пустому храму, каждый шаг по плиточному полу гулко звучал в пространстве. Я поставил аналой, большой подсвечник, зажёл свечи и открыл Псалтирь.

— Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, — начал я громко...

Поздно ночью, около трёх часов, в железную дверь храма постучали.

Пришли матушки, чтобы подменить меня в чтении.

Отпирая дверь, я сказал, что Псалтирь вычитал до конца.

— Ну мы почитаем сначала, сколько успеем до службы, благословите нас.

— Бог благословит, — сказал я и перекрестил их.

Они дали мне ключ от квартиры, где я должен был перед службой отдохнуть.

Пока я одевался в алтаре, они начали чтение. Я подошел к маме, перекрестился и поцеловал её холодную руку.

— Благодарю вас, что вы меня поддерживаете,

— сказал я провожавшей меня схимонахине Алипии.

— Благодарь, батюшка, благодарь, — говорила матушка.

На улице было по-весеннему прохладно и пустынно. Дом, в котором жила схимонахиня Алипия, находился рядом со строящимся храмом.

Я открыл дверь и вошел в маленькую однокомнатную квартиру. За перегородкой была постелена чистая постель, положено полотенце.

Я лег, не раздеваясь, и мгновенно заснул.

Утром совершал литургию. Народу собралось много. Среди прихожан храма у гроба стояли брат и сестра, мои дети. Приехал мамин старший брат Михаил, с которым наша семья почти не общалась, другие родственники. Все они слились для меня в невнятную массу, смешавшуюся с текучим, как резина, временем. Фигуры в черных одеждах и скорбные глаза. Мелькнуло лицо Веры.

Служба была особенная. Глубина Божественной литургии постигается в такие минуты, когда Бог нераздельно близок. Я молился каждым словом древнего текста и чувствовал невидимую душу мамы, которая была здесь, рядом с нами.

Приехал отец Александр, вошёл в алтарь, молча положил три земных поклона престолу, приложился и обнял меня, сухо сказав:

— Держитесь.

Отец Александр был моим учеником. Ездил со мной в деревни, в которые меня посылало церковное начальство, помогал. А потом принял решение стать священником.

Я попросил его вчера возглавить чин погребения. И он не отказал, приехал.

— Благословите исповедовать людей, — обратился ко мне отец Александр.

Я согласился.

Причастников было на удивление много.

После отпуска народ расступился, маму перенесли и поставили напротив алтаря. Облачился отец Александр, и мы вышли к гробу.

При виде скорбных лиц людей, слез в глазах сестры и Веры горловой спазм душил меня и неуправляемые слезы наполняли мои глаза всю службу отпевания.

Потом потянулась процессия на кладбище,

люди из храма не оставили нас, шли за медленно идущей машиной. Затем у края могилы совершились лития и прощание. Казалось, что это никогда не закончится, потому что в груди поселилась тупая боль и уже не отпускала. Подождать я увидел младшего сына, который глядел на меня, и слёзы текли по его щекам. Дальше стояла Вера и пристальным взглядом глубокого сочувствия не отрываясь смотрела в мою сторону. Это было просветление моего сознания, которое как бы искало опоры и, находя, продолжало существовать.

Маккена

Маккенский позвонил вечером. В голосе слышались нотки человека, очень довольного собой, благодушного, снисходительного. Он говорил неторопливо, с глубоким чувством собственного достоинства. Это был голос значительного, большого человека. И ты должен был понять это сразу. Почувствовать всем существом, до робкого холодка в позвоночнике. Скольких людей приводил в панику этот голос? Можно было только догадываться. Но обладатель этого голоса ловко, артистично манипулировал им. Это была игра. А может быть, это была жизнь. Сам хозяин голоса уже не отличал, где жизнь, а где игра. Его возможности позволяли ему не жить в привычном смысле этого слова, а лететь над жизнью. И он привык к ощущению полета. И еще в голосе слышался запах дорогого парфюма, приспущенного галстука и коньяка высшего уровня.

Он обращался ко мне на «ты» с первой фразы.

— Вечер добрый, — послышалось в трубке. — Ты можешь не вспомнить, но я сейчас постараюсь объяснить, кто я. Э-э... Меня зовут Маккенский Борис Николаевич. Я вице-президент Александровского банка Москвы. Не знаешь меня?

— Простите, нет.

— Мне твой телефон дал Пыжов Сергей Иванович.

— А, Сергей Иванович Пыжов?..

— Да, Пыж. Мы когда-то тренировались вместе. Ты постарше нас на три-четыре года. Признаюсь, мы восхищались тобой. Ты был уже

звезда, а мы только подрастали. Меня звали Маккена, не помнишь такого?

И вдруг в моей голове возникла картина. Спортивный комплекс, зал, ринг... Соревнование по боксу. Может быть, первенство города. И на ринге мальчишка из нашего клуба с именем Маккена. Длинный, в белых трусах и красной майке. Худой, но немного трусливый на ринге. Про таких говорят «не боец». Мы сидим с ребятами на балконе и кричим это удивительное имя, болея за наш клуб:

– Маккена, Маккена, Маккена...

– Да, я помню прекрасно. Это имя, Маккена, прямо звучит в моей голове, — оживленно заговорил я. — Благодарю вас, что вы мне позвонили и напомнили счастливое время нашего детства. Но что у вас случилось? Нужна помощь священника?

Макенский был доволен, что я так быстро вспомнил его.

– Ты правда помнишь меня?

– Вспоминаю зал, по-моему, «Спартак». Главного судью Волкова и тебя на ринге. Город — по-моему, первенство города.

– Точно. Молодец, уважаю, — он довольно засмеялся. — Я завтра приеду. Звоню тебе из другого города. У мамы годовщина в этот день. Ты сможешь со службой?

– Конечно.

– На кладбище.

– Ну что ж, погода позволяет. Отслужим.

– Мама умерла год назад. Похоронил там, на нашем кладбище, вместе с отцом. Отца нет уже четыре года, — он вздохнул. — Знаешь, тяжело терять близких. Особенно мать.

– Я понимаю, моя мама умерла совсем недавно.

– Ах, вот как? Недавно.

Мы помолчали.

– Мне Пыжов сказал, что ты строишь храм. Сколько раз проезжал мимо твоей стройки и не знал, что это Седогин строит. Я тебе денег привезу завтра. Давай, пока.

И он положил трубку.

– Вице-президент Александровского банка Москвы, — вслух произнес я. — Это хорошо.

Время было позднее, я помолился и лег в постель.

– В рuce Твои Господи, предаю дух мой. Ты меня благослови, Ты меня помилуй и живот вечный даруй ми. Аминь.

Но сна не было. Я поворачивался с боку на бок. Тело устало за сегодняшний день, и хотелось уснуть, чтобы восстановить силы перед завтрашним трудным днем. На душе было тревожно. Я думал о маме. Её похоронили. А мир продолжает жить прежней жизнью. Казалось, что в нем ничего не изменилось. И так происходит всегда. Приходит и уходит человек, и кажется, что его никогда не было. Уйду когда-то и я, и тоже всё будет, как прежде, существовать, а меня уже не будет среди всего этого многообразия жизни. И только кратковременная память молитвенно хранит образы любимых людей и воздает за них в алтаре «бескровные» жертвы, принесенные к Богу.

Сон не приходил. Тогда, поднявшись, я сел за письменный стол и щелчком включил лампу. Буду писать ему.

«Дорогой мой сын. Когда моя мама, Александра, Царство ей небесное, и твоя бабушка вдруг заболела, я не помню тебя около себя. Видимо, я тебя жалел. Ты еще так молод. Но зато похороны я буду помнить всегда.

Маму пришлось проводить много народу на кладбище. Но я никак не мог сдержать слезы. Душа моя разрывалась, комок подступал к горлу, и рыдания душили меня. И в толпе, поодаль, я увидел тебя, в этот самый момент моей слабости. Ты видел мои слезы и плакал вместе со мной. Это были слезы твоего сердечного сострадания мне. Я никогда этого не забуду. Я понял, насколько глубоко ты сопереживаешь. Нет, ты плакал не из-за бабушки, потому что она не воспитывала тебя и у вас не было таких уж близких родственных отношений. Ты жалел меня. Я всегда, всегда буду помнить эти твои слезы жалости и сопереживания моему страданию. Человек, внутренний человек, то есть настоящее содержание личности, проявляется как раз в трагические минуты жизни. Начинает звучать его сердце. Выходит наружу «сокровенное сердца человека, в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа», так сказал апостол Петр о женщине. Я почувствовал, что ты, несмотря на все наши разногласия и ссоры, по-настоящему

любишь меня. Господи, помоги мне никогда не забывать этого при общении с тобой!

Я хочу написать тебе несколько слов о твоей бабушке.

Она родилась первого апреля. Представляешь, в наше время это был праздник лжи. Люди были самими собой. Им не нужно было скрываться и прятаться, как они делают в остальные дни года. Они просто были самими собой. Это была подлинная мистерия, или карнавал эпохи Франсуа Рабле, когда устраивались праздники дураков или праздник осла. Этот день, первого апреля, давал совершенно иной, подчеркнuto неофициальный, внегосударственный аспект мира, человека и человеческих отношений. Сейчас я этого в жизни общества в отношениях между людьми совсем не наблюдаю. Кроме вульгарности и пошлости, а также гомерического хохота. А между тем «первого апреля — никому не веря» люди как бы строили по ту сторону всего официального, всего наносного второй мир и вторую жизнь, к которым, как в эпохи Средневековья и Возрождения, они были в большей или меньшей степени причастны. В которых они в определенные сроки (мистерий и карнавала) жили. Это была особого рода двумерность. Она касалась жизни общества, которое жило в состоянии дозированной лжи. Эта жизнь затрагивала и отдельного человека, который проживал ее как захватывающий детектив, находясь в состоянии лжи не только по отношению к людям, но и по отношению к самому себе. В этот день мистерии и карнавала родилась твоя бабушка. Я думаю теперь, что это определило ее судьбу. Она всю жизнь была борцом за правду и за настоящее, подлинное движение души. При ней невозможно было кривляться или играть, быть гордым и тщеславным. Она всегда поставит на место. Часто она говорила мне, увлеченному искусством, словами Станиславского: «Вы любите не искусство, а себя в искусстве».

Почти не имела друзей, не праздновала дни рождения. Не любила. Не любила также и веселый и никуда никогда не ходила. Особенно вторую половину своей жизни. В конце говорила: «Всю жизнь прожила среди дураков», — так, видимо, она называла нас, своих близких. Или, может быть, имея в виду день первого апреля,

когда творились мистерии — «праздник дурака» и «праздник осла». И ушла она в этом же месяце, апреле, только тридцатого числа, прожив восемьдесят два года».

Заворочался ключ в замочной скважине, и дверь потихоньку начала открываться, предательски заскрипев. Пришел Иван. Я взглянул на часы. Два пятнадцать ночи. Я вытянул из розетки вилку, и свет настольной лампы погас. Осторожно дошел до кровати, прилег и затих. Слава богу, он дома. Тревога ушла. Допишу потом. Я могу спать.

Вера и жизнь

— Я принесла то, что вы просили. Получилось ещё восемь страниц.

— Благодарю вас, спасибо. Вам понравилось?

— Да, мне все понравилось. Это будет настоящая книга. Я так хочу, чтобы вас читали, чтобы вы скорее закончили и все узнали то, о чем вы пишете. Потому что это очень, очень важно.

— Я вам благодарен за помощь. Я бы не справился один с этими техническими сложностями.

— Ну что вы, мне это совсем не трудно. Тем более что я не работаю. И времени у меня предостаточно. Пишите скорее. Так хочется уже это все напечатать, — она сказала с каким-то детским азартом, — только знаете, на меня ваши рукописи, ну, которые я печатаю, оказывают воздействие.

— Это, слава богу, хорошо, — обрадовался я, — это означает, что написанное мной волнует. В этом материале есть художественность.

— Это конечно, но я хотела сказать, что это оказывает на меня воздействие не как на читателя, а как на человека, понимаете?

— А как можно разделять читателя и человека? — удивился я. — По-моему, читатель и человек — это одно и то же лицо. Разве не так?

— Нет, это не так, — она подыскивала слова. — Читатель, он прочел, что-то ему понравилось, что-то не понравилось, но он прочел — и все. А человек, ну в данном случае я, воспринимает это по-другому.

— Как это по-другому?

— Он погружается во все это и переживает, и

эти переживания не оставляют человека ни днем ни ночью. И он думает о том, как автор может со всем этим жить и как ему не больно и не страшно все это носить в себе, понимаете?

— Понимаю...

— Нет, вы не понимаете, — она возвысила голос и начала говорить взволнованно, — я такой жизни никогда не знала. До самого окончания института я была самым счастливым человеком на свете. Я могла радоваться как ребенок всему, что меня окружало. Я, конечно, ничего не видела. Я даже могла заблудиться в своем собственном городе, потому что мама нас с сестрой очень любила и все нам позволяла, но мы никуда не ходили. Я знала свою улицу с магазинами, школу и походы с мамой на рынок и больше ничего. А теперь, через вас, я узнала жизнь других людей и поняла, что ничего светлого, хорошего в ней нет. Одни страдания, мучения. Скажите, почему это все происходит?

— Таков удел священника, — ответил я, не глядя на ее лицо. — Видеть жизнь с той стороны, с которой люди не могут ее видеть. Старость, одиночество, страдание, болезнь, смерть.

Я взглянул на нее. Она смотрела на меня широко раскрытыми печальными глазами, в которых стояли слезы.

— Но я не хочу такую жизнь.

— Вера, простите меня. Я не буду давать вам свои листочки...

— Нет, нет, что вы, — она ладошками вытирала слезы, — я не это хотела сказать. Вы меня не поняли.

— Я думал, что вы уже большая.

— А какая же я, когда мне уже двадцать три года?

Я улыбнулся, видя ее решительность.

— Большая в том смысле, что вы уже понимаете весь трагизм жизни.

— Я понимаю, понимаю. И я готова преодолеть, — она спешила прояснить ситуацию. — Простите меня, что так много времени у вас оторвала, и простите мои слезы. Ладно? Я буду ждать ваши рукописи каждый день. Вы только пишите. Благословите меня.

Я перекрестил ее и положил руку в ее теплые ладошки. Она коснулась ее горячими губами и крепко сжала мою кисть. На мою запястьё упала капелька её слёз.

— Я пошла, — сказала она, приподняв голову.

— Идите, Вера.

Она сделала несколько шагов, остановилась и, повернувшись, сказала:

— А можно вас попросить?

— О чём?

— Не называйте меня на «вы», пожалуйста.

— Хорошо, Вера.

— Ведь вы же Бога называете на «ты»?

— Да.

— Что же вы меня, соринку, называете на «вы»?

— Ты не «соринка», Вера, ты удивительно красивый человек.

— Правда?! — Вера даже подпрыгнула от радости. — Вы это мне правду сказали?

— Истинную правду.

Улыбка не сходила с её уст.

— Так не хочется от вас уходить. Бабушки говорят, что вы благодатный. Я сначала смеялась, не понимая этого, а как это подходит вам. А теперь очень даже понимаю и с ними согласна. Берегите себя.

Она повернулась и торопливо пошла.

— Вера! — крикнул я вдогонку.

Она встала как вкопанная.

— Ты забыла про листочки.

Я вручил ей новые свои записи, и она убежала.

Растленная простота

Это была молодая женщина лет тридцати пяти. Добротой светилось её лицо. Когда она смотрела в глаза, выделив вас из толпы, казалось, она хочет сказать что-то приятное, радостное, что-то важное, сокровенное открыть со всей искренностью своей души. Вам и только вам, прямо из глубины своего измученного сердца. А когда видела в чьих-то глазах сочувствие, спешила навстречу, застенчиво и блаженно улыбаясь. Это можно было бы назвать предельной простотой кроткой русской женщины, несущей во всем своем существе Истину Христову. О таких сказал ученик Христа апостол Петр: «Сокровенный сердца человек, в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа». Красоте незащищенной, стыдливо-застенчивой, по-детски открытой.

Мне казалось, что я знаком с ней. Только я не мог вспомнить, когда и где мы встречались. Что она относилась ко мне как к давнему знакомому — не было никаких сомнений. Она смотрела на меня, ласково и приятно улыбаясь. Так, как смотрел бы родной человек, только вчера простившийся со мною после веселого продолжительного общения. Я не думал о ней, не копался в своей памяти. За двадцать лет священнической деятельности большое количество людей обращалось за помощью. Все они рассказывали сокровенные подробности своей жизни, которые можно поведать только очень близкому человеку, рассчитывая на добрый совет и утешение. Вскоре я забывал их. Носить в себе то, что открывали люди, было бы тяжелым бременем. Таинство священства защищает человека-священника. Он как бы состоит из двух сущностей: одна психологическая, душевная, другая — таинственная, мистическая, связанная с божественной благодатью Духа Божьего. И там, во второй сущности, как в большой комнате, похожей на архивное помещение со множеством полок, располагаются судьбы людей, открывшиеся в таинстве исповеди. От этой комнаты есть ключи только у посвященных в тайну жизни человека. В эту дверь может войти Бог или священник, который явился свидетелем приоткрывшейся жизни. Он непрерывно молится перед Творцом, пребывая в таинстве. Эта жизнь в молитве сокрыта от глаз людей. Но она более реальна, чем внешняя жизнь, похожая на иллюзию или затяннувшееся сновидение. В ней тьма и свет, как две половинки зеркала, отсвечивая, бросают на души яркие блики, то лоснящейся бездной, то сверкающим нетварным Божественным светом. Тайна священника заключена в том, чтобы, находясь на границе жизни и смерти, света и тьмы, времени и вечности, указать человеку путь к спасению души.

Потом приходили другие люди и приносили свои заботы и тайны. И, бывало, на улице, при случайной встрече, кто-то приветствовал меня радостной улыбкой и благодарным взглядом. Я приветливо отзывался:

— Как вы поживаете? Все ли у вас налажилось в жизни?

Получал ответ с поклоном.

— Спасибо вам, все хорошо.

А я не мог вспомнить обстоятельств, при которых узнал встретившегося мне человека, хотя лицо его было знакомо...

Она часто во время богослужения подходила ко мне со спины и осторожно касалась меня своей рукой. Прихожане «шикали» на нее. Они терпели ее беспорядочные передвижения по храму, громкий разговор перед иконами, у которых она останавливалась. И только иногда во время службы, когда кто-то из пожилых бабушек делал ей замечание или даже физически воздействовал на нее, она возвышала голос, срываясь до крика:

— Что вы все лезете ко мне? Оставьте меня в покое!

Но при этом была удивительно послушна. Если в момент ее раздражения на бабушек я смотрел на нее, она ретировалась, виновато улыбаясь и показывая мне жестом, что больше никакого шума не будет.

Ее можно было бы отнести к юродивым, блаженным, странным. Вообще к больным людям, которых в дореволюционной России, да и в СССР, было множество возле храмов и монастырей. Их народ жалел и любил. Ее можно было бы охарактеризовать словосочетанием «святая простота», если бы не одно обстоятельство. Она всегда была пьяна. Будь то раннее утро, которое в церкви начиналось с чтения Богослужбных часов, перед Литургией или вечер, когда служилась Вечерня. Она приходила в том «блаженном» состоянии, которое, как ей казалось, и является настоящей радостью. На самом деле это была подмена подлинного духовного блаженства в присутствии Божества на добровольное подчинение себя одурманивающему действию алкоголя.

Святая простота — феномен, встречающийся нередко среди русского народа. Даже слабоумие в сочетании с сердечной добротой, вот, пожалуй, его точная характеристика. В ней же была растленная простота.

Ее появления в храме были навязчивыми, и я видел, что они раздражают многих. Но мое отношение к ней не изменялось. Я жалел ее. Обычно она пребывала в храме недолго, до того момента, когда кто-то из прихожан не «обидит» ее. Она уходила и в этот день уже не возвращалась.

Однажды она пришла утром не одна. С ней был молодой парень, которого она, похоже, насильно затащила в храм и толкала его, заставляя подойти к иконам, поставить свечи, обратиться ко мне.

Он упирался и в своей строптивости напоминал большого подростка, которого родители заставляют быть послушным. На вид ему было лет двадцать пять. Бросались в глаза крепкая, атлетическая фигура, сильные руки с крючковатыми пальцами и коротко подстриженными, обгрызенными ногтями. Узкий лоб и серые маленькие глазки, в которых не было ни одной мысли, дополняли портрет. Он был пьян, как и она.

Ее толчки уже напоминали потасовку в храме. И кто-то опять не выдержал и сделал замечание. И тогда молодой человек вылетел в дверь, за ним, бросив несколько громких фраз в сторону прихожан, вышла она.

На следующее утро они появились вновь. По храму прокатился шумок. Я стоял за аналоем и вел беседу с исповедником. Она подталкивала спутника ко мне. Я заметил, что они, как и вчера, были пьяны. Она подвела его без очереди, встала за ним вплотную и, загородив всякое отступление назад, что-то шептала на ухо. Когда я взгляделся в ее лицо, то обнаружил свернутый набок нос — результат сокрушительного удара кулаком по лицу, отчего оно погрубело, потеряло невинность и прежнюю целомудренно-блаженную привлекательность. «Как жаль», — подумал я.

Когда от меня отошел исповедник, поцеловав Крест и Евангелие, она придвинула его ко мне вплотную.

— Исповедуйся, исповедуйся, — настойчиво, пьяно шипя, говорила она ему в самое ухо.

Я попросил ее отойти в сторону. Она послушно отступила и молча переводила взгляд то на меня, то в пол. Я понял: случилось что-то серьезное.

— Как твое имя? — обратился я к этому пахнущему перегаром и потом существу.

— Петя, — ответил он, как подросток.

— Петр, — твердо поправил я и спросил: — Ты пришел исповедоваться?

— Да, — храбро произнес он и вызывающе взглянул мне в глаза.

«Пьяному и море по колено, не то что страх перед исповедью», — промелькнуло в моей голове.

— Наклони голову, — попросил я его.

Он продолжал стоять прямо.

— Наклони голову к Кресту и Евангелию, а я накрою тебя епитрахилью.

Я поднял епитрахиль, накиннул ему на голову и с силой, но осторожно нагнул ее.

— Покаяйся, в чем ты согрешил, — тихо сказал я.

Он прокашлялся и хрипло произнес:

— Я человека убил.

— Человека убил? — с тревогой переспросил я и взглянул на нее.

Она, встретив мой взгляд, заговорщицки кивнула и стыдливо опустила глаза.

— Да, человека убил.

— А ты заявил об этом в полицию?

— Нет.

— Понятно, — сказал я и стал слушать дальше, но Петр молчал.

— А при каких обстоятельствах ты это сделал? — осторожно спросил я, хотя понимал, что для исповеди это не имеет значения. Ведь я не следователь, не прокурор, чтобы уточнять обстоятельства дела. Он убил, и это страшный грех.

— Его надо было убить, — сухо произнес Петр, как бы прокручивая в голове все случившееся.

— И ты убил?

— И я убил.

Я опять посмотрел на нее, на людей, ждавших своей очереди, которые будут говорить, что грешны «словом, делом, помышлением», а тут такое.

— Знаешь, — сказал я ему, — ты должен прийти ко мне в другой раз, трезвым, понимаешь? Совершенно трезвым. И тогда мы с тобой все обсудим. Я не могу сейчас об этом со всей ответственностью говорить. Ты пил сегодня?

— Пил.

— Вместе с ней?

— Да, вместе, и вчера, и ночью, и утром мы пили.

— Она тебе дорога?

Он кивнул головой.

— Зачем ты заставляешь ее пить? Женщине нельзя пить алкоголь, понимаешь? Ты ее уничтожишь этим. Это ты сломал ей нос?

— Я.

— Зачем ты ударил ее?
 — Потому что достала.
 — Ладно. Ты, Петр, иди. Я буду ждать тебя здесь, в храме, трезвым. Договорились? Ты при-
 дешь?
 — Может быть, приду.

Он отвернулся и, качнувшись, пошел наискосок через толпу к двери.

Она побежала за ним.

Подошла следующая исповедница. Накло-
 нила голову к Кресту и Евангелию, я накрыл
 ее епитрахилью, а она сунула мне в руку за-
 писку с грехами. Я надел очки и прочитал:
 «Гордилась, не соблюдала заповеди, малове-
 рием, осуждением...», а в конце — «великая
 грешница Раиса».

«Великая грешница — это уже святая», — по-
 думал я.

Я читал, а сам все размышлял о них. Зачем она
 привела его ко мне? Видимо, он ей дорог. Она
 по-своему любит его и переживает за него. Но с
 ним нельзя быть после того, что случилось. И
 потом, это он спаивает ее и бьет. Он пьян. Что
 может возникнуть в его голове? Что он может
 надумать после разговора со мной?

На душе стало неприятно. Я постарался об
 этом забыть.

Служба закончилась. Очередь выстроилась к
 святому алтарю. На клиросе кто-то из девочек
 читал молитвы Последования к святому При-
 чащению. Это была Аня, одиннадцатилетняя
 школьница. Она звонким голосом чеканила:
 «...Смирися и ныне смирению моему: и якоже
 восприял еси в вертепе и в яслях безсловесных
 возлещи, сице восприми и в яслях безсловес-
 ных моя души, и в оскверненное мое тело
 внити. И якоже неудостоил еси внити, и све-
 черяти со грешники в дому Симона прокажен-
 ного, тако изволив внити и в дом смиренных
 моя души, прокаженных и грешных; и якоже
 не отринул еси подобную мне блудницу и
 грешную...»

И якоже не возгнушался еси скверных ея уст и
 не чистых, целующих Тя, ниже моих возгну-
 шайся скверных она уст и нечистых, ниже
 мерзких моих и нечистых устен, и сквернаго и
 нечистейшего моего языка».

Читала серьезно, но невдумчиво, и все так же

серьезно и невдумчиво слушали Аню, и никто
 не заметил парадокса происходящего.

«Сюрреализм бытия», — пронеслось в моей
 голове.

Болезнь Веры

Вера заболела и не приходила несколько
 дней. Моего номера телефона у неё не было,
 у меня не было ее телефона, связаться с ней бы-
 ло невозможно. Я часто приезжал на стройку с
 утра и по несколько раз в день с одним желани-
 ем — увидеть Веру. Я представлял себе, как она
 стоит в своем лёгком плащике, подвязанном
 пояском, и держит в руках белые листочки с
 текстами моих размышлений. Она пришла ко
 мне и ждёт только меня одного. Но её всё не бы-
 ло. Какая-то навязчивая мысль о ней преследо-
 вала меня. С каждым днём нарастала внутрен-
 няя тревога. Словно два человека действовали
 во мне. Один продолжал обычную жизнь, за-
 полненную службами, стройкой, общением с
 сыном. Другой думал о Вере и смотрел на обы-
 денные дела сторонним, холодным взглядом, не
 углубляясь в происходящее. Казалось, время за-
 медлило свой бег, и все события этого периода
 жизни, и встающие на пути люди раздражали
 этого другого человека. Он хотел только одного,
 чтобы время шло быстрее, настолько быстрее,
 насколько это возможно до появления Веры.

Я вдруг понял, что происходящее с моим
 «другим» человеком начинает беспокоить меня.
 Эта навязчивая зависимость от Веры, от обще-
 ния с ней была болезненной и странной. Хотелось
 видеть вновь и вновь её внимательные гла-
 за, её заботливую нежность. Пронзительную
 незащищённость и радостное доверие к жизни.
 Её открытость, искреннюю прямоту, а главное
 — её трогательное отношение ко мне, готов-
 ность сделать для меня всё что угодно. Защи-
 тить, закрыть от страданий, от боли, от ужаса
 жизни. Эта готовность читалась в каждом её
 слове, в каждом взгляде, в каждом жесте. Что
 это? Я не хотел до времени отвечать на этот воп-
 рос. Хотелось купаться в этих удивительных де-
 вичьих энергиях вновь и вновь. «Помнишь ли
 ты слова, — скорее утверждал, чем спрашивал
 мой «другой», — немецкого писателя, кажется,

Гессе: «Человек обнимает Бога, а когда открывает глаза, в объятиях находит женщину»? «Какая ересь!» — сам себе удивлялся я.

Веры не было уже четыре дня. Приехав в очередной раз к храму и не увидев её, я деловито обошёл площадку, оглядываясь по сторонам, поговорил с Тихоном Антоновичем, сделал некоторые распоряжения и уже направлялся к машине, когда ко мне подбежал школьник.

— Вам велели передать, — сказал мальчишка и, сунув файлы с листочками, заторопился прочь. Я не стал окликать его, так как понял, что это весточка от Веры.

Я сел в машину, закрыл дверь и стал извлекать из хрустящего файла листочки. Из вороха бумаг выпал маленький, мелко исписанный листочек. Это была записка от Веры, в которой она сообщала о своей болезни, извинялась за долгое отсутствие. И ещё она просила о встрече через два дня, вечером, в саду известной больницы: «Вечером там безлюдно и можно спокойно поговорить». При этом она просила, чтобы я пришел «в светском платье». Ещё была строчка, наглухо замазанная чернилами. И приписка: «ваша Вера».

Я обрадовался этой записке с неуверенным почерком Веры.

Кровь

Дорогой мой мальчик! Вчера приезжал модный публицист Проханов. Пошел послушать. Публика пришла соответствующая. Националисты. Мужчины и женщины. В книжном магазине с большим отделом православной литературы, историческим отделом, со множеством книг о русских и советских военачальниках, пронациональные публицисты Олег Платонов и другие. На стенах портреты Жукова, Суворова, Кутузова, императора Николая Второго и другие. Прижизненные портреты Григория Распутина и «икона» царя Ивана Грозного, канонизированного не церковью, а теми же националистами.

Стулья поставили в зале магазина, рассаживались долго. В воздухе царил атмосфера избранничества, посвящения в «мы, русские» и сплоченная враждебность, готовность сейчас выступить против врагов видимых и невиди-

мых. Презентовалась книга гостя «Русский». Роман с названием более публицистическим, чем художественным. Название — призыв, манифест, программа.

Когда вошел автор, все возбужденно зааплодировали. Организатор встречи, Сергей Ястребов, директор и хозяин книжного магазина, живущий в деревне и не пускающий своих детей в общеобразовательную школу, чтобы не заразились духом времени. Он платит зарплату учителям, которые приезжают к нему в деревню, чтобы учить его детишек под строгой цензурой отца. Тоже избранники из «русских». Советовал учить китайский вместо международного языка английского, потому что Китай будет довлеть в мире. В церковь не ходит. Но роль церкви в истории России не отрицает. Говорит снисходительно, похлопывая церковь «по плечу». Провинциально-услужливо бегал по залу магазина, демонстрируя бурную деятельность и причастность к чему-то большому, великому.

Модный публицист говорил о державности России (державном, имперском сознании). О Киевской Руси, Московском Царстве, романовской России, сталинской империи и, может быть, грядущей державе нового президента Путина. О странной судьбе русского народа среди других народов мира. Об идее инока Филофея «Москва — третий Рим и четвертому не бывать». О Риме, который под своими крыльями двуглавого орла жертвенно объединяет другие народы, живущие в радости и счастье под этим божественным покровом имперского духа.

Все мужчины, собравшиеся на этой встрече, никогда не бывают в церкви, никогда не каются и не причащаются Тела и Крови Спасителя. А когда приходит церковь в их дом, когда случаются трагические события, связанные со смертью близких, они выходят из пространства, в котором пребывает священник, совершая отпевание. Они выходят покурить, обсудить происходящее. Они сурово переживают. Лирика жизни не для них. Это женщинам и бабушкам надо молиться...

И они, как все русское общество, не понимают, что многомиллионные жертвы русского народа, принесенные на престол имперского отечества, коренятся в идеологии бессмертия. Потому что никаким бездуховным патриотизмом и

псевдолюбовью к косовороткам и березкам, полям, ветрам России невозможно оправдать эти кровавые жертвы, принесенные ради единства и благополучия народов, за счет одного народа-страдальца. Что двигало им, народом-мучеником? Вера в вечные, непреходящие ценности правды и истины «Милость и истина сретостся, правда и мир облабызастся...». Невозможно объяснить интернациональный долг категориями этого мира. Здесь нужно видение на мир из вечности. Это духовный взгляд, сакральный на события русской истории. Этот взгляд сформировала церковь через Христа Воскресшего. Жертвы, миллионы жертв помрачают наше сознание бесчувственностью и гордыней. А между тем каждый отдельный человек, со своей жизнью и судьбой, страшился, испытывал боль, любил, радовался, плакал, отчаивался. И каждый стоял перед выбором добра и зла, действовал, движимый по таинственному зову крови. Кровь. Вот таинственная сила. Жертвы могут быть осмыслены только идеологией бессмертия. Эта идеология живет в ментальности русского человека. В крови русского человека. Кровь — это важная вещь!

Иоанн Кронштадтский знал, как важна кровь. Он всю свою жизнь причащался Крови Христовой, совершая святую Евхаристию каждый день. Чашу наполнял до краев и потреблял эту чашу Крови Христовой.

Кровь. Она несет не только жизненную энергию по телу, она, пульсируя, несет программы и коды принадлежности к идеологии бессмертия. «Пийи Мою кровь во Мне пребывает и Аз в нем». Пейте, пейте кровь Господа Христа!

И Россия пила эту кровь. За тысячелетнюю историю святой Руси потоки крови текли из жертвенной чаши и напоили русских людей бессмертием, воспитывая их не молоком матери до твердой пищи, а животворящей кровью Агнца, которой приносилась жертва сокрушенного и смиренного духа.

«Господи и Владыко живота моего! Дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему. Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети мои прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

«Твоя от твоих, тебе приносящее о всех и за вся» — написано на символической Чаше в память Бородинского сражения в Спасо-Бородинском монастыре. В основании чаши лежат ядра от пушек, убивавших русских воинов, жертвенно приносивших на алтарь Отечества свои жизни. За Отечество и за «други своя».

И не понимают эти «патриоты», что их раздражение и гнев — это падение и осквернение сознания, что никогда истина не придет в дом и не будет царствовать и что это остервенение к врагам уничтожает в их крови фундаментальные основы русского национального сознания, связанного с просвященностью его Истиной, растворенной в крови Агнца.

«Не в силе Бог, а в правде».

«Милость и истина сретостся, правда и мир облобызастся. Истина от земли возсия, и правда с Небесе приниче».

«Ибо и Господь даст благодсть, и земля наша даст плод свой. Правда пред Ним предъидет, и положит в путь стопы своя».

Мы должны стремиться, чтобы нам оказаться участниками Воскресения Христова и, еще находясь в этом теле, перейти от смерти к жизни. Ведь для каждого человека, который меняется и становится из одного другим, конец — не быть тем, кем он не был. Но важно, для кого человек умрет и для кого будет жить: ведь есть смерть, ведущая к жизни, и есть жизнь, ведущая к смерти. И не где-то, а в этом переходящем веке можно обрести и то, и другое. И от того, как мы поступаем во времени, зависит различие вечных воздаяний. Да так и было в представлениях наших предков.

Удивительно, что в крови народа нашего продолжают сохраняться программы и коды идеологии бессмертия. Но мы видим, что они постепенно вытесняются духовной ленью, гордыней и водкой.

Исповедь Веры

Наступило время нашей встречи в больничном парке. Дни были еще короткими, хотя весна набирала силу. Сгущались сумерки, и становилось прохладно, зябко. В огромном больничном саду находилось несколько специали-

зированных корпусов, соединенных асфальтированными дорожками и пустыми аллеями. Листочки на деревьях стремительно зеленели. Березовые сережки висели гроздьями. Запах свежести был слышен со всех сторон.

Было безлюдно. Я направился к детскому корпусу. В здании вспыхивал желтый свет, а окна третьего этажа светились неоновым светом.

Я поискал взглядом окна гематологического отделения, где лежали Наталия и Илюша, и перекрестил их.

Жизнь в больничном парке замерла. Зажглись на столбах фонари, и я увидел Веру, стоящую у темной стены детского корпуса и наблюдающую за мной.

— Я боялась, что вы не придёте, — вместо приветствия произнесла Вера.

— Здравствуй, Вера, — сказал я и спросил: — Как ты себя чувствуешь?

— Здравствуйте, — ответила она, подходя ко мне, — хорошо, температура нормальная. Вы перекрестили окна, где лежит Илюша с мамой, да?

— Да, они ещё здесь.

— Так страшно жить, когда знаешь, что происходит такое. Когда я читала ваши записи про Илюшу, я плакала. И с тех пор я молюсь за него, — и, остановившись, она спросила меня: — А можно мне молиться за Илюшу?

— Почему нельзя, можно, — спокойно ответил я.

— Потому что я плохая, потому что у меня плохие мысли, а молитва должна быть чистой, — Вера отвернулась и глубоко вздохнула.

Я молча шёл рядом. Её взволнованность передавалась и мне.

— Я вас однажды видела в магазине, одетого, как сейчас, не в священнические одежды, — Вера переменяла тему, — так было странно смотреть. Знаете, бывает, известные стихи какого-нибудь великого русского поэта, переложенные на музыку, без музыки они уже не звучат. Вот так и вы, без ваших священнических одежд выглядите непривычно. Вы прямо срослись с ними. Посмотришь на вас — так и хочется вас одеть в ваши одежды.

— Зачем же ты просила меня приехать в мирском?

— Чтобы проверить своё впечатление, — Вера засмеялась.

— Проверила?

— Проверила, к вам не подойти, вы какой-то «намоленный», как говорят о вас ваши старушки.

— Ты не замёрзла, Вера? — спросил я и взял её руку — ледяная. — Ты замерзнешь и опять заболешь.

Вера повернулась ко мне, крепко сжимая мою ладонь своими холодными пальчиками.

— Я соскучилась по вам, — взволнованно произнесла Вера. — Без общения с вами, оказывается, очень грустно жить.

— И я скучал по тебе.

Она решительно смотрела мне прямо в глаза, сильнее и сильнее сжимая мою руку. Лицо её было бледное, тёмные волосы, брови и горящий взгляд подчёркивали его белизну.

— С тех пор как я вас увидела, — выпалила Вера, — вы стали моей идеей, моей каждодневной мыслью. Вы должны выслушать меня сегодня, обещайте не наставлять меня в сегодняшний вечер. На вас нет священнических одежд, и вы не можете меня наставлять. Побудьте сегодня простым человеком, мужчиной. Обещайте, обещайте мне это.

«Обними её, — сказал «другой» человек внутри меня, — обними и согрей одинокую, трепетную душу».

— Хорошо, обещаю, — сказал я и свободной рукой обнял Веру за спину и почувствовал её косточки под тоненьким плащом.

— Ты вся дрожишь, ты замёрзла?

— Нет, я не замёрзла, я боюсь, боюсь своих мыслей, — Вера была как в бреду. Мне показалось, что она ещё больна и у неё от болезни изменённое сознание.

— Вера, ты еще не выздоровела, а на улице прохладно...

— Вы обещали, — строго сказала Вера и ещё крепче сжала мою ладонь.

Я привлёк её к себе. Минуту мы стояли молча. Она почти не дышала. Только её сердце колотилось под моей рукой.

— Я вас люблю, — тихо произнесла Вера.

Я сделал движение, чтобы отстраниться от неё, но она прижалась ко мне ещё сильнее и заговорила торопливо, сбивчиво:

— Я вас люблю не за то, что вы очень красивы, а ваши священнические одежды как-то

особенно подчёркивают вашу красоту; не за то, что вы умный и так много знаете и всё можете объяснить, а за то, что вы для меня родной человек. До вас моя жизнь была лишена какого-либо смысла. Неосмысленная жизнь, понимаете? И ещё в ней присутствовал страх. Я была словно неприкаянная. Я не знала, даже когда окончила институт, что мне делать в жизни. Всё, чем я ни занималась, мне казалось не тем. Что-то должно быть другое, большое, настоящее. Я ждала этого настоящего. И потом, когда я к вам пришла, я поняла, что вы мой смысл, что я должна служить вам, помогать вам во всём, всё делать для вас. Понимаете, вы моя осмысленная жизнь.

Она поминутно вздыхала, и было видно, что ей трудно говорить всё это. Но также было понятно, что она тысячу раз высказала все слова в воображаемом разговоре раньше. И вместе с тем, когда она признавалась в своих чувствах ко мне, ей становилось легче. Она перестала дрожать и поглаживала своей ладонью отворот моего пальто. Счастье переполняло её от того, что она может делиться этим счастьем, потому что не делиться им было уже невозможно.

— Я почти уверена, что все мои мысли неправильны, даже преступны. Я не должна так думать. Вы облечены саном. Но то, что я чувствую к вам, не может быть небожественным чувством. Любовь посылает Бог. Ведь так, скажите? — она отстранилась и посмотрела мне в глаза.

«Не пропусти, — сказал во мне мой двойник, — ради этой минуты живёт человек, когда сама любовь заглядывает в его глаза. Она смотрит на тебя с такой открытостью, на которое только и способно это чувство. И если бы можно было умереть в эту минуту, то ты бы умер, унося с собой этот бесценный дар, который бы тебя соединил с Богом. Но ты слишком мелок для такого великого чувства, поэтому ты не умрёшь, а будешь жить, как живут все другие люди, теряя во всё новых и новых желаниях и привязанностях чувствительность к истине».

Вера смотрела на меня несколько секунд. Мне они показались долгими. Это были секунды, которые остаются в тебе навсегда, потому что открывается человек во всей своей потрясающей красоте.

«Это уже было со мной в каком-то месте, где-то на свете», — мелькнуло в моей голове. — «Почему же ты ещё не умер, почему ты не ушёл в лучший мир, однажды пережив это?»

«Потому что ты жалок и мелок», — настойчиво повторил мой двойник.

— Вера, да, Бог посылает любовь, — сказал я тихо и почему-то добавил: — а любовь призывает смерть.

Вера отстранилась от меня.

— Какие страшные слова вы говорите! — крикнула она. — Зачем, зачем я вас узнала! Я никогда не думала, что жизнь так ужасна. Не представляла, что так страдают люди, даже дети, которые должны быть счастливыми и испытывать только радость от этого счастья. Страдают матери. И вы весь этот ужас носите в себе, живёте этим ужасом жизни и описываете его. А я не хочу, не хочу, чтобы люди умирали. Чтобы весь этот ужас и смерть бросали тень на любовь, на рождение детей, на радость жизни...

— Я не об этом хотел сказать, Вера, — перебил я её, — я только хотел сказать, что у любви, как и у дружбы, есть болезнь, которая уничтожает её. У дружбы — зависть, а у любви — ревность. Эти болезни — плоды человеческих чувств, человеческих переживаний, не божественных. Возникшая любовь пытается себя защитить и сохранить для вечности и поэтому призывает смерть.

— Я вас не понимаю, объясните! — Вера не сводила с меня глаз.

— Человеческая любовь сильна, имеет большую энергию. Она жаждет обладать тем, кого она любит. Она испытала переживание слияния с любимым, которое привело её в состояние полного восторга. Она понимает, что большей близости и большего счастья не существует между людьми. И она переживает состояние абсолютного единства, словно две души сливаются и начинают существовать в одном теле. Она жаждет обладать настолько, что не хочет отпускать от себя любимого ни на одну минуту, из страха, что кто-то третий может прогиснуться между двумя любящими и разрушить блаженство. Испытав это однажды, человек просто не может жить дальше. Он должен умереть, не обязательно физически, он должен умереть для мира, для новых желаний и новых привязанностей.

— С этим я согласна, — перебила меня Вера, — но почему это только человеческая, а не божественная, как вы сказали, любовь?

— Потому что она несовершенна. Преследуя цель сохранить любовь, ревность способна подменить любовь ненавистью. Причём с такой же силой энергии. Поэтому так и говорят: «От любви до ненависти один шаг». Я бы перефразировал: от человеческой любви до ненависти. Понимаешь, Вера, о чём я говорю?

— Понимаю про любовь, а про ненависть не понимаю.

— Возненавидев любимого, человек ищет новой любви, чтобы вернуться в это состояние вечного блаженства. И в новых отношениях происходит то же самое. Но и на этом человек не останавливается. Потеряв любовь, ищет ещё и ещё до момента разочарования в любви. Он говорит, что любви вовсе нет. Это просто болезненный невроз и больше ничего. Но любовь определённо существует. Это некая таинственная, божественная реальность. Человек просто не знает, как в ней существовать, как её сохранить.

— А вы знаете?

— Знаю, Вера, но никому не могу передать эти знания.

— Передайте мне, — Вера опять подпала под влияние моих назидательных размышлений и уже готова была стать прилежной ученицей, но было видно, что она хочет другого — говорить со мной о простых человеческих вещах. — Передайте мне, — повторила она.

Мне тоже стало скучно от моих собственных теорий, но всё же я решил довести мысли до логического конца, в назидание.

— Единственное спасение любви — это церковный брак, в котором человеческая любовь просветляется божественной любовью, которая не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, во всё верит, всё покрывает, на всё надеется и никогда не перестаёт. Иоанн Златоуст где-то говорит, что первая любовь — это дар брака. Дал Бог любовь человеку, надо сочетаться браком и растить любовь в Истине.

Вера молчала. Она как-то притихла.

— Как вы это всё объяснили. Но почему люди так не любят друг друга? — произнесла Вера как-

то отрешенно. Она отпустила мои руки и медленно пошла вперед. Я молча шёл рядом.

«Ты смешиваешь жизнь и теории, которые никогда не пересекаются, — говорил во мне мой двойник, — ты только что заглянул в открывшуюся живую, трепетную жизнь и одним тебе известным способом вероломно закрыл её. И теперь идёшь, наполненный рецептами мудрости на все случаи человеческих отношений, самодовольный и противный. Неужели ты не понимаешь, что жизнь нельзя измерить логарифмической линейкой. Что мысли, высказанные некогда умными людьми, могут быть стереотипами и штампами, которые не только не приближают человека к истине, а, наоборот, отталкивают его от неё? Ты только что уничтожил жизнь».

— Вера, — сказал я, — прости меня.

Вера остановилась. Повернулась ко мне и произнесла:

— Я буду ходить за вами всю жизнь, буду вас ждать, буду вас потихоньку любить. Вы должны знать об этом.

— Прости меня, Вера, — повторил я, глядя в её наполненные слезами глаза.

Она обвила мою шею руками и всем своим худеньким телом прижалась ко мне.

— Не отталкивайте меня, я без вас погибну, — сказала она и побежала прочь.

Илюшино стояние

Позвонила Наталия. Отчаяние сквозило в ее голосе.

— Лейкоциты на нуле, по всему телу фиолетовые пятна. Приезжайте, мне страшно.

— Хорошо, я сейчас приеду.

В коридорах детской областной поликлиники, которая совмещалась с больницей, толпились люди, взрослые и дети. Я прошел по коридору и услышал, как один мальчик сказал своей маме:

— Боженька пришел.

Я поднялся на второй этаж по пустой лестнице и оказался в гематологическом отделении.

Меня встретила в коридоре взволнованная женщина.

— Батюшка, вы не благословите нашего

мальчика в больницу, в Москву? Мы срочно выезжаем через два часа.

— А где он?

— Здесь, в палате.

Я вошел в палату и увидел мальчика десяти-одиннадцати лет, сидящего на голой кровати с панцирной сеткой.

— Встань, встань! — скомандовала его мама.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Меня зовут Дима.

— Дмитрий, — поправил я и всматривался в его лицо — чистое, детское, очень нежное, с голубыми глазами, припухшими губами и прямым носиком. Благородное личико. И весь мальчик был стройный, красивый.

— Вы знаете, — обратилась ко мне его мать, — он у нас на конкурсе джентльменов занял первое место в школе.

Она угадала мои мысли.

— Так ты настоящий джентльмен?

Он пожал худенькими плечами.

— Едешь в Москву?

— Ну да, — он смущенно посмотрел на маму.

— Давай я тебя благословлю, чтобы все было хорошо.

Я взял в руки наперсный крест и перекрестил его.

— Бог тебя благословит, поцелуй крестик.

Он коснулся креста губами.

— Все терпи, не забывай, что ты джентльмен.

— Спасибо, батюшка, — его мама вышла со мной в коридор, — помолитесь за нашего Диму.

— Что ставят?

— Острый лейкоз.

— Помолюсь, обязательно помолюсь. Дай вам Бог терпения.

— А вы не можете нам дать ваш номер телефона, чтобы мы иногда...

— Конечно, запишите.

Она искала в сумке ручку и бумагу.

— Знаете, так бывает страшно одним остаться...

— Вы звоните, я буду молиться за вашего джентльмена.

Я шел к Илюше и думал, что я увижу сейчас?

Он лежал в своей кровати под простыней, такой же белый, с выцветшими губками. Темные глаза его были открыты, но он ни на что не реагировал. В катетер у ключицы поступала кровь из ламинированного пакета, висевшего

над кроватью. Наташа сидела рядом и держала его ручку, на которой виднелись маленькие сине-фиолетовые пятнышки. Увидев меня, она заплакала.

Я подошел к ним.

— Давайте молиться.

Я совершал молебное пение за больного, колени-преклоненно читал молитвы и все крестил и крестил чью-то кровь, висевшую над Илюшей. Я хотел, чтобы Господь вселил в нее животворящую жизненную силу. Наташа тоже встала на колени, не выпуская руку Илюши из своих рук. Кровь шла по трубкам капельницы коричнево-красная и попадала в сосуды мальчика. Мне казалось, что я видел, как она движется, сперва по большим сосудам, артериям, потом попадает в вены, спешит к капиллярам и питает клетки, которые начинают веселиться, радоваться, наполняясь жизненной энергией новой крови.

Закончив молебен, я ушел, а Наталия осталась стоять. Вечером она позвонила мне и сказала, что мальчик ожил, что врачи удивлены его анализам.

— Слава богу, слава богу, — повторял я в трубку.

Благотворитель

Заканчивалась первая неделя Пасхи. Я совершал молебен в нижнем храме. Молилось около семидесяти человек. Настроение было праздничное. Певчие пели тропари святым угодникам божьим. Молебен был водосвятный, читались Апостол и Евангелие, молитва на освящение воды.

Я увидел боковым зрением, как в храм вошел мужчина средних лет, крупного телосложения, в костюме с галстуком. Он купил целую охапку самых дорогих свечей и деловито переходил от подсвечника к подсвечнику, возжигая и ставя свечи. По всему храму, у всех икон вскоре горели свечи. Он не крестился. Остановившись, вглядывался быстрыми глазами, расположенными на довольно мясистом лице, в образ и картинно ставил на подсвечник свечи. Было видно, что это руководитель, лидер, хозяин жизни и человек не бедный. На-

род, собравшийся в церкви, он, казалось, не замечал.

Это был Макенский, вице-президент Александровского банка Москвы. Я узнал его не по внешности, а скорее догадался, что это он. Разглядеть в этом широкоплечем, мощном человеке, весившем не менее ста двадцати килограммов, того худенького мальчишку — Маккену (таково было его прозвище), который робко двигался по рингу, было очень сложно. Закончив тайнство, я вышел к нему.

— Борис Николаевич! — я назвал его по имени и протянул руку для приветствия.

— Да, это я, — благостно улыбаясь, протянул мне Макенский крупную, но очень мягкую ладонь. — Узнал меня?

— Узнал, но не по внешности, по-другому.

— Как это, по-другому?

— Большой человек виден сразу, издали.

— Я тебе денег привез, — Макенский полез в боковой карман пиджака и извлек приготовленный конверт. — На, держи.

— Благодарю, — немного смутившись, произнес я, принимая конверт, — нам деньги нужны.

— Молодец, красивый храм получается, русский. Будем помогать по мере возможности, — заверил Макенский убедительно и строго. — Чем собираешься крыть купола?

— «Купола на Руси кроют золотом, чтобы чаще Господь замечал», — улыбнувшись, процитировал я Высоцкого.

— Это правильно, молодец, — он был доволен не только собой, но, видимо, и мной.

— Я о моей просьбе хочу сказать, — посерьезнев, заговорил Макенский.

— Да-да?..

— Мама умерла год назад. Похоронена здесь. На нашем кладбище. Я приехал из Воронежа и остановился у сестры. Мы сможем завтра на могилке отслужить молебен?

Служить надо было заупокойную службу — панихиду. Макенский не разбирался в обрядовой стороне православия.

— Борис Николаевич, скажите время, я подъеду, как вам удобно.

— Давай встретимся у ворот кладбища в одиннадцать часов дня. Подойдет?

— Договорились. Я буду непременно.

— Хорошо, молодец, Женька. Ничего, что я так тебя, а то тут народ божий?

— Ничего, ничего. Юность — это планета, в которой остается все, как прежде. Мы были открыты, просты, искренни, бедны, и от всего этого мы были счастливы.

— Ты прав, молодец. Ну, давай, давай. А то тут у тебя люди, я вижу.

Мы крепко схлестнулись ладонями и обнялись.

— До завтра, — сказал Макенский с чувством и направился к двери. Я вошел в алтарь и вспомнил о конверте. Посмотрел: в нем лежало сто тысяч рублей.

— Слава тебе, Господи, не оставляешь храм без попечения. — Я положил земной поклон Престолу: — Здравия и спасения рабу твоему божьему Борису со сродниками, а матушке его вечная память.

На следующий день я приехал на кладбище. Весеннее солнце пригревало все сильнее, и дворики могил, украшенные разноцветными яркими бумажными цветами, пестрели по всему кладбищу. Дорожки, присыпанные песком, создавали ощущение чистоты, прибранности, казалось, что ни одна могила не осталась без заботы живых людей. Оградки были покрашены новой краской, около чистых памятников лежали пасхальные яйца, конфеты, куличи. Гнетущая атмосфера погоста исчезала в дни великого праздника Пасхи. Никто не плакал у могил своих близких. Даже матери, похоронившие детей, не сидели у надгробий и не проливали слез, как они это делали в течение всего года. В предпасхальные дни они украшали могилки, а в дни праздника переживали в утомленном сердце то неясное, но устойчивое чувство надежды на скорую встречу, которую обещает воскресший Спаситель, победивший смертью смерть. Это живое чувство причастности к великому событию мировой истории, перевернувшему мир, неискоренимо из сознания русского человека. Он может этого не понимать в полной мере, может быть, не сумеет рассказать, если вы его спросите, для чего он приходит поклониться могилам своих предков. Но чувством он знает, что человек только гость на этой земле и те люди, которые жили здесь прежде него, уже ушли

в другой, более светлый мир, что придет и его черед расставания, но и радостной встречи. Это мироощущение русского человека было бы невозможно без присутствия в мире становящегося смысла — церкви Христовой, которая, существуя в двух реальностях, плывет, как корабль посреди моря житейского, и спасает тех, кто желает спастись. В Европе и Америке в обществе не принято говорить о смерти. Это считается дурным тоном. Неприлично вспоминать о том, что вселяет в человека животный страх. А наши православные святые в один голос восклицают: «Думай о смерти и вовек не согрешишь».

С самого детства я любил эти сладостные солнечные дни таинственного единения людей — живых и мертвых.

Во вторник следующей недели сюда снова будут стекаться люди, чтобы памятью соединиться со своими родными и близкими. Исполнив свои благодарности, они принесут символы своей веры и надежды — крашенные яйца и куличи как напоминание освобождения человека от рабства греха и смерти.

Всенародное шествие на кладбище в Великие дни светлой седмицы от Пасхи до Антипасхи и Радоницы не смогли остановить или прервать ни времена гонений на Церковь, ни идеология социализма и коммунизма, звавшая человечество к «светлому будущему», земному Раю без Христа. Это единственное несанкционированное шествие, которое не нужно было организовывать. Оно рождается и живет в сердцах людей, движимых к разгадке смысла бытия человека. Кладбище в Пасхальные дни — это как раз то место, где проведена черта временного и вечного, где возвеличивается и возвышается всякий человек: раб и владыка, царь и нищий, богатый и убогий — все стоят в равном достоинстве, потому что у Бога нет лицемерия. Но каждый в сознании живых возрастает памятью и верой до масштаба вечности, бессмертия. Теплом и живым единством согреты эти дни манифестации и демонстрации победы жизни над смертью. И даже сейчас, когда в головах и сердцах людей остались только отблески от веры отцов наших, можно почувствовать свободу русского человека, его бесстрашие перед лицом последнего врага человека — смерти. Таких людей нельзя было

поставить на колени, их можно было только уничтожить. Отсюда такие масштабные, кровавые жертвы в двадцатом столетии.

Меня встретила сестра Макенского, и я молча пошел за ней. Его джип с открытым багажником стоял неподалеку от могилы родителей. Небольшая кучка людей находилась в оградке. От нее отделился Макенский и пошел нам навстречу. Каркали вороны, набегал ветер, который то приближал, то отдалял это тревожное карканье.

Мы обнялись. Он был подчеркнуто серьезен.

Служба прошла сухо и сдержанно. Он пригласил меня остаться, помянуть. Я откланялся.

— После Пасхи я тебя найду, — сказал мне Макенский, прощаясь.

Я отправился к своей маме.

Крест из черного гранита на могиле возвышался и звал меня к себе. Я вошел в ограду, перекрестился и поцеловал крест, на камне которого были высечены слова из Никодима Святогорца: «Живи, как бы ежедневно умирая. Скоро пройдет жизнь твоя, как облачная тень перед солнцем».

Я собрал с гробнички серую траву, которая успела высохнуть и запылиться.

— Все идет хорошо, моя дорогая мама. Если ты слышишь меня сейчас, то прошу, помолись за своего внука Ивана, чтобы Господь дал ему силы и чистоту разума.

Я верил, что природа должна взять свое. Не было в нашем роду ни пьяниц, ни убийц, ни казнокрадов...

Отслужив заупокойную литию, я пошел к машине, как вдруг зазвонил телефон.

— Батюшка, отец Евгений, это мама Димы, которого вы благословили в Москву. Помните, в больнице?

— Да-да, я помню вашего джентльмена.

— Помолитесь за нашего Диму, у нас очень плохие дела, — она заплакала в трубку.

— Помолюсь, обязательно. Поусерднее помолюсь.

— А можно мне иногда вам звонить?

— В любое время дня и ночи.

— Спасибо. Помолитесь за Диму.

— Хорошо, поправляйтесь и верьте, что все будет хорошо.

Убитая простота

Я подходил к храму.
— Батюшка! — услышал я окликнувший меня голос и оглянулся.

Это была наша прихожанка Анна, старенькая, но живая и все про всех знающая бабулечка.

— Слышали новость? — шамкая губами, спрашивала меня эта маленькая старушка, как спрашивает человек, который хочет сообщить о развязке интересующего всех дела.

— Нет, — с искусственным любопытством ответил я.

— Свету убили.

— Какую Свету? — переспросил я, посерьезнев, но ответ уже прозвучал в моей голове.

— Нашу Свету, болящую.

— Кто тебе сказал?

— Мария Михайловна. К ней приходили следователи, показывали карточку убитой и спрашивали, знает ли она ее. Она ответила, что знает, и рассказала им, что это больная женщина, ходившая в наш храм. Не сойти мне с этого места, она поведала мне, что это настоящее убийство. Под головой, на карточке, она увидела большое кровавое пятно. А следователь вроде проговорился, что на теле убиенной почитай восемь ножевых ранений под грудь, в шею и что по голове проехали колесом легковой машины.

— Неужели это правда? Какой страх и ужас! Матерь Божья! — произнес я, оторопев.

— Правда, истинная правда, — мать Анна перекрестилась в подтверждение своих слов.

— Бедная, бедная Света! — я представил эту картину убийства несчастной, и холод пробежал у меня по спине.

— А где это все случилось?

— А вон там — в лесу, — Анна повернулась и, морщинистой рукой поправляя платок, указала сучковатой палкой, с которой никогда не расставалась, в сторону леса, — за крайними заводскими общежитиями.

Это было в двухстах метрах от храма, за больницей, в красивейшем сосновом бору, где я знал каждое дерево и каждый пенек — здесь прошли мое детство и юность. Я вглядывался в кроны качающихся сосен, и картины прошлого проносились в моей памяти.

— Вот в этом лесу ее и убили, — нарушила молчание мать Анна.

— А кто убил? Их еще не арестовали?

— Пока никто ничего не знает, — заговорщически прошепелявила бабушка, — но скоро все будет известно, — заверила она.

Я направился в храм. Все только и говорили об этом убийстве.

Вспомнилось событие, которое случилось в моем детстве. Однажды наш поселок облетела весть о том, что на этом же самом месте, между больницей и третьим участком, около дикой яблони, ночью разбойники сняли часы с женщины. Женщина не пострадала, только сильно испугалась. Я помню свои детские впечатления, как всем было страшно от этого невероятного события и от того, что такое могло произойти в нашем районе. Всех интересовал один вопрос: кто этот человек и как он мог такое совершить?! Как все переменялось...

Три дня назад в храме Светлана тихонько подошла ко мне на исповедь и ласково с улыбкой говорила, почему-то называя меня не как священника отцом Евгением или батюшкой, а по имени и фамилии:

— Евгений Седогин! Это я, Светлана, — она смотрела мне в глаза. — Ты же не можешь меня не помнить?

Она улыбалась широкой, открытой, хмельной улыбкой.

— Ну, вспоминай, Евгений Седогин, — она прикоснулась к моей руке, — ты отпел моих Анатолия и младенца, моего сыночка Александра. На Жуковского, в общеаге. Утопленники, помнишь?

Я внимательно поглядел на нее.

Вся картина полностью предстала передо мной.

...Это было кирпичное пятиэтажное общежитие для людей, которые приехали из деревни работать на тракторном заводе. Комнатки-девятиметровки с общим туалетом в длинном, тесном, плохо пахнущем коридоре, захлавленном железными ящиками для картошки, детскими колясками, велосипедами, бельевыми веревками с развешанными на них пеленками. Простые, всегда пьяные работяги-мужчины, а сегодня

трезвые и суровые, стояли рядом с женщинами, своими женами и соседками, у одного из домов и ждали, когда приедет из морга катафалк. И в этой толпе — обезумевшая женщина в черном платке, повязанном просто, по-деревенски. Молодая, по-бабьи крупная, она выла от горя, едва держась на ногах, и ей подносили нашатырь на салфетке, чтобы не потеряла сознание.

Она ждала из морга своего любимого мужа и четырехлетнего сына, которые на ее глазах утонули в реке. Муж был старше ее на тридцать лет. Человек он был серьезный, непьющий, работающий. Она полюбила его, и у них родился сын.

Третьего дня он сидел на берегу с удочками и рыбачил.

Она пришла к нему с четырехлетним сыном и не углядела за ним. Мальчик упал в воду с крутого берега. Муж бросился его спасать. В этом месте, на повороте, сильное течение и водовороты. Ребенка снесло. Отец нырял, разводил руками, искал и, выбившись из сил, утонул сам.

Рядом со мной стояла Светлана — та самая женщина, обезумевшая от горя.

— Ну вот, вспомнил? Это я, Светка.

— Бедная Света, это ты?

— Я, Седогин, — она радостно улыбалась, — ты отпел моих любимых. Я сейчас пойду к ним. Я каждый день хожу, убираюсь и разговариваю, разговариваю с ними. А дай мне пятьдесят рублей — я им цветочки куплю.

Я дал ей денег.

— Пошла, Евгений Седогин.

И она, оглядываясь и радостно улыбаясь, направилась к выходу.

— Может быть, это он ее убил? — подумал я про того парня, который всегда был с ней, — по крайней мере, я знаю его в лицо.

На другой день выяснились все обстоятельства убийства. Мне рассказала о них Клавдия Михайловна, моя верная помощница с самого первого дня строительства храма. Это была полноватая женщина преклонных лет, строгая и категоричная, любившая правду и говорившая ее прямо в глаза. Её русская душа обладала каким-то непостижимым мерилом правильного отношения ко всему. Она не терпела фальши, лукавства и позерства.

— Это правда, говорят, — обратился я к ней с вопросом, — что с такой звериной жестокостью убили Свету?

— Брешут, батюшка, не верьте, — отмахнулась Клавдия Михайловна, — на резвого коня впереди яма приготовлена, — отрезала она. — Когда же они набрешутся-то?! А дело было так: Светка сидела в лесочке с двумя женщинами и одним ухажером из соседнего дома, из общаги. Заспорили из-за пива. Она стала с этим ухажером скандалить и пошла на него с кулаками. А он чем-то тяжелым, по пьяни конечно, проломил ей макушку. Правда только то, что, когда ее приподняли, перевернули, положили лицом кверху, то увидели, что много крови вышло.

— Его арестовали?

— А он и не отказывался. Говорит, что, дескать, хотел ее остановить, потому что она каралась.

— Думаю, он не хотел ее убивать, — заключил я.

— Да, конечно, не хотел. Он до армии был парень очень положительный. А пришел из армии, стал выпивать, нигде не работал. Бес-то он тут как тут, подстерег.

— Знаешь, Клавдия Михайловна, — с уверенностью сказал я, — она искала, где ей умереть, и, по-моему, нашла.

Клавдия Михайловна не поняла меня. А я не стал объяснять, что имею в виду.

— Нашла, а то как же, — возбужденно заговорила она. — Мать от нее отказалась. Она же и день и ночь пьяная. В квартире наделала пожар, жила в обугленных стенах, срам для молодой женщины, — и, помолчав, добавила, — врачи сказали, что жить ей и так оставалось недолго. Печень разложилась вся, цирроз, — заключила мать Клавдия.

— Хоронить-то на какие шиши, — размышляла дальше Клавдия Михайловна, жалея сразу всех. — Тридцать тысяч нужно для того, чтобы только одеть покойницу. Мать все же дала средства, и соседи подобрали деньжонок.

— Скажи, мать Клавдия, пусть привезут в храм, я ее отпою.

— Хорошо, батюшка, передам, — благослови меня, буду читать у гроба.

Я перекрестил ее. Она добавила:

— Отпой ее, батюшка, сам. Она же наша.

— Наша Света, Клавдия Михайловна, наша... Отпою.

Но мне не суждено было отпеть Светлану и проститься с ней. Утром я ехал на службу, и в машине случился сердечный приступ. Я не годился служить, пришлось возвращаться домой.

Говорили, что лежала она в гробу почему-то в красном платке, спокойная и красивая.

Весь народ пришел проводить ее в последний путь, в нижнем храме было не протолкнуться.

Похоронили ее рядом с мужем и сыном.

Русский барин

Макенский нашел меня во вторник, на Радоницу. Он приехал вместе с Пыжовым на своем джипе с водителем. Служба отошла. Люди разошлись. Работы в праздник были остановлены. День был солнечный и теплый, один из тех дней, которые наполнены неизъяснимой радостью присутствия живого Бога.

Мы остановились у плит перекрытия, сложенных на стройплощадке, и Макенский попросил водителя «накрыть поляну». Завязался разговор. Мы вспоминали события нашей юности, погружаясь в счастливое, беззаботное время, которое вселяло в нас радость и доверие к жизни. Дорогой коньяк способствовал нашему погружению в прошлое. Макенский наливал и наливал стаканчики, говорил не отстраняваясь, щеки его розовели, было видно, что жизнь его удалась. Он несколько лет был главой администрации города-миллионника, потом — заместителем министра, а вот теперь — вице-президент Московского банка. Доктор наук, за плечами которого два института и аспирантура.

Пыжов был немногословен. Его прошлое научило его осторожности. Он владел в городе сетью ресторанов, казино и боулинг-клубов. Его машину взрывали на автостоянке несколько лет назад, в него стреляли, но он выходил невредимым. Плотного телосложения, большеголовый, с глубоко посаженными глазами, коренастый, он обладал природной силой и был по-мужички здоров. Я вспомнил, как в спортивном лагере на ринге он в боксёрских перчатках ударил сверстника. Тот упал и получил сотрясение мозга. Речь Пыжова была косноязычна, но в этом косноязычии отра-

жалась связь с реальной жизнью, и обороты его речи казались от этого тяжеловесными.

— А мы встретились с Макенским, — говорил он мне. — Ну, чего, стали рассуждать. У меня мать похоронена здесь, на нашем кладбище. У него мать и отец тоже здесь лежат. Я говорю, давай поставим часовню рядом с кладбищем. Он согласился. Пошли к вашему владыке, чтоб благословил, а он говорит: «Часовня не нужна. У вас там храм строится, в нем за людей молятся, и за ваших родителей там будет идти молитва. Вот этому храму и помогите». Так мы к тебе и пришли. Мы тебе поможем. Макенский, поможем?

— Мы тебе построим храм, — твердо сказал Макенский, — давай выпьем за это.

И мы снова выпили. Я начал соображать, что у меня нет такой подготовки к алкоголю, как у моих спонсоров, но радость и надежда повредили моей бдительности, и вскоре я почувствовал зыбкость существования. Я оглядывался по сторонам, помня, что я священник, что проходят люди вдоль забора стройплощадки, что они меня узнают и многие приостанавливаются, складывают руки для благословения и просят их на расстоянии благословить. Я, изо всех сил сохраняя равновесие, крещу пространство и кланяюсь. Вдруг на территорию стройки направилась молодая женщина с коляской, идя прямо на меня... Макенский сделал несколько шагов ей навстречу.

— У вас есть деньги на питание ребенка? — спросил он смутившуюся женщину, которая пожалала плечами.

Макенский достал бумажник из кармана пиджака, извлек из него пятитысячную купюру и протянул женщине.

— Возьмите, это на питание вашему ребенку.

— Ну зачем вы, — робко ответила женщина и посмотрела на меня.

Я показал ей знаками, чтобы она не отказывалась. Она взяла, поблагодарила и, забыв, зачем шла ко мне, развернула коляску, чтобы торопливо удалиться.

— Спасибо, спасибо тебе, щедрый русский человек, — с чувством сказал я Макенскому.

— Русский народ беден, — ответил Макенский, — потому что ленив и невежествен.

Закончился коньяк. Макенский пошел к

своей машине и принёс в руках зеленый бархатный мешочек, перевязанный золотистой веревочкой.

— Это виски девятнадцатилетней выдержки, хотите попробовать?

— Всякий человек подает сперва хорошее вино, когда напьются — тогда худшее. А ты хорошее вино сберег доселе, — автоматом произнес я.

— Сберег, сберег, — сказал Макенский и отвернул голову пузатой бутылке.

Мы еще выпили.

Макенский начал читать стихи:

*Село, значит, наше — Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.*

Он читал с русским размахом и пафосом. Он любил всё русское и жалел.

*Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодию
Рассажены тополя.*

*Мы в важные очень не лезем,
Но все же нам счастье дано.
Дворы у нас крыты железом,
У каждого сад и гумно.*

*У каждого крашены ставни,
По праздникам — мясо и квас.
Недаром когда-то исправник
Любил погостить у нас¹.*

— Серега, Сережка! — с чувством произнес Макенский. — Настоящий русский поэт! Любил Рассею и страдал за неё.

Потом Макенский и Пыжов стали что-то выяснять друг с другом, вспоминать прежние обиды и недоразумения. Видно было, что Макенский заискивает перед своим другом.

«Ничего не изменилось со времен нашей юности, — подумал я. — Русскому человеку нужна сила, нужна крепкая рука. Только тогда он проникается уважением к собеседнику или власти и смиряется. Не страх божий, а челове-

ческий ближе его менталитету».

— Вот сколько ты тратишь денег в месяц на свое житьё-бытьё? — заинтересованно спрашивал Макенского Пыжов.

— Десять тысяч долларов мне вполне хватает, — с гордостью отвечал Макенский. — Тренажерный зал, сауна, хорошая качественная еда, одежда от кутюр — вот, пожалуй, здоровый образ жизни уважающего себя человека.

Я подумал, слушая Макенского, что если бы он один месяц пожил на зарплату пенсионера в нашей стране в пять тысяч рублей, а десять тысяч долларов пожертвовал на храм, то я бы поставил иконостас.

— А ты сколько тратишь? — продолжал Макенский, обращаясь к Пыжову.

— Как масть пойдет, как карты сложатся, но не меньше твоего. А «подушка безопасности» у тебя есть?

— Есть, — отвечал Макенский, — я думаю о своей семье. На счетах жены и сына лежат бабки, хватит им и их внукам останется.

— Молодец, это я уважаю.

У меня зазвонил телефон. Я отошел от Макенского и Пыжова в сторону. Звонок был из Москвы от мамы джентльмена Димы, который уехал в московскую клинику.

— Отец Евгений, нет больше нашего Димы, — она неутешно плакала в трубку, — умер Дима. Помолитесь, помолитесь за упокой его души, пожалуйста.

— Помогите вам Господь и Божья Матерь, — говорил я в трубку.

Кроме рыданий ничего не было слышно, и звонок прервался.

Я повернулся к храму, перекрестился.

— Господи, прими невинную душу отрока Димитрия, а родителей его утешь, Господи.

Макенский и Пыжов продолжали горячо спорить. Водитель скучал, поглядывая на своего шефа.

— Я слежу за своим здоровьем, — говорил Макенский Пыжову, — спорт, здоровое питание, ежегодное медицинское обследование и хороший секс.

— Давайте выпьем, — предложил я, — за дружбу. Человек силён друзьями.

¹ Стихи С. Есенина.

— За дружбу!

— За дружбу!

И мы допили зрелый виски до дна. Я не заметил, как уехал Пыжов. Макенский вел меня к машине. Водитель усаживал его на заднее сиденье, но Макенский отстранил его, встал передо мной, достал из кармана уже известный бумажник, извлек из него все деньги, которые в нем были, и протянул их мне.

— Возьми и строй, — сказал он, — только помни: на Руси купола кроют золотом.

Он обнял меня, большой, размякший, теплый человек, и уехал. Я пошел к храму, сжимая в руке его деньги, на стройке споткнулся и упал, деньги веером рассыпались на песок. Стоя на коленях, я собирал пятитысячные червонные купюры. Утром, при счете, их оказалось триста пять тысяч.

...На другой день очень болела голова...

Наталино горе

На сердце не было покоя, я поехал к Илюше. Он был плох.

Наталья вышла в коридор и осторожно прикрыла дверь. Илюша спал.

— Я совсем вас замучила, — говорила она плача, — но мне так страшно. Мы здесь никому не нужны. У меня уже складывается мнение, что врачи нас избегают. Четыре месяца в больнице, и никаких результатов. А вчера, представляете, лечащий врач намекнула мне, что, может быть, нам уже пора выписываться из больницы домой.

— Как он? — спросил я.

— Илюша совсем сник, я уже не могу видеть его смиренные страдания, — Наталья плакала навзрыд. — И самое ужасное, что я, мать, бессильна. Подскажите, что мне делать, как нам дальше быть?

— Бог милостив, не отчаивайся, — говорил я, но чувствовал, что нет силы в моих словах.

— Соседка из второй палаты мне говорит, — продолжала Наталья, — зачем ты зовешь священника. Оставь, дескать, все как есть, не вмешивайся. А то он, говорит, молится и только продляет мучения твоего сына.

— Ты сама-то что думаешь? — осторожно спросил я.

— А может, она права, — заключила Наталья.

Я раздумывал, не зная, что ей ответить. Потом вдруг вспомнил случай, который произошел со мной в первые годы моего священства.

— Знаешь, — прервал я молчание, — когда я был молодым священником в начале девяностых и служил в кафедральном соборе, за мной на иномарке (тогда это была большая редкость) приехал молодой мужчина. Он был сильно взволнован. Просил меня, по благословению архимандрита Петра из монастыря, перекрестить его семимесячную дочь в реанимации детской больницы. Взяв крестильный ящик, я отправился с ним.

В реанимации в лоточке под стеклянной выпуклой крышкой лежал младенец. Трубочки и провода помогали ему выживать. У него был диагноз: аневризма сосудов головного мозга. Я перекрестил девочку, как мог в таких сложных условиях, полным чином, потому что я знал, что у меня есть время. Потом ее отец привез меня обратно в собор. Через два дня он приехал просить меня причастить ее. Я почти не думал тогда, как мне это сделать. Сейчас существуют специальные маленькие чаши для детей, которые герметично закрываются для транспортировки. В те времена таких чаш не было. Я взял тигри с маленьким количеством Христовой крови, накрыл его покрывцом, уселся в кабину машины и держал в обеих руках, чтобы не расплескать. Младенчика Анну, таким именем мы её нарекли, причастили, а через день приехали ее соборовать. Я попросил пропустить в реанимацию ее мать, чтобы совершить таинство над ней и ее маленькой дочерью. Точно так же я соборовал тебя и Илюшу. Пока я молился, мать плакала, увидев свою девочку в таком состоянии. А молодая женщина-врач в очках ходила по реанимации и говорила мне, когда я разоблачался, что это все бесполезно: взрослый может выздороветь теоретически, а ребенок выздороветь не может даже и теоретически. Но я делал что должно, не обращая внимания на ее слова. Наверное, тогда, в начале своего пути, я был неискрушенный, более чистый человек. Сейчас мне даже кажется, что к тем событиям я как человек не имею никакого отношения. Я был уставшим от суеты священником, который на людей уже никак эмоционально не реагировал, а просто

почти механически совершал таинства одно за другим, одно за другим. И, видимо, в какой-то момент Бог проливал куда Он сам хотел свою благодатную животворящую энергию, и происходило чудо. Подобных событий было несколько в моей священнической жизни.

Я окончил таинство, но продолжал молиться за маленькую Анну. Помню, вскоре после этого я уехал на сессию в Московскую семинарию, сказав детям Воскресной школы поминать о здравии в своих утренних молитвах младенца Анну. Каково же было мое удивление после возвращения из Троице-Сергиевой лавры, когда я увидел Элизбара — так звали отца девочки. Он шел ко мне навстречу совершенно спокойный и даже радостный. «Как дочка?» — спросил я его. «Перевели в общую палату, она лежит с мамой», — он с чувством пожал мне руку и, вздохнув, спросил, когда ему можно прийти исповедоваться.

Я назначил ему день. Дело в том, Наташа, что его правая рука, я это давно заметил, была похожа на пяточку. Суставы кулака были смяты настолько от многочисленных ударов по спортивным снарядам или по чему-либо еще, что совершенно утратили естественный рельеф.

Исповедь была мужественная. Он много согрешал и насилием, и жестокостью.

Сейчас девочка выросла, учится в школе. Мать работает преподавателем, а отец возглавляет частное охранное предприятие, а по воскресным дням приходит в церковь. Понимаешь, Наташа?

— Я поняла, — тихо ответила она.

— Я могу ошибаться, потому что это никак нельзя доказать. И это могут быть просто слова. Но существует какая-то связь, зависимость жизни наших детей от нашей жизни, от наших поступков. Можно со слезами переживать болезнь своего ребенка, но эти переживания ничему не помогут, потому что они недействительны. Действенно только состояние самосознания, и от видения своих грехов — искреннее покаяние, — подытожил я.

— Простите меня, я дура, — сокрушенно сказала Наталия. — Вы помолитесь за нас?

— Помолюсь.

Мы договорились, что я приеду на следующий день.

Ночью Илюши не стало.

Утром заворочался на прикроватной тумбочке мой телефон. Звонила Наталия. Она сказала тихим уставшим голосом:

— Нет больше Илюши, — и отключила трубку.

Много я повидал смертей за свою священническую жизнь. Они касательно прошли через мою судьбу. Но здесь было другое. Я привязался к этой семье, приняв их как близких. Я решился на борьбу с силами зла и провалился. В этом умершем мальчике с темными, большими, взрослыми глазами было нечто такое, что повергло меня в состояние отчаяния и тоски. Я должен был признать свою беспомощность. Мне казалось, что он смотрит на меня из угла и как бы говорит: «Я надеялся на тебя, я сильно хотел жить, почему ты не смог помочь мне выздороветь?» Зияющая пустота навалилась на меня. Весь день я старался не думать об этом, но он преследовал меня, смотрел и говорил: «Зачем ты приходил ко мне, если ты не мог запретить смерти?»

К вечеру состояние мое стало невыносимым, и я решил пойти к отцу Владиславу.

Отец Владислав

День прибавлялся, но все еще рано темнело. Часы показывали восемь тридцать вечера. В доме, где жил отец Владислав, горел свет, но окна батюшки на втором этаже были темными. Я знал, что он дома. Просто отец Владислав не любил незваных посетителей, поэтому не включал свет. Спать ложился рано, обычно в девять часов вечера. Телевизора у него не было. Единственной его страстью была классическая музыка. Он любил то, что хорошо знал. Батюшка мог бы быть выдающимся пианистом — так выделялся своими способностями в музыкальном училище, которое окончил. На четвертом курсе он виртуозно исполнял третий концерт Рахманинова, и все прочили ему блестящую карьеру. Будучи человеком талантливым, он не мог пройти мимо красоты православия, которое пленило его своими формами. Позже оказалось, что он не бездарен и религиозно. Женился рано. Став иереем божьим, забросил все светские занятия и предан служению во всей полноте.

Жена его, так называемая матушка, родив дочь, сбежала, не выдержав переводов мужа-священника из одного сельского прихода в другую. Оставив пятилетнего ребенка на руках отца, связалась с каким-то проходимцем, забеременела от него. Когда пришло время родить, он ограбил квартиру и исчез неизвестно куда. Мать, родив ребенка, отказалась от него и оставила бедного младенца в родильном доме. Так как она с отцом Владиславом была еще не разведена, батюшке пришлось пройти через унижительную процедуру отказа от ребенка.

Церковь он любил. Любил богослужение, но многое в жизни церкви огорчало его. Он был разочарован не в ее глубинных, благодатных и истинных формах, а в тех отношениях, которые у нее сложились с людьми. Непонимание красоты православия современным человеком глубоко оскорбляло его. Это касалось прежде всего отношения интеллигенции, да и народа к церкви. Единственным сокровенным утешением для него оставалась музыка, которую он некогда отверг как «праздное и бесполезное занятие».

Я постучал в дверь. Послышалось шарканье по полу, и глухой голос спросил:

— Кто там?

— Это я, батюшка.

— Сейчас.

Он так же пошаркал. Потом с минуту было тихо. Наконец дверь отворилась.

— Христос воскрес! — с подчеркнутой радостью, но тихо сказал я.

— Воистину воскрес! — ответил отец Владислав. Мы протянули друг другу руки и прикоснулись щетинистыми щеками. — Проходите, проходите, — он пропускал меня в темноту коридора. — Никого не ждал в такой поздний час.

— Простите меня, что без предупреждения, — оправдывался я, продвигаясь по коридору, — но телефон ваш не отвечает.

— Что-нибудь случилось? — обеспокоенно спросил он, на ходу завязывая поясok подрысника.

— Ничего не случилось, — уклончиво ответил я, — просто зашел поговорить.

— Слава богу. Однако любопытно. Хотите чаю?

— Нет, благодарю, — отказался я, — не будем

терять времени. Я знаю, вы не любите продолжительных разговоров.

— Это правда, — сказал он, — присаживайтесь. Быстро утомляюсь. Можно вас попросить не включать свет. Беспорядок так меньше виден.

— Мне все равно, — согласился я, располагаясь на диване, с которого он сбросил на пол какие-то вещи.

— Слушаю Владимира Горовица и потом засыпаю. Гениальный пианист. Как великолепно он исполняет Рахманинова! Он достиг абсолютной свободы. Владеет одинаково музыкой и инструментом. И я все время думаю об одном и том же, об одном и том же: чтобы владеть музыкой, ее надо понимать. Вопрос краеугольный — о понимании. Если музыкант не понимает произведение композитора, он не может его транслировать людям. Если он его не понимает, он не владеет им. Оно властвует над ним и делает из него неумеху. Это все равно что читать незнакомый текст, не улавливая смыслов. Помните, когда мы учились читать Апостол?

— Да, хорошо помню.

— Вот. Если предварительно не разберешь смыслы, текста нет. Размыт или мертв. Так и в музыке. Вы меня понимаете?

— Понимаю, — оживился я, — и очень даже хорошо. И я мог бы вам сказать о понимании в более широком смысле слова.

— Это интересно.

— Вы очень метко через отношение к музыке выразили мысль. И я убежден, что существует миф непонимания, который поддерживается многими ограниченными людьми в России. Он состоит в том, что Россия — непостижимая страна. Что у неё существует некая предопределенность судьбы, что Россия не понятна не только западному человеку с его рации, но и для самого русского народа она является загадкой. Я думаю... Не знаю, согласитесь вы с этим утверждением или нет, но этот миф о непостижимости России питает, поддерживает наш внутренний хаос.

— Внутренний хаос, — повторил отец Владислав, не вдаваясь в смысл сказанного. Он находился в своих недавних впечатлениях от Горовица. — И я его очень хорошо понимаю, когда он закрылся на двенадцать лет и не выходил не только к публике, но даже из собственного до-

ма. Ходили слухи, что Горовиц сошел с ума. Два года он не спускался со второго этажа своего американского дома, сидел как под арестом. Я думаю, что это была проблема непонимания. Публика не понимала того, что он хотел сказать ей через музыку, и он очень от этого страдал. Да, еще, я думаю, он усугубил свой кризис тем, что укорял себя за невозможность играть так, чтобы его услышали и поняли. Но так, как он исполнял музыку в двадцатом столетии, как понимал ее, владел всеми ее формами, никто, никто больше не мог понимать.

Отец Владислав посмотрел на меня.

— Этим он близок мне, думаю, что и вам. Трудно донести живое слово, чтобы оно попало на благодатную почву и пустило корни. Но я, кажется, перебил вас. Да, простите, — спохватился батюшка, — жена, жена спасала его, не отлучаясь, все эти двенадцать лет. А я, прости Господи за ропот, сижу один в своей берлоге, и вот вас принесло.

Я невольно улыбнулся.

— Да, а когда он решил все-таки выйти к людям в Карнеги-холл, назвав это «первой репетицией», публика неистовствовала. Стояли и день, и ночь, чтобы получить входной билет. Он шел в сопровождении жены сквозь толпу. Кто-то крикнул: «Горовиц, я ждал вас двенадцать часов!» Его жена остановилась, повернула голову в сторону кричавшего и сказала: «Я ждала его двенадцать лет!» Какие бывают жены! Но, простите, вы какую-то глубокую мысль мне сказали про хаос, про русский хаос, который нас сдавливает со всех сторон.

— Со всех сторон и каждого русского человека внутри, — прибавил я, — и это более всего ужасно. При видимых успехах в нашем православии царит тотальный инфантилизм. Я говорю о жизни церковного народа. Кому-то он, видимо, выгоден, этот инфантилизм. Когда, когда русский человек преодолеет свое несовершеннолетие, которое есть неспособность пользоваться собственным рассудком без помощи кого-либо другого?

— Всегда инфантилизм народа, — заметил отец Владислав, — выгоден в России тоталитарным структурам.

— Вы правы, конечно. Но меня больше беспокоит не социальный аспект, а личностный. Ме-

ня поражает в русском человеке непонимание.

— Непонимание чего? — спросил отец Владислав, вслушиваясь, наконец, в мои рассуждения.

— Непонимание России, непонимание своей веры христианской, своей Церкви, самих себя. Русские не понимают самих себя. Это, по-моему, восьмой смертный грех. Грех неведения. Грех, который уничтожит не только христианскую цивилизацию, но он реально убивал и убивает земного человека. Я только говорю о первой смерти, а не о второй — смерти души для вечной жизни. И если это грех, то надо учиться понимать. Но нет! Я повторяю и настаиваю, что русскими псевдопатриотами культивируется миф, фантом о предопределении русской судьбы. «Умом Россию не понять!» — восклицают они во все времена, не понимая, что в словах этих выразилось отчаяние поэта, а не убежденность — как будто что бы ни происходило, Бог спасет Россию.

— Вы знаете, я думал об этом, — отец Владислав посмотрел на меня. — Не смейте смеяться, я думал, думал.

— Нет, что вы, откуда вы взяли, что я смеюсь? — темнота в комнате сгушалась. Предметы приобретали тяжеловесные формы.

— Я думал и думаю, что Россия — это детство человечества. Как это ни странно звучит в двадцатом первом веке!

— Детство человечества? — повторил я удивившую меня мысль.

— Ну помните, нас учили, рассказывая о греческой культуре, её мифологии, особом восприятии мира и так далее, что греческая культура, по мнению ученых, была детством всего человечества. По аналогии с этим можно сказать, что Россия является в современном мире детством человечества. Что я имею в виду? Если западная жизнь управляется законами, то в России закон что дышло, куда повернул, то и вышло. То есть жизнь Европы и Америки управляется внешними требованиями закона. В России это не работает. Русская жизнь управляется внутренними законами, продолжающими жить органично в сознании, или, как теперь говорят, в ментальности русского человека. Он совестлив, он стыдлив, он готов прийти на помощь совершенно бескорыстно. Если хотите, он жертвен. Ему понятна жизнь святых людей.

Она ему нравится, он восхищается ею и к ней стремится. Западный мир не понимает и не приемлет понятие святости. Он даже не знает, что это такое. Я иногда прихожу к мысли о том, что это даже хорошо, что наши люди воспринимают церковь как некую неразгаданную тайну. Нечто надмирное, небесное, значительное, святое. Пусть они не понимают, как не понимают жизнь дети. Но при этом они веруют в чудесное. Когда дети вырастают, приобретают жизненный опыт, они перестают веровать. Они теряют это свойство. Результат? Все возвышенные понятия уничтожены. Задумайтесь! Наша с вами вера стоит на догматах, то есть она укоренена в тайне. Догмат непостижим. Его можно измерить или явить верой и только верой. Они в тайну вглядываются, но не изучают ее. Им интересно пока только то, что можно руками потрогать. А если бы они вглядывались пристально, глубоко, они бы поняли, что наша церковь защищена от всякой логики, от всякого силлогизма неописанной тайной, как защищена сама жизнь, потому что жизнь и есть тайна. Пусть лучше они не понимают и остаются детьми, верящими не в Истину, которую мы с вами проповедуем с амвона, а в личность Христа, живого, не засушенного рационализмом.

— Вы себе противоречите, — перебил я отца Владислава. — Если вернуться к началу нашего разговора, Горовиц...

— Такие люди, как Горовиц, — возвысил голос отец Владислав, останавливая меня, — это посвященные люди. Что вы, батюшка?! Поэты, художники, музыканты, вам ли этого не знать? Вы окончили Литературный институт. Они несут людям красоту, облеченную в образы. Они свидетельствуют миру о той Божественной гармонии, которую он утратил. Горовиц говорил, что концерт — это не лекция. Человек должен получать радость от исполнителя.

Он помолчал.

— Устали? — спросил я его.

— Когда я только пришел на приход, — продолжал он, по обыкновению не услышав меня, — я начал с лекций. По воскресным вечерам приглашал прихожан в храм. Мы расставляли скамейки, рассаживались, и я им что-то рассказывал. Чаще всего это была теория. Однажды, после одной из таких встреч, ко мне подошла

Екатерина, постоянная прихожанка и участница. Сейчас я что-то ее давно не вижу, может быть, уже умерла: была она уже почтенного возраста. Говорит мне:

— Батюшка, вы нам всё говорите такие слова, которые нам непонятны. Вы расскажите что-нибудь из Патерика. Вот я читала в одной книжке про рабу божью. И начинает мне пересказывать прочитанное: «Она засветло приходила в храм и зажигала лампы к службе перед каждой иконой и на каждом подсвечнике. Однажды ранним осенним утром пришла, как обычно, на свое послушание. Погода была сырая, промозглая. Зажигая лампы у икон святого алтаря, она подняла голову кверху и увидела, как будто в первый раз, над иконостасом большое распятие. Остановилась, пораженная, и стала вглядываться. Слезы потекли у нее по щекам. Достала платок и решила ждать настоятеля. Как только он переступил порог храма, она подошла под благословение и сказала ему:

«Отец настоятель, у меня к вам прошение». «Что ты хочешь просить?» — обратился к ней настоятель. «Сегодня утром было темно и холодно, когда я пришла в храм зажигать лампы, и я увидела, что наш Спаситель там, наверху, — она указала рукой на иконостас, — совсем раздет. Нельзя ли Его чем-то теплым обернуть, чтобы Он не мерз?»

— Понимаете? — обратился ко мне отец Владислав, — за двадцать лет служения я не встречал ни одной особи мужского пола, которая бы так соперничала Христу, жалела бы Его. А вот русских женщин таких я видел. Они Спасителя жалеют и плачут о Нем. Вот что такое наша национальная вера в самых глубинах русской души. Помните, — спохватился отец Владислав, — да вы лучше меня знаете с литературным-то образованием, когда Достоевского спросили, за кем он пойдет, за Истиной или за Христом, Достоевский выбрал Христа. Русскому человеку нужен живой Бог, а не теории. Да я среди доморощенных русских философов, а у нас таких полно, не встречал сострадания к Христу, — закончил отец Владислав, — но встрепенулся и продолжил: — Помните, еще приведу вам литературный пример: у Гоголя в «Ревизоре» городничий обличает судью. «Вы, — говорит, — в церковь не ходите, в Бога не веруете, а как начнете

рассуждать о сотворении мира, просто волосы дыбом становятся». Как-то так, я могу ошибаться по тексту. Что же ему отвечает судья? А он отвечает серьезным тоном: «Да ведь сам собою дошел, своим умом». Вот как сказано про русского мужика — на все века. Сидит, смотрит из своего угла, думает что-то. У Крамского, по моему, есть картина «Созерцатель», кажется, так называется. Мужик в кафтане, в лаптях стоит один в зимнем лесу на дороге. Стоит, задумался. О нем Достоевский тоже рассуждает в «Братьях Карамазовых». Он, говорит, не думает, он созерцает. Нет, подождите, — заторопился отец Владислав, — я вам сейчас это место найду, третьего дня просматривал и наткнулся. Это надо точно воспроизвести.

Батюшка вышел в коридор, подметая пол подрысником и гулко топая босыми пятками. Вспыхнул свет, полосой легший от двери до ковра, захватив часть шкафа, над которым темнели иконы. С полминуты было тихо, потом снова заходили половицы под ногами отца Владислава. Он встал, облокотившись о дверной косяк. Монументальная тень его накрыла ковер.

— Я вам прочту отсюда, послушайте. Надо близко к тексту передать: «У живописца Крамского, — но это я вам все сказал, вот отсюда: — ...Изображен лес зимой, и в лесу, на дороге, в оборванном кафтанишке и лаптишках стоит один-одинешенек, в глубочайшем уединении забредший мужичонко, стоит и как бы задумался, но он не думает, а что-то «созерцает». Если бы его толкнуть, он вздрогнул бы и посмотрел на вас точно проснувшись, но ничего не понимая. Правда, сейчас бы и очнулся, а спросили бы его, о чем он это стоял и думал, то, наверное, ничего бы не припомнил, но зато, наверно, застал бы в себе впечатление, под которым находился во время своего созерцания. Впечатления же эти ему дороги, и он, наверно, их копит, неприметно и даже не сознавая, для чего, и зачем, конечно, тоже не знает: может, вдруг, накопив впечатлений за многие годы, бросит все и уйдет в Иерусалим скитаться и спастись, а может, и село родное вдруг спалит, а может быть, случится и то, и другое вместе. Созерцателей в народе довольно». — Каково?! — Отец метнулся, сделал два гулких шага в сторону, щелкнул по стене, и

свет погас. Он шумно вошел в комнату. Остановился у окна. Темный силуэт его фигуры вытянулся и замер. Он неподвижно смотрел в окно. — Живет точно во сне. И продолжает спать русский человек. Прошли трагические времена и испытания, революции и войны с миллионными жертвами, и перестройки, и демократии, а он все спит, — отец Владислав повернулся и посмотрел на меня, — и, знаете, он видит сны.

Батюшка замолчал.

— Какие сны? — спросил я просто так, чтобы вывести отца Владислава из задумчивого состояния. Мне было любопытно, чем он закончит.

— Это сновидения ада, вот какие сны он видит, — попытожил батюшка и как-то отвлеченно добавил, возвращаясь к действительности. — Я, конечно, сегодня не усну.

— Простите, простите меня, ради Христа, что я поздно пришел к вам.

— Ничего, дослушайте, — он уселся в глубину кресла. — Не далее как вчера прихожу я в свой храм. Одна из моих помощниц говорит мне: «Вас человек спрашивал, а я сказала, что вас нет, будете завтра. Он ответил, что завтра придёт». Вот он и пришел, этот человек. Возраста лет сорока или около того, худощавый, с землистым цветом лица. Одет в старомодную одежду, брюки расклешённые, мешковатый пиджак, вид замкнутый, задумчивый.

«Вы ко мне?» — спрашиваю я его. — «Да, я к вам, батюшка, хотел поговорить с вами». — «Ну идите сюда».

Подхожу к аналою, приглашаю стать рядом, лицом к алтарю. Подходит, в руке что-то аккуратно завернуто в газетку.

«Слушаю вас».

«Я несколько дней назад освобожден из мест лишения», — спокойно начал он.

Мне стали понятны его хуоба, замкнутость и некоторая стесненность в движениях, это ощущение четырех давящих стен камеры.

«Я отсидел двадцать лет за убийство трех человек, — спокойно продолжал он, — и вот, пока я сидел, все эти годы думал прийти к священнику и рассказать об этом преступлении».

«Вы пришли, чтобы раскаяться, облегчить душу?» — спрашиваю я его, а сам уже намереваюсь идти за епитрахилью и требником для таинства исповеди.

«Можно так сказать, — слегка замялся он. — Конечно, я лишил жизни людей, как бы не имея на это право, потому что я эту жизнь людям не давал. Но я не испытываю раскаяния, а даже, наоборот, чувствую удовлетворение, что ли. Что-то вроде исполненного долга».

— Честно говоря, — посмотрел на меня блестящими глазами отец Владислав, — я готов был обличить его в бесчувствии, в непонимании глубины греха. Но вместе с этим он как-то располагал к себе, был даже симпатичен, как будто он служил какой-то идее и был последователен в её осуществлении.

«Вы были на войне?» — спросил я его.

«Нет, я не воевал».

«Да где же вы могли лишиться жизни сразу нескольких человек?» — воскликнул я.

«Я вам расскажу».

И он спокойно начал свой рассказ.

«Мы жили с мамой, вдвоем. Село наше небольшое, но зажиточное. Все занимаются земледелием и возят на Москву. Друг друга все знают, кто чем живет, кто чем дышит, кто к кому ходит. Я только что окончил десять классов. Сдал экзамены на аттестат, были планы поехать в город, поступить в институт. После экзаменов и вручения аттестатов, как это было принято, последний звонок, выпускной, ночные гулянья. Не хотелось мне идти на выпускной, но мама настаивала, иди, мол, такого события больше не будет, останется память на всю оставшуюся жизнь. Я согласился и пошел. Было тошно на этом выпускном. Все пили потихоньку по углам, чтобы учителя не видели, потом пошли к реке.

Я всегда был нелюдимым. Отошел в сторону и, ни с кем не прощаясь, отправился домой. Я знал, что мама уже спит, а дверь она не запирает, чтобы я беспрепятственно вошел в дом. Когда я тихо открыл дверь и переступил порог, то сразу почувствовал какую-то страшную тишину. Она лежала на полу в комнате на темном неровном пятне. Она была изнасилована и убита ножом. На ее груди следователи насчитали одиннадцать ножевых ран. Как выяснилось потом, ночью к нам приходили три местных урода за деньгами на водку. Она им отказала, и они, уже пьяные, пришли позже, надругались над ней и убили.

Началось расследование. Один из преступни-

ков был сыном местного бизнесмена. Их арестовали, а через два месяца выпустили. Дело до суда так и не довели, сказали, что недостаточно улики. Они гуляли по улицам, развлекались, а моя мама лежала в земле.

Я начал за ними следить. Это стало моей навязчивой идеей. Я должен был им отомстить. Узнал, что они каждую неделю посещают баню на краю села, в усадьбе этого самого бизнесмена. Пьют, развлекаются, играют в бильярд, чаще в те дни, когда папаша уезжает за товаром. Баня была деревянной, с одним окном, стояла возле леса. И вот, наконец, все сошлось. В октябре, десятого числа, стемнело рано. Сынок затапливал баню, готовил. Часам к семи с пузырями пришли его дружки. Мне из леса все было хорошо видно.

Около девяти я подкрался к глухой бревенчатой стене. Облил заготовленным бензином оба угла. Прошел незамеченным под маленьким оконцем к двери. Дверь открывалась внутрь, ручка была железная, кованая; я забил в нее черенок от лопаты. Облил бензином левый угол постройки и саму дверь. Все зажег, а сам встал у окошка с вилами и ждал их. Занялось сразу со всех сторон. Слышу, забегали крысы, заорали, один, хозяин, показался в окне. Деревянным ведром ударил в стекло, осколки полетели на меня. Я увернулся и начал колотить вилами в окно и кричать: «Это вам, сволочи, за маму мою убитую! Это вам суд божий, горите в геенне огненной!» Они лезли, прощения просили, а я все бил и бил в окно заточенными, как иглы, вилами. Не выпустил ни одного.

Набежали люди. Кто посмелее, из мужиков, подступали ко мне, но и их я не подпускал, отмахивался вилами. Да не особенно-то они хотели, понимали, что за подонки оказались в ловушке.

Крики прекратились, и я понял, что это конец. Бросил вилы, сел на землю. Меня связали и отвели в сельсовет, потом приехала милиция, надели на меня наручники и отвезли в город. Я во всем сознался, состоялся суд, потом тюрьма. Вот так, батюшка», — закончил он.

— А потом говорит, помолчав, — продолжал отец Владислав: — «Не буду искушать вас вопросами, батюшка. Сам все понимаю. Убийца я, но раскаяния я не чувствую в себе. Случись такое снова,

точно так же поступил бы. И знаете, что меня спасало от отчаяния все эти двадцать унылых лет? Книжонка одна. Да вот же она!» Он начал разворачивать газетку, а сам продолжал говорить: «Один конвойный мне ее в зону принес. Он был человек образованный, учился в институте на учителя истории, но учителем не стал, попал работать в зону. Грамотный был человек, книжки читал, мы с ним иногда разговаривали. Когда он узнал, что я вырос без отца и как моя мать погибла, предложил взять книгу: «Почитай, найдешь утешение, а может быть, и оправдание». Книгу он развернул и положил на аналой. Я читаю название и не верю своим глазам.

— Евангелие? — нетерпеливо спрашиваю я отца Владислава.

— Не угадали. На книге было написано: «Вл. Соловьев. Сочинения».

— Владимир Сергеевич Соловьев?

— Он самый, серия «Философское наследие», год издания 1988, часть вторая, с великолепным портретом автора.

— «Тут есть статечка, — продолжал мой собеседник, — «Три разговора» называется. Я прочел ее не знаю сколько раз. Особенно первый разговор про зло в мире и как с ним бороться. Сильное впечатление на меня произвел рассказ генерала. Очень сильное. Я тогда все понял и успокоился».

— Какой случай, представляете себе?

— Что же вы ему сказали? Уж не похвалили ли вы его за его поступок?

— Нет, не похвалил и не осудил. Я давно никого не сужу. Русская жизнь — сплошной апокалипсис. Я созерцал. Это был истинно русский тип.

— Но вы его наставили на путь?

— Да он и не нуждался в моих наставлениях. Ему нужно было выговориться. Он этого торжественного момента ждал много лет.

— А дальше что было?

— Ничего. Он поблагодарил и ушел.

— Ушел?

— Ушел.

— Вы бы ему Евангелие вручили.

— Оно у него уже тысячу лет, и что изменилось за это время? — отец Владислав посмотрел на меня. — Он и в Евангелии себе найдет оправдание в благоразумном разбойнике, а все остальное пропустит.

Было видно, что отец Владислав устал, но ему тоже, видимо, надо было выговориться.

— Я сегодня говорил монолог и не дал вам слова вставить. Как вы успели заметить, наболело.

— Знаете, не буду вам рассказывать о том, зачем пришел, — я приподнялся, чтобы уходить, — будет причина вновь прийти к вам, дорогой батюшка.

— Заинтриговали вы меня, — он тоже приподнялся с кресла и пошел впереди меня в темный коридор, словно показывая дорогу. — Но не буду настаивать, а то мне совсем не уснуть сегодня, хорошего-то вы ничего не расскажете.

Мы тепло пожали друг другу руки, прикоснулись щеками, я вышел в освещенный подъезд, зажмурившись от яркого света лампочки. Дверной замок шелкнул, и я побежал вниз по лестнице.

Свет разума

Дорогой мой мальчик! Когда-то у просветителей был такой девиз: «Имей мужество пользоваться своим разумом».

Задача разума состоит в том, чтобы понимать, куда тебе идти. В книге немецкого философа Гегеля «Феноменология духа» можно найти отличное замечание. Он говорит, что разум есть достоверность сознания. Твоя задача — научиться осознавать себя. Когда человек не осознает себя, он живет как бы во сне. Несовершенство — это и есть неспособность пользоваться своим рассудком без помощи кого-либо другого. Выбор надо сделать определенно. Надо эти вещи понять, уяснить, чтобы быть свободным человеком. Либо мы, всё общество и каждый отдельный человек, сделаем ум и разум частью своего бытия, своей жизни, либо мы все выпадем в некую маргинальную структуру.

К сожалению, надо признать, что механизм современной культуры отказался от самосознания, несмотря на усилия великих писателей девятнадцатого и начала двадцатого века, да и лучших писателей советского периода.

Важная вещь — понимание. Все кажется в мире, особенно молодым людям, непостижимым. Но для того и дан человеку разум, чтобы понимать, постигать. Эта непостижимость оказыва-

ется удивительной! Потому что, дорогой мальчик, все божье творение есть текст, мир есть текст. Страна, жизнь, картина, книга, ты сам и так далее — все есть текст, и его надо читать. Вдумываться в него, вникать в него и понимать. Найди и почитай стихотворение Пушкина «Воспоминание». В нем есть строчка: «И с отвращением читая жизнь мою...» Пушкин читает жизнь и судит ее, потому что он понимает ее.

Нужно общими усилиями всех разумных людей перенаправить механизм культуры, научить ее, понимать, демифологизировать ее, десакрализировать ее. (Пишу сознательно эти сложные слова, верю, что понимаешь или поймешь их.) Были времена, к счастью, ты не жил в Советском Союзе, когда понимание казалось грехом. Бытие людей, которые желали понимать, было трагично. Реальность зиждилась на понимании бесчеловечного мифа, который отрицал разум.

Разум — это свет, это Истина Христова. «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его». Этот свет лучшие люди России передали нам, вам, следующим поколениям людей, которые могут принять и дальше его передать. От всех нас и от наших усилий зависит простая вещь: утверждать понимание России как национальную добродетель. Вот задача, которая стоит перед священником, писателем, художником, студентом, интеллигентом, всем образованным народом, — чтобы эта добродетель стала подлинным фактом культуры, способным к дальнейшей ретрансляции.

Оглядываясь назад, на историю России, можно сказать, что мы несём в себе «культуру взрыва», как написал в 1924 году один из замечательных русских поэтов. Вот в чем настоящая беда. Взрыв стихии 1917 года, который все ждали. Народный взрыв. Он должен был снести всё! Все достижения европейской цивилизации. Кто-то боялся этого, а кто-то приветствовал, задавая вопрос: «Способна ли эта стихия, эта народная плазма самой природы, к созидательной деятельности?»

Эта невероятная по жестокости сила, вспышка, подобная извержению проснувшегося вулкана, в 1917 году потрясла всех. Это было время, когда дети истребляли родителей, родители детей, брат убивал брата, казнили носителей веры — был ужас кровавый, непереда-

ваемый. Когда спохватились, как-то это надо было остановить, этот беспощадный разгул народной стихии, то поняли, что этот бунт можно остановить только одним путем, еще большей жестокостью. То, что как раз и проделали большевики. Потому что они сначала разбудили это, на этой волне поднялись наверх, но потом им стало понятно, что этой стихией управлять невозможно, как невозможно управлять селевым потоком, сорвавшимся с гор. Вот тогда и возник красный террор, который поначалу был обращён на интеллигенцию, потом повернулся против всего народа. Все тогдашние реформы, которые проводили в жизнь большевики, были жестоки, чудовищны.

Один из кадетов писал в воспоминаниях, как у него случился диалог в лагере, в котором он сидел, с одним мужиком-солдатом.

— Русскому народу такое правительство нужно, другое с ним не справится.

Обрати внимание, мой дорогой мальчик, на то, почему сейчас вспоминают и хвалят Иосифа Сталина. Дескать, только Сталин справится, Сталина не хватает!

Дальше мужик-солдат говорит:

— Вы думаете, народ вас уважает? Он над вами смеётся, а большевика уважает.

— Почему? — спросил кадет-либерал.

— Потому что большевик его каждую минуту застрелить может.

Вот формула приведения стихии в порядок. Вот чем, оказывается, некий порядок обеспечивается. Не в условиях христианской свободы, а в условиях некоего звериного, свирепого диктата.

Крещение России — это первый толчок, который ввел Россию в ореол христианских стран. И дальше могло быть нормальное развитие. Но взрывы, нашествие степи, татары-монголы — потоп, поглотивший только что складывающуюся русскую культуру. Революции, войны и так далее. Все это взрывы. Но сейчас, мой дорогой мальчик, у России есть уникальная возможность показать всему миру спасительный путь. Наша стихия, наша плазма, наш народ продолжает сохранять в глубинах народной природы черты христианских начал жизни. Он все ещё несет в себе этот живой свет, исходящий от раскаленной лавы, только потому, что

остаётся частью самой природы, как река, как деревья, как земля. Европа давно утратила эту глубинную связь с корнями, оторвалась от нее, предавшись цивилизации комфорта. Россия через образование, через знание и понимание своего назначения должна стать великой демократической страной, которая бы гармонично сочетала в себе два закона: закон юридический, государственный и Закон Божий, закон христианский. Не нужно сейчас бояться западного силлогизма и рационализма, которые, как все думают, могут уничтожить веру, как это случилось с самим западным миром. Надо найти равновесие в двух началах, в двух законах и осуществить гармонию, реализовать её. Гармонию закона совести и юридического закона. Но если всмотреться внимательно, то второй закон в своих высших целях зиждется все-таки на первом, законе совести.

Надо вспомнить возвышенную идею, которая двигала людьми при создании империи Древнего Рима, Византийской империи, Европы Карла Великого и нашего великого Петра Первого. Империя, под покровом которой свободно живут все народы в едином христианском братстве. Россия через знание и понимание может показать миру единственный спасительный путь.

Однако, мой мальчик, надо не упустить из виду, что христианство не почвенная религия в России, а пришлая. И не только для России, но и для цивилизованной Европы. Она исторически оказалась не почвенной и самому израильскому народу, в лоне которого возникла. Это неудивительно, потому что это религия откровения, религия, спустившаяся с небес, и не почвенная для всех народов земли. Поэтому в определенные этапы истории могут вставать древние боги язычества. И тогда происходит то, что происходило много раз в истории человечества. «Взрывы» в двадцатом столетии — это столкновения язычества с христианством. Это реакция язычества на христианство. Германский нацизм и национализм в двадцатом веке — это был отзвук, возвращение, рецидив азиатского, языческого деспотизма. Древние боги проснулись. Они могут проступать, проявляться, мой дорогой мальчик, и в личности каждого человека, об этом надо всегда помнить.

У великого русского поэта Федора Ивановича Тютчева есть глубокое стихотворение. Приведу тебе его полностью.

*О чем ты воешь, ветр ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке —
И роешь, и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!..*

*О! Страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвётся он грудь,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О! Бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!..*

Оно написано в начале тридцатых годов позапрошлого века.

Тютчев понимал жизнь России и анализировал её и жизнь собственную.

Он понял, что в каждом человеке и в целых народах живет этот первородный языческий хаос, не изжитый христианской цивилизацией, во тьме которого прячутся демоны. Береги себя от него, мой дорогой мальчик.

Похороны Илюши

Явошел в неосвященный храм. В стороне у южного входа стояли несколько человек. На лавочке перед аналоем, на котором лежала праздничная икона, покоился маленький гробик. Наталия в одиночестве находилась подле него.

Всё в храме: колонны, иконы, аналои, люди, да и сам храм — всё казалось нелепо большим. Они громоздко окружали этот маленький гробик. Он был так мал, что его можно было взять в руки и унести.

Еще большая нелепость заключалась в том, что был нарушен естественный ход вещей, установленный Богом. Только что начавшаяся жизнь по

непостижимым человеческому уму причинам остановилась и отлетела, оставив недвижимое, маленькое, измученное болезнью тельце.

Я подошел к Наталии. Она осунулась лицом, была бледна.

— Прими мое искреннее сочувствие и прости меня, Наталия.

— Вы ни в чем не виноваты, — слабым голосом сказала она. — Спасибо вам, что вы поддерживали нас все это время.

Я вошел в алтарь, облачился и вышел северной дверью. Храм был почти пуст. Люди, человек шесть, приблизились к Наталии.

«Это могла быть большая жизнь, окруженная другими любящими жизнями, которые стояли бы и молились за любимого дедушку, отца, брата, друга, провожая их в последний путь к Творцу, — подумал я. — А эта маленькая жизнь не успела связать себя с другими жизнями узами любви и дружбы».

В тишине храма от гулко звучащих шагов священника сквозило сиротливое одиночество и оставленность.

— Откройте Илюшу, — сказал я.

Крышку суетливо сняли и положили на скамейку. Мать заголосила. Муж подошел и обнял ее.

Я возгласил:

— Благословен Бог наш! — начался чин погребения младенческого.

Казалось, что мальчик спит. Его маленькое личико было чистым и гладким. Оно выражало тот покой, к которому стремятся святые подвижники. Покой, овеванный присутствием Бога, принявшего невинную душу. Но чтобы это видеть, нужно иметь другое зрение — зрение глубокой веры.

Я вышел на воздух из нижнего храма, почувствовав головокружение, земля качнулась у меня под ногами, потемнело в глазах. Я присел на лавочку у входа. Через пять минут поднялся, опять почувствовал удар в голову, но решил дойти до автомобиля и ехать домой. За рулем машины было спокойнее. Я почти доехал до дома, когда ощутил движение в груди и как бы задохнулся — в этот момент сердце мое заколотилось. Я съехал на обочину, заглушил двигатель и позвонил сыну.

— Кажется, мне плохо, тахикардия, — сказал я. — Ты не мог бы меня встретить и отвезти в скорую?

— Где ты? — взволнованно спросил Иван.

Я объяснил ему, и через десять минут он был рядом. С ним прибежала и Вера. У нее в руках оказалась бутылка с водой, розовый стаканчик и лекарства.

— Надо сейчас же выпить, — торопливо говорила она, побледневшая и взволнованная, — вот «Аспирин Кардио». Он разжижает кровь, сейчас это важно. А у вас нет боли в груди? — спрашивала она и смотрела обеспокоенными глазами на меня. — Такой сильной боли вот здесь?

— Нет, Вера, боли такой нет, просто быстро бьётся сердце.

Ваня сел за руль, Вера уселась сзади, и сын повез нас в ближайшее отделение скорой помощи. Он гнал с недопустимой скоростью, совершая невероятные маневры на дороге, что я поминутно одергивал его:

— Мне нельзя волноваться, а ты так несёшься, — останавливал его я. — Мне станет еще хуже, и никакая скорая уже не понадобится.

Но он не слышал. Страх, что он может не успеть вовремя за помощью к врачам, подгонял его.

То ли от волнения на дороге, то ли оттого что подействовали таблетка и капли, приступ отступил.

— Ваня, — попросил я, — поворачивай домой, мне лучше.

Не раздеваясь, я улегся в постель и проспал несколько часов кряду. А ночью, в половине второго, приступ повторился, и пришлось вызывать неотложку.

Больница

Скорую помощь ждали минут сорок. Иван не сложился, сидел на кровати и смотрел на меня тревожными глазами. Я крепился, не подавая вида, что мне совсем плохо.

— Иди, зажги лампаду у Богородицы, — попросил я Ивана, — помолись.

— Тебе больно? Где больно, в груди?

— Мне не больно, сердце спешит куда-то. Но ты не волнуйся, — сказал я слабым голосом.

Он подскочил и побежал в кабинет.

Сердце колотилось во всем теле. Приподняться на ноги не было никакой возможности. Тело было расслабленным и тяжелым. Темнело в глазах, кружилась голова. Я не мог дойти до ванной комнаты. В бессилии, закрывая глаза, я уповал на Бога, творя молитвы. Время в этот предутренний час, казалось, остановилось. Гудела труба, по которой бежала вода, слышались шаги в квартире над нами, резкий звук упавшего и покотившегося по полу предмета. Снова стало тихо. Не слышно было в соседней комнате Ивана. Он, видимо, молился за меня.

Показалось, что в открытую дверь из коридора вошла Наташа, неся на руках Илюшу. Они прошли к окну и остановились. Наташа что-то показывала мальчику там, за окном. Он вглядывался, прислушиваясь к ласковым интонациям голоса матери, и правой бледной ручкой теребил ее волосы. Я боялся, что они повернутся и увидят меня. Сердце мое билось еще быстрее, я натягивал простыню на голову, чтобы укрыться от них.

— Папа, — взволнованно позвал меня Иван, — как ты себя чувствуешь? — он снимал с моей головы простыню.

— Нормально, — отвечал я и, приподнимая голову, смотрел в сторону окна. Там никого не было.

Ваня то подходил к окну и вглядывался в пустынную улицу, ожидая, что ее осветят фары движущейся машины, то возвращался ко мне, брал в руку мое запястье, чувствовал под пальцами бьющуюся вену и вновь, взволнованный, бежал к окну.

— Где же они есть? — тихо и сокрушенно произносил он.

— Я хочу тебя попросить, — обратился я к нему.

— О чем, папа?

— Я порадовался вчера, что ты общаешься с Верой. Я этого очень желал, — он внимательно смотрел мне в глаза.

— Пап, прекрати, ты говоришь таким тоном, как будто завещание пишешь. Все будет нормально.

— Ваня, выслушай меня, говорю тебе отцовскую волю и священническое благословение.

— Я взял его руку. Она была большой, настоящей мужской рукой. — Все может произойти в этот волчий час, когда отдыхает Господь. Но знай, мне ничего не страшно. Я так часто смотрел в глаза смерти, что привык к ней как к временному затруднению, с которым сталкиваются разные по возрасту люди. На свете есть два дела, которым может посвятить себя мужчина — это профессия врача и служение священника. Оба дела душеспасительные как для людей, так и для самого человека, посвятившего себя этим деятельности. Идеально, когда обе деятельности сочетаются в одном человеке. Такие случаи были и есть. Ваня, выбери наконец свой путь, не теряй время, дни суетны и лукавы. Береги маму, заботься о ней. Не теряй Веру, она настоящая. В наше время это большая редкость. Если встанешь на путь священства, она будет хорошей матушкой и матерью твоих детей. Пообещай мне.

— Пап, хорошо, хорошо, я постараюсь. Относительно Веры одного твоего благословения недостаточно, есть еще желание самой Веры. — Он побежал к окну.

Наконец улица осветилась фарами поворачивающей к нам машины, и он рванулся в подъезд, шумно сбегая по лестнице. Через минуту слышались голоса и топот ног, подъезд ожил. Я перекрестился и вздохнул.

— Благодарю тебя, Матерь Божья.

Первым вошел худой и высокий человек с двумя чемоданчиками. Он был молод, белобрыс, длинная шея его и короткие синие рукава бросались в глаза. Следом вошла доктор, женщина средних лет в белом халате, поверх которого была надета стеганая серая телогрейка. Она выглядела уставшей и отстраненной.

— Что случилось? — спросила она и добавила, обращаясь к Ивану, — принесите два стула и немного теплой воды.

Иван бросился на кухню.

— Сорвался ритм, — тихо сказал я.

— Миша, давай будем снимать кардиограмму и набери девять кубиков панангина, приготовь катетер.

— Понял, — ответил медбрат. Он поставил чемодан на принесенный Иваном стул, открыл верхнюю крышку, и рукава его поднялись по самые локти.

— Непереносимость к каким-нибудь препаратам у вас есть? — спросила доктор.

— Нет.

— Давайте я вас послушаю.

Ваня стоял в дверях и наблюдал за происходящим. Глаза наши встретились, и я ободряюще подмигнул ему. Он улыбнулся в ответ, но не смог пересилить эмоцию напряженного переживания, и улыбка получилась вымученной. И я подумал, какой он у меня глубокий и добрый мальчик.

Медбрат смачивал мою грудь мокрой холодной салфеткой и устанавливал присоски с проводами. Загудел аппарат, и начала выкатываться из него пленка, расчерченная длинными вертикальными зигзагами. Она все бежала и бежала до тех пор, пока доктор не схватила ее и привычным резким движением рванула, намотав на ладонь.

Потом Миша ставил катетер, через который вливали панангин. Молча ждали, но приступ тахикардии не снимался.

— Вы можете дойти самостоятельно до машины? — спросила меня врач.

— Попытаюсь, — я приподнялся на локти, спустил ноги с кровати и сел. — Ваня, — попросил я, — возьми стул и иди за мной, может быть, мне нужно будет присесть.

— Давай, пап, я поддержу тебя.

Одной рукой он держал меня под руку, другой нес стул.

Дважды пришлось садиться. Темнело в глазах, обмякшее тело тянуло вниз, я готов был потерять сознание. В машине меня уложили на холодные жесткие носилки, поставили в катетер капельницу. Ваня стоял на улице и с волнением смотрел на происходящее. Я сделал ему знак рукой, чтобы он шел в дом, и дверь скорой с шумом задвинулась. Машина поехала, переваливаясь с бока на бок по неровной дороге. Поплыли темные окна спящего дома, тусклые фонари на столбах. В кабине водителя хрипела рация.

Так прервалась моя деятельность, замерла моя жизнь. Никогда я не был настолько беспомощен и одинок. Я находился среди чужих мне людей, механически выполнявших свою рутинную работу за скромное жалованье.

«Волчий час, время сгустившейся предрасветной тьмы. Все люди спят, отдыхая перед не-

известностью предстоящего дня. Но есть другой день, — подумал я, — внутри человека, в котором никогда не бывает тьмы».

Окно скорой то темнело, то освещалось пробегающим светом. Он скользил внутри машины, облизывая боковую дверь, мои руки и синие штаны медбрата, сидящего с закрытыми глазами, и я не мог определить, где мы едем и скоро ли появятся светящиеся окна и желтая обшарпанная стена знакомой мне с детства больницы.

Наконец машина, заскрипев тормозами, остановилась. Распахнулась дверь. Послышались голоса людей. Меня выдвинули из автомобиля вместе с носилками. Молодой крепкий парень лет тридцати пяти, крупноголовый и простоволосый, и женщина средних лет в утягивающем ее полноту халате закатали носилки в коридор больницы и помогли перебраться на стационарную коляску. Потом вызвали доктора, заполняли карточку, и тот самый парень, который, видимо, выполнял во время дежурства больницы тяжелую работу, отвез меня к лифту, громыхнул дверями и поднял в блок интенсивной терапии кардиологического отделения.

Капали в вену кордарон. Я чувствовал сильную усталость, как будто мне пришлось бежать многокилометровую дистанцию. Хотелось спать, но тревога не покидала меня, стояла капельница, я боялся шевелиться и думал, кто освободит мою руку, когда кончится лекарство, потому что рядом из медперсонала никого не было. Скоро стало понятно, что никто не придет. Справа слышалось частое, прерывистое дыхание. Из соседнего бокса раздавался густой храп. Я беспрестанно повторял слова молитв и думал о том, как может быть одинок и беспомощен человек. И даже Бог кажется таким далеким, когда нет сил рвануться к Нему, чтобы попросить о помощи. Я уснул. Мне снился приезд в наш храм владыки, обычные хлопоты при его встрече, а я, почему-то не облаченный, стою в углу и боюсь, что входящий в храм владыка, всех широко благословляющий и поздравляющий с праздником, увидит меня. Уже громогласно возгласил протодиакон: «Премудрость. Честнейшую Херувим...» Хор подхватил со сладкопением: «Достойно есть...»

Иподиаконы надели на владыку мантию, владыка делает одно поклонение и уже принимает крест, и вдруг служба останавливается одним взмахом руки архиерея.

— А где же ваш настоятель? — спрашивает он в мертвой тишине храма.

Все: и священники, и миряне — поворачивают головы в угол, где стою я. Мое сердце готово выскочить, я задыхаюсь. Владыка манит меня к себе, берет за руку теплой, мягкой отеческой рукой и благословляет идти в алтарь.

Я проснулся. Медсестра будила меня прикосновением к моей правой ладони. Она молча снимала капельницу, которая давно закончилась.

Весь день в больнице приступ то останавливался, то возникал вновь. Я старался не шевелиться и почти не дышать. Любое движение тела провоцировало приступ. Меня подключили к монитору, капали какие-то растворы, ничего не помогало стабилизировать ситуацию. После четырех часов врачи ушли по домам, оставив меня с молодым дежурным доктором. Положение было угрожающим.

Крадучись, вошел в палату Иван в халате. С ним — встревоженная Вера.

— Пап, как ты? — спросил Иван. — Приступ сняли?

— С переменным успехом, — ответил я.

Он смотрел на меня, на монитор, и лицо его менялось.

— Я сейчас, пап. Вера, побудь с отцом.

Через минуту он вошел с молодым доктором.

— Ну да, — раздумывая, приговаривал доктор, — вы старайтесь не волноваться, — обращался он ко мне. — Вам это сейчас ой как не надо. Я скажу, чтобы еще поставили кордарон.

Доктор ушел. Ваня не сводил взгляд с монитора, который стоял на тумбочке за моей спиной. По его испуганным глазам можно было прочитать, что пульс был за двести ударов в минуту. Он торопливо вышел вслед за доктором. Вера, казалось, онемела. Она стояла в ужасе, наблюдая за происходящим. Я тогда не знал, как моя болезнь повлияет на судьбу этой удивительной, чистой девочки.

Глаза её наполнялись слезами, она, застигнутая врасплох, не могла сдвинуться с места.

— Красив человек, глубоко сострадающий

другому человеку, — подумал я, наблюдая за Верой, и улыбнулся ей, — пожалуй, это самое правдивое состояние его души.

Вбежал доктор, за ним встревоженный Иван. Вера вдруг громко вскрикнула и выбежала за дверь.

Через полчаса Вера робко заглянула в палату и уставилась в монитор. Глаза ее были красными от слез. Она увидела, что пульс восстановился, вошла и сказала:

— Слава богу, вам лучше, теперь всем будет хорошо.

Иван смотрел то на меня, то на заплаканную Веру, и его повзрослевшее лицо выражало тихую радость от того, что мы вместе перед бедой.

Они успокоились. Рассказывали всякие глупости, пытались шутить. Но монитор притягивал их тревожные взгляды.

Вскоре медсестра, исполняя приказание доктора, попросила их уйти.

— Папа, держись, — сказал Иван, — завтра я приеду.

— Не бойтесь, дорогой батюшка, — прощаясь, сказала Вера тихим голосом, — приступа не будет, Господь посреди нас, — она коснулась моей руки, — поправляйтесь.

Они ушли. Я уснул и проспал до самого утра.

Выбор Веры

Состояние стабилизировалось. Приступов стахикардии больше не возникало. А потом начались мои мытарства. Ведущий меня врач написал в выписке направление в областную больницу и далее — в Москву, на обследование и операцию. Подготовили все анализы, включая коронарографию. Дело осталось за квотой на операцию. Господь не оставил меня, квоту выделили, и я засобиравшись в дорогу.

Тоскливо было на душе, я переживал за храм. В больницу приходил меня проводить Тихон Антонович с бригадой. Одеты все были нарядно, в рубашках и пиджаках, трудно было узнать в этих людях моих строителей. Тихон свистел в медальон на шее:

— Ты, отец Евгений, подлечись, работа не волк, в лес не уйдет. А мы храм не бросим, —

Тихон повернулся к своим подчиненным: — Не бросим, ребята?

— Нет, не бросим, — поддержали Тихона и Славка, и Сергей Шустов, и крановщик Виктор Васильевич.

— Слышишь, — обратился ко мне Тихон, — лечись в Москве столько, сколько надо. Приедешь, храм не узнаешь, будет стоять как пасхальное яичко.

От слов Тихона стало спокойнее. Но дело было даже не в словах, а в его отеческой заботе, исходившей из глубины его доброй души. Слова были для того только, чтобы скрыть за шутками это внутреннее движение сердца, чуткого, сострадательного.

Они оставили пакет с фруктами и как-то застенчиво удалились.

Приходила инокиня Неонила, маленькая, исхудавшая от поста дева, стояла в углу палаты, ждала, когда медсестра поставит капельницу. Уста её улыбались кроткой, застенчивой улыбкой, а темные глаза светились внутренней благостной радостью.

— Возьмите, батюшка, во здравие души и тела, — сказала она и протянула мне богородичную просфору, — и вот эти записи, сделанные мной сегодня, в них есть новость, — загадочно прибавила она, — и благословите.

На руке стояла капельница. Я только произнес с чувством:

— Бог благословит.

Она не задержалась ни на минуту, поклонилась низко и ушла.

Я открыл её записи и прочел следующее:

«Дорогой батюшка! Спешу сообщить вам радостную новость (это слово было подчеркнуто), если только этим словом можно назвать происходящее.

Вчера очень поздно легла. Утром проснулась рано — не могу спать. Думаю — надо молиться. Прочитала часть правила и села читать жизнеописание архимандрита Кирилла. Прочитала и молюсь: «Батюшка, батюшка, отец Кирилл, помоги отцу Евгению сегодня, а мне бы поскорее вернуться к матушке!» Стала читать акафист преподобному Серафиму и сразу же в черновом варианте в 6 утра записала следующее:

«Дорогой батюшка! С великой радостью спешу вам сообщить, что сейчас вам дано короткое (то-

же подчеркнуто) время на то, чтобы вы сделали свои заметки и все свои писательские намерения хотя бы в набросках. Вам дается очень короткое время, потому что потом его у вас совсем не будет. Вам нужно будет предстоять перед Престолом Божиим и молиться за погибающий мир.

В том числе вам нужно успеть составить набросок к полному жизнеописанию схиигумены Дорофеи. Лучше вас этого никто не сделает. Я постараюсь в ближайшие дни кое-что написать вам из того, что знаю (самое малое) о матушке. Я вам советовала съездить в Киев, помолиться там о здравии, и хорошо было бы вам при поездке туда инкогнито посетить Ржищев. В Киево-Печерской лавре есть две гостиницы.

Посмотрите Преображенский храм в сестринском корпусе. Матушка собственноручно делала рисунки на иконостасе. Икона Живоносного Источника Божией Матери (про нее матушка говорила, что в ней заложена великая глубина, духовная сила и мощь)».

Это я записала утром. А теперь о ваших делах. Напишу иносказательно, по-монашески.

Когда матушка первый раз сняла с меня облачение, это было большим потрясением. Пришла в келью, помысел говорит: не буду ничего кушать от великой скорби. Я начала размышлять: откуда этот помысел? Думаю, ладно, пока делаю так, а потом видно будет.

На следующий день сестры матушке сказали, что я ничего не могу есть. Во время трапезы матушка начала говорить на эту тему. Рассказывала, как их воспитывали в Воронежском монастыре. Затем на секунду остановилась, как бы размышляя или молясь (ведь, конечно, она меня жалела очень), и говорит:

— Инокиня Неонила, если ты не будешь кушать, то я с тебя и подрясник сниму. Будешь ходить в короткой цветной юбке!

Сестры пришли в ужас, а я внутри чуть не рассмеялась. Думаю: ну и матушка, вместо того чтобы меня пожалеть и простить, придумала выход из положения. Конечно, мне пришлось кушать, и сестры облегченно вздохнули. Видно, тогда не пришло еще время меня простить. Немного позже матушка меня простила (но до этого я несколько раз подходила к ней и просила прощения за свое поведение и гордость), тогда я почувствовала великий мир внутри и такой

дух кротости и смирения, что не передать словами. Конечно, через какое-то время опять все растеряла, искала потом у Господа и просила, но такого духа кротости, смирения, мира, умиления и покаяния больше очень долго не чувствовала и не могла найти. Было сильное внутреннее потрясение от действий матушки, и молитва лилась к небу чистым потоком». В скобках была приписка:

«(Наверное, когда-нибудь вы напишете обо мне книгу и назовете её «Есфирь». Поместите в неё всё, что вам когда-нибудь писала, и все ваши записки ко мне. Только пусть это будет после моей смерти.)

Молитвы и благословение архимандрита Кирилла и схиигуменьи Дорофеи да будут над всеми нами.

Батюшка, простите за дерзость. Недостойная инокиня Неонила».

Так закончила матушка свое письмо.

— Матушка, матушка, — задумался я, — теперь мне нужно разгадывать твои «иносказательные» монашеские наставления. Пусть почитает Вера, может быть, она мне объяснит. Вот из нее получилась бы настоящая монахиня.

Эта мысль как-то сама собой высказалась в уме и напугала меня.

Владыка своим указом прислал в помощники молодого священника. Благовоспитанного человека, доброго и внимательного. Он был высок ростом, полноват. Выяснилось, что несколько лет назад отец Сергей, так звали этого двадцатидесятилетнего священника, увидел меня в школе. Я тогда ходил с лекциями (помню, меня хватило на двадцать три школы) и рассказывал детям о целомудрии. Их собирали в актовом зале, входил священник, который пытался на их, подростковом, языке говорить им о важных и глубоких предметах. На одной из таких лекций был четырнадцатилетний мальчик Сережа, который был так вдохновлен рассказом священника, что по окончании беседы бежал за ним по лестнице.

— Я не знаю, для чего я бежал за вами, — рассказывал мне отец Сергей при первой нашей встрече в храме. — Я не думал у вас что-либо спрашивать, а просто для чего-то преследовал вас на расстоянии до самого выхода из школы.

Душа моя успокоилась, и я засобирился в Москву.

— Ваня, ты не мог бы пригласить Веру к нам домой? — осторожно попросил я. — Мне нужно передать ей работу и кое-что объяснить.

Я постарался задать свой вопрос спокойным, равнодушным тоном.

Иван был внимателен ко мне. Никуда не торопился, все дни находился рядом и трогательно заботился обо мне.

— Папа, Вера не отвечает на звонки, — сказал Иван и вышел в другую комнату.

— Может быть, ты пойдешь к ней домой и пригласишь ее к нам?

Иван появился в дверях. Взгляд его был взволнованным, лицо казалось бледным.

— Пап, она же видит, что я ей звоню, — Иван потрясал телефоном, — и не отвечает, понимаешь?

— Может быть, отключен телефон, плохая связь, — успокаивал я его, — могут быть и другие причины.

— Нет тут никаких причин, кроме той, что она не хочет со мной разговаривать.

— И давно это происходит? — обеспокоенно спросил я сына.

— Уже несколько дней, — Иван подсел ко мне, — сначала были гудки длинные, а два дня в трубке отвечает компьютер, что абонент недоступен.

— Надо сходить к Вере домой, — я обнял Ивана за плечи.

— Если она не хочет со мной говорить, она не захочет и видеть меня, — Иван облокотился о свои колени и свесил голову.

— Ты копаешься в своем самолюбии, а вдруг с Верой что-нибудь случилось? — твердо сказал я.

— Ты прав, — Иван приподнялся, — пойду.

Он вышел на улицу. Я стал думать о Вере, и беспокойство овладело мной. Я решил ехать в храм, чтобы перед отъездом сделать некоторые распоряжения по работе строителям. К престольному празднику Архангела Михаила двадцать первого ноября планировалась первая служба в верхнем храме с приездом владыки. Все должно быть подготовлено. Но в глубине своей души я надеялся встретиться с Верой.

Стоял ясный солнечный день. Рабочие во главе с Тихоном сидели под навесом и ели. Увидев меня, радостно поднялись навстречу.

— Ангела за трапезой, — громко произнес я, — сидите, я с вами почаёвничаю.

Все уселись на прежние места и уставились на меня.

— Вижу, — обратился я к ним, — продвинулись хорошо. Через четыре месяца приезд владыки, надо постараться к престольному празднику войти в верхний храм и отслужить в нем первую службу. Что скажете?

— Куполов нет, — отметил Тихон Антонович.

— Купола придут из Волгодонска через месяц, — ответил я.

— Неужели? — удивился Тихон.

— Это факт.

Все загалдели.

— Что же вы нас в известность не поставили?

— Пока лежал в больнице, друзья из большого бизнеса решили сложиться на купола и заказали на заводе Волгодонска.

— Это же не подсвечник купить, — вставил Славка, — это же огромные деньги!

— Да, деньги большие, — подтвердил я, — два с половиной миллиона.

Все ахнули.

— Но и друзья большие, — с гордостью проронил я, — один из них — директор завода «Гидромаш» Пещеров Александр Николаевич, другой — вице-президент Александровского банка Москвы Макенский Борис Николаевич, третий — Погорелов Петр Евгеньевич, генеральный директор двух центральных московских телеканалов, и Пыжов Сергей Иванович, свободный бизнесмен.

— Не имей сто рублей, как говорится, — вставил Виктор Васильевич.

— Как людям не жалко отдавать такие деньги? — удивился Шустов.

— Они не отдают, Сергей, — ответил я, — они вкладывают. Бог в долгу не бывает. Времена меняются, сейчас человек богат, а завтра может разориться.

Тихон Антонович переменял тему разговора.

— Когда едешь на операцию?

— Завтра, Тихон Антонович, — ответил я и добавил, — прошу ваших молитв.

— Да какие мы молитвенники, — бросил Тихон, — мы люди работающие.

— Я вам расскажу историю, — предложил я. — Один интеллигент подошел к реке и попросил перевозчика на лодке доставить его на другой берег. Вошел в лодку, сел, положил на колени портфель. Перевозчик опустил весла и отчалил от берега. Очкарик смотрит, на веслах написано: на одном — молись, на другом — трудись.

— «Трудись» — это я понимаю, — вслух сказал интеллигент, — а «молись» зачем? Пустое времяпрепровождение!

Доплыли как раз до середины реки.

Перевозчик молча положил весло, на котором было написано «молись», вдоль лодки и стал грести одним веслом. Лодка вперед не пошла, а закружилась на месте.

— Я понял, понял, — ответил интеллигент перевозчику.

— Да, мудрено, — сказал Тихон, — жаль, что нас этому не учили с самого детства, а теперь уже поздно начинать.

— Никогда не поздно, — твердо сказал я.

— И то правда, — подтвердил Тихон, все поддакнули.

— Поезжай, лечись, а мы будем делать то, что хорошо знаем.

Мы пожали руки, и я, глядя по сторонам, направился к машине. Ко мне бежала работница храма с пакетом в руках.

— Батюшка, для вас оставили.

— Кто? — удивился я, но мне уже сердце подсказывало, что этот пакет от Веры.

Я сел в машину и рассмотрел его. Коричневая оберточная бумага была перевязана прозрачным скотчем по углам и крест-накрест. Наверху было написано синей ручкой: «Отцу Евгению лично в руки».

Распечатать его сразу не получилось. Я отъехал подальше от храма, остановился и раскрыл пакет.

Это было письмо от Веры.

«Бог милостив, отец Евгений, это я теперь знаю. Когда вам было плохо в больнице, я молилась за вас и просила Господа только об одном: чтобы вы стали здоровы, чтобы угроза, нависшая над вами, исчезла. В тот момент воспоминание о смерти моего отца буквально нависло надо мной и придавило с пугающей силой.

Когда Ваня побежал за доктором, я стояла словно застывшая от холода статуя. Меня как будто парализовало. Я смотрела на зеленый монитор за вашей спиной, по которому змейкой ползла светящаяся линия, рисуя странные кривые линии, и не могла пошевелиться. В углу экрана мигали цифры, которые менялись, казалось, каждую секунду от 180 до 230 — это было биение вашего сердца. Я испугалась, что нас оставили одних. И когда доктор забежал в палату, а за ним влетел Ваня, я словно ожила. Выбежав из палаты, встала у двери. Сердце колотилось в груди. В следующую минуту вышел доктор, взглянул на меня и пробежал в ординаторскую. Лицо его было сильно встревожено. Я испугалась и пошла за ним, чтобы просить его незамедлительно помочь вам, но услышала разговор по телефону сквозь приоткрытую дверь ординаторской.

— Из отделения интенсивной терапии спустить в реанимацию, так, — повторял молодой доктор. — Общий наркоз, остановка сердца и дефибриляция, понятно, — подтвердил кому-то доктор.

Сердце мое сжалось от услышанного разговора. Я не понимала значение слов, а поняла лишь, что будет остановка сердца.

Я побежала по коридору на лестничную клетку, встала на колени и плача стала молиться, чтобы вас не везли в реанимацию, чтобы не было остановки сердца, при этом пообещав Богу, что если вам станет лучше, я уйду в монастырь.

Сколько продолжалась молитва, я не знаю, мне казалось, что долго. Когда я приоткрыла дверь палаты, то увидела спокойное лицо вашего сына и, взглянув на монитор, поняла — все в порядке.

Я не могу не исполнить своего обета. Нет грусти, что я решила на этот шаг, и нет разочарования в том, что была застигнута Богом в такую минуту. Но для вас я смогла бы сделать все, даже, пожалуй, умереть. Что я и делаю сейчас, умираю для мира, чтобы быть живой для Бога и... для вас. Простите, я плохая, потому что полюбила вас, зная, что вы никогда не будете со мной. Что я не буду смотреть на прекрасный мир вашими глазами, слушать ваши сложные и глубокие рассуждения, понимать, что вы знаете ответы на все вопросы. Я опоздала на целый век

со своим рождением, но я буду ждать вас в ином, более счастливом мире.

Но знайте, любить вас — это настоящее счастье! Я узнала любовь, пережила её всем сердцем, и за это я благодарна Богу и вам, дорогой, любимый человек. Я принесу свою любовь к Богу как оправдание моей дерзости, пусть Он меня простит. Благодарю вас за сдержанность и благородство. Невоплощенное чувство печалит душу, но зато оно защищено от возможности быть разрушенным. Пусть оно принадлежит вечности, как планета, еще не открытая людям.

Не ищите меня и не печальтесь. Когда Господь даст мне силы благодати, укрепит мою волю, сделает меня твердой как камень, — тогда я напишу вам.

Мама разрешила мне поехать на неопределенное время в монастырь и пожить в нем. Всех переживаний я ей сказать не могу, но, думаю, со временем она меня от себя отпустит.

Я помню, что вам предстоит еще одно испытание в Москве. Не волнуйтесь, теперь ничего не случится, ведь я вас люблю, а значит, вы никогда не умрете.

Когда вам будет особенно тяжело и грустно, вспомните, что где-то на этой земле есть одна убогая послушница, которая день и ночь возносит свои молитвы о вас перед Господом.

Всегда ваша Вера».

Я положил письмо на колени и перевел дух, волнение овладело мной. Я вдруг почувствовал одиночество и тоску по счастливой, но не осуществленной жизни.

— Какой ты удивительный человек, Вера, — в раздумье произнес я. — Печально мне, но печаль моя светла. Божья милость сказала над нами, что все так закончилось. Но сможешь ли ты понести это бремя любви, хватит ли тебе верности обетам, которые ты собираешься сделать? А если хватит, то будешь святым человеком.

В следующую секунду я подумал об Иване, его отношении к этой прекрасной девушке, о своих планах на их общую судьбу и глубоко вздохнул:

— Вера, Вера, — повторил я, — зачем ты от нас уехала?..

Я вспомнил один недавний разговор с Верой. Мы спорили о людях в церкви, молящихся, просящих Бога, но не получающих просимого.

— Бог же их должен слышать, — горячо нас-

таивала она. — Я только это хочу сказать. Они же все молятся!

— Бог не разделился и не умалился, Вера, Он все тот же, — убеждал я ее. — Только трудность состоит в том, что они, люди, изменились. Господь дает обильно благодати, как и во все времена, но они не могут её вместить. Поэтому и чудо невозможно, ибо оно невозможно без участия человека; не хватает его глубины, его высоты, его выхода до уровня взаимодействия с Богом! Не возникает чуда оттого, что человек мелок. Если бы он мог вместить Бога, не было бы столько горя и страданий.

— Она поехала готовить почву сердца, — вслух сказал я и завел машину, — но куда она поехала, в какой монастырь?

Мне показалось, что если бы я знал, где она находится, то сейчас бы отправился за ней.

Иван

Я открыл дверь нашей квартиры и вошёл. Иван был уже дома и ждал меня. Он стоял в коридоре, облокотившись плечом о стену.

— Она уехала в монастырь, — он смотрел мне в глаза не мигая. — Это ты её на это благословил? — вопрос прозвучал угрожающе.

— Нет, я не благословлял Веру в монастырь, — спокойно ответил я, — для меня это тоже новость.

— Но ведь человек не может вот так уйти, он должен получить благословение духовника, родителей, крестных, кого там еще — не знаю, иметь вескую причину, — кипятился Иван.

— В общем, ты прав, так должно быть, — успокаивал я его, — но бывают, видимо, душевные порывы.

— Она и тебе ничего не сказала? — лицо Ивана вытянулось от удивления.

— В том-то и беда, — вздохнул я и прошел в комнату. — Садись, поговорим.

Иван сел в кресло напротив меня. Беспокойство не оставляло его.

Я не мог ему сказать о письме, о причине ухода Веры из мира, но что-то надо было говорить. Я смотрел на него и думал, как он изменился за последние недели. Моя болезнь и общение с Верой благотворно подействовали на него. И

сейчас надо было сказать что-то важное, глубокое, может быть, судьбоносное для него.

— Знаешь, Ваня, — осторожно начал я, — Вера уехала в монастырь, и это в очередной раз убеждает меня в том, что она глубокий, серьезный человек. Но, чтобы остаться в монастыре и принять сначала постриг в иночество, потом обеты монашества, положено пройти курс послушничества под руководством опытного наставника. Этот срок в среднем определяется тремя-пятью годами. За это время, я знаю множество примеров, послушник может передумать, поняв, что этот путь не для него, и вернуться в мир.

— Вера не из таких, которые сворачивают, — раскрасневшись, вставил Иван.

— Откуда ты её знаешь? — с тайной радостью спросил я его. — Ты общался с ней без году неделя.

— Знаю, я все понял про неё!

— Давай не будем забегать вперед, — остановил я его, — есть еще Божья воля и Божий промысел. Но я не это хочу сказать. — Я встал и, идя в кабинет, продолжал, возвысив голос. — Я хочу тебе объяснить тот мир, в который Вера отправилась, не своими словами, а словами книги, которую я всё последнее время читаю. Вот она, — я показал Ивану книгу, которую взял со стола, — послушай, коротко прочту тебе основное:

«...Когда великий Апостол языков говорит: «Какая польза без любви, даже в такой вере, которая двигала бы горы?» — он не утверждает возможность такой веры без любви, но, предполагая ее, объявляет бесполезной. Не духом мудрости мирской, спорящей о словах, должно быть читано Святое Писание, но духом мудрости Божией и простоты духовной. Апостол определяет веру, говорит: «Она есть невидимых обличение и утверждение уповаемых» (не только ожидаемых или будущих); если же уповаем, то желаем; если же желаем, то любим; ибо нельзя желать того, чего не любишь. Или бесы имеют такое упование? Посему вера одна, и когда спрашиваем: может ли истинная вера спасать, кроме дел? — то делаем вопрос неразумный, или, лучше сказать, ничего не спрашиваем; ибо вера истинная есть живая, творящая дела: она есть вера во Христа и Христос в вере.

Те, которые приняли за истинную веру мерт-

вую веру, то есть ложную, или внешнее знание, дошли в своем заблуждении до того, что из этой мертвой веры, сами того не зная, сделали восьмое таинство. Церковь имеет веру, но веру живую, ибо она же имеет и святость. Когда же один человек или даже епископ имеет непременно веру, что можем мы сказать? Имеет ли он святость? Нет, ибо он ославлен преступлением и развратом. Но вера в нем пребывает, хотя и в грешнике. Итак, вера в нём есть восьмое таинство, как и всякое таинство есть действие церкви в лице, хотя и недостойном. Через это таинство какая же вера в нем пребывает? Живая? Нет, ибо он преступник, но вера мертвая, то есть внешнее знание, доступное даже бесам...»

— Это очень интересно! — перебил меня Иван и заёрзал на кресле.

— «...И это ли будет восьмое таинство? — воодушевившись, продолжал я. — Так отступление от истины само собою наказывается...

...Святая церковь, исповедуя, что она ожидает воскресения мертвых и окончательного суда над всем человечеством, признает, что совершение всех её членов исполнится с совершением её самой и что жизнь будущая принадлежит не духу только, но и воскрешенному телу, ибо только Бог есть совершенный бестелесный дух. Потому она отвергает гордость тех, которые проповедуют учение о бестелесности за гробом и, следовательно, презирают тело, в котором воскрес Христос. Тело это не будет телом плотским, но будет подобно телесности ангелов, как и сам Христос обещал, что мы уподобимся ангелам.

В последнем суде явится в полноте своей оправдание наше во Христе, не освящение только, но и оправдание: ибо никто не освятился и не освящается вполне, но ещё нужно и оправдание. Всё благое творит в нас Христос, в вере ли, надежде ли или любви; мы же только покоряемся Его действию, но никто вполне не покоряется. Поэтому нужно ещё и оправдание Христовыми страданиями и кровью. Кто же ещё может говорить о заслуге собственных дел или запасе заслуг и молитв? Только те, которые живут еще под законом рабства. Всё благое творит в нас Христос, мы же никогда вполне не покоримся, никто, даже святые, как сказал Сам Спаситель. Все творит благодать, и благодать

дается даром и даётся всем, дабы никто не мог роптать, но не всем равно, не по предопределению, а по предвидению, как говорит апостол. Меньший же талант дан тому, в ком Господь предвидел нерадение, дабы отвержение большого дара не послужило к большому осуждению. И мы сами не растим дарованных талантов, но они отдаются купцам, чтобы и тут не могло быть нашей заслуги, но только было несопротивление растущей благодати. Так исчезает разница между благодатью «достаточной и действующей». Всё творит благодать. Покоряешься ли ей, в тебе совершается Господь и совершает тебя; но не гордись своей покорностью, ибо и покорность твоя от благодати. Вполне же никогда не покоряемся, посему, кроме освящения, ещё просим и оправдания.

Всё совершается в совершении общего суда, и Дух Божий, то есть дух Веры, Надежды и Любви, проявится во всей своей полноте, и всякий дар достигнет полного своего совершенства: над всем же будет Любовь. Не должно, однако же, думать, что дары Божии, Вера и Надежда, погибли (ибо они нераздельны с Любовью), но одна Любовь сохраняет своё имя, а Вера, пришедшая в совершенство, будет уже полным, внутренним ведением и видением; Надежда же будет радостью, ибо мы и на земле знаем, что чем сильнее она, тем радостнее».

— Это очень просто написано для понимания, — вставил Иван, — но очень красиво, я бы сказал, стройно. А некоторые мысли ты мне уже говорил, помнишь, пап?

— Да, помню, когда мы спорили с тобой о том, кто действует в человеке, когда он совершает преступление, и кто действует, когда человек совершает жертвенный поступок.

— Да, точно, — подтвердил Иван.

— И последние несколько слов, которые вдохновляют меня во время строительства: «...Церковь называется Православной, или Восточной, или Греко-Российской. Но все эти названия — временны. Не должно обвинять церковь в гордости, когда она именуется Православной, ибо она же именуется Святою. Когда исчезнут ложные учения, излишним станет и имя православия, ибо ложного христианства не будет. Когда распространится Церковь или войдет в неё полнота на-

родов, тогда исчезнут и все местные наименования, ибо не отождествляется Церковь с какою-нибудь местностью: но она называет себя Единой, Святой, Соборной и Апостольской, зная, что ей принадлежит весь мир и что никакая местность не имеет особого какого-нибудь преимущества, но только временно служит для прославления имени Божьего, по Его неисповедимой воле».

Я закончил чтение и смотрел на сына, притихшего, смирившегося перед блистательными мыслями просвещенного ума.

— И я прибавлю: Церковь, явившаяся в конце истории человечества, есть великая тайна Творца! И тайна эта теперь разгадана вполне, можно с уверенностью сказать, — мир создан ради Церкви. Церковь всё — мир ничто! Вера поняла это и пошла в этот возвышенный, но трудно носимый мир аскезы, отречения от привязанностей и страстей для жизни вечной. Чем больше нельзя, тем больше человек, — как-то я уже говорил тебе это утверждение.

Иван слушал, опустив голову.

— Моё сокровенное желание состоит в том, чтобы ты вступил на этот же путь, который избрала дорогая тебе девушка.

Иван приподнял голову.

— Необязательно быть монахом, — я поспешил его успокоить. — Поступи в семинарию, окончи её, пока Вера будет проходить испытание в монастыре, и моли Господа, чтобы Он вернул тебе её.

— Я подумую, папа, над твоими словами, — не отмахиваясь, как прежде, а с серьезным видом произнёс сын.

Мы одновременно встали.

— Мне завтра в Москву, — сказал я с грустью, — пойду готовить вещи.

— Да, — воскликнул обо всем забывший Иван, — завтра ты уезжаешь. Может быть, тебе помочь собраться?

— Что мне собирать? Только подпоясаться, — пошутил я, — но есть кое-какие мелочи, связанные с направлением в институт, документами и так далее.

Иван пошел в свою комнату.

Приезд владыки

Операция, по словам профессора Амирана Шотаевича, прошла успешно.

Я три недели лежал в научном институте и ждал сообщений от Ивана, звонившего и писавшего мне каждый день, надеялся получить хоть какую-нибудь весточку от Веры, но она молчала. До меня доходили вести о состоянии строительства и отделочных работ в храме. В день выписки и отправки в санаторий Иван прислал сообщение, что он собирается в духовную семинарию.

Восстановление после операции было долгим, силы возвращались медленно, видимо, Господь сделал остановку для меня, чтобы я обо всем успел подумать.

Я писал мои записки и думал о том, кто их будет набирать на компьютере и систематизировать.

За месяц до престольного праздника Архангела Михаила я вернулся к делам и службам. Мы готовились к приезду владыки.

Купола были установлены, они сияли золотом; Престол и Жертвенник были привезены из Почаевской лавры и освещены; велось приготовления, связанные с встречей архиерея.

Наконец этот торжественный день наступил.

Когда владыка в сопровождении иподиаконов входил в храм, а протодиакон громкогласно возглашал:

— Да святится свет твой пред человеки! — хор пел «Достойно есть», а я смотрел по сторонам на пеструю массу народа, запрудившего весь храм, то вдруг, увидев знакомые лица, содрогнулся от этого видения. Это была полнота Церкви! Её своим присутствием обеспечивал владыка, он был камнем, от которого расходились круги во все миры и захватывали их.

Я увидел за людьми, которые радостно встречали владыку и входили вслед за ним, лицо Рубина-Антония, стоявшего и смиренно смотревшего радостными глазами на владыку, священство и на весь праздник, творившийся в новой церкви. Я увидел входящих Анатолия с трехлетним младенцем на руках, а рядом с ним улыбающуюся во весь рот Светлану, за ними входил Василий Федорович под руку с Тамарой. У алтаря рядом с клиросом стояли

монахиня Тавифа, инокиня Неонила и моя мама, ласково смотрящая на меня. Я в ужасе стал озираться по сторонам, ища глазами человека, которого я не хотел бы видеть, и не хотел, чтобы его увидели владыка и все участники богослужения, — я искал Пропостина. К моей радости, его не было в храме.

Но я увидел Веру рядом с Иваном. Они, казалось, ничего не замечали вокруг, смотрели только на меня, переживая мою радость первой службы в верхнем храме, к которой мы так долго шли и долго готовились. У входа, вдалеке, стоял Рустик, не переступая порога.

Владыка поднялся на кафедре, народ, как сомкнувшиеся воды, заполнил проход от дверей к кафедре, протоиерей возгласил:

— Благослови, высокопреосвященнейший владыка!

Вдруг народ от дверей в храм стал вновь наступать, как будто приехал еще один архиерей.

Служба остановилась, и все взоры устремились к дверям храма в ожидании. Собранную красную ковровую дорожку торопливо расстелили снова, и все увидели, как на неё своими маленькими ножками вступил мальчик с темными глазами. Он был одет в строгий детский костюмчик с белой рубашкой и бабочкой под шейкой, лакированные туфельки твердо ступа-

ли по дорожке. Он шел по людскому коридору уверенной походкой прямо к кафедре. Это был Илюша. За ним, поодаль, шла его мать Наталия.

В храме царил тишина, все в ожидании притихли.

Илюша подошел к кафедре, сложил ручки для благословения и высоко, почти над головой, протянул их владыке. Тот в митре и полном облачении величественно, неторопливо повернулся к Илюше и молча перекрестил его, а потом возгласил над головами радостных прихожан:

— Благословен Бог наш! — И служба началась...

— Они все, все живы, и храм — это место, где нет смерти, где сходятся все миры, все царства: и небо, и земля, и ад, — всё соединяется в теле Христовом становящегося смысла!

Бог есть Любовь! И если я их люблю, то они находятся в Боге вместе со мной, в реальности бессмертия. Ведь Он ни зла, ни смерти не создавал, они возникли в свободном выборе человека. И тот, кто выбирает зло, выбирает смерть, находится вне Бога, вне творения, вне жизни! А кто пребывает в любви, тот пребывает в Боге и принадлежит бессмертию!

□

Геннадий РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН —

поэт, прозаик.

Окончил Литературный институт имени А.М.Горького.

Автор шести книг стихов, прозы и эссе:

«Рождественские загары», «День, ниспосланный Тобой»,

«Временное и вечное», «Искренно только небо»,

«Невидимое присутствие», «Трудности перевода».

Публиковался в альманахах Академии поэзии с 2010 года,

в международных сборниках МАПП «Зеркало жизни»

и «Планета поэтов».

Член Союза писателей России,

Международной ассоциации писателей и публицистов,

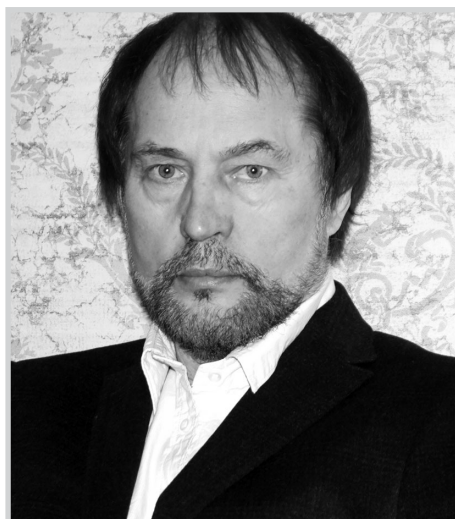
член-корреспондент Академии российской поэзии.

Председатель регионального отделения

Союза писателей России в Липецкой области.

Лауреат Литературной премии имени Евгения Замятина (2011).

Живет в Липецке.

Александр
РУЛЁВ-ХАЧАТРЯН

д. Костяевка

Вологодской области

КОЛОСКИ, КОЛОСОЧКИ...

рассказ

Ну, про колоски написано много. И в художественной литературе, и так, где кучей, где россыпью. Только одно дело читать про них в отражённом виде на сытое пузо под телевизор, а другое дело, если ты сидишь на лавке подле окошечка и наблюдаешь из избы, чтобы ненароком не заглянул кто и не засёк твою родную мать на месте преступления: она поджаривает четыре жмени ржи, натёртой из подобранных в сегодняшнюю жатву колосков. На груди принесла, за пазухой. Сестрёнкам, себе и мне. Короче — мы воры. На данный божий день.

— Убирай! — кричу я. — Егорыч — к нам!

Мама пристанывает и чуть не с плачем хватается сковородку с огня и прячет на лежанке под кожух. Садится возле печи вся белая, руки на подоле крестом. И я застыл, ноги ослабели. Голову повесил. Слушаем, как по ступенькам деревяшка Егорыча: стук! Переставил живую ногу, подтянул протез — стук!

Вошёл в сени. Распахивает дверь. Пот у него по лицу. Дышит, притуляясь у косяка. Переступил. Поздоровался. Ответил я, но сидя. Встать не могу. А мать лишь слюну проглотила, сама в чёрный потолок глаза возвела, на Бога надеется.

Бригадир примостился возле меня, деревяшка длинная наклонилась вдоль скамьи, вторая нога в заляпанном сапоге ищет себе места, — а делается всё молча, одно сопение вперёд.

Егорыч вздохнул глубоко в последний раз, упёрся затылком в стену, прикрыл глаза и тихо произнёс:

— Беда-а. Беда, Александра Павловна.

И заполнилась наша изба невыразимо тихим ужасом. Долгая, как день, текла минута.

Мама заплакала. Я сжался. Поглядел на сестренку: за печь прячутся, безгласые, что-то понимают, значит.

— Никто не видел, Егор Егорыч, — простонала мать. — Неужели...

— Видели. Кипрюха видел. А это конец. Напишет. Он не может не написать, ему природа его поганая не написать не позволит.

— Умолю его, в ноги брошусь, землю есть буду, пусть сирот пожалеет, что делать, не знаю!

Заплакали сестры, бросились к ней, она их головки обхватила.

— Мы никогда не брали, — сказал я.

— Знаю. Поэтому и пришёл.

— Господи-и! За что?! Петенька! Где ты, защитник наш, где-е?! Явись! Ах, Петя-Петя-Петя, — закачалась мать, и с ней сестрёнки, прижатые, прилепленные, раскачиваются, а мама совсем чужим голосом повторяет имя нашего отца: причитает по убитому.

О том, что отец убит, на деревне знали мать, почтальон, Егор Егорыч и я. Больше никто ничего не слышал. Так зимой велел бригадир. «Вдову, — объяснил он, — любое начальство или кто не побоится обидеть, а солдатку — нет. Тер-

пи, баба». «А сколько терпеть?» — спросила тогда мама оледеневшим голосом. «Долго. До победы. Окончательной то есть. Всё».

Так мама и терпела. И я был уверен — это не на всю жизнь, а только до победы. Ничего ещё не понимал...

— Вот что, — решительно и сердито прервал причитания и плач моих сестрёнок бригадир, — вот что! Добавь света, вырви листок и пиши письмо Петру Елисеевичу.

— Что такое говоришь, Егор? Что говоришь? Где он — Елисеевич? Куда письмо посылать будем? Ох, батюшки-и... Умереть хочу!

— А я говорю — пиши! — Тут Егор Егорыч крепко ругнулся, чем немного и привёл в чувство мою орущую мать.

Письмо написали утром:

«Дорогой Петенька. Кланяется низко твоя верная жена Александра и дети Вася, Сима, Шура. Мы здоровы. У нас всё хорошо. У Васи отметки хорошие. Не беспокойся. Траву на удворине выкосили нахорошо, как ты и наказывал в последнем письме. Здоровье хорошее. Едим хорошо. Пиши, как ты, и береги себя. Это главное. Посылаем тебе холста на портянки, принесла тётя Маня. Спасибо ей. И они здоровы. Ещё посылаем кисет. А в нём не табак, а жареная рожь. Как ты любил. Остаёмся в ожидании и надежде. Целуем. Шура уже хорошо говорит. Твои родные Александра и дети».

Через неделю маму вызвали на станцию. К уполномоченному товарищу Сибакотулину. Фамилия — Сибакотулин. Уполномоченный. Товарищ. «И под землёй про него слух идёт», — говорил Егорыч.

Она вернулась на шестой день. Ночью. Поцеловала девочек, поплакала. А мне сказала: «Видишь, сынок, отец нам даже из-под земли помог. Спасибо ему». И тут же свалилась. Пешком шла.

Со временем насчёт колосков вышло послабление, а там и совсем разрешили собирать, что мать и сестрёнки делали каждую осень.

С годами Сима и Шурка отстали от этого дела, стеснялись, выросли, замуж их мы выдавали, но мама каждую жатву ходила в поля, а я и после её смерти долго ещё находил в потайках разноцветные мешочки с припасённым зерном.

Вот сейчас и думаю: была бы жива мама, она бы со всех наших полей подобрала бы до колосочка.

Шестилетний Ромка нашёл свою мать Лиду среди телят в боковухе, а не в доильном отделении, где искал поначалу.

— Мам, баба Паня сказала, чтобы ты шла смертельную телеграмму подавать. Папке, — выговорил Ромка, разглядывая воробьёв, обсевших деревянные балки под крышей.

Лида распрямилась в рост — в руках солома на подстилку, застыла. Потом как вскинется:

— Телеграмм-маманя-а!

Ромку испугала. Телята шарахнулись. Лида вцепилась в сыновью руку и всё быстрее и быстрее затопала литыми резиновыми сапогами по бетонному проходу к дальним воротам. У выхода сдёрнула с гвоздя ватник. Кое-как напялила поверх синего халата. Всё скомкалось в рукавах, руки голые, платок сбился, сына потеряла.

– Да не отставай ты, господи, Рома!
 – Не пойду я с тобой, я сам.
 – Время нашёл, ну, смотри – через овраг не ходи... Да как ты сюда-то шёл? Ой, нет, иди ко мне! Бегом давай!

Ромка остановился и стал хмуро смотреть в лужицу рядом с выброшенной покрывкой от «Беларуся».

Мать призывно махнула рукой и побежала без дороги в село: по грязи и снегу, через силу воду первых медленных ручьёв, текущих в ледяных ещё постелях. На том берегу оврага два раза падала, пока выкарабкалась.

Ромка постоял на жёлтой от соломы и навоза дороге, вздохнул и по колею, где лужи поглубже, направился домой своим шагом; здесь ему навстречу – трактор Ключина. Коля Ключин остановил, спрыгнул, закричал издали:

– Ромка, мать где? Я за ней!
 – Побежала. У нас баба Софья померла.
 – Знаю. Ну, поехали. Некогда разговаривать, – Ключин сгрёб мальчонку, поднял в кабину и заскочил сам. Колёсник почти с места круто развернулся и, подпрыгивая как игрушечный, потрясся по старому большаку в село: все его рубленые дома и обшитые крашенные и серокирпичные здания и тёмные баньки да сарайки были ясно видны – они с трёх сторон наполнили на холм, увенчанный осиротевшей колокольней.

Село Раменье. Каких несколько тысяч. А может, и больше. Раменье, Раменье... По всей России – Раменья, что означает «горелый лес».

Вот Ромкина бабушка здесь и родилась, в первом году тяжёлого века. Повитуха сказала: «Крепонья будет, ой, крепонья». Так и вышло. И стала она жить свою отведённую жизнь. Была Софьей, стала Софьей Егоровной, вышедшей замуж за Петра. Что и говорить, когда столько уже написано и рассказано о судьбе деревенской женщины, оставшейся без мужа, убитого на войне.

Сирот двое, к счастью. Лидия родилась с криком, брат Веня появился молча и тихо, как те цыплята, что, вылупившись тихохонько, обсыхают, не понимая, зачем они явились на свет. Или сын понимал – через пять дней война, и шуметь-то, в общем, ни к чему. Не успе-

ет Софья их кое-как покормить, уже стучат в окошко кнутовищем. Некогда было страдать, некому жалиться в суете, когда вокруг одинаково тяжело и сиротливо, а день божий забит натуго одной заботой – о куске.

Помаленьку Раменье вновь стало зарастать людьми, парни до срока сделались мужиками, в избах кое-что появилось. И хоть оставались на селе родичи, да как-то неудачно, и у тех – одни бабы. Но Софья Егоровна терпела.

Пришла пора – всё изменилось. И дальше – перемены к лучшему одна по-за другой. О худом остались одни воспоминания, да такая ещё черта: до последних дней Софья Егоровна видеть не могла, если кто-то бросал хлеб. Так всю и заколотит до слёз, будто ударили.

Теперь вот затихла навеки, и некому хлеб защищать.

Лидя снежным полем против холодного ветра одолела подъём и задами через огород добралась наконец до баньки. Здесь, в затиши под стенкой, остановилась передохнуть и собраться с мыслями. На минутку.

С крыльца сбегала соседка, жена Коли Ключина. Ткнулись друг в друга, коротко всхлипнули. Соседка в одной кофточке, без платка, поспешила в баню, надо воды нагреть, обмывать покойницу будут.

В доме уже затемнили зеркало шалью, на улице со стороны палисада вывесили белое полотенце с чёрным крестом. В большой комнате суетливо теснились соседские старухи. Они замерли и выжидательно-ревниво стали наблюдать за поведением вбежавшей дочери, с точностью регистрируя малейшие детали её поведения – соседки спешно и пока что ворохом впитывали свежие впечатления для дальнейшей более подробной передачи. Только Паня, закадычная подружка Егоровны ещё с девчат, была убита, молчаливо лепились на щеках ее необильные слёзы, она медленно перебирала дни и годы, страшилась в одиночку собственной смерти, водила платочком по намочшим морщинам, чувствовала соль во рту – жива. А Софушки нет...

Баба-то Паня и сказала дочери: «Полно убиваться, Лидуша, сходи на почту, вызови мужа, телеграмму отбей, чтобы с работы отпустили. Так не поверят...»

Лидин муж Алексей — рабочим в дальнем леспромхозе, километров отсюда за восемьдесят. Лида, пока переодевалась да пока искала чёрный платок, в уме сочиняла слова для мужа, но сбивалась, о брате думала: «Веня-то где хоть? Чего не идёт?» Взяла в комодё кошелёк, опустив глаза, тихо прошла мимо лежавшей на своей постели матери.

Вышла во двор, а тут Коля Ключин с Ромкой на тракторе.

— Ты куда? — спросил он, передавая Ромку.

— Телеграмму. Веня где?

— Да сейчас будет. Он в Сурковской мастерской. Уже позвонили. Мне-то чего делать?

— Ой, Коля, не знаю ничего... Может, Коль, ты в правление заедешь, мяса выпишешь, а?

— Ага. Только я в Гришкино съезжу, там сегодня убойна. Килограмм двадцать хватит?

— Бери побольше, народу сколько будет! Я деньги сейчас подам.

— Оставь, Лида, разберёмся.

— Я с дя Колей! — заприсилс Ромка.

— Никуда не ходи, — строго наказала мать, — будь во дворе, а я скоро

Коля уехал, Лида ушла. Ромка остановился под окнами, куда вышли горевать и разговаривать соседки. И на время с Софьей Егоровной осталась одна лишь баба Паня.

Паня погладила ей руки, растянутые молочными бидонами, отчего пальцы сделались длинными и сплюснутыми, как у Богородицы на иконе. Поправила на подушке чистое и светлое лицо усопшей, подоткнула под ситцевый платок мятое ухо, стала глядеть сбоку, присев на низенькую скамейку...

Вспомнился ей праздник в райцентре, куда вызвали их троих — Софью, Паню, Клаву. Огромным и сверкающим показался им зал, где выступали разные люди, а среди всех выделялся молодцеватый секретарь в пальто и кителе. Пальто из офицерской шинели он красиво набросил на плечи. Когда надышали, пальто скинул, повесил на спинку стула в президиуме. Длинный, узкий лозунг над сценой отцепился правым краем и провис. Бегом поправили. Однорукий в гимнастёрке с медалями бодро вскарабкался по лесенке (внизу держали), постучал для верности молотком, крикнул, обернувшись в президиум: «Извиняюсь». Там одобрили.

В зале вовсю хлопали в ладоши, когда передовым скотницам стали вручать подарки. Всем троим из Раменья поднесли по одинаковому куску материи. «Чтоб никого не обидеть, товарищи! Всем сестрам — по серьгам!» — под общую радость воскликнул симпатичный секретарь в кителе. Софушка, вот как сейчас видит Паня, свой отрез несла, прижав к груди, он ярко выделялся на чёрной телогрейке, рукава которой были подкатаны: виднелись маленькая тёмная рука и тонкое белое запястье.

После обеда пождали-пождали чего попутного, да напрасно. В район приехали на лесхозовском ЗИСе королевами. Ну, думали, вдруг и домой что подвернётся. Нет. Дождаться дале стало опасно — как не успеем к работе. Потоптались, пошли.

По майской грязи в кирзачах-развалюхах шли просёлками и тропками три молодые русские солдатки. Шли весело, нет-нет да и запоют. Много раз подробно вспоминали, как и кому что давали, как лозунг провис, кто чего сказал, какой секретарь симпатичный в кителе, пальто когда снял и на стул повесил.

Темнушей майской полуночью испуганно пробирались через пустой холодный лес. Пели от страха и громко перекликались, наткнулись друг на друга в темноте. Хутор миновали часа в три, наверное. Торопились так, что почти бежали, — часов-то ни у кого. Подходят к первой деревне: мати-светы, кто в эту пору на гармони играет? И огонь! Скоро миновали весёлое место, а впереди ещё три деревни, потом будет Раменье. Страх прошёл, приутихли и молча топали, время от времени ошупывая в узелках подаренную материю — на вес-то она нечувствительна, ну а еду, что была взята (хлеб, лук, два творожника) съели ещё засветло.

В другой деревне снова музыка и гомон. «Праздник у них какой святой, что ли?» — высказала предположение Софья. Пробежались поскорей, мало ли... Только за околицу — а тут уж светать начало — глядь, навстречу трое парней и с ними военный, на ногу припадает. Пьяные. Стали тесниться и обходить всю компанию стороной.

— Вы чё, бабоньки-и! Чего сторонитесь? Валите к нам! Мы вам ничего не сделаем!

— Всё уже сделано, опоздал, — отвечала бой-

кая Клавдия. — А вы тут ни свет ни заря с какой радости?

— Ребя, во дуры-то!

Подхрамал поближе мужик в военной форме.

— Да вы что? — спрашивает. — И вправду ничего не знаете? Откуда хоть?

— Из району.

— Так ведь война кончилась, сестрички. Победа объявлена!

Заплакали. Давай вперемежку обниматься. Уже пошли, когда парень догнал, прибежал из деревни с самогоном. Угостил. Отогрелись — и бегом...

«Как раз на работу успели, — через столько лет вспомнила и обрадовалась Паня. — А ты, Софьюшка, уже своё отработала. Не об чем тужить, некуда тебе торопиться», — тихо покачивалась у изголовья Паня.

Казалось бы, какое дело человеку до того, что его жизнь так похожа на жизнь многих. Какое дело ему, что и смерть его ничем не будет отлична от чужих смертей. Какое ему дело до других, если навсегда уходит он сам — один, единственный, неповторимый. Вот жил и старался, сам того не сознавая, быть похожим на других. Заботился бедами детей, родных, знакомых, радовался и сопереживал — был всегда на людях, а приходит время умирать, то остаётся один сам с собой сводить счёты и подво-

дить свою последнюю черту. Человек умирает, горько сожалея, что жил для других, но прожиги он свои годы по новой — вновь будет он жить так, как жил.

... В дом вкатился Ромка — надоело гулять.

— Баба Паня!

— Аиньки, Ромушка. Иди сюда.

— Ты чего? — спросил он, подходя к руке, — чего говоришь? Сама разговариваешь с собой, что ли?

— Я, Ромушка, говорю, на работу мы тогда с твоей бабушкой не опоздали, вот было хорошо, — ответила старуха, поглаживая мягкую головку и невольно прислушиваясь к шуму тракторов да машин, снующих по дороге за окнами.

□

Александр РУЛЁВ-ХАЧАТРЯН —

поэт, драматург, прозаик, переводчик.

Член Союза писателей России.

Впервые появился на страницах журнала «Север» в 1966 году.

Автор книг: «Трое у костра»,

«В году триста шестьдесят пять дней»,

«Семь чудес света», «Повесть временных лет» и др.

В числе наиболее известных произведений —

«Хроника семьи Петровых», «У нас на Выселках»,

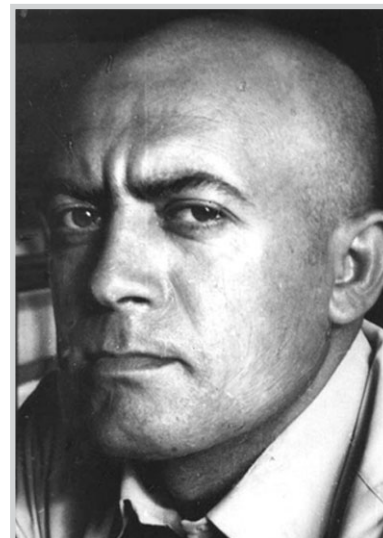
«Повесть временных лет» —

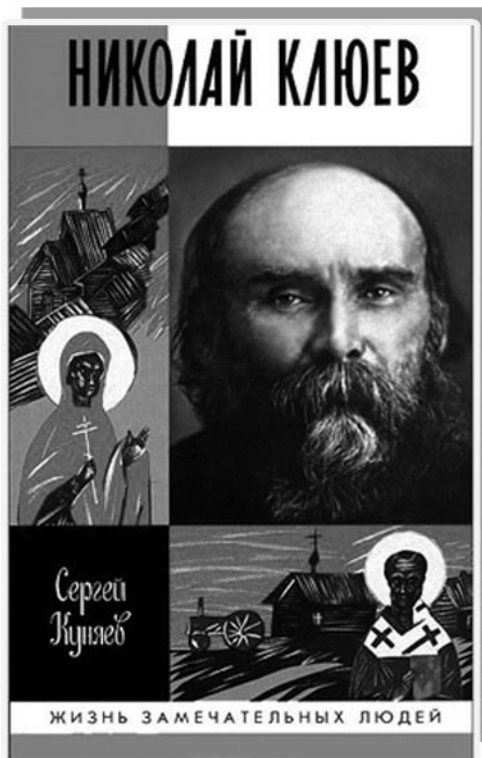
памфлет политической сатиры наших дней,

комедия «Роковая черта».

Книги переведены на многие европейские языки.

Живет и работает в Вологодской области.

Михаил ГОЛУБКОВ,
Дарья КРОВОТА

г. Москва

Время настало:

Сергей Куняев о Николае Клюеве и его эпохе

С появлением в 2014 году книги С.С.Куняева «Николай Клюев» серия «Жизнь замечательных людей» обогатилась глубоким и значительным исследованием, отмеченным печатью незаурядного писательского и литературоведческого таланта.

Безусловно, это знаковая книга. Перед нами не только исследование о Клюеве, но и размышление об эпохе рубежа XIX–XX вв. и первой трети XX века. В фигуре Клюева, в его творчестве, как убедительно доказывает автор книги, отразились и, более того, сконцентрировались духовные искания Серебряного века и первых десятилетий XX столетия. Осмысление историко-культурного и литературного процесса этой эпохи, панорама разнообразных ее идейных и эстетических веяний, анализ их взаимодействий и взаимовлияний предстает перед читателем этой книги.

Если задаться целью выделить наиболее ценный и весомый аспект труда С.С.Куняева о Клюеве, то волей-неволей оказываешься в затруднительном положении, поскольку книга исключительно многопланова, и все грани ее содержания представляются в равной степени значимыми. Бесспорно, к числу важнейших относится

биографический аспект – собственно исследование жизненной канвы Николая Клюева, в которой для исследователей до сего момента было предостаточно белых пятен, не до конца проясненных обстоятельств. Книга С.С.Куняева в значительной степени возмещает эти пробелы и открывает читателю донныне скрытые страницы биографии этого большого поэта. Столь же, или даже более существенной является собственно литературоведческая сторона этого труда, поскольку здесь анализируются важнейшие произведения Клюева и выстраивается целостная концепция его творчества. Наконец, ценность книги связана и с документальным, историческим аспектом. Автором книги проработан огромный пласт исторических документов и материалов, в том числе тех, что не упоминались до сих пор в фундаментальных исторических трудах, и уж тем более в литературе, рассчитанной на массового читателя. Рассмотрение творчества Клюева, анализ литературных и культурных явлений его эпохи – всё это имеет в качестве своей основы в разбираемой книге серьезнейший исторический анализ. В ряде случаев автор предлагает собственную глубоко аргументированную трактовку истинных причин и оснований

социальных процессов этой эпохи, например, размышляет о внутренних механизмах революционного движения первых десятилетий XX века, выявляя в нем немаловажное и даже первостепенное значение религиозного компонента.

Ценность книги С.С.Куняева заключается, конечно, и в том, что автор воссоздает личностный облик Клюева, раскрывает внутренний склад, глубинную суть, духовный стержень его натуры. В случае с Клюевым выполнение этой задачи – обнаружить и выявить специфику личности поэта – намного сложнее, чем в отношении любой другой фигуры. Клюев был мастером творить мифы о себе: как известно, он порой сознательно мистифицировал отдельные факты своей биографии, намеренно «путая следы». В среде, которая часто (почти всегда) не понимала и отталкивала его, он вел себя как «великолепный актер, для которого личины, надеваемые перед публикой, были тяжким и – увы – необходимым гнетом»¹. Клюев нередко был принужден играть, выбирать определенную манеру, амплу, те или иные формы внешнего поведения, словом, действовать по им самим сформулированному принципу: «быть в траве зеленым, а на камне серым». Многие современники Клюева упрекали его в неискренности, притворстве, а то и ханжестве и лицемерии. Перед исследователем, который поставил своей целью проникнуть во внутренний мир Клюева и воссоздать подлинный его творческий облик, стоит очень непростая задача – сквозь шелуху неправдивых свидетельств и предвзятых оценок мемуаристов, сквозь справедливые и несправедливые высказывания современников, сквозь мистификацию и мифологизацию своей биографии самим поэтом – ощутить то подлинное, настоящее, что и составляло основу его личности и творческого дара. И С.С.Куняев блестяще выполнил эту задачу: перед читателем его книги Клюев предстает человеком глубокой, истовой, неколебимой веры, которая и является фундаментом, основой его миропонимания, Клюев раскрывается как личность, которая существует будто бы одновременно в двух измерениях – в пространственно-временном измерении своей исторической эпохи и в Вечности, когда современниками и соратниками оказываются и Иоанн Креститель, и протопоп Аввакум, и Дмитрий Солунский... Наконец, Клюев предстает личностью почти непостижимо многогранной, впитавшей в себя глубочайшие и столь разнородные пласты

мировой культуры – от религиозных и культурных традиций русских староверов до современной западноевропейской философской мысли, от духовных стихов, плачей и былин до завоеваний авангардной поэзии, от сектантства до Канта, от поэзии суфиев до декадентской лирики, от русского космизма до немецких романтиков.

С.С.Куняев размышляет об этой удивительной многосоставности, многомерности творческого дарования Клюева и всё же основой клюевской поэтики считает именно древнейшие пласты национальной духовной культуры. «С невиданной силой и уверенностью»² они были внедрены Клюевым в современность – в поэтическую культуру рубежа веков и первых десятилетий века двадцатого. И именно с этим, в значительной степени, по мнению автора, связано то непонимание, а часто и открыто враждебное отношение, с которым пришлось столкнуться Клюеву: значительная часть художественной интеллигенции начала XX века не была готова к восприятию всей глубины и мощи тех пластов народного сознания, которые актуализировало его слово. В лучшем случае подавляющее большинство представителей писательской и художественной среды было готово увидеть в творчестве Клюева лишь талантливую «стилизацию», переложение «фольклорных мотивов», но «признать, что этот человек из народа более глубок, чем они сами – представители культурной элиты, – больший новатор, чем они, что он – носитель совершенно неизвестной им глубинной высочайшей культуры, – большинству из них было чрезвычайно трудно, да и просто невозможно»³. И лишь десятилетия, последовавшие много позже, станут этапом постепенного приближения к подлинному пониманию Клюева и осознанию масштаба того, что сделано им в литературе. И книга С.С.Куняева является важнейшей вехой на этом пути – опытом наиболее глубокого прочтения Клюева и наиболее внимательного и тонкого проникновения в художественное и ментальное пространство его текстов.

Размышляя о том непонимании, которое на протяжении целого ряда десятилетий сопровождало общение Клюева с современниками, С.С.Куняев поднимает тему, весьма значимую в

¹ Куняев С.С. Николай Клюев. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 219.

² Там же. С. 193.

³ Там же. С. 194.

общественной жизни и культуре той эпохи и не утратившую своей актуальности и в последующие десятилетия, вплоть до сегодняшнего дня, – это тема взаимодействия интеллигенции и народа, и даже не столько взаимодействия, сколько, напротив, разобщенности и взаимного непонимания. То враждебное и неприязненное отношение представителей творческой среды, с которым столкнулся Клюев, показало, что «они, интеллигенты, творцы прекрасного, не только не знают своего народа, но и отстали от его духовного развития, а следовательно, не могут и претендовать на роль водителей народа, его наставника. «Народ-лапотник» в действительности нуждался в том, чтобы интеллигенция поняла его, приняла и развивала вместе с ним уже созданную им культуру, шла по пути, уже им избранным»⁴. Представляется, что размышления С.С.Куняева об этом звучат остро современно, и мысль о том, что необходимым духовным ориентиром в жизни общества являются именно национальные, веками формируемые в народном сознании ценности, должна восприниматься в нынешней общественной и культурной ситуации весьма актуально.

В книге С.С.Куняева личность и творчество Клюева рассматриваются в контексте взаимодействия с ключевыми фигурами художественной среды его эпохи – прежде всего, писателями и поэтами (хотя и не только). Это и А.Блок, и В.Брюсов, и Н.Гумилев, и А.Ахматова, и Вяч. Иванов, и А.Ремизов, и, конечно, С.Клычков, П.Орешин, А.Ганин и многие другие. Особенно подробно, детально исследуется история творческих взаимоотношений Н.Клюева и С.Есенина. Открытость к творческому взаимодействию с поэтами и писателями столь различных, а нередко и противоположных художественных устремлений еще раз подтверждает идею многострунности творческого дара Клюева – поэта, которому были близки самые разные, часто далекие друг от друга культурные и литературные сферы. В том числе оказывается не чуждой Клюеву и область экспериментаторства в литературе, авангард и абсурдистская поэтика. Вокруг Клюева в 1920-е годы, по словам С.С.Куняева, «толпятся совсем уж неожиданные персонажи»: речь идет об общении Клюева с представителями группы ОБЭРИУ – с Хармсом, Введенским и Вагиновым. С Хармсом и Введенским Клюева связывали как личные, так и творческие контакты, к лирике Вагинова он проявлял «повышенное

внимание, сочетающееся с точным пониманием ограничений молодого поэта»⁵. Клюев и обэриуты – интереснейшая и чрезвычайно продуктивная тема, которая поднимается в этой книге.

Автор книги справедливо уделяет особое внимание творческому взаимодействию Клюева с кругом поэтов, которых в современном литературоведении принято называть «новокрестьянскими». Размышляя о специфике этого направления в русской литературе 1910–30-х годов, С.С.Куняев вводит другое его обозначение – поэты «Русского Возрождения». Представляется, что предложенное автором определение действительно верно отражает суть их мировосприятия и творческих установок – возрождение национальных ценностей (в противовес официально декларируемым интернациональным), осмысление действительности в категориях, выработанных национальным сознанием, художественное претворение древнейших пластов народного искусства и вместе с тем владение новейшими открытиями литературы рубежа веков и первых порубежных десятилетий, открытость к модернистским и авангардным веяниям.

С.С.Куняев размышляет в своей книге о том, что миропониманию этих писателей и поэтов абсолютно не была свойственна лубочная, сугубая идеализация народного бытия. Приоритет национальных традиций, глубинное усвоение многовекового опыта вовсе не означали слепой идеализации жизни народа в любых ее проявлениях. Достаточно вспомнить ряд приведенных в книге суждений Клюева – например, тех, что были высказаны им в беседе с И.Брихничёвым (опубликована под заглавием «Богоносец ли народ?» в журнале «Новое вино», 1913 год). Можно упомянуть и далеко не идеализированные представления о народной жизни, выраженные в прозе Алексея Ганина, – в его романе «Завтра» (1923) или рассказе «Иван и корова» (1923). Опора на духовные ценности, сформированные столетиями национальной истории, сочеталась в сознании поэтов «Русского Возрождения» с чётким осознанием того, что те или иные стороны народной жизни требуют существенных изменений, неслучайно практически все поэты этого направления первоначально отнеслись восторженно к идее революции, к перспек-

⁴ Там же. С. 194.

⁵ Там же. С. 448.

тиве радикального переустройства жизни страны. С.С.Куняев детально анализирует восприятие Клюевым революционной идеи: от искреннего воодушевления, мечте о «революции, творимой «всёвыносящим народом», который «факел свободы зажжёт»⁶ – к глубоким расхождениям с революционной идеологией, кардинальным противоречиям с политическими установками большевиков.

Вообще, раскрытие влияния тех или иных мировоззренческих ориентиров на творчество Клюева – будь то революционная идеология или какая-либо философская система, старообрядчество или сектантство – становится одной из приоритетных задач, которые ставит перед собой автор книги. Анализ широкого круга идейных влияний, отразившихся в творчестве Клюева, С.С.Куняев всегда сопровождает глубоким и подробным историко-культурным комментированием. Так, говоря о роли старообрядчества в мировоззрении Клюева, автор предлагает детальный экскурс в историю древлеправославия, опираясь при этом на ряд документов и исследований, рассказывая читателю о различных ответвлениях внутри старообрядчества, размышляя о тех культурных традициях, которые на протяжении столетий оказывались бережно хранимыми исповедниками старой веры.

Книга С.С.Куняева написана очень эмоционально, страстно. Она удивительным образом сочетает в высшей степени заинтересованный тон повествования с четкостью и продуманностью композиции, структурированностью изложения, логикой подачи материала, вплоть до лейтмотивных переключек внутри книги, композиционных параллелей в построении целого. Например, начало книги, ее первая фраза – «Крик. Крик и холод» – отражается в 24-й главе, образуя лейтмотивную арку внутри текста. Эта фраза становится не только ярким, сразу захватывающим читателя зачином повествования. Такое начало, как и повтор этой фразы в книге, имеет, конечно же, символическое значение. Крик – это метафора всего творчества Клюева. Страстный и яростный, истовый и исступленный крик. Это крик боли о национальной судьбе, о русском крестьянстве, о духовном наследии Отечества и, наконец, пророческий крик-клич, возвещающий грядущие гибельные страницы

нашей истории. Крик и холод. Холод равнодушия и враждебности, который почти всегда, за редчайшими исключениями, встречало клюевское слово. Холодное, агрессивное отношение современников к творчеству поэта, отношение, которое чаще всего сказывалось явно, а иногда скрывалось за маской внешнего дружелюбия. Холодное, нечуткое, неприязненное восприятие наследия этого большого поэта на протяжении ряда последующих десятилетий. Лишь в последнее время холод отчуждения при оценке творчества Николая Клюева постепенно сменяется вдумчивым и внимательным, заинтересованным и бережным отношением. И новая книга серии «ЖЗЛ», созданная высокоталантливым писателем, исследователем и критиком, – одно из самых ярких тому свидетельств.

**Сергей Куняев
Николай Клюев.**

М.: Молодая гвардия, 2014

Серия «Жизнь замечательных людей»

⁶ Там же. С. 42.

Дмитрий
ГОРОХ

г. Петрозаводск

Пир народов на земле Вира

Известный исследователь финно-угорских народов В.В. Пименов однажды признал вепсов историко-этнографической загадкой. Такое определение маститого ученого отнюдь не кажется проявлением слабости перед решением уравнения со всеми почти неизвестными. Здесь скорее восхищение головоломкой Клио, запершей вход в удивительный мир древнего народа, так что ученым, не подобравшим ключа, остается лишь глядеть в замочную скважину.

Когда научные формы познания оказываются бесцельными, накопленных фактов для построения строго научной картины явления критически мало и логические построения рушатся как карточный домик, а сердце исследователя при этом продолжает изнывать от неразделенного чувства, на помощь ему приходит художественное озарение и интуиция.

Заведующая сектором языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, доктор филологических наук Нина Григорьевна Зайцева – в вепском мире личность поистине легендарная. Без всякого преувеличения! Нет смысла перечислять, а тем более доказывать ее заслуги, когда любой желающий без труда найдет эту информацию в Интернете. Скажу лишь о том, что молодая вепсская литература многим обязана Нине Григорьевне именно сочетанием в ее душе движимых нескончаемой силой любви к звукам родной речи качеств ученого-исследователя и наделенного огромным талантом поэта.

Впервые эпическая поэма «Вирантаназ», написанная на вепском языке, была представлена публике в 2012 году. Через год увидел свет ее перевод на финский язык. И вот наконец перед нами русский перевод, осуществил который Вячеслав Агапитов. Сама Нина Зайцева, автор оригинального произведения, так поясняет свой замысел: «В основу эпоса «Вирантаназ» мною положены вепские плачи и заговоры, а также сведения о вепсах, изложенные в этнографической литературе, и мое собственное знание уклада вепской жизни «изнутри». Название происходит от двух слов: «Вир» – это традиционное вепское мужское имя, «таназ» – подворье, земля, обжитая Виrom и оставленная им своему народу». Таким образом, в самом названии, образованном сходно со всемирно известной «Калевалой» – землей Калева, зашифрована амбициозная идея: подарить своему народу культурную память, уважение к предкам, а через это и уважение к себе сегодняшним, отличным от других народов, но и стоящим с ними в одном ряду и имеющим на это полное историческое право. Более того, этот посыл обращен не в прошлое, а в будущее, где он и призван обрести – чем дальше, тем больше – стихийную энергию ретроспективы. Именно с этой стороны фасад произведения кажется мне наиболее величественным.

Можно признать отчасти несправедливым, что вся слава великого эпоса «Калевала» досталась карелам и финнам. Записанные Элиасом Лённротом руны – со слов по большей части карельских скази-

телей – скрепили и защитили от внешних невзгод народ Суоми едва ли не круче линии Маннергейма. Да еще и оказались в сокровищнице мировой литературы! А ведь древние мифологические пласты эпоса от сотворения мира до выплавки железа, включая и образ самого исполина Калева, принадлежат тем временам, когда дерево финно-угорских народов еще не было таким ветвистым. С этой точки зрения, «Калевала», безусловно, является частью духовного пространства и нынешних вепсов тоже. Но – и это главное «но» – сохранили для себя и передали потомкам древние руны именно отчие племена нынешних восточных финнов и карелов, сохранили их на своем наречии. В эволюционной борьбе за выживание этносов племена ямь и корела приобрели, что называется, прогрессивный признак – умение сберечь и сохранить национальное достояние. А племена летописной веси, как это ни горько осознавать их потомкам, в силу ли национальных черт или в силу обстоятельств щедро и почти без остатка поучаствовали в формировании соседних народов. «Чудь начудила», – оставил свой след в этнографии Александр Блок.

В понятиях теории этногенеза, максимально осторожно, так, чтобы не попасть на минные поля сторонников и противников этой теории, необходимо отметить, что к концу IX века весь уже была довольно старым народом, достаточно влиятельным, чтобы поучаствовать в создании древнерусского государства, но недостаточно энергичным, чтобы продолжать бороться за место под солнцем. Нестор прописал весь на Белоозере. А чудь близ моря Варяжского, т.е. Балтийского. Эти племена давали дань Руси, иными словами, не имели на тот момент суверенной демократии. Саамы же и корела не были отмечены в «Повести» ни как данники, ни как бенефициары Новгородского государства. При том, что древность самобытной культуры карел не вызывает сомнений, кажутся обоснованными версии о происхождении карельского народа из взаимодействия чудских и вепских племен. Часть веси под напором активных переселенцев перемещалась на север в пространство между Онежским и Ладожским озерами, часть уходила на запад к Финскому заливу, большинство же оставалось на своей земле, пахало и сеяло – и как угасает, вибрируя, последний звук кантеле, как бывает допета казавшаяся бесконечной старинная песня и вскакивает, радостно галдя, молодежь, так вдруг порвалась спайка рода, рассыпались имена на буквы, и вновь из этих букв стали складываться иные имена.

Вот все это – и даже гораздо более того – имея в

виду, взялась Нина Зайцева за многолетний труд. Одновременно были заложены основы вепсской письменности, выпущены букварь и множество учебников, переведены на вепсский язык Библия и эпос «Калевала», бережно собраны крупницы фольклора. В поэме «Вирантаназ» сконцентрировано знание о вепсах автора – одного из самых известных и уважаемых ученых в области вепсского языка и литературы. «Калевала» образует как самый нижний и древний культурный слой, общий для родственных народов, так и верхний культурный слой, принадлежащий исключительно карелам и финнам. «Вирантаназ» охватывает период XV–XVII столетий, когда вепсы уже уверенно торили свой путь, тем самым не вторгаясь в культурно-исторический и литературный феномен несравнимо старшего и более величественного произведения. Таким образом, чтобы у будущих исследователей не возникало соблазна противопоставить или сравнить эпосы, этикет был соблюден безукоризненно.

Поскольку речь в нашем случае идет о русском переводе, оценку художественного значения труда для вепсской национальной литературы я опускаю. В то же время необходимо отметить, что перевод Вячеслава Агапитова, также известного поэта, переводчика, краеведа, много времени посвятившего изучению заонежской культуры, сам по себе символичен и ценен. По сути, это самостоятельное культурное явление. Достаточно вспомнить, какое заметное влияние оказала вепсская самобытность на формирование особого заонежского диалекта, уклада жизни русских переселенцев. Любое взаимодействие может быть только обоюдным – это фундаментальный закон вселенной. И вот локальное взаимодействие двух народов, сказавшееся в культуре, языке, быте, мифологии, сегодня откликается легким, естественным, гармоничным восприятием образной, символической, эстетической, отчасти даже семантической категорий художественного произведения. Использование переводчиком диалектных заонежских слов оправдано не только стилистически, но и, учитывая все вышесказанное, метафизически. Это ничуть не выглядит искусственным для русскоязычного читателя, а, наоборот, создает особую атмосферу погружения в реальность описываемых событий на подсознательном уровне. Именно такую силу, по моему мнению, имеют забытые имена обычных вещей.

Песни, старины, заговоры, сказы и плачи, составляющие ядро духовного наследия предков, чудом еще сохранившегося и собранного у носителей языка во время многочисленных экспеди-

ций, переведены легко и вдохновенно. Сюжет «Вир-антаназ» несложен и подчинен этому ядру. Персонажи, кроме мифологического прародителя вепсов медведя – Конди, – отнюдь не сказочны. Вир и Айра, их дети – самая заурядная семья. Но вокруг – одухотворенный сказочный мир, в лесу и воде живут леший, водяной и русалки, а в избе хозяйничает домовая. Вир – вепсский знаменитый охотник, чьим прообразом стал промысловик Мартьянов, житель Шимозерья, он двуязычен, говорит по-вепски и по-русски. Айра из народа сама, обогатила речь вепсов лапландскими словами. Тетка Вира Анни – знахарка, «...знала мудрость Веси». Пастушок Ваня, которому Анни перед смертью передает лесные тайны, веселит народ в деревне напевной игрой на свирели. Русский князь сватается к дочери Вира красавице Тали, перед тем, спасая его на охоте, Вир убивает медведя. Не того Конди, что учил свой народ этическим и экологическим правилам жизни в ладу с природой, но все же его alter ego. Все вместе – это авторская схема, модель мира, который в поэме оживает, наполняясь песнями-сказами, колдовской силой веси. Тот же пастушок ищет сезонной работы на чужбине: в Заозерье, в Заволочье, так и крутится у Вячеслава Агапитова на языке родное Заонежье! Чудный наш край Карелия, сохранились здесь в памяти людской и богатства карельских рун, и сокровища русских былин, и золотые россыпи народных песен!

*– Летела пташечка,
Да летела серая
Из-за моря дальнего
Да все в край родной.
Из-за моря дальнего
Да к себе на родину,
Ветер в крылья дул
С полной силою.
Ветер в крылья дул,
Помогал лететь,
Легку перышку
С крыльев дал слететь.*

Чего мне не хватило в поэме, так это поэтического описания вепсских обрядов, не короткими мазками, а широкой кистью. Так, чтобы не зарисовки, а картины народной жизни проступали на ткани поэтического холста. Выпукло, зримо, со множеством незнакомых современному человеку деталей. Сватовство, свадьба, роды или похороны неизменно в деревнях сопровождалась

привычным ритуалом, замешанным на народных обычаях, поверьях, предрассудках. Сватовство, например, по записи З.И. Строгальщиковой, начиналось с моления перед иконами, при этом молодых ставили на шубу, лежащую мехом вверх. Затем уже – после сделки о приданом – начинались причитания. После мытья в бане невеста становилась на сковороду, и ее обливали молоком или соленой водой. На соленой воде пекли рыбник, которым потом угощали жениха, на молоке – пироги. Вопросы «зачем» и «почему» остаются за этим многоцветным кадром, живым и любопытным.

Впрочем, автору удалось выполнить главную задачу: из разрозненных источников, часто русскоязычных, записей, воспоминаний собратьоедино книгу, по которой будущие ученики на родном языке смогут изучать историю своего народа, его культуру, его обычаи и привычки. И пусть это будет только первый шаг на пути к Знанию, этот шаг не будет методически скучен или научно многословен. Благодаря переводу В. Агапитова и русский читатель прикоснется к фольклорно-песенной и бытовой традиции братского вепсского народа, включая, безусловно, и традицию, заложенную самим новейшим фактом существования эпической вепсской поэзии. Нина Зайцева сумела придать вепсскому языку вершинную форму эпоса, где в качестве структурной единицы использована двенадцатистрочная рифмованная строфа. Русский перевод украсил произведение новыми – заонежскими обертонами и местами придал звучанию мотивы песен Русского Севера, что в силу давней близости культур двух народов не ощущается стилистически чужеродным. В целом перевод эпической поэмы «Вир-антаназ» на русский язык состоялся и его должно признать удачным. А сам эпос, безусловно, станет явлением в финно-угорской культуре!

**Нина Зайцева. Вир-антаназ.
Перевод Вячеслава Агапитова.
Альманах «Verez Tullei», 2015 г.
Издательство «Периодика»**

П О Э З И Я

Алексей	«ТИХИЙ СВЕТ	
БОРЫЧЕВ	ДАЛЕКИХ ЛЕТ...»	7-8
Игорь	«Я ВЕРИЛ	
ВАСИЛЬЕВ	ЖЕНЩИНЕ ВСЕГДА...»	3-4
Александр	«МУЗЫКА ГОРНЯЯ	
ВОЛКОВ	ЛЬЕТСЯ ИЗ СЕРДЦА...»	5-6
Александр		
ВОРОНИН	НА ОБЩЕЙ ВОЛНЕ	5-6
Олег	«ВЕРА	
ВОРОПАЕВ	В ПОПУТНЫЕ ВЕТРЫ...»	11-12
Ольга	«ЕДИНАЯ	
ГОЛУБЕВА	СЛАВЯНСКАЯ ДУША...»	5-6
Сергей	«РОДНОЙ ЯЗЫК –	
ДОНБАЙ	НАШ ПРОМЫСЕЛ ЖИВОЙ...»	1-2
Иван	«НЕ ВЕРЬТЕ ОТТЕПЕЛЯМ,	
ЕГОРОВ	ПТИЦЫ...»	9-10
Сергей	«ФЕВРАЛЬСКИЕ	
КАРАУЛОВ	ТЕНИ СИННИЕ...»	3-4
Ольга	«ВЫБИРАЮ ЛЮБУЮ	
КАРКЛИН	ИЗ ВСЕХ ДОРОГ...»	3-4
Леонид	«ВСПЫХНУТ БЛИКИ	
КАРПОВ	ВЕЧНОГО ОГНЯ!...»	5-6
Виктор	«СУДЬБОЙ	
КИРЮШИН	ДОБЫТЫЕ СЛОВА...»	1-2
Ольга	«Я ВСПОМИНАЛА	
КОРЗОВА	НЕБО ГОЛУБОЕ...»	3-4
Иван		
КОСТИН	ОДА РОДНОМУ КРАЮ	7-8
Игорь	«ЗДЕСЬ ПРОСКАКАЛ	
МЕЛЬНИКОВ	ПО ДОРОГЕ ПЕГАС...»	9-10
Александр	«БОЛЬ-ТРАВА	
МИЛЯХ	РАСТЕТ ПО ГРУДЬ...»	5-6
Олег	«СОКРОВЕННОЕ СЛОВО	
МОШНИКОВ	ИЩУ...»	7-8
Сергей	«И ПТИЦЫ ПЕЛИ	
НИКУЛИН	НАД ЗЕМЛЕЙ...»	7-8
Николай	«ОКАМЕНЕВШИЙ	
НОВОСЕЛОВ	ПЛАЧ ПОБЕДЫ...»	9-10

П О Э З И Я

Валерий	«У ПАМЯТИ	
ПАЙКОВ	ЕСТЬ ГРАНИЦЫ...»	3-4
Егор	«Я ГОРСТЬ ВОДЫ	
ПЕРЦЕВ	У МИРА НА ЛАДОНЯХ...»	11-12
Елена	«КАПАЛ В ОЗЕРО	
ПИЕТИЛЯЙНЕН	С НЕБА ЗАКАТ...»	7-8
Валерий	«НЕ МЕНЯ, НЕ МЕНЯ,	
РУБУШКОВ	НЕ МЕНЯ...»	5-6
Ирина	«ЛИШЬ БЫ В НЕБЕ	
СВЕТЛОВА	РАДУГА КАЧАЛАСЬ...»	1-2
Евгений	«ТВОИХ ЗРАЧКОВ	
ЧЕКАНОВ	ГРЕЧИШНЫЙ МЕД...»	9-10

П Р О З А

Леонид	КАПЛЯ СМОЛЫ НА ПЫЛЬ-	
АВКСЕНТЬЕВ	НОМ СТЕКЛЕ, <i>повесть</i>	3-4
Валентина	СТРАСТИ ПО «ИТАЛЬЯНЦУ»,	
АКУЛЕНКО	<i>рассказ</i>	9-10
Константин		
ГНЕТНЕВ	ПЛАСТУН, <i>повесть</i>	1-2
Ирина	СОЛДАТИКИ НА ПОДО-	
ДЕГТЯРЕВА	КОННИКЕ, <i>повесть</i>	1-2
	БОГ ДОРОГИ; РОЖДЕСТВО.	
Светлана	ДОРОГА ДОМОЙ;	
ЗАХАРЧЕНКО	СВЕТЛЫЙ АНГЕЛ, <i>рассказы</i>	11-12
Василий	ЖИЛ, ЖИВ..., <i>маленькие</i>	
КОСТЕРИН	<i>рассказы о вожде</i>	1-2
Наталья		5-6,
КРАСАВЦЕВА	КВАРТИРА, <i>повесть</i>	7-8
Юрий		
КУЗИН	ЁЛОП, <i>рассказ</i>	5-6
Андрей		
ЛОПАТИН	МАРИЙКА, <i>рассказ</i>	7-8
	СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ;	
	И ТАКОЕ БЫВАЕТ;	
	ОБМАНУТОЕ СЕРДЦЕ;	
Антон	ПОРТРЕТ НА ПАМЯТЬ;	
ЛУКИН	БАБУШКА ЗОЯ, <i>рассказы</i>	7-8

ПРОЗА

Ирина		
ЛЬВОВА	РОМАН, <i>рассказ</i>	3-4
Иван		
НИКОЛАЕВ	НОЖ-САМОРЕЗ, <i>повесть-сказка</i>	3-4
Павел		
ПАРАМОНОВ	КУБИКИ, <i>повесть</i>	9-10
Ольга	РОЖДЕНИЕ;	
ПОКРОВСКАЯ	ВОЗВРАЩЕНИЕ, <i>рассказы</i>	5-6
	ОДНА ИЗ ЗАГАДОК ТВОР-	
	ЧЕСТВА; ПРЫЖОК В РАЙ;	
Валерий		
РУМЯНЦЕВ	КУРИЦА, <i>рассказы</i>	9-10
Александр	КОЛОСКИ, КОЛОСОЧКИ;	
РУЛЕВ-	ОДНАЖДЫ СВЕТЛЫМ УТРОМ,	
ХАЧАТРЯН	<i>рассказы</i>	11-12
Геннадий		
РЯЗАНЦЕВ-	ЗЕМЛЯ ЖИВЫХ,	9-10
СЕДОГИН	<i>роман (журнальный вариант)</i>	11-12
Владимир		
СОФИЕНКО	СМОТРИТЕЛЬ РЕКИ, <i>рассказ</i>	1-2
Владимир	В ГОРНИЛЕ	
СОФИЕНКО	СЕВЕРНЫХ ВЕТРОВ, <i>повесть</i>	7-8
	САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ;	
	ШИШКИ; УРОК КИТАЙСКОГО,	
Елена	ИЛИ ВОЕННАЯ ТАЙНА,	
СЧАСТЛИВЦЕВА	<i>рассказы</i>	3-4
	ТРИ СТУПЕНЬКИ К УНИТАЗУ;	
	ЖЕЛЕЗНЫЙ ГЕРЦЕН;	
Андрей	ГОЛОС ИЗ КОМПЬЮТЕРА;	
ТОЛСТЫХ	ВОЛКИ; БРИГАДА, <i>рассказы</i>	11-12
Лукас	ПУСТАЯ ВАЗА; ЛЮБОВЬ ОБЯ-	
фон ШЕЛЛЬ	ЗЫВАЕТ; КОШЕЧКА, <i>рассказы</i>	9-10
Олег	НЕКОМПЕТЕНТНЫЙ	
ЦЕЛЕБРОВСКИЙ	СПЕЦИАЛИСТ, <i>рассказ</i>	5-6
Андрей		
ЦУНСКИЙ	РЫЦАРИ, <i>повесть</i>	11-12
Олег		
ЧУВАКИН	ДОРОГА К НЕБУ, <i>рассказ</i>	3-4

ПРОЗА

Николай	ПРОЩАНИЕ,	
ШАДРИН	<i>пасхальный рассказ</i>	3-4
Антон	ТЕМНЕЕТ РАНО;	
ШУРИН	ПЕТЛЯ, <i>рассказы</i>	1-2
ДЕБЮТ В «СЕВЕРЕ»		
Елена		
ГАЛЬЧИНА	ДВОЕ СУТОК, <i>рассказ</i>	7-8
Валентина	«ТЫ ПРОСТИ НАС,	
КОЛОБОВА	КРАЙ РОДИМЫЙ...», <i>стихи</i>	9-10
Антон		
КОЛОКОЛОВ	ГОЛОД, <i>новелла</i>	5-6
Илья	«НЕ ТЕРЯЯ	
ПРОХОРОВ	СВОЕ ПРИЗВАНЬЕ...», <i>стихи</i>	7-8
Литературный конкурс журнала «Север» СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА		
Юлия		
БОДНАРЮК	КОТ, <i>рассказ</i>	9-10
Георгий	КАК МЫ ВСТРЕТИЛИ	
ГОРЬКИЙ	НОВОЕ ВРЕМЯ, <i>non-fiction</i>	5-6
Роман		
КАЗИМИРСКИЙ	ЗЕЛЕНЫЙ ШЕПОТ, <i>повесть</i>	11-12
Евгений	«ВЫ СПЕШИЛИ,	
КУРОЧКИН	А ГОРОД СТОЯЛ...», <i>стихи</i>	7-8
Алексей		
ПЕНДРАКОВСКИЙ	КОНИ, <i>рассказ</i>	1-2
Юлия		
ПОПОВА	ПЛОХОЙ ЧЕЛОВЕК, <i>рассказ</i>	7-8
Александра		
ПОЯРКОВА	В ГОРОДЕ N., <i>рассказ</i>	1-2
Дмитрий		
САЗОНОВ	В ГОСТЯХ У Ф.М., <i>рассказ</i>	3-4
Анна	«НА ОЗЕРНОМ БЕРЕГУ	
СОСНОВА	СЯДУ ТИХАЯ...», <i>стихи</i>	11-12
Александр	«ВНИМАНИЕ, ГРАЖДАН-	
ТИХОНОВ	СКИХ НЕ БРОСАТЬ...», <i>стихи</i>	1-2
Екатерина		
ХАРЛАМПИЕВА	ОСЕННЯЯ ОХОТА, <i>рассказ</i>	3-4

МОНПАНСЬЕ

ЛЕПОТА; СОВЫ ГОРОДА	
Владислав СУДАРУШКИНА; ТАНЦУЮ-	
БАХРЕВСКИЙ ЩИЙ НА ДЮНАХ, <i>сказки</i>	5-6
Илья	
ИЛЬИН БАБУШКИНА МЕДАЛЬ, <i>рассказ</i>	9-10
Елена СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ,	
ПИЕТИЛЯЙНЕН <i>рассказ</i>	1-2
Юрий «СКОЛЬЗЯ, ПЫХТЯ,	
ПОЛЯКОВ БУКСУЯ...», <i>стихи</i>	9-10
Марина	
СТРУКОВА КОТ УЧЕНЫЙ, <i>сказка</i>	1-2
Андрей «МНЕ ОЧЕНЬ НУЖНО,	
СУНГУРОВ МНЕ ОЧЕНЬ НАДО...», <i>стихи</i>	11-12

ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей МЫ ВСТРЕТИМСЯ С ТОБОЙ	
АКСЕНТЬЕВ НА ОСТРОВЕ ВАЙГАЧ...	7-8
Владимир	
БОНДАРЕНКО «СЕВЕРНЫЙ КРАЙ, УКРОЙ...»	1-2
Игорь ОКРЕСТНОСТИ СОРТАВАЛЫ	
БОРИСОВ С ВЫСОТЫ КУХАВУОРИ	5-6
Андрей	
БОРОДИН ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА	7-8
Валерий	
ВЕРХОГЛЯДОВ ПЕТРОЗАВОДСКИЕ ПУШКИ	7-8
Валерий КОГДА ЗЕМЛЯ	
ВЕРХОГЛЯДОВ БЫЛА ПЛОСКОЙ	11-12
Анатолий «ЭНТУЗИАСТЫ ОБЕСПЕ-	
ВОРОНИН ЧИВАЮТ РАЗВИТИЕ...»	9-10
Константин	
ГНЕТНЕВ ВЫПЬЕМ ЗА ТЕХ...	7-8
НАШ ГОРОД СОРТАВАЛА –	
Леонид ЭТО КУЛЬТУРНАЯ	
ГУЛЕВИЧ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ	5-6
Михаил «Я БЫ ЗВЕЗДУ ЭТУ	
ДАНКОВ СЫНУ ОТДАЛ...»	5-6
Юрий ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАПОЛЯРЬЕ	
ДЮЖЕВ ВОЕННЫХ ЛЕТ	5-6

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр ПОДАРОК ПЕТРОЗАВОДЧАНАМ	
ЕРШОВ ОТ ЭНЕРГЕТИКОВ	1-2
Александр ОСТРОВ, ПОХОЖИЙ	
ЕРШОВ НА БУМЕРАНГ	11-12
Анатолий	
ЖДАНОВ ВОЕННОЕ ДЕТСТВО	3-4
Сергей ВИЗАНТИЙСКОЕ ПРОШЛОЕ	
ИВАНОВ ЕВРОПЫ	1-2
Сергей	
КАТАНАНДОВ «...КУЗНЕЦ ОЧЕНЬ ВАЖЕН...»	9-10
ЗАСТИГНУТЫЕ НОЧЬЮ	1-2,
<i>книга вторая</i>	3-4,
Николай ЛИХИЕ И СВЯТЫЕ	5-6,
КОНЯЕВ ДЕВЯНОСТЫЕ	7-8
Александр АБХАЗИЯ: ВОЙНА И МИР	9-10,
КОСТЮНИН (<i>дневники поездки</i>)	11-12
Павел МОРЯК	
КРЕНЕВ СО «СТРЕМИТЕЛЬНОГО»	7-8
Алексей ПАРОЛЬ – «ПЕЛАГЕЯ»	
КУДРЯШОВ <i>очерк-расследование</i>	1-2
Алексей ЕЕ ПОДЛИННОЕ ИМЯ	
КУДРЯШОВ («Пароль – «Пелагея» – <i>новая глава</i>)	3-4
Алексей ПЛЕННИК «СВЯТОЙ АННЫ»	
КУДРЯШОВ <i>очерк-расследование</i>	11-12
Артем СКВОЗНЯКИ ВРЕМЕНИ	
КУЛЯБИН ОТКРЫТАЯ ДУША	1-2
Артем (<i>лирика Сергея Чухина</i>)	
КУЛЯБИН КЛЮЕВ И ЕСЕНИН	9-10
<i>(диалог русских поэтов)</i>	
Елена <i>в свете калевальского сюжета</i>	
МАРКОВА <i>о состязании в пени</i>)	5-6
«...ЛИТЕРАТУРА СОЗДАЛА	
Владимир НАШЕ ГОСУДАРСТВО-	
МЕДИНСКИЙ ЦИВИЛИЗАЦИЮ...»	5-6
Андрей	
НЕЛИДОВ,	
Дмитрий «МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО –	
ДЮГАЙ НЕ РАБОТА, А ПРИЗВАНИЕ»	3-4

ПУБЛИЦИСТИКА

Елена У НОВОГО ПОРОГА	
ПИЕТИЛЯЙНЕН <i>(журналу «Север» 75 лет)</i>	9-10
ЛЕЙТЕНАНТ АБРАМОВ	
Михаил ПРОТИВ АДМИРАЛА	
ПОПОВ КАНАРИСА	5-6
Андрей РОЖДЕНИЕ	
РАСТОРГУЕВ КОЛЬСКОГО ЭПОСА	9-10
Иван	
РОГОЩЕНКОВ СЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК	1-2
Иван	
РОГОЩЕНКОВ ТРЕЗВЕНИЕ ДУХА	9-10
Елена КРЕПКА КИТАЙСКАЯ СТЕНА	
РОДЧЕНКОВА <i>воспоминания о В. Распутине</i>	7-8
«СУРОВАЯ	
Вячеслав СОЛДАТСКАЯ ПРАВДА»	
САВАТЕЕВ <i>(о военной прозе «оттепели»</i>	5-6
ВЫВЕРЯТЬ ЛИТЕРАТУРУ	
ЖИЗНЬЮ <i>(О «военной страде</i>	
<i>в тылу» в тетралогии</i>	
<i>Ф.А.Абрамова «Пряслины»</i>	
<i>и о нравственной высоте</i>	
Вера <i>сельских тружеников.</i>	
СЕРАФИМОВА <i>Поэтика прозы.</i>	9-10
Елена «КАЛЕВАЛА» В РУССКОЙ	
СОЙНИ ПОЭЗИИ 1900–1910-х ГОДОВ	5-6
Людмила	
ТЕРВОНЕН СЛОВО О ГОРОДЕ	5-6
СОН В ЯСНУЮ НОЧЬ	
Сергей <i>(партизанский рейд на Линдому</i>	
ТИТОВ <i>16 – 17 января 1943 г.)</i>	5-6
Вадимир ОТНЮДЬ НЕ О ФАНТАСТИКЕ,	
ТРУСОВ НО И О НЕЙ НЕМНОГО...	3-4
Александр	
ХУДИЛАЙНЕН «ЖИЗНЬ – ЭТО ДВИЖЕНИЕ...»	7-8
Петр	
ЧАЛЫЙ ПОСРЕДИ СТУДЕННЫХ ВОЛН	3-4

ПУБЛИЦИСТИКА

Ирина	
ЧЕБОКСАРОВА РАЗОРВАННАЯ СИНЕВА	3-4
Евгений	
ЯНОЧКИН В МАЕ НА ЯМАЛЕ	3-4

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Елена МЕТКАЯ	
БЕРМУС «ЕДИНСТВЕННАЯ СТРЕЛА»	7-8
Михаил	
ГОЛУБКОВ, ВРЕМЯ НАСТАЛО:	
Дарья <i>Сергей Куняев</i>	
КРОТОВА <i>о Николае Клюеве и его эпохе</i>	11-12
Дмитрий ПИР НАРОДОВ	
ГОРОХ НА ЗЕМЛЕ ВИРА	11-12
ДОБРОЕ СЛОВО В АДРЕС	
Борис ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ	
ГУЩИН ПИМЕНОВЫХ	1-2
Артем «КАКАЯ ЖИЗНЬ –	
КУЛЯБИН ТАКИЕ И ПЕСНИ»	5-6
Юрий	
ЛИННИК МИССИЯ ПАМЯТИ	5-6
Наталья	
МЕЛЁХИНА В ЕДИНОЙ СВЯЗКЕ	1-2
Вениамин «РЫЖИЙ СНЕГ»	
СЛЕПКОВ СВЕТЛАНЫ ВЬЮГИНОЙ	1-2
Вениамин ИСТОРИЯ ОСВОЕНИЯ	
СЛЕПКОВ КАРЕЛЬСКОГО ЛЕСА	9-10
Валерий	
СУЗИ НЕОБЫЧНАЯ КНИГА	7-8
Алексей РЯБЧИКИ КАК СИМВОЛ	
ФИЛИМОНОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	9-10
Вениамин	
ЯШИН СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦА	7-8

Этот номер для Вас подготовили:

Елена Пиетияйнен
главный редактор

Евгений Кудрявцев
дизайн, верстка

Александр Воронин
редактор
отдела поэзии
и сайта журнала

Елена Бермус
редактор отдела
прозы

Вениамин Слепков
редактор отдела
очерка и публицистики

Людмила Шананина
корректор

Наталья Евдокимова
секретарь

Редакционный Совет

Большакова Надежда (Мурманская обл.)

Васильева Надежда (Петрозаводск)

Востряков Игорь (Петрозаводск)

Гнетнев Константин (Петрозаводск)

Крапивин Владислав (Тюмень)

Ковалев Александр (Санкт-Петербург)

Лемесов Валерий (Швеция)

Маркова Елена (Петрозаводск)

Миккола Мария-Леена (Финляндия)

Минеева Инна (Петрозаводск)

Мустонен Раиса (Петрозаводск)

Переяслов Николай (Москва)

Пиетияйнен Елена (Петрозаводск)

Попов Андрей (Сыктывкар)

Пронин Сергей (Петрозаводск)

Соломещ Илья (Петрозаводск)

Журнал зарегистрирован Министерством РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № 77-3570 от 31.05.2000 г.

Цена договорная